

85.101
B68

КР III 1534282

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ**

**ВЛАДИМИР
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ВОРОПАНОВ**

Вологодская областная картинная галерея

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ**

**ВЛАДИМИР
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ВОРОПАНОВ**

Вологда
«Арника»
2021

ДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)
~~Б57~~

Редакционная комиссия: научный редактор — Воропанов В. В.,
члены: Фалалеева Г. В., Балашова И. Б., Птухин С. Ф.

Составитель: Балашова И. Б.

Балашова И. Б.

Вологодская областная картинная галерея. Владимир
Б57 Валентинович Воропанов. – Вологда : Арника, 2021. – 167 с. :
ил. – 12+

ISBN 978-5-4429-0090-3

Настоящий сборник посвящен одному из популярнейших учреждений культуры Вологодчины — областной картинной галерее и Владимиру Валентиновичу Воропанову, руководившему ею в 1981-2018 годах. Судьба человека и учреждения оказались неразрывно и навсегда связаны.

В первой части книги впервые публикуется, основанная исключительно на архивных документах история галереи, начиная с момента ее учреждения в 1952 году до 1979 года; последующее развитие предстает в воспоминаниях В.В. Воропанова. Вторая часть сборника отведена воспоминаниям друзей, коллег, соратников о жизненном и профессиональном пути Владимира Валентиновича.

Это эссе, авторами которых являются народные и заслуженные художники РФ, заслуженные деятели культуры РСФСР и заслуженные работники культуры РФ, кандидаты исторических наук и филологии, видные искусствоведы, журналисты, работники культуры.

Книга иллюстрирована фотоматериалами из архивов ВОКГ и В.В. Воропанова, репродукциями произведений, хранящихся в ВОКГ.

Издание рассчитано на всех интересующихся историей художественной культуры Вологодской области.

ISBN 978-5-4429-0090-3

ДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)

© ВОКГ, иллюстрации, 2021
© Балашова И. Б., составление, 2021
© Издательство «Арника», оформление, 2021

Содержание

I. Вступление:

— директор БУК ВО «ВОКГ» Фалалева Г.В.....	4
— зам. директора по научной работе БУК ВО «ВОКГ» Балашова И.Б.....	5

II. История картинной галереи:

Балашова И. Б. Основание картинной галереи. 1950-е годы.....	7
Балашова И. Б. Становление картинной галереи. 1960-1970-е годы.....	20
Воропанов В. В. Картинная галерея — моя судьба. 1980-2018.....	51

III. Картинная галерея и ее сподвижники.

Воспоминания и размышления:

Соснина Л. Г. Команда молодости нашей.....	102
Рыбаков А. А. Мир искусства Вологды нашего времени.....	105
Баранов С. Ю. Из категории подвижников.....	109
Щекина Г. А. Оазис свободы, творчества и вдохновения.....	110
Серебренник С. С. Храм искусства.....	115
Суханов Ф. А. Слово о друге.....	116
Суховецкий А. Н. Человек, к суждению которого прислушивается художник.....	116
Мишуста Н. И. Личность, всецело преданная искусству.....	117

IV. Путь директора картинной галереи.

Воспоминания о В. В. Воропанове:

Воропанов В. А. Родословная Воропановых.....	120
Белова О. С. Это было недавно, это было давно.....	123
Ведерников В. В. Товарищ лучших дней.....	124
Балашова И. Б. Владимир Валентинович Воропанов — директор, коллега, человек.....	138
Серова Н. С. Воропанов. Выбранный путь.....	142
Авдюшкина Н. Н. Интеллектуальный рай Владимира Воропанова.....	144
Денежкина О. А. Искусство — главное в его работе и жизни.....	147
Канунова Т. Н. Искусство будет жить вечно.....	148
Вячеславов М. Г. О Клубе любителей искусства.....	151
Птухин С. Ф. Как в Вологодской картинной галерее появился президент международной федерации.....	152
Верхоланцев М. М. Слово о галерее.....	157
Саутина Н. И. О роли личности в истории.....	159
Строганов Л. В. Замечательная команда единомышленников.....	163

Основные сведения о жизни и творчестве В. В. Воропанова

.....	165
-------	-----

Список сокращений

.....	167
-------	-----

Владимир Валентинович Воропанов — искусствовед, высочайший профессионал в сферах изобразительного искусства и музейного дела.

Вся его жизнь была посвящена служению великому искусству и развитию Вологодской областной картинной галереи, которую он возглавлял более 37 лет.

Под руководством Владимира Валентиновича жизнь галереи по всем направлениям — выставочное, научное, культурно-просветительское, издательское — вышла на совершенно новый уровень. Итог его работы — сотни масштабных выставок, ставших незабываемыми событиями культурной жизни Вологодчины и всей России, новые выставочные площадки — Шаламовский дом, Мемориальная мастерская заслуженного художника РСФСР А. В. Пантелеева, Музейно-творческий центр народного художника России В. Н. Корбакова, ценнейший фонд музейной научной библиотеки, сформированный по его инициативе и при непосредственном личном участии, десятки высокохудожественных и научных изданий, выпущенных в свет галереей, уникальные творческие проекты от цикла «Антология мировой художественной культуры. Поэзия. Живопись. Музыка» до XXXVI Всемирного конгресса экслибриса.

Эта книга, безусловно, посвящена Владимиру Валентиновичу Воропанову, но, поскольку вся его профессиональная жизнь неотделима от Вологодской областной картинной галереи, главных героев в повествовании невольно становится два.

Центральное место в издании занимают воспоминания В. В. Воропанова, написанные присущим ему образно-художественным, очень живым языком. В каждой строчке буквально слышится его голос, такие знакомые, неповторимые интонации его речи.

Воспоминания коллег, родных и друзей, созданные в период работы над книгой — в 2019-2021 годах, дополняя друг друга, раскрывают отличительные черты личности Владимира Воропанова, воссоздают спектр деятельности Вологодской областной картинной галереи и культурной жизни Вологодчины нескольких десятилетий.

Этот издательский проект стал заключительным в профессиональной судьбе В. В. Воропанова, но завершить работу над ним, к нашему величайшему сожалению, он не успел. Тем важнее, что книга издана в канун 67-летия со дня рождения Владимира Валентиновича.

Труд, созданный им самим и теми, кто занимал важное место в его жизни, является теперь документом времени и значимым вкладом в сохранение памяти о замечательном человеке, настоящем энтузиасте и подвижнике, жившем и дышавшем искусством и преобразившем силой искусства жизнь тысяч вологжан.

От имени Вологодской областной картинной галереи сердечно благодарю всех, кто работал над созданием книги. Особые слова признательности — издательству «Арника» за реализацию выхода издания в свет.

*Галина ФАЛАПЕЕВА,
директор Вологодской областной картинной галереи*

От составителя

Идея настоящего сборника возникла в 2019 году у Федора Александровича Суханова — директора издательства «Арника», с которым Вологодская областная картинная галерея многие годы сотрудничает, друга Владимира Валентиновича Воропанова. Он как-то сказал: «Всё забывается так быстро, и Воропанова забывают, надо книгу о нем делать, писать о нем». И мы взялись: сообщили друзьям, художникам, искусствоведам с просьбой написать о директоре галереи. Когда тексты стали приходиться, Владимир Валентинович читал их, редактировал. Он, привыкший созидать, продумал всё: состав книги, обложку, расположение воспоминаний, названия частей, самой книги. Мы придерживались всех его рекомендаций.

Владимир Валентинович решил, что неудобно делать книгу только о нем, надо и о галерее. Тем более — аторы писали много и о галерее, ведь человек, который более 40 лет проработал в учреждении и 37 лет был его директором, неотделим от него. У меня на основе архивов давно был собран материал по истории галереи, со дня ее открытия в 1952 году до 1979 года, его и решили поставить в начало. Затем шли замечательные воспоминания самого Владимира Валентиновича о своей работе, о детстве и юности, пронизанных искусством. После этого следовали воспоминания о нем друзей, коллег, художников. Казалось бы, все говорили об одном, а получилась многогранная, объемная история учреждения и человека, ставших неразрывными навсегда.

И теперь, когда Владимира Валентиновича уже нет с нами, сделать книгу о нем, которую мы начинали еще при его жизни, стало делом чести и сердца.

Ирина БАЛАШОВА

ИСТОРИЯ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

Вологодской областной картинной галерее в 2022 году исполняется 70 лет. Казалось бы, срок небольшой, но, оказывается, историю ее мы знаем явно недостаточно. Те краткие сведения, которые давались по этому вопросу в разных изданиях, очень расплывчаты, а зачастую и неверны. Поэтому мы решили исправить сложившееся положение, воздав дань уважения нашим предшественникам, проследив их трудный путь шаг за шагом, говоря о большом и о малом, основываясь исключительно на материалах Государственного архива Вологодской области.

Ирина БАЛАШОВА,
заместитель директора ВОКГ по научной работе,
кандидат искусствоведения

ОСНОВАНИЕ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ (1950-Е ГОДЫ)

1952 год

Решением Вологодского облисполкома от 17 января 1952 года открытие картинной галереи планировалось на 1-й квартал, но этого не произошло, и уже на основании приказа № 45 от 24 июня 1952 года по областному отделу по делам искусств Вологодского облисполкома картинная галерея была создана: об этом сообщается в приказе № 1 по галерее от 1 июля 1952 года. Директором был назначен Философ Павлович Куропатников, краевед, одно время возглавлявший Вологодский областной краеведческий музей. Он занимался живописью и участвовал в областных выставках самодеятельных художников. Кроме него в штатном расписании нового учреждения значились бухгалтер, смотритель, уборщица, дворник, истопник. В сентябре на работу в должности научного сотрудника приняли Капитолину Николаевну Федотову, которая навсегда свяжет свою судьбу с галереей, проработав в ней 33 года.

13 июля 1952 года специальной комиссией был проведен технический осмотр здания бывшего Воскресенского собора, в котором разместилась галерея. На куполе здания постройки XVIII века обнаружили трещину, но не прогрессирующую, поэтому на первых порах решили ограничиться косметическим ремонтом, сделать побелку, покраску, изготовить щиты для развески картин.

Работа галереи начиналась практически с нуля — ни одного экспоната не имелось, поэтому весь год, как и многие последующие, велась переписка с ведущими музеями страны, министерствами культуры РСФСР и СССР о передаче картин из вспомогательных фондов в новую галерею. Из Государственной Третьяковской галереи директор просил выделить произведения, касающиеся деятельности К. Н. Батюшкова, А. Ф. Можайского, В. В. Верещагина и других выдающихся вологжан, из Эрмитажа — материалы эпохи Ивана Грозного и Петра I. Характер этих просьб свидетельствовал об историко-краеведческом подходе к комплектованию будущей коллекции. Но оба музея на эти заявки не отреагировали. Кроме этого, директор написал в организацию «Всекохудожник»: «ВОКГ официально существует и находится в стадии организации — пока не все здание ее свободно, поэтому просим направить выставку подобно той, которая проходила весной этого года». Имелась в виду выставка 1952 года, организованная под эгидой краеведческого музея.

Первое время, пока отсутствовали экспонаты, галерея проводила выставки из репродукционного материала по историко-патриотической тематике, что больше соответствовало профилю краеведческого музея, но зато полностью отвечало идеологическим задачам того времени: «29 лет без Ленина под руководством Сталина», «Жизнь и деятельность Сталина», «Ленин и Сталин в изобразительном искусстве», «Женщина в СССР». Была прочитана лекция «Чапаев — герой Гражданской войны». В школе № 8 Вологды были проведены беседы о жизни и творчестве И. Е. Репина и И. И. Левитана.

В ноябре из отдела по делам искусств при Вологодском облисполкоме в галерею передали коллекцию из 59 картин вологодских художников. Это были работы, выполненные в 1940-50-е годы по заказу товарищества «Художник», которые не отличались высоким художественным уровнем, поэтому позднее по приказу министерства культуры РСФСР их из ВОКГ передали в различные районные учреждения культуры.

20 октября была составлена смета на ремонт здания, и вот что указывалось в ней: «Художественное оформление вестибюля: фресковое панно в стильно-рельефном обрамлении, барельефы над входами, пилястры, гербы РСФСР, карнизы по стенам второго вестибюля, арки на цитах при входе в большой зал». Судя по фотографиям, частично эти планы были осуществлены.

25 ноября по областному отделу по делам искусств был издан приказ в связи с проведением областной выставки самодеятельных художников. Для подготовки и проведения выставки была создана специальная комиссия во главе с директором Дома народного творчества О. Е. Бадаевым. Членами ее были председатель

товарищества «Художник» А. Д. Хрусталева, председатель Вологодской организации Союза художников СССР Н. И. Крюков, директор ВОКГ Ф. П. Куропатников и другие. Комиссией был разработан экспозиционный план выставки, а облсовпроф заключил с галереей договор и перевел на все виды работ пять тысяч рублей.

И вот 28 декабря 1952 года состоялось открытие первой в истории Вологодской областной картинной галереи выставки. Она состояла из двух разделов: в первом зале экспонировались произведения профессиональных мастеров товарищества «Художник» и Вологодской организации СХ СССР, во втором и третьем залах — работы художников-любителей, рабочих и служащих и членов их семей. Всего в выставке участвовало 180 авторов из 13 районов Вологодчины. Они прислали 478 произведений, из них 98 живописных работ, 132 — графических, 7 — скульптур, 241 — предмет декоративно-прикладного искусства; особенно много было кружева и вышивки. Надо вспомнить, какое огромное распространение в 1950-е годы имела вышивка среди женского населения, а кружево плели в крае исстари.

Выставка пользовалась большим успехом, поэтому по просьбам зрителей ее продлили до 3 марта 1953 года вместо запланированного закрытия 25 января. Вологжанам и гостями города был написан целый альбом восторженных отзывов, среди них были и лаконичные мнения знатоков: «Эта выставка лучше в несколько раз, чем предыдущая в 1949 году, но много и сырых работ».

Для удобства посетителей галерея работала до девяти часов вечера, а с 16.00 до 21.00 на выставке дежурил консультант, дававший необходимые разъяснения и проводивший экскурсии. В результате выставку посетили 32 тысячи человек, было проведено 136 экскурсий. Организация выставки отличалась высоким уровнем — были изданы каталог и афиша. Выставка активно освещалась в прессе, по областному радио прошла информация об открытии, ходе работы и итогах. В газете «Красный Север» вышла статья К. Н. Федотовой «В картинной галерее в предвыборные дни». Но были и недостатки, они касались помещения галереи; зрители отмечали слабое электрическое освещение, бедность оформления, неуютность, холод в залах, где температура выше +8-10 градусов не поднималась.

По итогам выставки прошли две конференции. По разделу самостоятельного творчества ее проводил Дом народного творчества: был сделан анализ выставки, отмечены достоинства и недостатки работ, авторам даны методические рекомендации. Лучшие работы были направлены на Всесоюзную выставку самостоятельного творчества в Москву, а работы Г. М. Азова (Вологда), С. М. Смирнова (Чебсара), М. М. Кудрявцева (Кичменгский Городок) закуплены для Вологодской картинной галереи. После выставки многие художники-любители писали в галерею: так один из них на предложение продать работу отвечал: «Продавать считаю недостойным» — и просил оплатить ему материал и раму, а саму картину отдал бесплатно.

Профессиональный раздел выставки рассматривался на конференции 19 марта. На нее приехали специалисты из «Всекохудожника» — искусствовед Борунова и художник А. Л. Костин. От наших художников выступал с докладом председатель Вологодской организации СХ СССР Н. И. Крюков.

1953 год

Главной задачей руководства культуры области и картинной галереи было торжественное открытие этого нового в крае музея как постоянно действующего учреждения с постоянной экспозицией художественных произведений. Прежде всего нужно было привести в порядок само здание. И после закрытия областной выставки в январе в залах галереи начался плановый ремонт. Собирались завершить его и открыть ВОКГ к празднику 1 Мая. Но, как указывал в объяснительной записке директор галереи Ф. П. Куропатников, причинами, не позволившими это сделать, стали неудачное распределение штатного состава и отсутствие лимитов на ремонт. Но причины заключались и в том, что открывать галерею было не с чем, не было картин. В краеведческом музее не торопились передавать произведения изобразительного искусства, как было приказано. Поэтому 6 июля назначили комиссию по отбору картин из музея, а открытие галереи перенесли на 25 сентября.

С 10 марта 1953 года заявки Вологодской галереи, наконец, начали исполняться — комитет по делам искусств при Совмине РСФСР передал «Портрет Сталина» Н. Ф. Титова и А. С. Пруцкого и комплект эстампов советских художников. Слух о появлении новой галереи распространился за пределы области, и в Вологду стали приходить разнообразные предложения. Так, из Ленинграда некий И. Д. Захаров, возглавлявший изостудию, предложил написать для галереи картины на военно-морскую тематику. Из-за отсутствия средств от предложения отказались.

31 марта был намечен план мероприятий по культурному обслуживанию колхозников в период весенне-полевых работ. По колхозам Вологодского района с чтением лекций и беседами ездили директор галереи и художники А. Д. Хрусталева и Н. И. Крюков. Так с самого начала своего существования картинная галерея Вологды активно сотрудничала с художниками.

В начале сентября в здании бывшего Воскресенского собора работала комиссия по приемке ремонта. В докладной записке старшего инженера сообщалось, что ремонтные работы задержаны, допущен перерасход средств, а качество исполнения низкое, изготовлено 12 стендов для развески картин площадью 180 кв. м. Открывать галерею в таком состоянии нельзя — таково было заключение комиссии.

11 сентября управлением культуры при Вологодском облисполкоме был издан приказ № 59 о назначении на должность директора ВОКГ Семена Георгиевича Ивенского. Это был молодой специалист, выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина по факультету истории и теории изобразительного искусства, специально распределенный в наш город. С его появлением картинная галерея в Вологде превратится в настоящий художественный музей и по многим показателям будет опережать другие подобные учреждения. В Вологде С. Г. Ивенский вырос в большого ученого, крупнейшего в СССР специалиста по такому своеобразному и тогда еще малоизученному виду графики, как экслибрис. Благодаря Ивенскому в областном центре в 1960-е годы начнется бурное развитие графики, ставшей заметным явлением в советском изобразительном искусстве.

Готовясь к открытию галереи, новый директор и научный сотрудник К. Н. Федотова вели утомительную переписку с музеями о передаче произведений, в частности, с московскими учреждениями культуры о передаче картины вологодского живописца Н. И. Крюкова «Вологодские кружевницы», закупленной «Всекохудожником» для галереи. Вместо отправки полотна в Вологду, как было постановлено решением МК РСФСР, оно было незаконно продано в московский кинотеатр на Арбате. С. Г. Ивенский грозился обратиться к заместителю министра культуры РСФСР, он писал: «Эта картина — единственное жанровое полотно советского периода, и ее наличие в экспозиции крайне необходимо». В результате 28 октября картина наконец поступила в галерею.

В конце 1953 года Вологодская картинная галерея делает свой первый отчет. В результате активной собирательской деятельности формируется коллекция, насчитывающая 375 экспонатов, из них 233 произведения живописи, 83 — графики, 9 — скульптуры, 9 — декоративно-прикладного искусства, 41 — мебели, 449 книг, из них 169 переданы из ВОКМ. В результате можно говорить о трех разделах: советского, русского дореволюционного и западноевропейского искусства. Но уровень экспонатов еще невысок. Произведения поступали от закупочного фонда МК РСФСР, ВОКМ, управления культуры Вологодского облисполкома, бывшего товарищества «Художник» в Вологде. Первые дары пришли из Ленинграда — от искусствоведа П. Е. Корнилова, многолетнего друга и помощника галереи, и художника П. П. Белоусова.

В течение года С. Г. Ивенский читал лекции о творчестве И. И. Левитана, А. И. Куинджи, К. П. Брюллова, А. А. Иванова, В. Г. Перова, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, также по марксистско-ленинской эстетике. К. Н. Федотовой выступала с лекциями: «Ленин и Сталин в изобразительном искусстве», «Русская жанровая живопись II-й половины XIX века», «Творчество С. А. Коровина».

В конце года в залах была построена экспозиция, а 8 декабря была создана специальная комиссия по составлению акта о состоянии подготовки галереи к открытию. Акт состоял из 11 пунктов. Перечислим наиболее важные положения.

1) Главный пробел в экспозиции — слабо представлена советская живопись, нет серьезных полотен на важные темы, в результате получается сильный разрыв между профессиональным уровнем дореволюционной и советской живописи.

2) В дореволюционном разделе нет картин выдающихся художников — И. Е. Репина, В. И. Сурикова, В. Г. Перова, И. И. Шишкина. Нет картин на темы борьбы против социальной несправедливости в царской России.

3) В разделе «Русский Север» нет картин В. В. Верещагина.

4) Слабо освещение, обязать «Водосвет» давать необходимое количество электроэнергии в галерею.

5) Плохое отопление — наладить работу печи.

6) Улучшить интерьер — нужны дорожки и ковры, монументальной скульптурой выделить центр среднего зала, поставить пять диванов, дополнительно повесить люстру.

7) После открытия галереи проводить выставки из репродукций, посвященные памятным датам. Проводить выставки вологодских художников.

8) Вологодскому облисполкому обратиться с письмом в Совмин СССР и ЦК КПСС о выделении для ВОКГ произведений дореволюционного и особенно советского искусства.

1954 год

Все начало 1954 года шла лихорадочная подготовка к открытию галереи, продолжалась настойчивая переписка с крупнейшими музеями страны и министерствами культуры СССР и РСФСР. В экспозицию внесли дополнения — тексты аннотаций на стенах, приведены цитаты из работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма» и Г. М. Маленкова — из «Отчетного доклада XIX съезда партии о работе ЦК ВКП (б)», в зале западноевропейского искусства добавлены три слепка с фрагментов античных статуй: «Голова Геракла», «Голова Зевса», уменьшенная мраморная копия «Венеры Милосской».

9 февраля состоялась еще одна комиссия по приемке постоянной экспозиции ВОКГ. В решении было указано, что в основном она готова, и приведены следующие недочеты, которые требовалось устранить:

- 1) Картину А. М. Герасимова «Ленин на трибуне» оформить в хорошую раму.
- 2) Снять таблички «Картина в пути».
- 3) Не показывать слепок «Головы Христа» Торвальдсена (религиозная тематика).

И вот, наконец, день долгожданного открытия приблизился. 11 февраля по радио прозвучала информация о предстоящем событии, сообщалось о том, какие произведения увидит зритель. 12 февраля в 12 часов волнующее событие произошло. Интерьер бывшего Воскресенского собора был поделен на три зала. В первом на самом видном месте экспонировались авторское повторение знаменитой картины А. М. Герасимова «Ленин на трибуне», «Портрет Сталина» Н. Ф. Титова и А. С. Пруцкого, «Вологодские кружевницы» Н. И. Крюкова, графические работы П. П. Белоусова, П. А. Шиллинговского и других советских авторов. Во втором, самом большом зале располагался раздел русского дореволюционного искусства, его украшали картины П. С. Тюриня, пейзажи маринистов, картина В. Е. Маковского «Иконописец», пейзажи И. И. Левитана, В. Д. Поленова, натюрморт В. А. Серова. Отдельный стенд был посвящен Русскому Северу, знакомя с пейзажами А. А. Борисова, Ф. М. Вахрушова, Д. Э. Мартэна, Л. Ф. Пищалкина. В третьем зале размещались произведения западноевропейской живописи и скульптуры XVII-XIX веков мастеров голландской, фламандской, французской, швейцарской, итальянской школ. Всего в галерее демонстрировалось 140 произведений живописи, 57 — графики, 8 — скульптуры, 28 предметов старинной мебели.

По поводу состоявшегося открытия в газете «Красный Север» была помещена статья с фотографией, на которой мы видим посетителей, любующихся картиной Н. И. Крюкова «Вологодские кружевницы». Эта картина надолго стала «гвоздем» советского раздела экспозиции.

Но и после открытия галереи продолжалась активная работа по комплектованию фонда произведений. Директор съездил в крупные художественные музеи Горького и Саратова и отобрал там довольно представительную коллекцию. Из Воронежского музея предложили передать 30 произведений ведущих советских авторов. Государственная Третьяковская галерея и Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина передали в Вологду небольшие коллекции живописи и графики, от МК СССР поступила скульптура советских авторов — работы М. Г. Манизера «Ленин», З. С. Ракитиной «Зоя-десятиклассница», Д. Ю. Митлянского и Н. В. Богусhevской «Дочь Кореи».

В ноябре постоянная экспозиция пополнилась 34 произведениями, поступившими из музеев и МК РСФСР и СССР: И. К. Айвазовский «Лунная ночь» и «Корабли штилюют», Л. Ф. Лагорио «Ялта», М. К. Клодт «Сосновый лес», К. Е. Маковский «Женский портрет», А. К. Саврасов «Зима», В. Т. Тимофеев «Девочка с ягодами», Н. Н. Дубовской «Море», И. Д. Каширин «Портрет Л. А. Кузьминой-Караваевой с дочерью», Соколов «Голландский город», Ф. С. Журавлев «Отдых на сенокосе», В. Н. Бакшеев «Березовая аллея», Н. Г. Чернецов «Мужской портрет», «Грот в окрестностях Рима», С. А. Коровин «Этюд старика-крестьянина», Ю. Ю. Клевер «Зимний пейзаж», К. А. Трутовской «Малороссийская девушка», А. А. Борисов «Полночь на Мурмане», И. М. Прянишников «У тихой пристани», Д. Г. Левицкий (?) «Портрет неизвестного», П. И. Петровичев «Пейзаж», Л. В. Туржанский «В полдень», «Интерьер». В советском разделе появились: И. И. Машков «Натюрморт с крабами», С. А. Чуйков «Вечер в ауле», Н. М. Ромадин «Весна в Михайловском», Г. М. Шегаль «Начальник порта».

Посетители галереи активно записывали свои впечатления в книге отзывов. В те времена, когда о гласности не было и речи, эти книги становились своеобразным рупором мнений. Посетители были довольно смелы в оценках. Иногда они спорили друг с другом на этих страницах, и это ярко рисовало картину художественных вкусов тех лет. «Какое событие в жизни нашего города! Галерея открыта!.. Хотелось бы, чтобы среди прекрасных работ не было места таким, как «На Сабинских горах» Н. П. Ульянова и «Царскосельский пруд» З. Е. Серебряковой» (учитель). «После посещения галереи будем лучше разбираться в истории и литературе. Это будет служить нам справочником». Многие писали, что «надо больше картин, раскрывающих жизнь советского человека, так как надо воспитывать людей в новом духе, а не в прошлых, отсталых нравах». Очень многим нравились полотна Н. И. Крюкова «Вологодские кружевницы» и И. А. Гринюка «Зоя перед уходом на фронт», а когда неизвестный посетитель написал пасквиль на картину Крюкова, то другие поклонники изобразительного искусства требовали изъять его из книги отзывов. Встречалась и обоснованная критика: «Галерея бедна и по оформлению, и по произведениям. Нет нумерации залов, где начало, где конец. Нужен уют, надо отключиться от церковного вида. Цветы и побольше скульптуры для разнообразия». «Бюст Ленина на стуле, а корейского студента — на полу». Встречались очень образованные посетители, например, из Вильнюса и даже среди призывников. Многие посетители приходили группами и подписывались как артель «Симфония», «За культурный быт», «Марковская кирпичная артель».

Благодаря растущим фондам появилась возможность направить из постоянной экспозиции выставку из 33 картин в Череповецкий краеведческий музей.

Но не все шло так успешно. Русский музей, несмотря на распоряжение МК РСФСР, не передал галерее картины И. Е. Репина «Портрет М. М. Антокольского» и А. И. Куинджи «Днепр», желая произвести обмен этих произведений на иконы, считая, что произведения древнерусского искусства также принадлежат галерее, а не краеведческому музею.

Вторым важным событием после открытия постоянной экспозиции галереи в 1954 году стало проведение выставки «Западноевропейская гравюра XVI-XIX веков» из гравюрного кабинета ГМИИ им. А. С. Пушкина. Выставка была организована Дирекцией художественных выставок и панорам и побывала до Вологды в Кирове и Архангельске. Трудно переоценить значение этой грандиозной выставки: даже сегодня, в начале XXI века, она видится явлением чрезвычайным. Поражает качество представленного материала, что же касается организации выставки, то она стала образцом для подобных мероприятий на многие десятилетия вперед. Было привезено 189 подлинных гравюр на металле и литографий 30 зарубежных авторов. Назовем лишь самые прославленные имена. Резцовые гравюры Альбрехта Дюрера: «Портрет Филиппа Меланхтона», «Блудный сын», «Большая лошадь» (6), Альбрехта Альдорфера «Сатиры и нимфы», портреты Антониса ван Дейка, листы из серий «Темницы» и «Гробницы» Джованни Пиранези (8), офорты Питера Пауля Рубенса «Святая Екатерина», жанровые сцены Адриана ван Остаде, Рембрандта ван Рейна «Автопортрет с Саскией на коленях», «Нищие у дверей» (12), листы из серий «Каприччи», «Бедствия войны», «Балы» Жака Калло (12), композиции Дж. Тьеполо (3), лист из серии «Окрестности Венеции» Антонио Каналетто.

Для организации выставки такого масштаба из Москвы прибыли искусствоведы Евгения Злотник и Варвара Турова. Они привезли афиши, каталоги, листовки, пригласительные билеты. Столичными специалистами был составлен план мероприятий по подготовке и проведению выставки, на его основе начальник управления культуры Вологодского облисполкома издал приказ от 29 мая, по которому и шла вся подготовительная работа. По почте было разослано 500 приглашений по специально составленному списку, подписчикам газет и журналов разослали 3 тысячи листовок с рекламой выставки, через «Вологдасправку» было распространено 100 афиш, а 150 афиш — специально нанятым рассылным. У главного моста и на железнодорожном вокзале установили два рекламных щита, а в центре города был вывешен транспарант, в галерее установлен трехметровый стенд с текстом; в двух кинотеатрах перед началом сеансов на экране шла световая реклама, в киосках и театральных кассах распространили 300 листовок. Перед открытием по радио и в газетах была дана информация, а позже в газетах «Красный Север» и «Сталинская молодежь» появились статьи Е. Злотник. Сотрудники галереи выходили в организации, учреждения, на предприятия с рекламой выставки. К. Н. Федотова и И. М. Рупышева были подготовлены к проведению экскурсий.

Выставка была размещена в лучшем, центральном зале под куполом. Для этого произведения русского дореволюционного раздела частично переместили в третий зал западноевропейского искусства, в помещении фондов и отправлены на передвижную выставку в Череповец, сданы на временное хранение в ВОКМ.

Экспозиция была дополнена скульптурой, фарфором, декоративной мебелью из ВОКМ; праздничный характер придавали выставке цветы.

30 мая состоялось торжественное открытие выставки, оно было сфотографировано, как и вся экспозиция. Во время работы выставки из галереи велись радиорепортажи. Для удобства посетителей часы работы были передвинуты к вечеру: с 11.30 до 19.30. Выставка была продлена до 4 июля. В результате ее посетили 6230 человек, было проведено 50 экскурсий и 93 консультации, продано 400 каталогов. Отмечался высокий уровень экскурсий И. М. Рупышевой. Вот что писала директор выставки Е. Злотник: «Капитолина Николаевна и Ирмочка! Дорогие девушки, большое спасибо вам за ваше старание и настоящее патриотическое отношение к порученному вам важному делу. Ваше письмо-отчет читала Макарову (заместителю начальника дирекции выставок) — он доволен. Я думаю, вам пригодится работа по этой выставке — будете настоящими знатоками к следующей выставке». Так оно и вышло.

А уже 15 августа в галерее работала новая передвижная выставка — «Произведения советских художников с всесоюзных выставок». Было показано 200 произведений живописи, графики, скульптуры мастеров старшего поколения и выпускников московских и ленинградских художественных вузов. В центре главного зала был установлен проект памятника героям «Молодой гвардии» В. И. Мухиной, рядом экспонировались картины А. М. Герасимова — «Портрет артиста Москвина», Ф. П. Решетникова, А. П. Бубнова, В. П. Ефанова, иллюстрации Кукрыниксов к роману Горького «Мать», А. М. Каневского — к повестям Гоголя, Е. А. Кибрика — к русским былинам; рисунки Г. С. Верейского, скульптуры Н. В. Томского и М. Г. Манизера. Выставку отличал многонациональный состав ее авторов: С. Х. Юнтунен из Карелии, И. И. Бокшай с Карпат, Й. И. Калнын из Прибалтики, Л. В. Кабачек из Молдавии. Выставка рекламировалась по радио, распространялись рекламные листовки. В результате по выставке было проведено 95 экскурсий, всего посетителей — 10657 человек.

В течение года в галерее были организованы выставки из репродукций, посвященные памятным датам художников В. В. Верещагина (1842-1904), В. Д. Поленова (1844-1927), Леонардо да Винчи, проведены памятные вечера. К выставке Леонардо да Винчи был выпущен буклет с репродукциями.

Сотрудники картинной галереи имели возможность общаться с художниками, имеющими всеобщую известность. Так, весной 1954 года в вологодский край приехал лауреат Сталинской премии Николай Михайлович Ромадин. Целью визита было посещение деревни Ершово под Вологдой, а в мае он был командирован Художественным фондом СССР в Тотемский район для работы над пейзажами для Всесоюзной выставки в Москве. В результате появились прекрасные картины, часть из которых вскоре поступила в Вологодскую галерею. Общение научных сотрудников с этим выдающимся пейзажистом-лириком было чрезвычайно важно для профессионального роста коллектива музея.

В это же время началась переписка с народным художником СССР Анной Петровной Остроумовой-Лебедевой. В ВОКГ уже была акварель художницы «Сеговия» из испанской серии, но попытки приобрести ее знаменитые цветные ксилографии не приводили к успеху. Поэтому С. Г. Ивенский обратился прямо к прославленному автору. Анна Петровна согласилась подарить в Вологду несколько ксилографий с видами Петербурга. Вот что писала художница: «Картинную галерею в Вологде я знаю, так как много лет назад в ней устраивались выставки, на которых я участвовала, и очень рада, что эта галерея возрождается силами молодого коллектива» (она имела в виду выставки Северного кружка любителей изящных искусств в 1910-х годах). Художник дала советы, как надо экспонировать графику, которая не переносит пыли и солнечного света. Ивенский в свою очередь подробно сообщил, как оформляется графика в галерее и как экспонируется. После получения от художницы трех ксилографий он написал, что эти работы скоро войдут в экспозицию, и рассказывал, что «слева от Ваших работ акварели Е. Е. Лансере и масло Н. П. Ульянова, справа — К. Ф. Богаевский, «Воспоминание о Мانتенье» и «Деревья в Крыму». Он также пригласил Анну Петровну в гости.

Но у вновь открытой галереи имелись и серьезные проблемы. 27 июля директором было послано письмо заместителю министра культуры РСФСР по поводу условий работы: «В ближайшие дни в галерее будет открыт отдел допетровского искусства, поэтому предстоит закрыть экспозицию западноевропейского искусства. Помещение фондов крайне мало. В галерее нет места для лектория, нет кабинета для научных сотрудников. В галерее плохое освещение, а само помещение бывшего собора плохо приспособлено для экспонирования картин и рисунков». По этим причинам С. Г. Ивенский просил выделить сумму на проектно-сметную документацию по строительству нового здания для галереи — двухэтажного, прямоугольного, достаточно

освещенного, с помещениями для фондохранилищ, кабинетов сотрудников и подсобных. Надо отметить, что галерея в ту пору занимала только верхний этаж Воскресенского собора, а помещение бывшей ризницы еще не принадлежало учреждению, поэтому фонды, они же кабинет сотрудников и библиотека, размещались в узком небольшом помещении. В музее было всего два кабинета — крохотный директорский и уже названное помещение фондов. Из хозяйственных работ проводился ремонт кровли, чердачного помещения, перекладывалась верхняя дымовая труба, устраивались раздевалка и заднее входное крыльцо.

В 1954 году штат ВОКГ увеличился на две единицы научных сотрудников, ими стали Ирма Михайловна Рупышева и Валентина Андреевна Хвиц. Эти должности были назначены приказом МК РСФСР, а областным управлением культуры от 13 декабря 1954 года одна должность была сокращена. Вышли из положения благодаря тому, что К. Н. Федотова ушла в декрет и ее сократили. Когда она вернулась из отпуска, эту единицу пришлось содержать за счет собственных средств галереи.

1955 год

1955 год оказался не столь лихорадочно-блестящ как предыдущие, работа вошла в обычный каждодневный ритм. Новым являлась организация кружка рисования. В. А. Хвиц, сообщая о работе с учащимися, писала: «Решено организовать кружок рисования при галерее по вторникам при содействии гороно». В пединституте читался факультативный курс лекций по эстетике, нуждающиеся снабжались репродукциями для докладов. С. Г. Ивенский написал письмо директорам и преподавателям школ: «10 мая открывается кружок рисования, в среду с 15 до 17 часов директор и научные сотрудники дают консультации для преподавателей».

Вторым важным делом стала подготовка необходимых для каждого музея печатных изданий — «Путеводителя по залам галереи» и каталога. Укреплялись контакты с местными художниками — была проведена посмертная персональная выставка одного из зачинателей вологодской живописи В. В. Тимофеева (1886-1954) с каталогом. Это скромное издание выпустила Вологодская организация Союза художников, статья была написана искусствоведом А. Н. Муниным, отвечал за выпуск М. А. Ларичев, ученик В. В. Тимофеева. На выставке экспонировалось 58 произведений живописи и графики, в основном пейзажи этюдного плана, тематические картины, связанные с жизнью Сталина в Вологде.

В феврале прошла очередная отчетная выставка вологодских художников. Издание каталога осуществлял Союз художников, статью писал С. Г. Ивенский. В выставке участвовали 24 художника, среди них и сам Семен Георгиевич, показавший 19 пейзажных этюдов. Вот как он характеризовал выставку: «Значительны по замыслу и глубине решения пейзажи молодого М. А. Ларичева, успешно работаю в пейзаже С. И. Хрусталева и Е. В. Перова. Первые шаги вологодской графики страдают схематизмом и робки по выражению мысли. Впервые в Вологде в монументальной скульптуре выступает молодой скульптор Т. П. Контарева совместно с Г. П. Контаревым в работе над фонтаном». Судя по каталогу, выставка в основном состояла из этюдов. Тематические картины представили Н. И. Крюков, А. С. Усков, Б. А. Чередин, М. Д. Ларькин, П. М. Попов.

Готовя выставки художников-вологжан и бывая в мастерских, директор галереи видел, как плохо был организован их производственный быт, и написал письмо в высокие инстанции: «Условия плохи, помещение мало, Художественный фонд этим не занимается, а есть талантливая молодежь, это заметно на выставке этого года». Это не осталось незамеченным. МК РСФСР опубликовало письмо Управления музеев о работе в 1954 году, где был дан обзор деятельности музеев и Вологодская картинная галерея отмечена за активную работу с творческим союзом художников.

Проводились и передвижные выставки: в Доме офицеров Вологды — выставка китайского плаката, выставка репродукций, в кинотеатре им. Горького — выставка репродукций «Борьба за мир».

Было прочитано 12 лекций в пединституте, сельскохозяйственном техникуме, школах. Для лекций собиралась диатека, в библиотеке уже насчитывалось 480 книг, собирались и наклеивались в альбом вырезки из газет.

Директор, готовясь к выставке Ф. М. Вахрушова, ездил в Тотьму и Киев. От вдовы художника А. А. Рылова Сары Львовны поступила в дар картина «Паровоз ФД (Феликс Дзержинский)».

Зрители продолжали активно оценивать выставленные в галерее произведения: «Вологодская галерея — предмет законной гордости города, прекрасная для всего нашего Севера сокровищница великого искусства. Пусть она еще скромна по количеству полотен, но зато богата по качеству картин, по их содержанию». «Галерея обогатила меня знаниями, хорошими мыслями и впечатлениями. Ухожу с чувством высокого

духовного удовлетворения. Благодаря сотрудников за благородное дело, которое они выполняют любовно, увлеченно, преданно. Заслуженный учитель». «Поразила своей аляповатостью «Березовая балка» И. Э. Грабаря. Студент». Другой студент оспаривал эту точку зрения: «Напрасно Вы нападаете на нее, Грабаря надо понимать». Один посетитель предложил пополнить зал западноевропейского искусства копиями работ Дрезденской галереи, которые экспонировались в Москве. Другие писали следующее: «Хорошо бы краткое пояснение у картин и как попали сюда». «Среди тех музеев, которые мне пришлось посетить в разных городах СССР, Вологодская галерея обладает одним из лучших собраний картин наших художников. Нужно рекламировать ее и ставить вопрос об отоплении. Нужно делать открытки с ее картин. Москвичи».

1956 год

Главной целью коллектива ВОКГ в этот период стала издательская работа. В марте вышел «Путеводитель по залам галереи», что было большой редкостью в те годы. Как отмечало министерство культуры РСФСР, только два музея — Красноярский музей им. В. И. Сурикова и Вологодская областная картинная галерея — подготовили в 1955 году и издали в 1956-м путеводители.

Вологодское издание включало 34 репродукции, все хорошего качества. Согласно экспозиции путеводитель делился на три раздела. Первый — «Русское дореволюционное искусство XVIII-XX веков», в котором были выделены четыре подотдела — XVIII век, первая половина XIX века, вторая половина XIX века, конец XIX — начало XX века. Самостоятельно существовал в этом большом разделе подотдел «Художники Русского Севера». Второй раздел экспозиции посвящался советскому искусству, а третий — античному и западноевропейскому. Для удобства посетителей в тексте путеводителя специально были выделены подотделы, а также рассказы об отдельных произведениях выдающихся художников. В советском разделе как пример жанровой картины была проанализирована картина Н. И. Крюкова «Вологодские кружевницы», в жанре пейзажа упомянут М. А. Ларичев, представлены репродукции полотен В. В. Тимофеева, П. П. Суворцева и М. А. Ларичева. Панорама П. П. Суворцева «Вид Вологды со стороны Прилуцкого монастыря» (1953) долгое время украшала парадный вход картинной галереи. Объемистый текст путеводителя был написан С. Г. Ивенским, он отвечал уровню искусствоведческой науки тех лет.

Вышел буклет к 350-летию со дня рождения Рембрандта, в Калуге и Кирове были выпущены такие же буклеты. Все издания готовились с большой ответственностью С. Г. Ивенским, он сам следил за подготовкой их печати в типографии.

Для рекламирования своей деятельности галерея установила в городе рекламный щит и издала плакат. Было проведено 150 экскурсий, 40 лекций, при галерее не менее одного раза в месяц шли занятия лектория, для чтения лекций привлекали художников. В галерее велась работа по созданию актива из рабочих и служащих. Оказывалась помощь Кирилловскому историко-краеведческому музею в комплектовании художественного отдела. Собирались работы из частных собраний для новой выставки, совместно с Домом народного творчества проводились семинары для самодеятельных художников.

Из выставок обращали на себя внимание передвижная выставка советских художников из Москвы, областная выставка самодеятельных художников, в которой участвовали М. А. Ларичев и Л. Ф. Дьяконович. К 350-летию со дня рождения Рембрандта была проведена выставка гравюр и репродукций. В остальное время в галерее работала постоянная экспозиция. В «красных уголках» и общежитиях города было проведено 5 выставок, составленных из фотографий и репродукций.

Готовясь согласно приказу управления культуры от 7 июня к Всероссийской выставке «40 лет Октября» в Москве в галерее занимались отбором картин вологодских художников на областную выставку 1957 года.

15 сентября из МК РСФСР пришло «Положение о художественных музеях», по нему галерея работала затем многие годы. 28 сентября поступило письмо из ГРМ — просили прислать список работ на реставрацию. Из ИЗОГИЗ запросили список из 10 картин для их воспроизведения в альбоме из серии «Мастера русской живописи в музеях РСФСР». В связи с хищением «Мужского портрета» Н. Г. Чернецова галерее выделены ставку сторожа.

Из Третьяковской галереи поступил запрос на «Портрет Всеволода Мамонтова» кисти М. А. Врубеля для персональной выставки художника в Москве. Эта работа еще не была известна широкому кругу искусствоведов, репродукция с нее была опубликованной лишь в «Путеводителе по залам галереи» за 1956 год. Но портрет находился в плохом состоянии, поэтому вологодские сотрудники попросили прислать реставратора, что и было сделано. В результате картина оказалась в Москве, но в экспозицию выставки Врубеля

не попала, хотя в каталоге присутствует. Эта выставка была всесоюзной и в 1957 году экспонировалась в Ленинграде и в Киеве, где картина из ВОКГ уже была в залах.

1957 год

Проблемой этого года стала организация в стенах галереи Вологодским управлением сельского хозяйства профильной выставки. Уже в момент ее подготовки возникла масса трудностей, об этом директором было сообщено в письме в Управление музеев МК РСФСР: «С 7 июля 1957 года ВОКГ закрыта для подготовки сельскохозяйственной выставки, открытие запланировано на ноябрь, поэтому постоянная экспозиция свернута, картины и графика помещены в ризницу Воскресенского собора (это еще помещение ВОКМ), там нет отопления, поэтому картины покрылись плесенью, что зафиксировал реставратор, прибывший из Москвы. Просим передать галерее корпус Архирейского подворья, там хранится дублетный фонд областной библиотеки». Об этом же С. Г. Ивенский написал в газету «Советская культура» статью «Бездомная галерея».

Директор был крайне озабочен: куда деть 500 произведений? Может, отвезти их в Череповецкий музей на выставку?

В первом полугодии до закрытия галереи на сельскохозяйственную выставку было проведено четыре выставки:

1) 12 марта — середина апреля. Выставка «Русская живопись и графика XIX века из ГРМ», организованная Дирекцией художественных выставок и панорам (Москва), на ней экспонировалось 150 работ: 58 — живопись, 73 — графика, 19 — скульптура выдающихся мастеров; их имена говорят сами за себя: И. Н. Айвазовский, А. Н. Бенуа, А. А. Иванов, С. Ю. Жуковский, М. П. Клодт, Н. П. Богданов-Бельский, Н. Н. Дубовской, А. И. Корзухин, А. И. Куинджи, Б. М. Кустодиев, В. Е. Маковский, Л. Ф. Лагорио, Ф. М. Матвеев, Н. В. Неврев, В. Г. Перов, В. А. Тропинин, Н. Е. Сверчков, И. И. Шишкин, Н. А. Ярошенко.

2) 15 апреля — 15 мая. Выставка самодеятельного творчества вологодских художников. В выставком входили О. Е. Бадаев, В. С. Железняк, С. Г. Ивенский, Н. В. Баскаков. Выставка получила много положительных отзывов, работы пяти участников были отобраны на всесоюзную выставку на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, в частности Г. М. Семенкова и Л. Ф. Дьяконицына. Зрители также хвалили их работы. Из отзывов мы узнаем, что выставка самодеятельных художников экспонировалась вместе с постоянной экспозицией советской и русской живописи. К выставке В. А. Хвиц и К. Н. Федотова подготовили и издали каталог.

3) Май. Выставка украинских живописцев Ф. З. Коновалюка и И. С. Ижакевича. Причина организации этой выставки заключалась в том, что в конце XIX — начале XX века в Киеве над монументальными росписями одного из храмов совместно с И. С. Ижакевичем работал вологодский художник Ф. М. Вахрушов. В книге отзывов выставку хвалили, а картину «Солнечный день» Коновалюка просили оставить в Вологде, в результате ВОКГ закупила ее. На этом контакт с украинским живописцем не закончился. С. Г. Ивенский, узнав о тяжелых бытовых условиях, в которых жил 70-летний мастер, обратился с просьбой о помощи в газету «Советская Украина», что и было сделано. С. Г. Ивенским был подготовлен и издан каталог выставки в Вологде.

4) Июнь. Передвижная выставка советских художников, организованная по линии Дирекции художественных выставок и панорам (Москва). В состав экспозиции входили живопись, графика, скульптура ведущих художников страны: живопись — П. П. Кончаловский, В. Н. Бакшеев, М. С. Сарьян, Я. Д. Ромас, А. М. и С. В. Герасимовы, скульптура — Е. В. Вучетич, А. П. Кибальников, Э. И. Неизвестный, В. Е. Цигаль, графика — Г. С. Верейский, В. А. Фаворский, Е. И. Чарушин.

У галереи в это время были налажены контакты с классиками русской живописи. Так от народного художника СССР К. Ф. Юона приходит письмо, он пишет, что не может приехать, очень занят.

5) Ноябрь. Выставка к 40-летию Октября советских и вологодских художников (живопись, графика, скульптура). Дом офицеров Вологды.

Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские включают в свой план реставрацию «Портрета Высоцкой» Л. О. Пастернака и «Портрета неизвестного с мальтийским крестом» В. Л. Боровиковского.

Вот как оценивали постоянную экспозицию ВОКГ: «Я хожу отдыхать в картинную галерею. Мягкий, ровный свет, спокойная обстановка, хорошо воспринимаются чудесно подобранные работы. Почти нет работ, от которых оставалось бы неприятное чувство. А хороших вещей много. Капитальный портрет

Антокольского, очень хорошо показан Коровин, жаль только, что «Бахчисарай» не на свету, а это крепкая работа его среднего периода, и редкая по решению. Сильная вещь Жуковского. Но особенно меня привлек этюд Степанова, этот художник еще недостаточно оценен. А ВОКГ располагает прекрасными работами для его оценки. Очень хорош этюд В. Маковского «Иконописец». Великолепен пейзаж «Сеговия» Остроумовой-Лебедевой. Всего не перечислишь. Большая благодарность городу Вологде и сотрудникам галереи. Студент 5 курса МГУ».

Многие воложане — как юные, так и более зрелого возраста — стремились заниматься изобразительным искусством, рисовать. При Дворце культуры железнодорожников работал изокружок под руководством художника И. А. Скородумова, там занимались ставшие вскоре известными: Ю. А. Баранов, В. У. Едемский, Б. М. Макаров, Р. Н. Фуряев. Но он не мог вместить всех желающих. В ВОКГ еще в 1955 году начал работать кружок рисования для школьников, теперь его решили переориентировать на более взрослую аудиторию, его посещало 10 молодых людей, вела занятия на первых порах все та же В. А. Хвиц, не имеющая специального образования. Поэтому из галереи направили письмо председателю Союза художников С. В. Кулакову: «Идя навстречу неоднократным просьбам рабочей молодежи, ВОКГ решила организовать у себя кружок рисования. Просьба выделить из Вашего коллектива специалиста, который бы мог проводить занятия по 2 часа в неделю, по договору, с оплатой 15 руб. в час».

1958 год

Проблемы предыдущего года перешли в этот. Сельскохозяйственная выставка работала с 8 ноября 1957-го по 5 марта 1958 года; из-за зерна в помещении завелись мыши, из-за молока и творога — плесень, пришлось проводить дезинфекцию. Наконец областным музеем было передано галерее помещение ризницы, примыкающей к Воскресенскому собору, для организации там фондохранилища, в нем шел ремонт.

Но была и еще одна давняя проблема, об этом С. Г. Ивенский направил докладную записку начальнику отдела по делам искусств Вологодского облисполкома А. Н. Голубевой: «Здание ВОКГ принадлежит ВОКМ, нижний этаж у музея арендуют жильцы и автомото клуб ДОСААФ. От работы автомото клуба распространяются запахи бензина и ацетона, были случаи отравления газами работников галереи. Мотоциклы создают шум, не слышно голоса экскурсовода, посетители возмущаются».

Кроме того, имеющихся помещений не хватало, директор также постоянно об этом сигнализировал А. Н. Голубевой: «Число произведений с 1954 года увеличилось более чем втрое, но у ВОКГ всего 3 экспозиционных зала. Закрыт раздел западноевропейского искусства, в фондах много произведений советских художников. Несмотря на запрет МК РСФСР, работа лектория проходит в экспозиционных залах. Нет помещения для временных выставок. Просьба расширить площади галереи, создать нормальные условия работы».

После завершения сельскохозяйственной выставки в галерее было проведено три выставки.

1) 15 марта — 3 мая. Областная выставка вологодских художников, посвященная 40-летию Октября, из частных собраний. Было представлено 278 произведений: С. Н. Кулаков и О. А. Бороздин «Восстание в Великом Устюге», Н. В. Баскаков «Групповой портрет старых большевиков», Г. Контарев «1917». Выставку посетили 6277 человек. Издан каталог выставки.

2) С 28 июня по 6 июля экспонировалась фотовыставка работ учащихся Московского высшего художественно-промышленного училища. Выставку посетили 1109 человек.

3) С 21 августа по 13 сентября работала выставка советских художников с юбилейной выставки к 40-летию Октября. Выставку посетили 3000 человек.

В Вологде и районах области сотрудники провели 12 передвижных выставок. Наиболее значительной была выставка живописи из фондов ВОКГ в Кирилловском музее в июне-июле. В вологодском Доме офицеров работала выставка китайского плаката. Остальные выставки были сформированы из репродукционного материала и проходили в Вологде: в кинотеатре «Искра» — «О Ленине», в кинотеатре им. Горького — «40 лет ВЛКСМ», в школах — «В. Г. Перов», «Третьяковская галерея», «Русский пейзаж».

В июле восстановлена постоянная экспозиция, в ней размещено 297 экспонатов: живопись, графика, скульптура, ДПИ (мебель). В раздел живописи добавлено 20 картин и этюдов Ф. М. Вахрушова, особенно активно дополнился раздел скульптуры: М. Г. Манисер «Бюст Ленина», Д. Ю. Митлянский, Н. В. Богушевская «Дочь Кореи», З. С. Раkitина «Зоя — 10 классница», И. С. Зноба «Портрет И. В. Бабушкина», Н. В. Томский «Портрет албанца Матли», «Портрет албанки Муази», каслинское литье «Кони», Е. Е. Лансере «Запорожец

после битвы», Б. В. Едунов «Бюст В. В. Верещагина». А. И. Поляков «Бюст Ф. М. Вахрушова», И. Я. Гинзбург «Юный скульптор».

В советском разделе появились картины И. А. Гринюка «Зоя», С. А. Чуйкова «Вечер в ауле», три работы Ф. З. Коновалюка, О. М. Минасяна «Доярки». Этот раздел расширился и за счет произведений местных художников: поступили три работы В. В. Тимофеева, В. Н. Корбаков «Вологодский кремль», М. А. Ларичев «Промышленный Сокол», картины Н. И. Ширякина и Б. П. Шваркова.

Результаты фондовой работы были следующие. Поступило 20 экспонатов, из них: живопись — Б. А. Чердин «Уснул», М. А. Ларичев «Промышленный Сокол»; графика — 8 гравюр из методфонда института им. И. Е. Репина, альбомы рисунков Ф. М. Вахрушова; скульптура — А. И. Полякова «Портрет Ф. М. Вахрушова».

Проводилась инвентаризация фондов. Согласно ей, в фондах находилось 254 экспоната, остальное — в экспозиции. Часть произведений западноевропейского искусства и большое количество полотен вологодских художников, переданных в 1953 году из Вологодского отделения Худфонда СССР, плохо исполненных, требовали списания.

Движение экспонатов: МК СССР просило работы В. А. Серова, В. В. Верещагина (3), «Портрет Антокольского» И. Е. Репина на их персональные выставки, все были показаны.

ВОКГ просила Московский художественный институт им. В. И. Сурикова выдать дипломную работу В. Н. Корбакова «В отпуске» и его академические постановки на персональную выставку художника.

В издательской работе были достигнуты значительные успехи, что объяснялось не только энтузиазмом и кропотливой работой директора и его коллег, но и тем фактом, что руководитель Вологодского книжного издательства В. М. Малков был самодеятельным художником и у него сложились хорошие отношения с С. Г. Ивенским. 15 мая Ивенский послал Малкову письмо, где сообщал, что ВОКГ хотела бы у них издать каталог ВОКГ и альбом по творчеству Ф. М. Вахрушова. В своем письме директор галереи подробно сообщил, каким ему виделся альбом Вахрушова: «Очерк жизни и творчества художника на фоне общественных условий и художественной эпохи конца XIX — начала XX века, подробный разбор произведений художника, воспоминания художников И. С. Ижакевича и Ф. З. Коновалюка, директора Тотемского музея Н. А. Черницына, переписка с ними Ивенского. В альбом включить репродукции рисунков и картин из ВОКГ, ВОКМ, частных собраний Тотьмы, Вологды и других городов».

Были изданы: каталог выставки Корбакова в ВОКГ на 1959 год, афиши и пригласительные билеты на областную выставку, плакат о деятельности ВОКГ с 11 репродукциями.

Несмотря на то что было проведено всего три выставки, а постоянная экспозиция стала работать с июля, были достигнуты неплохие результаты по плановым показателям: посетителей — 18652 человека, проведено 97 экскурсий.

Уровень посетителей различен: одни ценили только реалистическое искусство, другие были высокообразованными и ждали от искусства образности и новых стилистических приемов. Одни зрители хвалили большое полотно «Водоем» Трапицына, другие ругали: «Сплошная мазня и никакого смысла». Зато все были единодушны в положительной оценке реалистических полотен Б. А. Чередины «Уснул» и А. С. Козловского «На работу в деревню». Артисты Кировского ТЮЗа писали о картине «Зоя Космодемьянская»: «Много театрального, нарочитого героизма, а Зоя — скромная русская девушка, а не Жанна д'Арк». «Экспозиция понравилась, за исключением картин Корбакова «Вологодский кремль» и Коровина «Девушка с гитарой». «Желаю, чтобы, как и в 1957 году, выставили картины западноевропейских художников и собрание московской киностудии им. Горького».

В целом тон посетителей был благожелательным, видно, что им очень важна галерея.

Велась большая лекционная работа. В лектории при галерее «Север в русском искусстве» прочитано свыше 30 лекций. Читались лекции в школах города №9, 5, 7, 11, 3, 2.

Лекторы: Л. Ф. Дьяконович — «Третьяковская галерея», «И. Е. Репин», «В. И. Суриков», «Как создается художественный образ», «Архитектура русских городов».

С. Г. Ивенский — «А. А. Иванов», «В. В. Верещагин», «Передвижники», «Наш Север в русском искусстве».

В. А. Хвиц — «Третьяковская галерея», «В. Г. Перов», «Советские художники», «В. И. Ленин в искусстве», «Строительство социализма в советском искусстве».

Сотрудниками галереи и журналистами были написаны статьи по выставкам.

Об областной выставке:

1) В. Железняк «Молодежь на отчетной выставке» — газета «Вологодский комсомолец».

2) В. Хвиц «Ближе к жизни» — газета «Красный Север».

3) П. Сотников «Выставка картин вологодских художников» — газета «Красный Север».

О фотовыставке работ Московского художественно-промышленного училища:

1) К. Федотова «Выставка работ московских студентов» — газета «Красный Север».

О выставке советских художников к 40-летию Октября:

1) З. Челюбеева «Интересная выставка» — газета «Красный Север».

В газете «Вологодский комсомолец» продолжает печататься цикл статей о картинах из ВОКГ.

В этом году В. А. Хвиц повышала квалификацию на семинаре Русского музея «Вопросы методики экскурсионной и лекционной работы». Программа была очень хорошая, многое из нее использовалось в галерее вплоть до 1970-х годов. Читали лекции крупные специалисты — Е. Ф. Ковтун, К. В. Корнилович, Э. В. Кузнецова, А. П. Савинов и др. Судя по конспекту лекций Хвиц, в формах работы музея предлагались не только передвижные выставки, особенно из подлинников, но и фестивали искусства, встречи с актерами, книжные базары.

Вскоре после этого Валентина Андреевна сдавала экзамены в Институт им. И. Е. Репина на факультет теории и истории изобразительного искусства, (она была первой в длинном ряду сотрудников Вологодской галереи, бравших штурмом эту твердыню). В своем письме в галерею, где она обращалась ко всем сотрудникам от директора до музейного смотрителя Александры Федоровны Бакусовой, она подробно описала свои абитуриентские будни, в том числе, что для поступающих организовали общежитие в 132-й аудитории около столовой, что в приемной встретила П. Е. Корнилова. Доверительный тон письма, подробности, приведенные в нем, свидетельствовали о дружеских отношениях, царивших в коллективе галереи.

1959 год

В августе ВОКГ просила разработать проект укрепления купола центрального зала и выполнить крепление люстры, которая была повешена на сельско-хозяйственной выставке в 1957 году. От СМУ в предоставлении лебедки для укрепления люстры получен отказ.

В июле С. Г. Ивенский направил два письма А. Н. Голубевой и начальнику главного Управления по делам искусств МК РСФСР: «ВОКГ исполняет больший объем работ, чем Мордовская, Костромская галереи и другие музеи, а штат у них гораздо больше. Прошу штат увеличить, добавить единицу старшего научного сотрудника (740 руб.) и главного хранителя (790 руб.). Также прошу увеличить деньги на командировки и научные расходы на издания». Отправлено письмо и в Управление музеев МК РСФСР с просьбой о выделении должности экскурсовода (500 руб.).

При управлении культуры создан Художественный совет из 17 человек, в него входят: С. В. Кулаков (председатель ВОСХ), Г. П. Контарев, Н. В. Баскаков, В. В. Ушаков — архитектор города, В. И. Соколов — архитектор области, В. М. Малков.

В течение года прошло шесть выставок.

1) Февраль — март. Персональная выставка В. Н. Корбакова. Она составлена из 210 произведений, начиная с 1946 года. Зрители ее оценивали по-разному: «Хотелось бы посоветовать Корбакову поменьше переводить краски на свои картины», другому зрителю, наоборот, работы нравились: «К. способный, даровитый художник, темпераментный. Его работы живут, в «Череповецком заводе» все шипит. Студент Ярославского училища».

2) Апрель-май. Выставка «Образ В. И. Ленина из собрания П. Е. Корнилова». Было представлено 50 работ. Петр Евгеньевич прислал каталог и билет на выставку.

3) 5 июня — 21 июня. Выставка народных промыслов Вологодской области. Украшением экспозиции были портьеры, покрывала, скатерти, салфетки, оформленные кружевами по рисункам К. В. Исаковой, В. Н. Пантелеевой, В. В. Сибирцевой, П. М. Сорокиной; многие из них побывали на Брюссельской выставке и получили золотые медали. Демонстрировалась также одежда с кружевом артелей «За культурный быт» и «Вологодская вышивка», текстиль артели «Красный ткач» (Череповец), шкатулки великоустюгских мастеров, изделия артели «Вологодская игрушка».

4) Сентябрь- октябрь. Выставка китайского плаката, приуроченная к 10-летию Китайской Народной Республики.

5) Ноябрь. Выставка художника-графика П. П. Белоусова.

К выставке был издан каталог. Для нас сегодня очень важны фотографии, помещенные в нем, так как по ним мы можем воссоздать обстановку залов галереи. Через все залы пущена узкая ковровая дорожка в полоску, ее часть сохранилась в галерее до конца 1970-х годов. Стенды по верху украшены лепным бордюром, над входом в алтарную часть укреплена арка с орнаментом из листьев, цветов и звезд. Такая же арка — в нише в центре стенового кармана сразу за алтарем, слева, вероятно, была печь. Стенды украшены лепными венками со звездами. В первом зале стоят витрины, бюст В. В. Верещагина на подиуме. Здесь же слева и справа — строгие стулья. Современная люстра.

В подкупольном зале в центре по кругу стоят светлые легкие стулья. На подиумах цветы в горшках. Стенды по краям обведены тонким багетом. В залах немного старинной мебели, но выглядит она как-то неуместно. В алтарной части висит такая же современная люстра, как и в первом зале. В этом зале еще одна ковровая дорожка, темная дверь в кабинет директора, на ней афиша выставки П. П. Белоусова.

б) Декабрь. Областная выставка вологодских художников.

Передвижные выставки в этом году в основном состояли из подлинных произведений из фондов галереи или из мастерских художников.

1-2) Выставка В. Н. Корбакова (199 картин и рисунков). Череповецкий и Кирилловский музеи, выставки посетили 50 тыс. человек.

3) Выставка «30 графических работ советских художников (П. П. Белоусов, В. А. Ветрогонский, Б. И. Пророков). Из фондов галереи. Районы области.

4) Выставка репродукций работ советских художников. Колхоз «Красное знамя», выставку посетили 3865 человек.

В фондах насчитывается 606 произведений, из них 335 находятся в экспозиции. Поступило 98 экспонатов: 23 — живописи, 35 — графики, 8 — скульптуры, 32 — ДПИ. 3 картины В. Н. Корбакова с выставки: «Автопортрет», «Будни Череповца», «Осенняя Вологда». Дары — графика Г. Б. Смирнова (Москва), С. Г. Ивенского, П. Е. Корнилова. 9 работ из МК СССР — Ф. А. Малявин, С. В. Малютин, С. В. Иванов, А. Д. Корин, К. Ф. Юон и другие. Из ГРМ — 6 гипсовых отливок XVIII-XIX вв.

С. Г. Ивенским послано письмо А. Н. Голубевой, где сообщалось, что в ВОКГ имеется 43 работы, не отвечающие профилю музея.

26 апреля Ивенский писал ученому секретарю ГТГ: «Портрет Репина» кисти Кустодиева 1902 года — это копия автопортрета Репина конца 1890 года из собрания доктора медицины Николая Александровича Келина (Чехословакия, Желив у Гумпольца)».

Картинную галерею в этом году посетили 27891 человек, проведено 145 экскурсий.

Прочитано 78 лекций в школах и учреждениях. Лекторий при ВОКГ не работал, так как в городе существовал Университет культуры, где был факультет изо. С. Г. Ивенский читал лекции в Народном университете культуры при ДКЖ, В. А. Хвиц — в 18-й школе, К. Н. Федотова — в школах № 11, 9, 8. Лекции читались и по радио — «В. Г. Перов», «Передвижники», «П. П. Белоусов». В Вожеге, Чебсаре, Верховажье работали университеты культуры.

Темы лекций: «Изобразительное искусство в жизни человека», «Советские художники», «Разоблачение войны у В. В. Верещагина», «Искусство в борьбе за мир», «Атеистические мотивы в русской живописи», «Работа советских художников над образом В. И. Ленина», «Великая Отечественная война в творчестве советских художников». Добавились темы «Как читать картину» и «Собрание ВОКГ».

24 мая был день открытых дверей для пенсионеров, встреча с Сергеем Викуловым и другими писателями, посетило более трех тысяч человек.

В декабре вновь проведен день открытых дверей — встреча с В. Н. Корбаковым и Н. В. Железняк.

Приглашения на выставки посылали бывшим сотрудникам — Ф. П. Куропатникову и И. М. Рупышевой.

Библиотека ВОКГ открыла свои двери для желающих. Работники галереи активно помогали всем желающим методической литературой.

СТАНОВЛЕНИЕ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ (1960-1970-Е ГОДЫ)

1960 год

Проблема размещения в галерее различных мастерских и мотоциклетного гаража автотоклуба ДОСААФ разрешилась после опубликования письма 1 августа в газете «Красный Север» — их перевели в другие помещения.

Для увеличения поступлений в фонды галереи приказом управления культуры от 25 марта 1960 года при ВОКГ была создана закупочная комиссия: С. Г. Ивенский, В. А. Хвиц, Н. В. Баскаков, Л. Ф. Дьяконицын, В. А. Смирнов (из управления культуры).

Выставки

1) Апрель-май. Ленинская выставка из коллекции П. Е. Корнилова.

2) Июнь-июль. Областная выставка самодеятельного творчества. В ней участвовали многие будущие известные художники. Так, служащая Наталья Вяткина представила выполненные в масле натюрморт, портрет, этюды. Череповецкий художник Николай Гришачев и вологодский столяр Евгений Гусев показали много живописных работ. Учащийся Георгий Калинин показал натюрморт и пейзажи «Вечер», «В парке ВРЗ», «Вид на Вологодский кремль», Эдуард Фролов из Белозерского района и инженер-мостостроитель из Череповца Валентин Шагинов экспонировали графику.

3) Июль. Фотовыставка произведений студентов Московского высшего художественно-промышленного училища.

4) Август-октябрь. Выставка из репродукций произведений И. И. Левитана. По приказу МК РСФСР по всей стране идут мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения художника. 30 августа состоялось юбилейное заседание, читались лекции о нем.

5) Октябрь-ноябрь. Выставка Б. П. Шваркова.

6) Декабрь. Выставка произведений ленинградского скульптора А. И. Полякова. Всего было показано 86 работ — скульптура, рисунки, эскизы, наброски, масло.

Все выставки проходили с обсуждением.

Было проведено 14 передвижных выставок в районах области:

1) Выставка из вологодских коллекций в Белозерске.

2-14) Выставки из репродукций — «Ленин в изобразительном искусстве» в Кирилловском, Белозерском, Тотемском, Великоустюгском, Вытегорском, Междуреченском, Нюксенском, Череповецком районах.

В августе С. Г. Ивенский направил письмо в Кирилловский музей о приезде жены народного художника СССР Н. М. Ромадина, который работал здесь для Всесоюзной выставки и просил содействия.

Фонды

В фондохранилище находится 364 экспоната, поступило 29 эксп.: 11 — живопись, 18 — графика. 46 картин из фондов ВОКГ переданы в другие музеи согласно приказу МК РСФСР, как не имеющие экспозиционной ценности. Картина «Вологодские кружевницы» Н. И. Крюкова экспонировалась на выставке «Советская женщина» в Москве. ВОКГ согласна дать на выставку К. А. Коровина в Москве эскиз декораций к «Раймонде», переданный из МК РСФСР. А. И. Поляков исполнил по заказу ВОКГ бюсты Ф. М. Вахрушова и П. С. Тюриня. 12 картин находятся на реставрации в Москве.

К. Н. Федотова — хранитель фондов в марте-апреле побывала в Москве на профильном семинаре.

Издательская работа

Все стационарные выставки выходили с каталогом, кроме ленинской (каталог прислал П. Е. Корнилов), за печатью в типографии следил С. Г. Ивенский или сотрудники галереи. Вышли каталоги выставок Б. П. Шваркова (сост. К. П. Федотова), А. И. Полякова (сост. С. Г. Ивенский), каталог выставки самодеятельных художников.

Издана книга Ивенского о Ф. М. Вахрушове, подготовкой которой он начал заниматься еще в 1955 году. Вышел каталог ВОКГ. Отзыв о нем прислал академик Сергей Степанович Перов из Москвы. В целом хвалил, но сделал ряд замечаний: «Из Вашего перечисления произведений художников не упомянуты некоторые вещи К. Ф. Богаевского, Н. И. Соколова, И. Э. Грабаря, А. Н. Бенуа, П. П. Кончаловского, М. А. Врубеля, Н. П. Богданова-Бельского и Е. Е. Лансере. Я сам видел сообщение, что Е. Е. Лансере свои вещи направлял в Вологду. Мною было выслано 13 полотен... Я с начала Советской власти ходатайствовал в МК о галерее в Вологде, так как был активным членом Северного кружка, помогал Г. Лукомскому с его книгой о Вологде. К сожалению, многое из собранного в 1917-1920-х годах и находящегося в школе живописи в доме Волковой, в Архиерейском доме и за рекой в бывшей Епархиаловке или пропало, или вывезено американцем Буллитом (бывший посол США), он скупал в провинции художественные вещи и отправлял дипломатической почтой».

Между Перовым и Ивенским установились дружеские отношения. В ответ на рецензию по каталогу Семен Георгиевич послал Сергею Степановичу маленькое эссе: «Куинджи — горный орел в искусстве, первый художник «космоса», вдохновивший Рериха. Вокруг Зевса-громовержца, этого «гениального живописца», по свидетельству Репина, группировались его молодые талантливые отпрыски: изумительный Рерих, страшный в силе красок Пурвит, гигант по восприятию Руминц(?), великий и в малом, и конечно, Богаевский с его маньеризмом и гиперболизацией образа героического пейзажа, навеянного родным Крымом, могучий визионер в тщедушной оболочке южанина-гитариста». Академик Перов прислал ценные биографические материалы о А. Н. Каринской, В. С. Перове, В. Ф. Сысоеве.

С. С. Перов предлагал Ивенскому вместе писать монографии об А. А. Борисове, А. Н. Каринской, В. С. Перове, Н. П. Дмитриевском. Хотел помочь ходатайством в МК СССР и РСФСР о предоставлении ВОКГ хорошего здания. Он писал, что хотел бы установить более тесные контакты с вологодскими художниками С. В. Кулаковым, А. А. Никитиной, Е. В. Перовой (племянницей В. С. Перова), С. И. Хрусталева, Н. В. Седовой, О. С. Бороздиной.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 26751 человек, 232 экскурсии, 94 лекции.

В области активно читались лекции по искусству. Районы просили директора галереи прибыть к ним с чтением лекций: в Кадеу, в народном университете культуры — «Как смотреть картину. Виды и жанры», в Великом Устюге в лектории при музее, в Соколе, в Череповецком музее на изокружке. На Череповецком телевидении вышли две передачи Ивенского о ВОКГ и Ф. М. Вахрушове. В Вологде было прочитано 15 лекций, проведено 20 бесед на предприятиях города, В. А. Хвиц систематически читает историю искусства в одной из школ.

По плану мероприятий областного управления культуры в связи с решением сессии Верховного Совета РСФСР «О состоянии и улучшении культурного обслуживания сельского населения» совместно с Домом народного творчества решено организовать вечернее рисование для молодежи города. Для этого были изготовлены мольберты, шла запись учеников (вероятно, кружок рисования, который организовывали в 1957 году, уже не работал в это время).

Продолжали проводиться дни открытых дверей, вечера вопросов и ответов по изобразительному искусству: 1) 29 мая — для пенсионеров, 2) 5 июня — для текстильщиков, 3) для животноводов.

Отмечалось, что слаба связь картинной галереи с Союзом художников по вине его председателя С. В. Кулакова и директора Художественного фонда — М. Водовозова. Зато очень активен В. Н. Корбаков.

Принято решение, что с 1961 года школьники будут бесплатно посещать ВОКГ.

1961 год

С. Г. Ивенский написал довольно резкие письма в МК РСФСР о проблемах галереи: «В 1961 году опять передвижная выставка из Москвы миновала Вологду, хорошо бы выставку Ткачевых или Кукрыников, графики не надо, ее мы сами устраиваем. Прошу приехать вашего сотрудника и разобраться на месте. Прошу 6 ставок — хранителя, экскурсовода, смотрителя, уборщицу, кассира, завхоза».

В начале года кадровый вопрос усугубился — 4 января 1961 года В. А. Хвиц уволилась из ВОКГ. Ивенский писал в Институт Репина, чтобы для галереи подыскали искусствоведа. Это не было сделано, и с 14

августа на эту должность взяли Ирину Георгиевну Козлову, имеющую среднее образование. Она очень хорошо справилась с возложенными на нее обязанностями.

Академик С. С. Перов помогал «проталкивать» вопрос об установке в ВОКГ парового отопления.

Выставки

1) 5 февраля — 9 марта. Выставка «100 рисунков русских художников XIX-XX веков, из собрания П. Е. Корнилова». Коллекционер послал каталог и афишу с билетом, дал советы по выставке, подарил 27 рисунков.

2) Апрель. Выставка А. Ф. Пахомова.

3) Май. Выставка М. А. Ларичева.

4) 29 мая — 15 июля. Выставка из Государственного Русского музея.

5) Октябрь. 20-я областная выставка вологодских художников. Был выпущен каталог (сост. К. Н. Федотова, авт. ст. С. Г. Ивенский).

Из передвижных выставок была проведена только выставка А. Н. Каринской в Кириллове и Белозерске.

С. Г. Ивенским была подготовлена статья о выставочной работе, приведем ее черновик: «Раньше были случайные выставки, с 1956-1957 годов появились «первые ростки» планирования. Стали опираться на актив. Аспирант Репинского института Л. Ф. Дьяконицын много помогает с выставками, также и И. Г. Козлова. Готовятся выставки И. И. Варакина, Г. А. Кравцова (ученика В. А. Фаворского). Будет издан альбом эстампов. В планах областная выставка графики, в 1963 — В. А. Фролова, в 1964 — Г. Годузна, Я. Водражки, в ноябре 1965 — выставка одного из самых любимых авторов Д. Т. Тутунджан».

Фонды

С. Г. Ивенский продолжал ругать деятельность МК: «Не выделяют приличных работ классиков. То, что просит галерея, не закупают, а покупают смутых «Левицкого» — на деле подделка, смутая рухлядь другой эпохи — или «Шишкиных». Галерею держат за глухое место». Ивенский сам нашел вариант пейзажа «Притихло» Н. Н. Дубовского и просил МК закупить ее для ВОКГ. После этого она была на экспертизе, затем на реставрации.

В мае из МК прислали статую В. Маяковского, но установить ее в галерее было нельзя из-за ее тяжести. Директор галереи спрашивал МК: можно ли установить памятник на улице?

Было направлено письмо-благодарность Т. А. Мавриной за подарок — книгу «Руслан и Людмила» в ее оформлении.

В экспозиции появились новые картины В. Н. Корбакова — «Летите, голуби» и «Над рекой Вологодой».

Очень много даров поступило от П. Е. Корнилова: живопись, графика, скульптура. Он передал в библиотеку сборники Н. П. Собко, Н. П. Кондакова, Д. А. Ровинского и других авторов.

1962-1964 годы

За данные годы почти нет или совсем мало материалов в архиве. Причина, вероятно, в том, что в это время директор галереи С. Г. Ивенский писал книгу «История книжного знака», которая вышла в 1966 году, а всей документацией занимался он.

1962 год

Сохранилось письмо Ивенского живописцу Н. М. Ромадину, который уже бывал в 1954 году в Вологодской области на пленэре, Ивенский предложил известному пейзажисту поездку на север области.

Пришло письмо от племянницы Н. П. Дмитревского — Елизаветы Федоровны Петровой, которая сообщила, что доски его гравюр передают в ГРМ, так как в ВОКГ не могут забрать.

Выставки

1) Февраль. Выставка «Книжный знак». Каталог (сост. С. Г. Ивенский, авт. ст. П. Е. Корнилов).

2) Март. Выставка А. Н. Каринской. Подготовка к ней началась еще в 1960 году, когда от академика Сергея Степановича Перова из Москвы пришло письмо С. Г. Ивенскому. В нем он писал о художнице: «О Каринской неверно составлено жизнеописание в каталоге ВОКГ. Последний ее период больше, чем время этюдов. У нее было более 25 картин большого размера, у меня есть сведения. По дарованию она равна Вахрушовой,

но следует собрать ее вещи, чем я и занимаюсь. У меня есть фото ее картин и около 15 картин и этюдов, их я хочу передать в ВОКГ. О ней дам жизнеописание и прочту лекцию о ней с показом фотографий. Так же и В. С. Перовым — моим братом поступлю. У Перова хранилось более 30 произведений Каринской, он дал 25 картин в ВОКГ на выставку. На ней было около 30 работ из частных собраний из Тотьмы, Устюжны, Великого Устюга, из ВОКМ. Перов просил ГТГ прислать картины А. Каринской на ее выставку.

Состоявшуюся выставку А. Н. Каринской одни хвалили, другие писали, что представлены одни этюды.

3) Июль. Передвижная выставка советских художников (Москва).

На ней в центре зала была установлена гипсовая скульптура А. В. Щепелкина «Богатырь целинных просторов» (Микула Селянинович), она была передана в галерею, но хранить ее было очень сложно, и она рассыпалась на части, которые долгое время хранились в фондах.

4) Сентябрь. Выставка Ф. М. Вахрушова.

Так как альбом С. Г. Ивенского по его творчеству — первое издание о художнике — был выпущен еще в 1960 году, то и делать выставку было несложно.

В книге с 11 марта по 21 октября 1962 года собралось почему-то наибольшее количество отрицательных отзывов, но мнения зрителей разделились: «Некоторым картинам не место в таком солидном учреждении — будьте настороже при отборе работ — совершенно фотографична и бездарна картина в полстены «Вологодские кружевницы». Другой зритель иного мнения: «Все хорошо, но очень посредственно выглядят картины наших дней, кроме «Вологодских кружевниц». Надо этот яробел устранить». Отмечали плохое освещение.

Были очень вдумчивые зрители, о которых мечтает любой музей: «Милые посетители, вы любуетесь картинами Айвазовского, Дубовского, Клодта, экспонаты неплохие, но почему не заметить других работ: Нестерова «Голова князя», Ромадина?.. Не потому ли вы предпочитаете Айвазовского, что это просто отвечает вашим упрощенным, даже детским представлениям «страшной» бури, грозы? Но ведь это редкие явления, а повседневность, красота каждого дня — будничная. В ней, по-моему, весь смысл и прелесть жизни. Вот наш музей на картине В. Корбакова «Вологодский кремль» или пейзажи Ромадина. А психология Врубеля в портрете Мамонтова, а Туржанский со своей насыщенной до предела сочностью цвета? Или налево «Озеро» Петровичева? Студент Ярославского художественного училища». Еще один посетитель хвалил Нестерова и Туржанского.

1963 год

В активе ВОКГ немало врачей и молодежи. Члены общественного совета при ВОКГ много помогли ей. В 1963 году Л. Ф. Дьяконович написал письмо в Главное управление по делам искусств в МК РСФСР о катастрофическом состоянии помещений ВОКГ, условиях хранения и работы сотрудников, о необходимости ремонта. Об этом же писали посетители галереи в книге отзывов еще в 1958 году: «Надо как можно скорее провести паровое отопление. Вы губите те картины, которые уже имеются в экспозиции. Ведь какая у вас чудесная галерея», «В галерее много ценных вещей, жаль, что помещение в таком плохом состоянии».

В журнале «Творчество» была напечатана статья В. Алексеевой о работе ВОКГ, но С. Г. Ивенский был разочарован, так как автор в Вологде не была, его попросили написать материал самому.

Выставки

1) Март — апрель. Областная выставка вологодских художников. Каталог выставки готовили в Вологодской организации Союза художников РСФСР, составителем и автором статьи был Н. В. Баскаков.

2) Май — июнь. Выставка новых поступлений в ВОКГ. Издан каталог (сост. К. Н. Федотова и И. Г. Козлова, ав. ст. С. Г. Ивенский).

3) Июль — август. Выставка западноевропейского искусства XV–XIX веков (живопись, графика, скульптура) из Эрмитажа. Ее посетили более 15000 человек, проведено 145 экскурсий.

4) Сентябрь. Выставка «Книжные знаки А. И. Юпатова».

5) Октябрь — ноябрь. Выставка В. А. Фролова (Москва), посвященная детям. На афишах к этим двум графическим выставкам были напечатаны произведения авторов: экслибрисы на афише А. И. Юпатова и гравюра с изображением олененка на афише В. А. Фролова, что необычайно украсило выставки.

6) Декабрь. Выставка самодеятельных художников Вологодской области.

Вне стационара было проведено четыре необычные выставки «Вологодские художники в гостях у студентов» в помещениях Вологодского педагогического института. К организации выставок отнеслись очень серьезно, задействовали профессорский состав. П. А. Колесников и И. В. Гура написали статьи в каталог, составленный И. Г. Козловой.

Издательство «Советский художник» планирует печатать «Справочник выставок советских художников. 1917-1963 годы» в 5 томах. Они присылают перечень выставок по Северу в Вологде:

- 1) 1918 г. Шестая выставка картин северных художников.
- 2) 1928 г. Первая выставка картин и рисунков инициативной группы художников-вологжан.
- 3) 1929 г. Выставка росписи по дереву XVII-XX веков.
- 4) 1940 г. Вторая областная выставка картин Вологодской и Архангельской областей.
- 5) 1942 г. 3-я областная выставка вологодских художников «Великая Отечественная война».
- 6) 1943 г. 4-я областная выставка вологодских художников «Великая Отечественная война».
- 7) 1943 г. Юбилейная областная выставка, посвященная 25-летию РККА.
- 8) 1945 г. 5-я областная выставка вологодских художников.

Была приведена подробная информация о первой выставке инициативной группы. Она проходила в апреле-мае 1928 года в Вологодском областном краеведческом музее, участвовало 19 художников: Н. М. Алексеев, М. М. Алексеева, А. К. Боровская, Ф. Н. Бочков, В. М. Быстров, Ф. М. Вахрушов, В. Р. Воскресенский, Н. П. Дмитриевский, С. Г. Жевтоного, В. И. Котова, П. Л. Куликов, Ф. П. Куропатников, И. А. Скородумов, В. А. Соколов, И. А. Тарабукин, В. В. Тимофеев, Н. А. Тусов, Н. А. Шабанов, Н. М. Ширякин. Экспонировалось 291 произведение. Был издан каталог со вступительной статьей.

1964 год

Выставки

Этот год стал историческим для художественной жизни Вологды по двум причинам. В ВОКГ состоялась первая выставка современного зарубежного автора. Экспонировались гравюры бельгийского художника Герарда Годуэна. Зрители хвалили выставку: «Умный художник. Его искусство радостно, жизнеутверждающе, остроумно. Техника совершенна, искусство современно». Много экскурсий по этой выставке провела И. Г. Козлова.

А в Архангельске состоялась Первая зональная выставка «Советский Север», которые затем стали проходить раз в четыре года во всех областных и региональных центрах Северо-Запада России. На местах проводился выставком, рекомендовавший произведения своих художников. Так и в Вологде весной прошла областная выставка произведений вологодских художников, рекомендованных на Первую зональную выставку «Советский Север».

Фонды

Проблемы с Министерством культуры продолжались. С. Г. Ивенский писал: «Из МК присылают произведения, которые негде хранить, так как помещения фондов все нет, так, пришлось отказаться от переданных произведений ДПИ. Была направлена скульптура Косова «Шахтер», очень тяжелая, может, ее направить в Череповец? МК не заботится о том, что и куда передает».

На запрос из галереи по поводу одной картины из фондов пришел ответ из Эрмитажа от Е. Фехнер: «Это копия с голландского художника Паулюса Морельса (1571-1638). Оригинал хранится в ГЭ, там же и другие картины этого художника. В основном он был портретист. Наряду с правдивыми реалистическими портретами писал и аллегории: «Портрет Марии де Роган в виде Венеры с амуром» или «Портрет молодой женщины в виде Граниды». Копия с этой картины и находится в ВОКГ. Гранίδα — дочь персидского царя, героиня пасторали голландского поэта Хофта, она полюбила пастуха Длифило. Оригинал исполнен на дереве, размеры — 71,5x54,5».

Впечатления зрителей от галереи отличались полярностью. Часто они устраивали письменные дебаты на страницах книги отзывов. Так, в сентябре один зритель ругал «Зимнее солнце» К. Ф. Богаевского, а другой его опровергал: «Ave, Богаевский — русский Ван Гог! Как мало мы еще знаем наших художников. Эти картины могли бы украсить Лувр».

Из этого ряда выпадал отзыв, необычайно характерный для того времени:

«Надо нацелить тов. Дрыгина (первый секретарь обкома КПСС), чтобы тот нацелил работников культуры за 7 лет пополнить галерею портретами Героев Социалистического Труда и передовиков производства».

Издательская работа

В этом году возникла большая проблема с издательским делом в ВОКГ, поэтому С. Г. Ивенский написал письмо председателю Комитета Совета министров РСФСР по печати о запрете ВОКГ печатать каталоги и альбомы. На 6 страницах директор галереи сообщал: «Инициатива ВОКГ отмечалась в журналах «Художник» и «Творчество» за хороший вкус этих изданий, всегда к открытию выставки готовился каталог, афиша, билет. Печатались с подлинных гравюр, поэтому без клише, это удивляло. Почти все (статья, каталог, макет) делали сами. Все издания сразу раскупались. Отзывы из Венгрии, Польши, Чехословакии, Италии, Бельгии; вот один из них: «Вы волшебник! В маленьком провинциальном городе Вы презентуете всю русскую графику! Специалист из Венгрии!». На Западе не верят в достижения советской графики, мы доказываем обратное. Каталог выставки Фролова (анималиста, ученика Фаворского) за 2 дня посетители раскупили, обижались те, что не успели. 260 заявок пришло на этот альбом. Фролов подарил ВОКГ все лучшие работы со своей выставки 1963 года».

На это письмо ответили, чтобы печатали в Северо-Западном издательстве, так как Вологодское издательство ликвидировано. Все эти события усложняли издательскую деятельность. Успех каталога выставки Фролова побудил галерею издать альбом 25 гравюр этого художника, но из-за приказа министра по печати нужно было получить разрешение Союза художников. В связи с этим Ивенский направил письмо в Московское отделение СХ РСФСР с просьбой разрешить печатать альбом гравюр Фролова в Северо-Западном издательстве. В результате альбом 25 гравюр Фролова печатали в Москве.

1965 год

Директор сообщал о проблемах галереи в министерство культуры РСФСР: «В Вологде ни разу не было ни одной комиссии из МК, ни их представителя. Паровое отопление установлено в залах, но в помещении фондов — печное отопление, копоть. Нет гардеробщика. Идет ремонт подвального этажа, для выставок графики и для библиотеки. Вход в галерею бесплатный».

Выставки

- 1) Январь — февраль. 4-я выставка самодеятельных художников.
- 2) Февраль — март. Передвижная выставка «Художники РСФСР».
- 3) Апрель — май. Выставка И. И. Варакина.
- 4) Май-июнь. Выставка «Пейзажи нашей Родины» по линии МК.
- 5) Июнь-июль. Выставка С. И. Хрустальной. К 50-летию художника.
- 6) Август. Выставка Г. А. Кравцова (Москва).
- 7) Сентябрь-ноябрь. Выставка Я. Водражки (Чехословакия). Посетители выставку хвалили.
- 8) Декабрь. Первая выставка вологодской графики.

Была запланирована персональная выставка Д. Т. Тутунджан, но она отказалась, вместо этого была проведена первая выставка вологодской графики.

В районах области провели 6 передвижных выставок графики и репродукций. Они сопровождалась методическими разработками для ведения экскурсий на местах.

Фонды

Поступило 111 экспонатов: 7 — живописи, 104 — графики.

Закупок стало меньше, потому что за счет спецсредств галерея содержит одного сотрудника, уменьшились поступления и от МК СССР и МК РСФСР.

Все записывается в книгу поступлений и инвентарную книгу, заведено 513 карточек научного описания по живописи.

Издательская работа

1) Каталог выставки самодеятельных художников (Дом народного творчества, сост. Т. А. Чистякова, авт. ст. Л. Ф. Дьяконицын).

- 2) Каталог, афиша, приглашение выставки И. И. Варакина (авт. ст. Л. Ф. Дьяконицын).
- 3) Афиша выставки «Пейзажи нашей Родины» по линии МК.
- 4) Каталог выставки С. И. Хрусталевой, к 50-летию художника.
- 5) Афиша выставки Г. А. Кравцова (Москва).
- 6) Каталог, афиша, приглашение выставки Я. Водражки (Чехословакия).
- 7) Афиша первой выставки вологодской графики (ВОКГ). Каталог (ВОСХ, авт. — сост. Л. Ф. Дьяконицын).

Каталог, афиша, приглашение передвижной выставки «Художники РСФСР» привозные.

Все каталоги по выставкам ВОКГ 1965 года были проданы.

Научный сотрудник И. Г. Козлова помогла директору в подготовке каталогов, афиш, пригласительных билетов и в работе над упорядочением библиотеки.

Афиши 1965 года были очень художественны, интересны. Так, на афише выставки вологодской графики был помещен рисунок Д. Т. Тутунджан «Маленькая кружевница», очень смелой по дизайну была афиша выставки Г. А. Кравцова. Гравюра чешского художника Ярослава Водражки — ребенок с шариком — была представлена на черно-оранжевом фоне, что делало ее очень современной.

Пропаганда искусства

Активное участие в деятельности галереи принимали члены общественного совета — Л. Ф. Дьяконицын, В. Н. Корбаков, П. А. Колесников. Они писали статьи, проводили выступления, встречи со зрителями.

Появился новый сотрудник — экскурсовод О. Н. Черемисина, она занималась организацией экскурсий, их число увеличилось за счет школьников. Основные посетители — учащиеся школ, увеличилось число служащих и туристов, уменьшилось — военных.

Было прочитано 80 лекций. Ивенский продолжал читать курс по всеобщей истории искусства в пединституте, Федотова — в институте усовершенствования учителей, в школах, учреждениях, на предприятиях.

Провели два дня открытых дверей — на выставке Я. Водражки и на Первой выставке вологодской графики.

В книге отзывов появилось поразительное признание: «Прожив один год в этом городе, я ни разу не получала такого удовольствия, как здесь».

1966 год

Авторитет ВОКГ в Российской Федерации растет. Министерство культуры хвалило работу ВОКГ, особо выделяя выставочную и пропагандистскую работу, отмечали регулярный выход высококачественных каталогов.

В январе чуть было не возникла проблема, от которой совсем недавно ушли: местные «энтузиасты» спорта просили открыть в цокольном этаже галереи лыжную базу, к счастью, Министерство культуры РСФСР не допустило этого безобразия.

В ВОКГ продолжали работать С. Г. Ивенский, И. Г. Козлова, К. Н. Федотова, О. Н. Черемисина, появилась В. Н. Бордуленко.

Выставки

- 1) Март — апрель. Выставка М. С. Чураковой (Москва).
- 2) Май. Выставка А. Калашникова «Север глазами художника».
- 3) Июнь-июль. Областная выставка молодых художников. Каталог ВОСХ, (сост. О. Н. Черемисина, авт. ст. В. Н. Корбаков).
- 4) Сентябрь. Выставка детских художественных работ.
- 5) Ноябрь — декабрь. Выставка из Эрмитажа «Голландское и фламандское искусство XVII века» по линии Дирекции художественных выставок и панорам МК СССР. 75 произведений живописи, 24 — графики.
- 6) Ноябрь — декабрь. Выставка Н. И. Кормашова и Л. А. Мууги (Эстония).

Выставки размещались в галерее рядом с постоянной экспозицией, приоритет был за советским искусством, поэтому эта экспозиция оставалась, а все последующие залы, занимаемые русским искусством, отводились под выставки. В 1966 году за разделом советского искусства следовала выставка «Голландское и фламандское искусство XVII века» из Эрмитажа, в двух последних залах размещалась эстонская выставка Н. И. Кормашова и Л. А. Мууги. Получить адекватное впечатление от столь разных произведений,

отделяемых веками, было невероятно сложно, это могли только художественно подготовленные зрители. Отзывы свидетельствуют об этом. Выставку Н. И. Кормашова и Л. А. Мууги одни называли примером жалкого ремесленничества, «выставкой детского рисунка», преподаватели ГПТУ 15 парировали: «Вы просто не понимаете искусство».

Встречались и вызывающие улыбку рекомендации по поводу классической экспозиции: «Галерея слишком миниатюрна в сравнении с галереями Новгорода и Смоленска. Вологда должна иметь более приличную экспозицию, и, видимо, не столь сложно достать хотя бы немного картин западноевропейских художников, в том числе французских импрессионистов и т. д., которые без пользы пылятся в запасниках Эрмитажа, музея ИЗО им. Пушкина в Москве и т. д. Военнослужащий-врач».

Передвижные выставки:

Рисунки из ВОКГ. Вологда, конструкторское бюро.

Выставки из репродукций:

1) Советская графика. Куркино.

2) Образ Ленина. Куркино.

3) Русские и советские художники. Молочный институт.

Активно шла работа по подготовке выставки А. А. Борисова. Велась длительная, весьма утомительная переписка с его племянником Н. П. Борисовым. В своем первом письме, состоявшем из 10 пунктов, он выразил готовность содействовать выставке, желая устроить ее в августе-сентябре. Ивенский писал: «Это невозможно, так как лето, огороды. А в сентябре в галерее делают обычно выставку для школьников. Другие музеи к дате юбилея работ не дадут, надежда была на Ваши 18-20 работ». Борисов обижен отказом и некорректностью, а Ивенский пишет, что галерея не привыкла делать выставки из репродукций, так как она музей. Тогда племянник передал в ГРМ 19 картин маслом для предоставления их в ВОКГ на выставку.

В одном из писем Н. П. Борисов разрешил изменить свой очерк о жизни дяди, потому что «писал, как запомнил, знал, чувствовал». Позже он прислал дополнения к своему тексту, советы по размещению картин в залах, картину «Полночь во льдах» — в алтарь, так как сам А. Борисов помещал ее в темном углу. Он ждал книгу А. Н. Мунина о Борисове.

А выставку все откладывали. Прибыло много работ А. А. Борисова из ГРМ — 7 рисунков (портреты самоедов 1900-1901 гг.), 6 работ — из Великого Устюга.

Директор готовился к новой выставке, направив письмо в ГДР о содействии выставке Вернера Клемке, которого называл немецким Чарушиным. Просил его написать статью. Пришло письмо из Праги от Я. Водражки на чешском языке.

Фонды

В вестибюле ВОКГ висело живописное панно В. А. Сергеева и Е. А. Соколова «Экскурсия в Древнюю Русь», из областного управления культуры его попросили убрать.

От МК РСФСР была передана скульптура «В. В. Маяковский», отлитая в бронзе, весом в 900 кг, директор просил разрешения передать ее городу.

Пришло письмо от вдовы Г. С. Верейского Раисы Михайловны, художнику было бы 80 лет. Она пригласила Ивенского в гости, чтобы отобрать работы для выставки и для приобретения в ВОКГ.

Издательская работа

Каталоги графических и экслибрисных выставок, издаваемых в Вологде, пользовались в СССР огромным успехом, со всей страны в галерею приходило до 250 писем ежегодно с просьбой научить резать экслибрисы, сообщить, как их достать, либо послать наложенным платежом. Много писем-заявок пришло на альбом Фролова. На все письма сотрудники галереи отвечали.

С. Г. Ивенский написал для одного печатного издания статью о Бурмагиных: «Бурмагины, приехав в Вологду, не представляли себе, как пойдет их творческая судьба. Работали в школе учителями рисования, собирали репродукции. Случай свел их со мной, и они «заболели» гравюрой. Николай сам, без посторонней помощи стал гравировать. Свою первую работу принес мне (экслибрис). Именно с экслибрисной школы началось их рождение. Рядом с ними жили И. Козлова, искусствовед Дьяконицын — вместе обсуждали работы, экслибрисы. Заслуга прежде всего Генриетты, человека неистощимой фантазии, прирожденного графика, особо чувствительного к линии, ее эскизы всегда какие-то сказочные. Особенно красочны

эскибрисы для И. Козловой — новогоднее поздравление с 65-м годом. Ян Водражка сказал: «Мой портрет, награвированный Бурмагиными, превосходен. Я сам не умею так сочетать большое сходство и психологическую выразительность с современной графической манерой»».

Вышла книга С. Г. Ивенского «Искусство книжного знака».

1967 год

При ВОКГ создан общественный совет: С. Г. Ивенский, В. Н. Корбаков, П. А. Колесников, А. К. Ведров, Н. В. и Г. Н. Бурмагины, К. Н. Федотова, И. Г. Козлова, В. Н. Бордуленко. На его заседании утвержден план выставочной и издательской работы на год.

В начале года был начат косметический ремонт верхнего этажа галереи. Проводилось паровое отопление, наращивание части стендов для увеличения экспозиционной площади, установлена новая система крепления картин. Поэтому залы с апреля были закрыты, выставки проводились в других учреждениях культуры.

Поступила на работу Г. А. Кузьмина.

Выставки

1) 3 февраля — 12 апреля. Выставка А. А. Борисова. Из ВОКГ, ВОКМ, музеев области, собр. Н. П. Борисова (Ленинград). Каталог (авт. ст. Н. П. Борисов).

2) 12 апреля — 17 мая. Самодельная выставка. ВОКМ.

3) 16 апреля — 12 мая. Выставка варшавского эскибриса. ВОВ.

4) 21 мая — 23 июня. Юбилейная выставка вологодских художников к 50-летию образования СССР.

5) 24 августа — 1 октября. Выставка живописи, графики и скульптуры из ГРМ. Издания привозные.

6) 10 сентября — 1 октября. Выставка итальянского графика Ремо Вольфа.

Он крупный гравер, профессор.

Запланированные выставки Г. С. Верейского и В. В. Воинова не провели по независящим от ВОКГ причинам.

Передвижные выставки прошли в Харовске, Грязовце, Шуйском, Вологодском районе. В Будапеште в библиотеке прошла выставка «Эскибрисы Ивенского».

Фонды

Поступило — 292 экспоната, 3 — живописи, 289 — графики. 249 карточек научного описания.

Из ГЦНХРМ приезжали реставраторы и работали по восстановлению картин ВОКГ.

Издательская работа

В этом году она отличалась необыкновенной активностью, за все годы работы ВОКГ еще не было такого количества изданий:

1) Каталог выставки А. А. Борисова (ав. ст. Н. П. Борисов).

2) Каталог выставки 10 варшавских мастеров книжного знака. Составитель — главный хранитель библиотеки Академии наук в Варшаве Стефан Котарски. Была издана афиша с гравюрой Бурмагиных. За каталог ВОКГ получила грамоту Варшавского союза эскибрисистов.

3) Каталог выставки Ремо Вольфа. Портрет художника был награвирован Бурмагиными.

4) Каталог выставки «Искусство эскибриса» в Кирове.

Все издания печатались в Вологде. Единственно каталог «50 лет советского эскибриса из собрания С. Г. Ивенского» был издан в Будапеште.

Альбомы художников:

1) 25 ксилографий А. И. Калашникова по памятникам архитектуры Вологодской области.

2) Гравюры Бурмагиных.

Макеты этих изданий делали сами художники, печатали в Вологодском филиале Северо-Западного книжного издательства.

Пропаганда искусства

Посетители — 33441, 319 экскурсий. Прошли три встречи с художниками.

Лекции прежние (50): С. Г. Ивенский — 12, К. Н. Федотова — 25, В. Н. Бордуленко — 9, Г. А. Кузьмина — 4.

По всем выставкам вышли статьи в местных газетах, были выступления по радио. О выставке Ремо Вольфа вышла статья Ивенского в сборнике «Искусство. 68». На эту выставку были отклики в газетах «Советская культура» и «Книжное обозрение».

Была издана афиша по собранию ВОКГ горизонтального формата с 11 репродукциями лучших произведений в черно-коричневом цвете, с краткой информацией. Крупно был размещен призывный текст: «Товарищ! Не забудь посетить ВОКГ».

1968 год

Кадры: директор — С. Г. Ивенский, хранитель фондов — К. Н. Федотова, научные сотрудники — В. Н. Бордуленко, И. Г. Козлова. Козлова отвечает за библиотеку и типографские дела. Экскурсоводы — Г. А. Кузьмина, Н. Д. Соколова.

В общественном совете ВОКГ появился В. И. Аринин.

Был проведен ремонт цокольного этажа: установлено 9 дверей, выполнено цементирование пола, рамы заменены, кабинет сотрудников отделен от экспозиции стен, водопровод не установлен.

Выставки

1) 20 апреля — 21 июля. Юбилейная выставка «Советская графика 1917-1967 годов. Из фондов ВОКГ». Готовили несколько лет.

2) 28 июля — 3 августа. Передвижная выставка «Художники РСФСР» (живопись, графика, скульптура). Москва.

3) 20 октября — 22 декабря. Выставка «Вологодские художники к 50-летию ВЛКСМ».

Эта выставка готовилась очень серьезно. Вышло постановление Вологодского обкома КПСС от 20.05.68 о подготовке областной выставки молодых художников к 50-летию ВЛКСМ. В выставком входили В. Н. Корбаков, В. И. Аринин, Н. А. Агафонов, Н. В. Баскаков, Н. В. Бурмагин, С. Г. Ивенский, М. А. Ларичев, Б. В. Шварков, Б. И. Шабаев.

Удивляет столь малое количество выставок — в два раза меньше обычного. Но пять запланированных выставок не состоялось по следующим причинам:

1) Выставка Г. С. Верейского. Не успели издать каталог.

2) «Японская гравюра. Из собрания Коломийца (Москва)» по предложению Г. Н. Бурмагиной. Причина не указана.

3) Выставка В. Клемке (ГДР). Художник не успел к 1 сентября прислать выставку.

4) Выставка В. Н. Корбакова. Из-за болезни.

5) Выставка Д. Т. Тутунджан. Отказалась от выставки в этом году.

Что касалось передвижных выставок, то это были серьезные графические экспозиции, которые директор галереи комплектовал из своего собрания. Это были четыре выставки в Кириллове, Челябинской картинной галерее, Тульском художественном музее, Алма-Ате. К ним С. Г. Ивенский подготовил большой каталог «1000 экслибрисов» (шедевры мирового экслибриса).

Вот как он советовал направлять подготовленные комплекты работ: «Лучше начать с выставки «В монастырском Кириллове», ведь в Кирилло-Белозерском монастыре есть древняя библиотека, история водяных и книжных знаков, затем выставку «Советский и зарубежный экслибрис», потом — «Вологодский экслибрис» и завершить «Экслибрисами Ивенского»».

Фонды

Поступило 130 экспонатов: 7 — живописи, 123 — графики. 380 карточек научного описания. Передача в ВОКГ из МК РСФСР 9 комплектов выставок советского эстампа (линогравюры, офорты): «Советский эстамп», «Ленин», «КПСС».

В галерее работала министерская проверка, она отметила слабость советского раздела, было рекомендовано закупить 2-3 работы местных художников. В МК РСФСР было направлено письмо с просьбой передать полотно А. и С. Ткачевых «В трудные годы» 1968 года, в управление культуры Вологодского облисполкома отправлено письмо-просьба о передаче из ВОКМ следующих картин: 1) И. И. Машков «Натурщица», 2)

А. В. Лентулов «Портрет Сведомской», 3) А. А. Экстер «Город», 4) Ф. С. Богородский «Пейзаж», 5) Р. Р. Фальк «Натюрморт», 6) А. И. Мильман «Пейзаж».

Картины из краеведческого музея были переданы, и посетители это отмечали: «Небольшая, но очень содержательная экспозиция. Вкус и такт. Сюрпризы — Фальк, Кончаловский, Машков, Лентулов, Богаевский, Серебрякова. Особенно хорош отдел графики, но хочется больше видеть вологодских графиков».

Во время осуществления одного из маршрутов передвижных выставок из Великого Устюга в Тотьму по вине Сухонского речного пароходства погибла картина И. А. Гринюка «Зоя перед уходом на фронт» 1950 года, размером 175х127. Пароходство перечислило галерее деньги за нее.

Издательская работа

1) Каталог юбилейной выставки из собрания ВОКГ «50 лет советской графики» (сост. И. Г. Козлова, К. Н. Федотова). Он быстро разошелся, были хорошие отзывы искусствоведов, любителей, музейщиков и из-за рубежа. К выставке были также изданы афиша и билет с гравюрами М. С. Чураковой.

2) Каталог выставки скульптурных работ из корней и сучков Н. Кочина. (ред. И. Г. Козлова).

3) Альбом «25 экслибрисов А. Т. Наговицына» (авт.-сост. С. Г. Ивенский). Быстро разошелся, хорошие отзывы, рентабелен (доход — 800 руб.)

Макеты афиш 1968 года делал Н. В. Бурмагин.

Министерская проверка отметила, что издания ВОКГ относятся к лучшим музейным изданиям страны. Статьи имеют серьезный научный характер, сами издания осуществлены на высоком полиграфическом уровне.

В течение последних лет сотрудниками ведется огромная работа с письмами — в галерею в год на издания поступает до 1000 заявок, даются ответы на сотни писем, осуществляется рассылка изданий.

Пропаганда искусства

Работу над статьями по выставкам осуществляли как сотрудники ВОКГ, так и члены общественного совета, особенно активны В. Н. Корбаков и Б. Непеин.

С. Г. Ивенским было написано новое методическое пособие по постоянной экспозиции (прежнее устарело), оно направлено для рецензии в МК РСФСР.

И. Г. Козлова подготовила аннотации к стендам в постоянной экспозиции.

Прочитано 60 лекций. К монографическим темам по русским и советским художникам добавились темы «Что такое изобразительное искусство», «Виды и жанры», «Как смотреть картину».

1969 год

В галерее работают три научных сотрудника: Г. А. Кузьмина, В. Н. Бордуленко, Н. Д. Соколова, экскурсовод С. Осипова. И. Г. Козлова уволилась. В. Н. Бордуленко и Н. Д. Соколова заочно учатся в Институте им. Репина.

Поведены ремонт купола и ризницы для фондов.

Выставки

1) 5 января — 26 февраля. Выставка Вернера Клемке. Книжная детская графика и станковая.

Готовятся выставки двух учеников В. Клемке — К. Мюллера и К. Хирша (ГДР), если разрешат АХ СССР и отдел внешних связей МК СССР и если Академия искусств ГДР даст согласие на выставку вологодских графиков в ГДР.

2) 10 января — 26 февраля. Выставка В. А. Фаворского и Д. А. Дубинского.

3) 1 марта — 16 апреля. Выставка Г. С. Верейского. Живопись, графика.

4) 18 апреля — 31 мая. Выставка «Художники — малышам» (Москва). Просьба продлить эту выставку до 1 июня не была удовлетворена.

5) 7 июня — 28 августа. Выставка А. М. Колчанова. Линогравюра, ксилография (Киров).

6) 7 июня — 28 августа. Передвижная выставка «Советская графика и скульптура». (Москва). Школа Фаворского: М. С. Чуракова, И. В. Голицын. В. А. Ватагин, Е. И. Чарушин, А. Г. Тышлер, А. В. Фонвизин, Д. И. Митрохин, В. А. Фролов, Г. Ф. Захаров. Скульпторы — Т. М. Соколова, А. Г. Пологова.

7) 18-28 сентября. Выставка живописи и графики Д. Т. Тутунджан.

8) 8-27 октября. Юбилейная выставка вологодских художников к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Каталог (ВОСХ).

Выставком по областной выставке к 100-летию со дня рождения Ленина: А. Н. Голубева — начальник управления культуры, художники — В. Н. Корбаков, Н. В. Баскаков, О. А. Бороздин, Н. В. Бурмагин, Е. А. Соколов, Д. Т. Тутунджан, А. В. Щепелкин, В. Н. Ельфина, музейные работники — И. А. Пятницкая, С. Г. Ивенский, вузовские работники — П. А. Колесников.

9) 5 ноября — 21 декабря. Выставка самодеятельных художников.

10) 25 ноября. Открытие постоянной экспозиции графики ВОКГ.

Всего было проведено 18 передвижных выставок, кроме традиционных выставок в районах области:

1) Выставка Ремо Вольфа. Киров.

2) Выставка экслибриса. Череповец.

3) «Экслибрисы из коллекции С. Г. Ивенского». Тамбов, художественный музей.

Фонды

Поступило 145 экспонатов, 11 — живописи, 134 — графики.

Поступили работы — М. В. Нестерова, Н. Е. Сверчкова, Л. Ф. Туржанского, К. Ф. Юона, Н. М. Ромадина, А. В. Самохвалова, вологодских художников — Ю. Н. Петрова, Д. Т. Тутунджан, Н. В. и Г. Н. Бурмагиных.

Оказана помощь музею Великого Устюга.

Р. М. Верейская передала в ВОКГ 10 работ и рисунок М. А. Врубеля — все это отправлено на закупку в МК РСФСР. Просили министерство передать ВОКГ картину Тутунджан «Незабудки».

Письмо Е. Поповой (москвички) — племянницы Н. П. Дмитриевского, она благодарила за заботу о работах ее дяди.

Издательская работа

1) Каталог по выставке В. Клемке (переводчик и авт. ст. С. Г. Ивенский).

2) Каталог по выставке Г. С. Верейского (авт. Б. Суриц).

3) Подготовка каталога графики ВОКГ.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 47411 человек, экскурсий — 533, прочитано 150 лекций.

Открытие выставки Вернера Клемке снимали для ГДР и Центрального телевидения СССР. Состоялась встреча художника со зрителями.

Было написано методическое пособие экскурсии по экспозиции графического отдела В. Н. Бордуленко.

Статьи:

1) С. Г. Ивенский. «Вернер Клемке» — журнал «Искусство».

2) С. Г. Ивенский. «100 мастеров русского экслибриса». Издательство «Художник РСФСР».

3) С. Г. Ивенский. «Д. Т. Тутунджан» — журнал «Наш современник».

4) С. Г. Ивенский. «Талант и вкус. Л. Н. Щетнев».

5) В. Н. Бордуленко. «Приглашение на выставку». О выставке графики и скульптуры из фондов СХ РСФСР.

6) В. Н. Корбаков. «Согретое любовью к человеку». О выставке Г. Верейского. Автор называет ее одной из лучших выставок за последние годы.

7) В. Н. Корбаков. «Вологодские экслибрисы» — о выставке в Москве.

8) К. Н. Федотова «Приглашение к прекрасному».

В письме из одной из деревень Кадуйского района читательница сообщила, что она узнает в газетах обо всех выставках в галерее, вырезает заметки и показывает знакомым, хорошо знает все выставки (особенно Тутунджан и промыслы).

1970 год

В галерее, кроме директора, нет сотрудников с законченным специальным образованием. Поступили на работу Н. Старикова и В. Н. Ордина.

Выставки

- 1) 1 января — 18 февраля. Выставка графики из фондов.
- 2) 21 февраля — 15 марта. Выставка графики В. П. Пензина (Москва).
- 3) 15 марта — 14 апреля. Передвижная выставка живописи «Пейзаж нашей Родины» (Москва).
- 4) 19 апреля — 9 мая. Выставка плакатов периода Великой Отечественной войны из собрания

П. Е. Корнилова.

- 5) 1 ноября — 4 декабря. Выставка графики Н. И. Пискарева (Москва).
- 6) 1 ноября — 4 декабря. Выставка «Рисунки и акварели детей Вологодской области».
- 7) 26 декабря. Выставка вологодских художников.

Передвижные выставки в 14 районах области.

Из подлинных произведений прошли выставки:

- 1) Выставка плаката периода Великой Отечественной войны. Череповец.
- 2-3) Выставка эстампов. Верховажье, Вашки.
- 4) Выставка графики в ВОКМ.

Фонды

Поступило 93 экспоната.

Директор отметил в служебной записке слабый уровень экспозиции советского отдела: «Еще в разделе 1920-1930 гг. кое-что есть: Машков, Кончаловский, Фальк, Лентулов. Раздел 1930-1950 гг. — ниже среднего, несколько приемлемых этюдов Ромадина, Верейского, натюрморт Асламазян, п-т Орешникова несколько скрашивают впечатление провинциальности. Украшением являются работы Корбакова. Создание древнерусского отдела считаю нецелесообразным».

На реставрации в ГЦХНРМ находится большое полотно И. К. Айвазовского «Лунная ночь».

Пропаганда искусства

Посетителей — 41157, экскурсий — 511, прочитано лекций — 146.

Прошли обсуждения выставок В. П. Пензина, «Пейзаж нашей Родины», проведены три встречи с художниками, день открытых дверей для колхозников.

Статьи:

- 1) С. Г. Ивенский. «Н. И. Пискарев».
- 2) С. Г. Ивенский. «В. У. Едемский».
- 3) К. Н. Федотова. «Выставка плаката периода Великой Отечественной войны из коллекции

П. Е. Корнилова».

Издательская работа

- 1) Каталог по выставке плаката периода Великой Отечественной войны.
- 2) Каталог выставки Н. И. Пискарева.
- 3) Каталог областной выставки.
- 4) Буклет по детской выставке.
- 5) Приглашения и афиши к выставкам.

1971 год

Работают С. Г. Ивенский, К. Н. Федотова, Г. А. Кузьмина, В. Н. Ордина, библиотекой занимается М. Е. Сизикова.

Выставки

- 1) 1 января — 21 марта. Областная выставка вологодских художников.
- 2) 24 апреля — 20 июля. Выставка живописи и скульптуры из ГТГ.
- 3) 30 мая — 20 июля. Выставка К. И. Рудакова к 80-летию.
- 4) 21 июля — 31 июля. Выставка Е. М. Рачева из фондов СХ РСФСР.
- 5) 31 июля — 25 сентября. Выставка-отчет специализированной группы рисунка «По земле Вологодской».

- 6) 10 октября — 11 ноября. Выставка акварелей А. И. Попова (Рыбинск).
Между выставками работали дважды постоянная экспозиция живописи, один раз — графики.

Передвижные выставки

- 1-5) Выставка эстампа. Никольск, Бабушкино, Ваши, Вытегра, Чагода.
- 6) Выставка Е. М. Рачева. Череповец.
- 7) Выставка «Экслибрисы из собрания С. Г. Ивенского». Череповец.

Фонды

Поступления — 178 экспонатов: 20 — живопись, 156 — графика.

Советский отдел живописи пополнился работами Д. Т. Тутунджан «Незабудки», В. Н. Корбакова «Скорбящая» и «Натюрморт». В графическом отделе добавились листы В. А. Сергеева, Д. Т. Тутунджан, В. У. Едемского, А. Т. Наговицына, Л. Н. Щетнева и других авторов. Важно то, что они сразу попадали в экспозицию. Так, в постоянной экспозиции представлены полотна «Незабудки» Д. Т. Тутунджан и «Натурщица» И. И. Машкова. Но по поводу последней картины появились отрицательные отзывы: ««Натурщица» Машкова — позорное пятно ВОКГ».

Составлен список из 18 экспонатов, не подлежащих выдаче на выставки в силу их ценности или плохой сохранности. Это в том числе скульптуры А. В. Щепелкина «Микулà Селянинович» (гипс. 250x120) и «Юрий Смирнов» (гипс. 164x45).

В галерее работали два реставратора из ГЦНХРМ, выполнив 16 работ.

На экспертизу отправлены: М. В. Нестеров «У лесного озера», этюд И. И. Шишкина к «Корабельной роже» (авторство не подтвердилось), В. Д. Поленов «Палестинский этюд», А. Е. Архипов «Крестьянка».

В Устюжне С. Г. Ивенский проверил сохранность картин и рекомендовал немедленно направить их на реставрацию.

Издательская работа

- 1) Каталог выставки К. И. Рудакова.
- 2) Буклет к выставке «По земле Вологодской».
- 3) Билеты и афиши к выставкам.

Пропаганда искусства

Посетителей — 42704, 500 экскурсий, 81 лекция, из них 40 — в районах.

Лекции читали Г. А. Кузьмина, В. Н. Ордина, С. Г. Ивенский, К. Н. Федотова.

П. Е. Корнилов направил в галерею текст экскурсии по выставке К. И. Рудакова.

В книге отзывов учениками 32-й школы Юрой Малоземовым и Мариной Подшиваловой написан отзыв на экскурсию Г. А. Кузьминой.

1972 год

В галерею пришли Е. А. Шуткова, Л. Г. Королева (Соснина), Е. А. Коновалова.

Выставки

1) 21 января — 4 марта. Передвижная выставка живописи и графики «Спорт в изобразительном искусстве». (Москва).

2) 2 апреля — 28 апреля. Выставка молодых вологодских художников (живопись, графика, ДПИ). Эту выставку хвалили, отмечали Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, В. У. Едемского, Г. И. Попова, Г. В. Калинина, О. Г. Контареву, Т. П. Горельшеву, Н. А. Журавлеву, Е. А. Соколова, Е. С. Шевченко, В. Г. Смирнова, В. Н. Шапкину, А. А. Борисова.

Многие посетители ходили на нее по два раза (Т. Чистякова, Н. Вяткина). Есть умные отзывы.

3) 1 мая — 15 мая. Выставка Э. Г. Браговского (Москва). Живопись, графика. Выставку хвалили и ругали с одинаковой страстью. Один из посетителей рассуждал о нашем «путаном» времени. Зрители спорили друг с другом на страницах книги отзывов, комментируя предыдущие записи.

- 4) 14 августа — 10 сентября. Передвижная выставка «Пейзаж нашей Родины» (Москва).
 - 5) 12 сентября — 19 октября. Передвижная выставка специализированной группы графиков РСФСР «По земле Вологодской».
 - 6) 12-27 ноября. Выставка рисунков Нади Рушевой.
 - 7) 12-27 ноября. Экслибрисы Л. Н. Щетнева. (выставка работала в нижнем зале одновременно с выставкой Н. Рушевой).
 - 8) 18 ноября — 10 декабря. Выставка русской и советской живописи и скульптуры из ГРМ.
 - 9) 26 ноября — 9 февраля 1973. Выставка «Гравюры А. Дюрера» к 500-летию художника, из ГМИИ. 140 работ.
 - 10) 24 декабря — 16 марта 1973. Выставка вологодских художников к 50-летию образования СССР.
 - 11) 16-22 декабря. Выставка учащихся ДХШ Вологодской области.
- Всего проведено 12 передвижных выставок
- 1) Советский эстамп. Череповец.
 - 2) Экслибрисы из собрания С. Г. Ивенского. Череповец.
 - 3). Экслибрисы из собрания С. Г. Ивенского. Тюмень, музей. Ивенский подарил экслибрисы этим музеям.
- В районах области проведено 9 выставок из репродукций.

Фонды

Поступления: 566 экспонатов, из ГРМ — 55, 334 — передал Ивенский. В советском отделе появилась картина Д. Т. Тутунджан «Молодая», в графическом отделе — новые гравюры Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, В. А. Сергеева. Из ГРМ направлен ящик гравюр в дар.

По количеству единиц хранения ВОКГ является музеем III категории.

В штатном расписании появилась единица художника-реставратора. С декабря ее занимает Н. А. Журавлев, выпускник Ярославского училища, он сразу направлен на семинар и стажировку.

В галерее пять экспозиционных залов: три зала живописи и скульптуры, два зала графики. Директор негативно относится к выставкам ВОСХ в галерее.

Издательская работа

- 1) Каталог графики ВОКГ (сост. Г. А. Кузьмина, К. Н. Федотова, ред. С. Г. Ивенский).
 - 2) Каталог-альбом Л. Н. Щетнева (сост. С. Г. Ивенский).
 - 3) Буклет выставки Н. Рушевой (сост. Л. Г. Соснина).
 - 4) Буклет выставки ДХШ (сост. Г. А. Кузьмина).
 - 5) Каталог выставки молодых вологодских художников (сост. Г. А. Кузьмина).
 - 6) Каталог выставки «Искусство книжного знака из собрания С. Г. Ивенского» в Тюмени (сост. С. Г. Ивенский).
 - 7) Каталог выставки Н. В. Перцева (сост. Г. А. Кузьмина).
- К выставке гравюр А. Дюрера из ГМИИ прислан каталог из этого музея.

Пропаганда искусства

Было прочитано 113 лекций: Г. А. Кузьминой, К. Н. Федотовой, Н. Стариковой, С. Г. Ивенским, Е. А. Шутковой, Л. Г. Сосниной.

Готовясь к проведению выставки рисунков Нади Рушевой, Л. Г. Соснина написала 9 августа письмо родителям Нади о согласии на ее выставку в ВОКГ. В помощь подготовки выставки в галерею было прислано 35 статей в отечественных и иностранных газетах и журналах о творчестве Нади начиная с 1963 года.

К выставке «Пейзаж нашей Родины» К. Н. Федотовой была написана статья «Певец русской природы В. К. Бялыницкий-Бируля». Составлено 100 анкет советских художников для каталога живописи и скульптуры. Г. А. Кузьмина написала методичку для экскурсии по отделу графики.

В июне уже водит экскурсии — Л. Г. Соснина, в июле — Е. А. Коновалова, 4 июля ей написан первый отзыв.

Но директор отмечает острую нехватку специалистов, низкое качество экскурсий. Указывая, что методички к отдельным выставкам не пишутся из-за нехватки кадров, их заменяют статьи в каталогах.

Библиотекой поручено заниматься Е. А. Коноваловой.

1973 год

С 1 февраля С. Г. Ивенский находился на обследовании, исполняющим обязанности директора была К. Н. Федотова (зав. фондами), во 2-м полугодии Семен Георгиевич вновь приступил к своей работе. В галерею поступила Е. Б. Юшманова (Савина), на должность экскурсовода — О. А. Козодерова.

Всего в галерее работало 17 человек, из них 5 научных сотрудников, высшее образование — у двоих.

Выставки

1) 1 января — 16 марта. Выставка вологодских художников к 50-летию СССР. По выставке было много отзывов. «Г. Попов — новатор с большой буквы, потрясающе, здорово, лучше всех! Посетил выставку три раза из-за Попова. Картины с юмором, но очень правдивы и техничны (блиц-техника), красочны. Самой значительной из вологодских художников является Тутунджан. Это доказывает нынешняя выставка. Графическая серия: «Утро», «Полдень», «Вечер». Хвалили Бурмагиных, Ю. Ельцова и многих других.

2) 1 января — 9 февраля. Выставка «Гравюры А. Дюрера из собрания ГМИИ».

3) 18 марта — 14 апреля. Выставка Инны Широковой (Киров).

4) 22 апреля — 27 мая. Выставка самодеятельных художников.

5) 5 мая — 9 июня. Выставка «Памятники истории и культуры народов СССР в экслибрисе».

6) 29 мая — 17 июня. Выставка М. Греку (Молдавия). Выставку не поняли: «После графики выставка Греку — кощунство». «Абстракциям М. Греку здесь не место. Это не Рио-де-Жанейро».

7) 27 октября — 14 декабря. Выставка акварелей В. Н. Батюшкова (Киев).

8) 24 ноября — 27 декабря. Выставка владимирских живописцев. О ней писали наши художники: «Где владимирские традиции? Слабые работы, требуют доработки. В альбомах они лучше».

9) 15-31 декабря. Выставка «Русский рисунок XIX-XX вв. из собрания П. Е. Корнилова».

10) 29 декабря — 22 февраля 1974. Выставка Г. И. Попова. Живопись, графика.

Планировали на этот год персональные выставки Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, В. А. Сергеева, но авторы отказались. Не сделана выставка Марангони (Италия) из собр. С. Г. Ивенского.

В экспозиции графики посетители предлагают поставить печатный станок.

Передвижные выставки

1-4) Выставка вологодских художников. Череповец, Никольск, Великий Устюг, Кириллов.

5-6) Выставка русского рисунка. Факсимиле. Тотьма, Бабушкино.

7-9) Выставка «Памятники истории и культуры народов СССР в экслибрисе». Череповец, Нелазское, Вытегра.

10) Выставка вологодских художников. Вологда, ГПЗ — 23.

Фонды

Всего экспонатов — 3543, живопись — 566, графика — 2797, скульптура — 60, ДПИ — 120. Основной фонд — 2397. Поступило 93 экспоната.

В экспозицию вошли новые картины — М. Греку «Мальчик с быками», В. Я. Юкин «Старина», Д. Т. Тутунджан «Пахарь Мария», графика — рисунки М. А. Врубеля, В. К. Маковского, гравюры Н. И. Пискарева, Н. В. и Г. Н. Бурмагиных.

Пришло письмо вдовы И. И. Варакина, который хотел передать клише своих работ в ВОКГ.

Издательская работа

1) Каталог выставки самодеятельных художников.

2) Каталог выставки «Памятники истории и культуры народов СССР в экслибрисе».

3) Каталог выставки «Русский рисунок XIX-XX вв. из собрания П. Е. Корнилова».

4) Каталог выставки Г. И. Попова.

5) Работа над каталогом живописи и скульптуры ВОКГ (ред. К. Н. Федотова, сост. Г. А. Кузьмина, Л. Г. Соснина, Е. А. Шуткова).

Каталоги к выставкам М. Греку и «Акварели В. Н. Батюшкова» привозные.

Н. А. Журавлев делает макеты афиш и билетов.

Пропаганда искусства

Посетителей — 48697 чел. (план — 42000), проведена 551 экскурсия.

145 лекций, 41 — на селе. Читали Г. А. Кузьмина, К. Н. Федотова, Е. А. Шуткова, Е. Б. Савина (Юшманова).

Директор отмечает серьезную подготовку сотрудников к экскурсиям.

Проведены встречи зрителей с художниками М. Греку, И. Широковой, В. Батюшковым, дни открытых дверей для студентов и военнослужащих.

Статьи:

- 1) С. Г. Ивенский. «Мастера русского экслибриса». Издательство «Художник».
- 2) С. Г. Ивенский. «Т. Марангони». Журнал «Искусство».
- 3) С. Г. Ивенский. «В. А. Сергеев». Журнал «Искусство».
- 4) С. Г. Ивенский. «Библиография по русскому и советскому экслибрису». Журнал «Искусство. 73-74».
- 5) С. Г. Ивенский. «Г. Годуэн». Газеты «Красный Север» (Вологда), «Коммунист» (Череповец).
- 6) О. А. Козодерова. «О самодельных художниках». Газета «Красный Север».

1974 год

Приказом МК РСФСР от 1.03.74 № 178 Архангельский музей изобразительных искусств определен головным музеем северной зоны, в которую кроме ВОКГ входят Сольвычегодский историко-художественный музей, Художественный музей Коми АССР, Художественный музей Карельской АССР.

Кадровый состав:

К. Н. Федотова. Род. 1925. Образование — педагогические курсы. Работает в ВОКГ с 1952.

Директор — с 1974.

Л. Г. Соснина. Род. 1951. Учится заочно в ЛИЖСА. Работает в ВОКГ с 1972. Научный сотрудник.

Е. А. Коновалова. Род. 1950. Учится заочно в ЛИЖСА. Работает в ВОКГ с 1972. Научный сотрудник.

Е. А. Шуткова. Род. 1955. Учится заочно в ЛИЖСА. Работает в ВОКГ с 1972. Старший научный сотрудник.

Е. Б. Савина. Род. 1956. Работает в ВОКГ с 1973. Заведующая фондами.

О. Д. Уткина. Род. 1956. Учится заочно в ЛИЖСА. Работает в ВОКГ с 1974. Научный сотрудник.

Т. Н. Белозерова. Род. 1949. Работает в ВОКГ с 1974. Реставратор.

М. Н. Подшивалова (Вороно). Род. 1956. Работает в ВОКГ с 1974. Учится заочно в бухгалтерском техникуме в Ленинграде. Библиотекарь.

Самым главным событием года было проведение зональной выставки «Советский Север — 74», под нее было отведено все здание галереи, часть залов в областном краеведческом музее, и построен стеклянный павильон на берегу реки. Для выставки в галерее проводился ремонт, заменены рамы в окнах, в вестибюле установлен барьер, проведено новое освещение, покрашены стены.

Выставки

1) 1 января — 5 февраля. «Русский рисунок XIX-XX вв. из собрания. П. Е. Корнилова».

2) 24 февраля — 1 марта. Передвижная выставка «Художники РСФСР» (Москва). На выставке представлено произведений: 61 — живопись, 88 — графика, 15 — скульптура. Живопись — А. М. Грицай, Б. М. Домашников, В. П. Ефанов, В. И. Иванов, В. А. Игошев, Ю. П. Кугач, А. И. Лактионов, Д. К. Мочальский, Д. А. Налбандян, В. К. Нечитайло, П. П. Оссовский, А. А. Пластов, Ю. С. Подляский, Н. М. Ромадин, Я. Д. Ромас, Б. Я. Рязузов, Н. К. Соломин, В. Ф. Стожаров, С. П. и А. П. Ткачевы, С. Х. Юнтунен и др.

Графика — Н. А. Бруни, В. А. Ветрогонский, О. Г. Верейский, И. В. Голицын, Л. Г. Елифанов, М. И. Пиков, Г. Ф. Захаров, А. М. Колчанов, Кукрыниксы, В. И. Курдов, А. М. Лаптев, В. Г. Лембер-Богаткина, Ю. М. Непринцев, Г. Г. Нисский, А. Ф. Пахомов, Т. Г. Юфа, Е. И. Чарушин. Скульптура — М. К. Аникушин, Л. Е. Кербель, О. К. Комов, Л. Ф. Ланкинен, Н. Б. Никогосян, А. И. Посядо, Н. В. Томский, А. П. Файдыш, В. Е. Цигаль — все портреты.

3) 23 марта — 16 апреля. Выставка учащихся ДХШ Вологодской области.

4) 19 мая — 15 июня. Выставка «Родина Ленина и его ранние годы. Из собрания П. Е. Корнилова».

5) 19 мая — 15 июня. Выставка «Художники театра и кино» (Москва).

6) 20 августа — 10 ноября. Зональная выставка «Советский Север — 74». Посетили — 56761 человек, экскурсий — 311. Экскурсии проводили все сотрудники галереи, вплоть до реставратора.

Очень много отзывов, они разные. Были умные, талантливые мнения доцентов, профессоров, художников. Простой, неподготовленный зритель, воспитанный на реалистическом искусстве передвижников, критиковал новые формы в искусстве.

Хвалили ведущих художников Северо-Запада — Р.Н. Ермолина, А.И. Хуттунена, С.А. Торлопова, Т.Г. Юфу, В.С. Чекмасова: «Захотелось на Север». «Север — это сказка».

«Обидно когда рядом с Т. Юфой, Д. Тутунджан и В. Сергеевым висят картины, условно говоря, «прошлых эпох». Прошли 50-е, 60-е годы, а глядя на эти полотна, не веришь в это. Ленинград».

«Очень тесно висят картины, зачем по 8-10 картин одного автора? Важно уметь «вычеркивать написанное». «Хорошие работы, но их много и одна бьет другую (Журавлев). Появляются штампы».

«Мы не согласны с экскурсоводом, который восхищается картиной Д. Журавлева «Трудовые будни». По-моему, это нагромождение чего-то непонятного». «Жаль Д. Журавлева — тяжелая у него работа и кисть, где-то это хорошо, но не в искусстве». «Совершенно не поняли Теленкова».

«При всем уважении к Тутунджан ее «Земля» не впечатляет». «Подача земли в картине «Земля» Тутунджан сделана как-то не по-земному. Ну и ребус, ну и загадка. Не слишком ли ушла в интеллект? Интеллект признаю безусловно, а обогатит ли он душу?» Другие «Землю» хвалили.

«Мне кажется, что Корбаков отдает дань моде — нарочитая эскизность, этим и другие грешат. Русский стиль, вернее, гладкий стиль, отвергается комиссией». «Это не искусство! Это современная манера, стремящаяся показать современную жизнь, ее «прелести». «И скучно, и грустно...»

«Зачем эти бесконечные натюрморты с рыбой? Это что, мода?» «Много рыбы — мало пива».

«Просьба к художникам — не забывать работу тружеников леса, маслодельной промышленности».

Зато раздел изделий из дерева и игрушки всем понравился.

В целом отзывы положительные: «Пришли второй раз». «Хотелось бы выставку — в Череповец». «Эту выставку можно и в Ленинграде показывать».

7) 5-24 ноября. Пушкинская выставка «Слух обо мне пройдет по всей России». Из Музея А. С. Пушкина в Ленинграде. Представлено 119 акварелей, гравюр, 17 книг, 40 рукописей.

8) 24 декабря — февраль 1975. Передвижная выставка «Советский эстамп». Москва.

Не сделаны выставки Т.Ф. Нариманбекова (Москва), Д.В. Журавлева, В.С. Рябова (Новгород), Н.А. Новикова (Мурманск).

Проведено 16 передвижных выставок

1-5) Выставка вологодских художников. Тотьма, Кириллов, Белозерск (ДК), Сокол (ДК), Вологда — ГПЗ-23. Всего 35 работ: Д.Т. Тутунджан — «Последний осетровлянин», «Снегирь»; Т. Коваленко — «Андрюша»; Е.П. Гусев — «В мастерской», пейзажи; М.А. Ларичев — «Деревенское окно», «Лохмокурье»; В.Н. Корбаков — «Натюрморт на окне»; Н.В. Баскаков — «Натюрморт с самоваром»; Б.П. Шварков — 3 пейзажа, Н.П. Видулов — «Натюрморт», «В огороде»; Н.Ф. Федосов — «Череповецкий порт», «Нелазское»; Ю.Н. Петров — 2 работы; Е.С. Бороздина — «Цветы»; Е.С. Шевченко — «Таня»; А.Т. Наговицын — 11 экслибрисов; Г.В. Калинин — «Улица Энгельса»; Б.И. Шабаетов — «Весенние сумерки», С.И. Хрусталева — «Зима», «Маки»; Н.В. Седова — «Зима», «Весна»; Т.П. Щербаков — «Интерьер Софийского собора»; Ю.К. Соколов — «Портрет Едемского», работы В.Н. Петухова, Е.И. Мартышева.

6-8) Советский эстамп. Шексна, Харовск, Тотьма.

9-11) Советская графика. Устюжна, Череповец (ДС), Кириллов.

12-16) Выставки из репродукций в районах.

Фонды

В экспозицию живописи и скульптуры включены две работы В.Н. Корбакова, пейзажи Г.С. Верейского, скульптура М.Г. Манизера «Ленин», картины Д.Э. Мартена «Первый снег», П.С. Тюрина «Портрет Волковой», полотна К.Ф. Юона, Л.Ф. Туржанского, в отдел графики — рисунки И.Е. Репина, В.А. Серова, переданные из ГРМ.

Во время работы постоянной экспозиции графики появилось много положительных отзывов: «Хорошая экспозиция, отношение к графике, круг «Мира искусства» — Бенуа, Кустодиев. Художники и искусствоведы из МГУ». Зрители из Прибалтики, Москвы, Украины хвалят Сергеева («Качели», «Мать»), Тутунджан.

«Хорошая развеска, вполне удовлетворительное освещение. Просторно. Музей может гордиться работами Бурмагиных и Сергеева. Помещение музея надо расширять, ведь это одна из лучших областных галерей. Ленинград».

Научные темы:

- 1) Е. А. Шуткова. «Художники-воложане».
- 2) Л. Г. Соснина. «О портрете вельможи кисти В. Л. Боровиковского».
- 3) Е. А. Коновалова. «Атрибуция полотен западноевропейских мастеров».
- 4) Каталог живописи и скульптуры ВОКГ. Коллектив сотрудников.

Издательская работа

- 1) Каталог В. У. Едемского (Г. А. Кузьмина).
- 2) Каталог выставки молодых вологодских художников (Г. А. Кузьмина).
- 3) Буклет выставки учащихся ДХШ (Е. Б. Савина).
- 4) Буклет выставки к юбилею В. И. Ленина (К. Н. Федотова)
Е. Б. Савина повышала квалификацию на курсах МК РСФСР.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 88152 человек, 795 экскурсий, 150 лекций, 50 — на селе.

Лекции читали К. Н. Федотова, Е. А. Шуткова, Л. Г. Соснина, Е. Б. Савина, Е. А. Коновалова. Появились новые темы: Е. А. Шуткова «Художники-воложане», К. Н. Федотова «Великая Отечественная война в изобразительном искусстве».

Открыты факультеты по изобразительному искусству в поселке Куркино, в университете культуры в Вологде, в Грязовецком техникуме.

Шла активная работа по пропаганде творчества художников в СМИ. В Череповце были подготовлены телепередачи:

- 1) «Творчество Г. И. Попова» (Е. А. Шуткова).
- 2) «Выставка «Советский Север — 74»» (Е. А. Шуткова).
- 3) «Выставка «Русский рисунок из собрания П. Е. Корнилова»» (Е. А. Шуткова).
- 4) «Выставка молодых вологодских художников» (Г. А. Кузьмина).

Радиопередачи:

- 1) Репортаж с выставки учащихся ДХШ (Е. Б. Савина).
- 2) Несколько передач по зональной выставке (К. Н. Федотова, Е. А. Шуткова, Е. А. Коновалова).

Методичка для экскурсии по зональной выставке «Советский Север — 74» была разработана секретарем Союза художников РСФСР В. М. Скрыбиной.

Лекции читались по разработкам от Дирекции музеев МК РСФСР и своим.

1975 год

На должность заместителя директора по научной работе поступила М. Е. Даен, 1937 года рождения.

Выставки

1) 2 апреля — 1 мая. Выставка заслуженного художника, лауреата Гос. премии СССР В. И. Иванова. Всего 382 работы: из ГТГ — 10, из МК РСФСР — 9, из Рязанского музея — 11. Программные полотна — «В кафе Греко», «Родился человек», «На Оке» и т. д. Из мастерской — маленькие работы, портреты, эскизы, зарисовки по Северу, Италии, Мексике, Кубе.

2) Февраль. Выставка учащихся ДХШ.

3) 7 мая — 30 мая. Выставка плаката периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов из ВОКМ (63 раб.). Д. А. Шмаинов, В. Б. Корецкий, А. М. Каневский.

4) 7 мая — 30 июля. Областная выставка вологодских художников к 30-летию Победы.

5) 29 августа — 1 октября. Выставка народного художника СССР Ю. И. Пименова. Живопись, графика. В экспозиции представлено 58 работ: женские портреты, пейзажи (Париж, Москва, Венеция), серия акварелей и пастелей «Таинственный мир зрелищ»: «Дама с камелиями», «Театральный натюрморт», «Лондон», «Балетные портнихи», «Любовь к трем апельсинам», «Паяцы», «Сирано де Бержерак» и др.; декорации

и занавесы к постановкам «Дама с камелиями», «Паяцы», «Таланты и поклонники»; афиши к спектаклям и к/ф «Пышка», «Дочки-матери», «Романс о влюбленных», «Дедушкин сон», «Таланты и поклонники», «Бесприданница»; афиша к выставке В. Е. Борисова-Мусатова.

6) 10-26 октября. Выставка русской гравюры из ГРМ. Работы П. А. Иванова, И. П. Бегрова, С. Ф. Галактионова, А. Г. Ухтомского, В. А. Серова П. А. Шиллинговского.

7) 29 октября — 16 декабря. Выставка «Лица наших друзей» по поездке в ГДР Д. Т. Тутунджан и В. Н. Корбакова.

8) 19-31 декабря. Выставка И. П. Рубана (Москва). 77 картин и этюдов, 44 рисунка.

9) 19 декабря — 27 января 1976. Выставка ДПИ из фонда СХ РСФСР. Фарфор, фаянс — 40 работ, стекло-хрусталь, керамика, текстиль, гобелен, панно, художественные лаки. Всего — 134.

Не были сделаны выставка Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, передвижная выставка художников Риги, групповая выставка молодых художников В. У. Едемского, Е. С. Шевченко, Г. Н. Осиева.

Передвижные выставки

1) Плакаты периода Великой Отечественной войны из ВОКМ. Великий Устюг.

2-4) Графика вологодских художников. 42 работы, авторы: Г. Н. Осиев, Н. И. Гришачев, С. И. Хрусталева, В. Н. Корбаков, А. Т. Наговицын, В. У. Едемский, М. А. Ларичев, Н. В. и Г. Н. Бурмагины, В. А. Сергеев, О. П. Отрошко, Е. С. Шевченко, В. Г. Смирнов, Б. П. Шварков, О. А. Бороздин. Кириллов, Тотьма, Череповец.

5-6) Выставка учащихся ДХШ. Тотьма, Кириллов.

7-9) Выставки из репродукций. Бабаево, Тарнога, Вытегра.

В книге отзывов встречаются очень интересные записи:

««Женский портрет» XVIII века неизвестного художника вот что мне показал. Впервые увидел, как портрет может представить всю жизнь человека — и прожитое, и настоящее, и будущее. И не просто жизнь, а вечный вопрос: где счастье, почему его не было и не будет? Самый главный вопрос. Как тяжело умирать, так и не найдя смысла в своей уже прожитой жизни. Эта женщина умерла именно так. Как умрем мы — счастливее?» Б. Брусенский.

Актеры Вологодского драмтеатра пишут, что не учтена перспектива при восприятии картин.

«Прекрасны картины Ю. Пименова, жаль, что рассказ был скучным».

Очень много отзывов о картинах Д. Т. Тутунджан: «Очень жду выставки Тутунджан». «Талант, вкус, человечность — это о Вас, Джанна Тутунджан. Ваши работы — жемчужины всей экспозиции. Ах, как хорошо, что есть такие современники» (научный работник, Ленинград). «Незабудки» могли бы украсить любой музей мира!». Из Москвы и с Байкала такие же отзывы, все просят отправить выставку художницы в Москву, Ленинград.

Фонды

Поступил 71 экспонат (живопись, графика, скульптура, ДПИ).

Из Всесоюзного художественно-производственного комбината передали 15 скульптур Б. Ю. Сандомирской.

В постоянную экспозицию вошли следующие произведения: В. А. Тропинин «Портрет И. И. Дмитриева», Д. Доу (?) «Портрет Н. С. Мордвинова», Ю. Ю. Клевер «Пейзаж», В. Г. Перов (?) «Женский портрет», К. А. Горбунов «Портрет неизвестной с ребенком», Л. О. Пастернак «Портрет Высоцкой», пейзажи Н. В. Мещерина, П. П. Кончаловского, подсвечник «Павлин».

Появился раздел академического искусства — представлены полотна Б. П. Виллевальде, С. И. Грибкова, И. К. Айвазовского, скульптура.

В советском отделе экспозиции разместились полотна Э. Г. Браговского, Д. В. Журавлева, картины Д. Т. Тутунджан — «Надежа», В. Н. Корбакова — «Скорбящая», Е. А. Соколова — «Хлеб».

Были произведены промывка рам в экспозиции, частичная реставрация портрета Н. С. Мордвинова кисти Д. Доу (?), полотна А. И. Трапизина.

В библиотеке насчитывается 3860 книг, поступило 264 книги.

У галереи шла интересная переписка. Так пришло письмо от Софьи Соломоновны Шерман — хранителя отдела гравюры ГРМ, она очень тепло общалась с К. Н. Федотовой, предложила передать в ВОКГ дублетный фонд гравюр, которые были в галерее на выставке: А. Ф. Зубов «Свадьба Петра I», Г. Ф. Шмидт «Портрет

Разумовского», С. Ф. Галактионов «Монплеизир», «Итальянский фонтан», А. Г. Ухтомский «Вид с Каменного острова», А. Е. Мартынов «Сад Строганова», Н. И. Уткин «Екатерина II» (с портрета В. Л. Боровиковского), А. Шхонебек «Усадьба Головина» (2 листа), И. А. Соколов «Коронавание Елизаветы», Е. О. Скотников «Цибела», А. Г. Ухтомский «Голова Париса», И. В. Чесский «Вид Пила в Павловске», А. Л. Пятигорский «Мужской портрет». Подпись С. С.

В другом письме С. С. Шерман передала привет М. Е. Даен и характеризовала будущего сотрудника галереи: «Володя Воропанов — студент университета. Он у меня проходил практику, очень увлеченный гравюрой. Мы жалеем, что он не из Ленинграда, а то взяли бы его к себе на работу».

М. Е. Даен написала письмо прибалтийскому живописцу Олеву Субби с просьбой провести его выставку в сентябре, но МК отказало, так как надо было реставрировать работы.

ВОКГ просит правление МОСХа организовать выставку В. Е. Попкова: «Еще при его жизни у нас была с ним договоренность на 75-й год. Выставка была бы очень интересна в Вологде, так как он бывал здесь и много им написано картин по Северу. Декабрь 75».

Научная работа

Итоги командировок научных сотрудников: Л. Г. Сосниной в ГРМ — датировка портрета вельможи кисти В. Л. Боровиковского 1810 года не подтвердилась, Е. А. Коноваловой в ГЭ — отвергнуто авторство Антропова в картине «Дама с веером», появилась гипотеза, что это художник венецианской школы.

Заместитель директора по научной работе М. Е. Даен готовит путеводитель по ВОКГ, занимается атрибуциями портрета Н. С. Мордвинова кисти Д. Доу (?), портрета молодого человека (Межакова) кисти П. С. Тюрина, сделаны аннотации к разделам постоянной экспозиции.

Е. А. Коновалова продолжает заниматься исследованием западноевропейской живописи.

Е. А. Шутковой взяты темы «Произведения вологодских художников в музеях Вологодской области», «Творчество Д. Т. Тутунджан». Командировка в Устюжну.

Издательская работа

1) Каталог живописи и скульптуры ВОКГ (ред. К. Н. Федотова, сост. Е. А. Шуткова, Л. Г. Соснина, Е. А. Коновалова).

2) Каталог выставки «Лица наших друзей» (авт-сост. Е. А. Коновалова, Е. А. Шуткова).

3) Каталог выставки вологодских художников к 30-летию Победы (сост. М. Е. Даен, К. Н. Федотова).

4) Буклет по выставке учащихся ДХШ (Е. Б. Савина).

5) Буклет по выставке «Плакат периода Великой Отечественной войны» (К. Н. Федотова).

Учеба: Л. Г. Соснина училась на курсах повышения квалификации МК РСФСР, реставратор Т. Н. Белозерова прошла курс стажировки по реставрации масляной живописи в ВХНРЦ.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 53615 человек, 614 экскурсий, 164 лекции, по линии общества «Знание» — 51, на селе — 52.

К. Н. Федотова читала курс «История русского искусства» в лектории при общежитии льнокомбината. Появились новые темы: К. Н. Федотова «Образ воина в живописи», М. Е. Даен «Андрей Рублев и художники Древней Руси».

Передачи:

1) По ВОКГ. Телевидение (Е. А. Шуткова).

2) Выставка учащихся ДХШ. Телевидение (Е. Б. Савина).

3) 10 передач по выставкам. Радио.

Статьи по всем выставкам, в том числе передвижным, в газетах области.

М. Е. Даен ввела специальные прослушивания экскурсий, обсуждение и рецензирование. Она оказывает методическую помощь по структуре написания научных работ.

1976 год

Выставки

- 1) Январь — февраль. Областная выставка молодых художников (О. Д. Уткина).
- 2) Февраль. Выставка Н. В. и Г. Н. Бурмагиных (Е. А. Шуткова).
- 3) Февраль — март. Областная выставка к XXV съезду КПСС «Слава труду». (М. Е. Даен, К. Н. Федотова).
- 4) Апрель. Передвижная выставка «Художники РСФСР» (Москва) (К. Н. Федотова).
- 5) Март — апрель. Выставка учащихся ДХШ (О. Д. Уткина).
- 6) Март. Выставка В. В. Воловича (Свердловск) (Е. А. Коновалова).

При посредничестве А. В. Пантелеева выставка поступила из Смоленского музея, затем она экспонировалась в Череповце. Темы гравюр: В. Шекспир «Ричард III», «Отелло»; средневековая поэзия, «Тристан и Изольда», саги, Б. Брехт «Сцены из рыцарских времен», языческая мифология, «Песнь о Соколе», «Песнь о Буревестнике»; по стране: Урал, Псков — Печора —Изборск, Средняя Азия; «Цирк», «Театр абсурда», «Метаморфозы фашизма».

7) Май — июнь. Выставка Н. Кормашова (Таллин). (М. Е. Даен).

Из Худ. музея Эстонской ССР — 24 работы, из Тартусского худ. музея — 2 работы, из ХФ ЭССР — 9 работ, из МК ЭССР — 3 работы, от художника — 28 работ. Живопись маслом 1960-х годов, натюрморты, пейзажи, 2 портрета (Б. Бернштейна). Всего 66 работ.

8) Ноябрь — декабрь. Передвижная выставка графики «По земле Вологодской». (Москва) (Л. Г. Соснина).

9) 25 ноября — 31 ноября. Выставка самодеятельных художников.

10) 25 декабря — февраль 1977. Выставка заслуженного художника РСФСР А. В. Пантелеева. (Е. А. Шуткова).

Было проведено 18 передвижных выставок из подлинников:

- 1) Выставка Н. В. и Г. Н. Бурмагиных. Череповец.
 - 2-4) «Лица наших друзей». Череповец (Е. А. Шуткова), Кириллов (Е. А. Коновалова), Чагода (М. Е. Даен).
 - 5-7) Вологодская графика. Устюжна (Е. А. Шуткова), Белозерск, ДК (Е. А. Коновалова), Шуйское, ДК (О. Д. Уткина).
 - 8) Советский эстамп. Сокол, ДК (О. Д. Уткина).
 - 9-12) ДХШ. Тотьма (М. Е. Даен), Нюксеница, Кадуй (Е. А. Коновалова), Сямжа (Е. А. Шуткова).
 - 13-14) Вологодские художники. Вологда, молочный институт, ГПЗ-23.
- 6 выставок из репродукций: «Ленин», «Третьяковская галерея», «Русский музей», «Дрезденская галерея».

Фонды

Поступило 263 экспоната: 30 — живопись и графика, 230 — советских авторов.

Проведена реставрация: частично В. Петров «Итальянский пейзаж», Н. х. «Портрет Екатерины II» и др. Отправлены на реставрацию — И. И. Машков «Натюрморт», А. В. Ленгулов «Портрет Сведомской».

В советском разделе экспонируются новые работы Д. Т. Тутунджан, картины А. В. Пантелеева, Н. И. Кормашова (2), Г. И. Попова «Сентябрь», В. В. Рождественского, Д. В. Журавлева, рисунки А. М. Колчанова, Т. Г. Юфа, Г. А. Рябоконя и др.

В отдел графики вошли работы Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, В. А. Егорова, В. А. Сергеева, Е. С. Шевченко, Д. П. Штеренберга, П. А. Шиллинговского, А. Ф. Пахомова, В. В. Воловича и др.

В библиотеке — 4236 книг, 376 — поступило.

Получили автобус «Кубань».

Научно-методическая работа

- 1) М. Е. Даен. Атрибуция «Портрета Н. С. Мордвинова» (Доу).
- 2) М. Е. Даен. Каталог «Русское искусство конца XIX — начала XX века из собрания Ф. Вишневого».
- 3) М. Е. Даен. Статья «Е. Шевченко. Путь поиска». Журнал «Творчество».
- 4) М. Е. Даен. Путеводитель по ВОКГ.

5) М. Е. Даен, Е. А. Коновалова. Атрибуция западноевропейской живописи, консультации у Н. Н. Никулина (ГЭ), в июле приглашают на консультацию.

6) К. Н. Федотова, Е. А. Шуткова. Подготовка каталога «Русская и советская графика в ВОКГ».

7) Е. А. Шуткова. Работа над монографией «Джанна Тутунджан».

8) Е. А. Шуткова. Каталог выставки А. В. Пантелеева.

9) Е. А. Шуткова. «Народные мотивы в творчестве Бурмагиных».

10) О. Д. Уткина. Изучение художника II половины XIX века С. М. Жильцова. Архивы ЦГАЛИ, АХ СССР, ГАВО, библиография.

11) О. Д. Уткина. Атрибуция пейзажа В. Петрова.

12) В. В. Воропанов. «Русская и советская графика». Методичка по экскурсии для 8-10 классов.

Командировки: К. Н. Федотова — в Москву по каталогу графики, М. Е. Даен — в Ленинград по Н. С. Мордвинову, Е. А. Шуткова — в Устюжну по обнаружению картин вологодских художников в коллекции музея, О. Д. Уткина — в Ленинград и Вельск по С. М. Жильцову.

В экспозиции выделены произведения поздних передвижников конца XIX — начала XX века, картины членов Абрамцевского кружка, объединений СРХ, «Мир искусства», «Голубая роза», «Бубновый валет», произведения художников-вологоджан.

Разработаны новые экскурсионные маршруты: «Реализм середины и II пол. XIX века», «Пейзаж конца XIX — начала XX века», «Художественные группировки».

Издательская работа

1) Каталог выставки Н. В. и Г. Н. Бурмагиных (Е. А. Шуткова в соавторстве с О. П. Вороновой (Москва)).

2) Каталог выставки ДХШ (О. Д. Уткина).

3) Каталог выставки «Слава труду». (М. Е. Даен, К. Н. Федотова).

4) Каталог выставки молодых художников (О. Д. Уткина.)

5) Каталог выставки А. В. Пантелеева (Е. А. Шуткова).

6) Каталог «Русское искусство конца XIX — начала XX века из собрания Ф. Вишневого» (М. Е. Даен).

Пропаганда искусства

Посещаемость — 53700 человек, экскурсий — 560, лекций — 150.

Передачи по телевидению:

1) Выставка Бурмагиных (Е. А. Шуткова).

2) Выставка ДХШ (О. Д. Уткина).

3) Выставка «Художники XXV съезду КПСС» (М. Е. Даен, Е. А. Шуткова).

Проведены встречи с художниками Е. Шевченко, В. Едемским, И. Рубаном, Н. Кормашовым, В. Воловичем.

Прошли обсуждения выставок И. Рубана, молодежной выставки, Н. Кормашова.

1977 год

Выставки

1) Выставка заслуженного художника РСФСР А. В. Пантелеева.

2) Выставка народного художника СССР В. М. Орешникова (Ленинград).

3) Выставка народного художника СССР Е. А. Кибрика (Москва).

4) Передвижная выставка «По земле Вологодской».

5) Выставка вологодских самодеятельных художников.

6) Выставка молодых вологодских художников. На выставке участвовали Я. Ю. Крыжевский, А. И. Савин, Н. В. Корбаков, Н. А. Зубакин, В. П. Антонов, В. В. Морозова.

7) Декабрь — январь 1978. Выставка «Вологодский натюрморт».

В 1977 году по просьбе самих авторов не состоялись выставки многих вологодских художников: В. Н. Корбакова, А. И. Смоленцевой, В. А. Сергеева, они были перенесены на 1978-1979 годы.

Выставка В. В. Верещагина из ГТГ не состоялась из-за отказа ГТГ предоставить ящики. Выставка А. Д. Соколова (Москва) не состоялась из-за болезни автора.

В те годы ВОКГ активно работала с молодыми художниками, формируя из их работ передвижные выставки (Ю. С. Коробов, Н. А. Зубакин, П. И. Саблин, О. Д. Пономарев, Е. М. Семаков, А. Ю. Демидов, Е. Г. Красильников, Г. И. Попов, В. К. Седов, Р. Э. Поляков, Н. П. Сажин, Н. Казаринов, Е. И. Министров и др.). В выставках участвовали художники Череповца (Б. В. Белянин, Ю. И. Модестов, Е. И. Мартышев, Д. В. Медведев, А. В. Щепелкин, Ю. Н. Легков, А. Е. Пустынникова и др.)

Пропаганда искусства

Посещаемость — 61875 человек, 615 экскурсий, 159 лекций, по линии общества «Знание» — 60.

К. Н. Федотова — «История русского искусства» для работников культуры. В. В. Воропанов — факультатив в школе № 2, разработал лекцию «Романтизм в русском искусстве»

Передачи по телевидению:

1) «Н. и Г. Бурмагины», «Самодетельное творчество» (О. Д. Уткина).

6 передач.

Статьи

1) М. Е. Даен. «Новизна открытия. В. Егоров». — «Красный Север».

2) М. Е. Даен. «На полотнах современность. Н. Кормашов». — «Красный Север».

3) М. Е. Даен. «Чистое восприятие красоты. Г. Попов». — «Красный Север».

4) Е. А. Шуткова. «Пробудить человека в человеке. В. Волович». — «Красный Север».

5) В. В. Воропанов. «Художница старого Петербурга В. К. Войтинская-Левидова». — «Красный Север».

Переписка

Письмо В. М. Сидорову — секретарю СХ СССР. ВОКГ убедительно просит сразу после выставки В. Е. Попова в Москве в МОСХе, в выставочном зале на Кузнецком мосту, 11 направить ее в Вологду, на сентябрь: «Незадолго до гибели художник был в Вологде и хотел ее здесь устроить. Он знал Корбакова, Тутунджан, Бурмагиных, был у них частым гостем и много картин создал на основе вологодских впечатлений. Его выставка будет праздником».

Н. Кормашов в письме М. Даен просит на своей выставке показать и работы своей жены-керамистки.

Известный московский коллекционер Ф. Вишнеvский пишет, что согласен на выставку, хочет показать 20-30 работ, произведения возвращаются с выставки в Ливадии и из Лондона, он готовит выставку для Парижа.

ВОКГ отвечает А. В. Щекин-Кротовой — вдове Р. Р. Фалька — о своем желании приобрести у нее картины ее мужа.

1978 год

Общественный совет при ВОКГ: П. А. Алферьев — зам. начальника управления культуры, А. В. Пантелеев, В. Н. Корбаков, П. А. Колесников, К. Н. Федотова, М. Е. Даен, Е. Б. Савина, Е. А. Шуткова, О. Д. Уткина, Л. Г. Соснина, Е. А. Коновалова, В. В. Воропанов.

25 августа было проведено обследование санитарного состояния здания ВОКГ, результат неутешительный. В акте проверки указано: 1) пройти всем работникам флюорографию, 2) принять меры по зданию — ликвидация промочки стен, плесени; установка вентиляции.

Начат ремонт Цифирной школы.

В этом году в галерею прибыла проверка МК СССР. Вот результаты.

Кадровый состав: 8 научных сотрудников и заведующих: Л. Г. Соснина (1972), Е. А. Шуткова (1972), Е. А. Коновалова (1972), Е. Б. Савина (1973), Т. Н. Белозерова (1974), О. Д. Уткина (1975), В. В. Воропанов (1976), Г. В. Дементьева (1977), И. Б. Балашова (1978).

Образование: К. Н. Федотова. Г. р. 1925. Педагогические курсы в 1949. С 1952 в ВОКГ.

М. Е. Даен. Г. р. 1937. ЛИЖСА в 1966. С 1975 в ВОКГ.

Л. Г. Соснина. Г. р. 1951. Учеба в ЛИЖСА с 1973. С 1972 в ВОКГ.

Е. А. Шуткова. Г. р. 1954. Учеба в ЛИЖСА с 1973. С 1972 в ВОКГ.

О. Д. Уткина. Г. р. 1956. Учеба в ЛИЖСА с 1974. С 1975 в ВОКГ.
Е. А. Коновалова. Г. р. 1950. Учеба в ЛИЖСА с 1974. С 1972 в ВОКГ.
Е. Б. Савина. Г. р. 1956. 1 курс Ярославского училища. С 1973 в ВОКГ.
В. В. Воропанов. Г. р. 1954. Ленинградский университет в 1976. С 1976 в ВОКГ.

Отделы:

- 1) Русской живописи. Старший научный сотрудник — Л. Г. Соснина.
 - 2) Советского искусства. Старший научный сотрудник — О. Д. Уткина.
 - 3) Графики. Зав. отделом — Е. А. Шуткова, в конце 1978 г. — В. В. Воропанов, а она — старший научный сотрудник, научные сотрудники — Е. А. Коновалова, Г. В. Дементьева.
 - 4) Экскурсионный. Научный сотрудник — И. Б. Балашова.
 - 5) Отдел учета и хранения. Зав. фондами — Е. Б. Савина, н. сотр. — вакансия.
 - 6) Отдел реставрации. — Т. Н. Белозерова.
- Музейные смотрители — 6 чел.

Комиссия поддержала мнение руководства галереи о необходимости расширения, но здания Цифриной школы мало для этого, есть еще Владимирская церковь XVII века, ее можно использовать под выставки, но она далеко.

Отмечено отсутствие дифференцированного подхода к экскурсиям.

Акт проверки подписан зав. экспозиционным отделом ГРМ — Э. К. Грантынь.

Выставки

- 1) 1-15 января. Выставка «Вологодский натюрморт».
- 2) 18-30 января. Выставка «Мое Нечерноземье». МОСХ и ВОСХ.
- 3) 5 февраля — 15 марта. Выставка декоративно-прикладного искусства РСФСР. По линии Дирекции художественных выставок ХФ РСФСР.

Выставка вызвала у всех восторг, что видно по книге отзывов.

- 4) 12-23 марта. Выставка «Графика Москвы».
- 5) 25 марта — 23 апреля. Выставка Н. И. Андропова и Н. А. Егоршиной (Москва).
- 6) 4-25 июня. Выставка молодых вологодских художников «Молодая гвардия Страны Советов», к 60-летию ВЛКСМ.
- 7) 9 июня — 8 августа. Выставка самодеятельных художников «Мое Нечерноземье». Москва, ЦДНТ.
- 8) 11 августа — 17 октября. Выставка «Новые поступления графики».
- 9) 18 октября — 2 декабря. Графика Фернана Леже (ГМИИ).
- 10) 3-21 декабря. Выставка Е. А. Соколова и Т. А. Чистяковой.
- 11) 24 декабря — январь 1979. Выставка В. Н. Корбакова.
- 12) 2-31 декабря. Графика М. П. Клодта из собрания ВОКГ.

Передвижные выставки

- 1-4) Выставка Бурмагиных. Чагода, Сазоново, Череповец, Бабаево.
- 5-7) «Вологодская графика». Кубенское, Грязовец, Шексна.
- 8) «Вологодская живопись». Великий Устюг.
- 9-11) «Художники- вологжане. Живопись, графика». Тотьма (к/т «Родина»), Устюжна, Череповец («Алмаз»).

12) Выставка молодых вологодских художников. ГПЗ-23.

13) Выставка самодеятельных художников. Тотьма.

В Грязовце, в Доме культуры, создана первая народная картинная галерея в Вологодской области. Основу коллекции положили 57 работ — живопись и графика Д. Т. Тутунджан, М. А. Ларичева, Е. А. Соколова, Н. И. Гришачева, Ю. Н. Петрова, Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, В. А. Сергеева. Ответственные — К. Н. Федотова, О. Д. Уткина.

Фонды

Площадь: экспозиция — 812 кв. м, советское искусство — 150 кв. м, фонды — 100 кв. м.

Два отдела в экспозиции: в бельэтаже — «Русская и советская живопись, скульптура, ДПИ», в цоколе — «Русская, советская графика».

Новые произведения: И. С. Ефимов «Пума», Н. Я. Симонович-Ефимова «Башкирка», Н. И. Андронов «Пожар», Е. И. Зверьков, Ю. П. Кугач, П. П. Оссовский, В. И. Иванов, А. В. Пантелеев, В. Н. Корбаков, Я. Ю. Крыжевский, А. И. Смоленцева, Н. В. Баскаков, Г. И. Попов. В графике — Н. В. и Г. Н. Бурмагины, В. А. Егоров.

Наибольшее значение имеют в советском отделе — А. и С. Ткачевы «В трудные годы», Н. И. Андронов «Пожар», Б. Ю. Сандомирская «Физкультурница» и «Материнство».

В русском отделе — М. А. Врубель «Портрет Всеволода Мамонтова», К. Ф. Богаевский «Зимнее солнце», И. И. Машков «Натурщица», Н. П. Ульянов «На Сабинских горах», С. Ю. Жуковский «Под вечер».

В этом году поступило 268 экспонатов: советское искусство — 215, живопись — 26, графика — 179, скульптура — 5, ДПИ — 58.

От МК РСФСР — 41 ДПИ (Палех, Мстера, гобелен, фарфор, стекло), 18 рисунков И. Чашникова (серия «Уходящая Русь»), 21 рисунок и архив В. Н. Терebeneва, картины Е. И. Зверькова, П. П. Оссовского, Ю. П. Кугача, «Обыкновенный рабочий день завода» В. Н. Корбакова.

От МК СССР — 12 работ В. В. Рождественского.

От Вологодского управления культуры — 5 живописи, 8 графики, 3 керамики.

От ГРМ — 40 гравюр.

Подарено — 1 живопись, 2 — графики.

Состав закупочной комиссии: М. Е. Даен, К. Н. Федотова, Е. Б. Савина, Л. Г. Соснина, Е. А. Шуткова, О. Д. Уткина, А. В. Пантелеев, В. Н. Корбаков, Н. И. Федышин.

В фонды поступили экспонаты: Г. И. Попов «Щедрая земля», Н. И. Андронов «Пожар», «Автопортрет с чашкой», Г. Н. Бурмагина — иллюстрации к сказкам С. Писахова, А. Н. Каринская — 4 работы, А. В. Пантелеев «Зеркала», Я. Ю. Крыжевский «Утренний час» (трансреализм), Г. Ф. Шмидт «Портрет Елизаветы», работы Е. С. Кругликовой, А. Н. Остроумовой-Лебедевой, Л. О. Пастернака, Б. М. Кустодиева, В. В. Матэ и других.

ВОКГ просила управление культуры о передаче из ВОКМ западноевропейской гравюры, так как в планах галереи — создание отдела, проведение выставки, издание каталога.

Просили у МК РСФСР выставку Е. В. Честнякова из Костромы, пока она в Париже.

На реставрацию отправлены «Портрет Екатерины II» В. Эриксона и «Портрет Волковой» неизвестного художника.

В августе в ВОКГ приезжали крупные специалисты из Москвы и Ленинграда. Специалист отдела экспертизы ВХНРЦ И. Е. Ламизе сделала сообщение «Вопросы технико-технологического анализа произведений живописи XVIII века», старший научный сотрудник ГЭ — И. Г. Котельникова провела консультацию по атрибуции русской живописи XVIII-XIX вв.

Научная работа

1) М. Е. Даен. «Тюрин. Портрет неизвестного в охотничьем костюме».

2) М. Е. Даен. «Путеводитель по ВОКГ». Рукопись.

3) О. Д. Уткина. «СКЛИИ и его роль в сложении художественной культуры Вологодчины (ГАВО, изучение хроники, переписка)».

4) О. Д. Уткина. «Атрибуция двух пейзажей В. Петрова».

5) Е. А. Шуткова — не выполнила темы — «Народные мотивы у Бурмагиных», «Петров-Водкин — иллюстратор», монографию по Тутунджан. Причина — работа над буклетом по вологодским художникам к зональной выставке, альбомом «Экслибрисы Бурмагиных». Тутунджан отказалась от персональной выставки 1978 года, работы не показывает, находится в творческом поиске.

6) Е. А. Коновалова. «М. А. Врубель. Портрет Всеволода Мамонтова».

7) Л. Г. Соснина. «Атрибуция рисунков М. П. Клодта (сюжеты, датировки — архив ГТГ, переписка, сравнительный анализ рисунков и картин)».

8) Е. Б. Савина. «Атрибуция «Девушки с книгой» И. Н. Крамского». По технико-технологическому анализу авторство отвергнуто.

9) Г. В. Дементьева. «Творческая биография М. Игнатьева».

10) К. Н. Федотова, М. Е. Даен. Каталог новых поступлений живописи и скульптуры.

Члены министерской комиссии напомнили, что в ГРМ планируют издать сборник по музееведению за 1978 год, наша тема — О. Д. Уткиной «Дореволюционное искусство и принципы его экспонирования». Из музея спрашивают, когда в ВОКГ сделают научные работы по Н. В. и Г. Н. Бурмагиным и Д. Т. Тутунджан, надо к декабрю 78. Могла быть книга.

Издательская работа

Каталоги выставок:

- 1) «Вологодский натюрморт» (О. Д. Уткина).
- 2) Выставка Е. А. Соколова, Т. А. Чистяковой (М. Е. Даен).
- 3) Выставка В. Н. Корбакова (Л. Г. Соснина).

Макеты афиш делает А. И. Савин, но интересных афиш за 1978 год нет.

Переписка.

Письмо из ВОКГ в областное управление культуры — просили на 1979 год выделить 5 новых единиц: зав. отделом пропаганды, зав. отделом графики, зав. отделом живописи, научный сотрудник в фонды, научный сотрудник по работе на селе.

Письмо живописца П. П. Оссовского (с ним в течение 7 лет велись переговоры об устройстве его выставки): «Я все занят, много выставок, общественных обязанностей».

Письмо Д. С. Лихачева в издательство «Современник»: 04.06.78. «Как дела с моим «Великим наследием»? Когда ждать корректуру, в каких она планах издательства? Все ли благополучно с рукописью и иллюстрациями? Мы всем сектором д/р литературы Пушкинского дома ездили на 3-дневную конференцию в Вологду. Там мне очень понравилась график Г. Н. Бурмагина. Очень бы хотелось, чтобы она была привлечена для оформления книги: форзац, фронтиспис, заставки и пр. Если это не нарушает Ваших издательских планов, то у меня есть некоторые идеи, которые бы я ей сообщил. Книгу бы тогда можно было готовить на премию по оформлению. Мой дачный адрес: Лен. обл., Курортный район, ст. Комарово, ул. Академиков, 7, кв. 3. Ваш Лихачев».

Письмо Д. С. Лихачева М. Е. Даен: «Дорогая М. Е.! Спасибо за письмо, справки (вполне с Вами согласен), каталог и перепечатанный экземпляр моего отзыва. Если что-нибудь нужно — я всегда буду рад что-то сделать для Вас и Картинной галереи. Пишу сейчас в «Современник» относительно Г. Н. Бурмагиной. Искренне Ваш. Нам всем очень понравилась Вологда — пока она такая еще. 04.06.78.

Письмо Г. И. Попова директору К. Н. Федотовой 28.08.78. Пишет, что начал «Весенние хлопоты» и готов к персональной выставке к концу 1979 года. Пишет о картине для нее.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 62990 человек, экскурсий — 643, обзорных — 448, тематических — 160, по советскому искусству — 35. Лекции — 156, по линии общества «Знание» — 60, все вне галерей.

Появились тематические экскурсии: «Реалистическое искусство середины и II половины XIX века», «Пейзаж в русском искусстве», «Портрет в русском искусстве», «Художественные группировки конца XIX — начала XX вв.».

Активно проводилось обсуждение выставок «Вологодский натюрморт». «Мое Нечерноземье».

Обсуждение выставки Н. И. Андронova и Н. А. Егоршиной стало настоящим событием в художественной жизни Вологды. Из Москвы приехала целая делегация: ответственный редактор журнала «Искусство» Ю. Э. Осмоловский, зам. директора по науке ГТГ В. С. Манин, ученый секретарь ГТГ И. Б. Порто, зав. кафедрой советского искусства МГУ М. Н. Яблонская, представители журнала «Декоративное искусство», художники — Н. И. Андронов, А. В. Васнецов, И. В. Голицын, П. Ф. Никонов, В. И. Иванов, В. Г. Вейсберг, студенты искусствоведы МГУ.

В конце 1978 года при ВОКГ был создан методический совет.

М. Е. Даен прослушивала экскурсии Л. И. Майковой и Г. В. Дементьевой. О. Д. Уткина прослушала И. Б. Балашову, Л. Г. Соснина — Г. В. Дементьеву.

Методические пособия:

- 1) Лекция «Художники-вологжане» (Е. А. Шуткова).
- 2) Экскурсия «Пейзаж в русском искусстве» (О. Д. Уткина).
- 3) Экскурсия «Портрет в русском искусстве» (Е. А. Коновалова).

4) Обзорная экскурсия по постоянной экспозиции живописи и скульптуры. (М. Е. Даен).
Сотрудники ВОКГ участвуют в обсуждении выставок в Вологодской организации СХ: молодых эстонских художников, Б. А. Кураго, В. Кузововой.

На телевидении проведены передачи по выставкам:

- 1) «Вологодский натюрморт» (О. Д. Уткина).
- 2) «Молодые художники» (Е. А. Шуткова),
- 3) Выставка Е. А. Соколова и Т. А. Чистяковой (М. Е. Даен).

И. Б. Балашовой активизировалась работа по привлечению посетителей, организации рекламы, заключение договоров на цикловые экскурсии. Беседы в школах и ПТУ — «Дети в изо», «В. М. Васнецов» — 23-я школа.

Отзывы в этом году поражали активностью: «Очень хорошая, культурная экспозиция (Москва)». «Посетили «Третьяковку» в Вологде». «Ленинградцев трудно удивить, но ваша галерея превзошла наши ожидания». «Благодарим за уют, чистоту, покой, гостеприимство. Нейрохирурги из крупных городов страны».

Настоящую бурю мнений вызвала выставка Н. И. Андропова и Н. А. Егоршиной. Такого еще не было в Вологде.

Отзывы художников: Д. В. Журавлев: «Это явление в искусстве России».

А. В. Пантелеев: «Дорогой Николай Иванович и Наталья Алексеевна! Поздравляю вас с открытием вашей красивой и доброй выставки. С уважением. А. Пантелеев».

Е. А. Соколов, Т. А. Чистякова: «Спасибо за доставленную радость. Такой праздник у нас впервые в галерее».

Т. П. Рыбакова: «Ощущение гармонии, удивительная культура цвета, умение владеть разными техниками живописи и рисунка».

Н. И. Мишуста: «Выставка производит глубокое впечатление, она заставляет глубже вникать в сущность самых простых, нас окружающих предметов и явлений». Замечательны отзывы В. Н. Корбакова, Н. И. Гришачева, Розановых и просвещенных зрителей.

Другие отзывы ужасны: «Авторы хотя принципиально увести зрителя от действительности к сараям. Неприятное впечатление производит старание экскурсоводов переключить внимание зрителя с содержания картины на технику исполнения. Техник». «Выставку снять!» Удивительно, как наша ВОКГ может принимать и экспонировать такую мазню. А потом, мы удивляемся — откуда берутся Сахаровы, Солженицыны».

Зрители спорят друг с другом на страницах книги отзывов. Московский искусствовед О. П. Воронова пытается объяснить Андропова и Егоршину.

Встречаются отрицательные, но умные мнения. В них вологжане сравнивают Андропова с живописью студии при ДКЖ, понимая, что они подражают Андропову.

1979 год

Выставки

1) 14 февраля — 12 марта. Выставка заслуженного художника РСФСР Ф. Д. Константинова (Москва). Графика, живопись.

2) 17 марта — 15 апреля. Выставка ДХШ области, посвященная Году ребенка.

3) 6-27 мая. Областная предзональная выставка «Весна-79».

4) 2-24 июня. Выставка «Петербург-Ленинград в русской и советской гравюре из ГРМ и ВОКГ».

5) 25 июня — 18 июля. Выставка скульптуры малых форм. По линии Дирекции художественных выставок ХФ РСФСР.

6) 26 августа — 14 сентября. Выставка новых поступлений.

7) 16 сентября — 12 октября. Передвижная выставка «Рисунок и акварель» со Второй Всероссийской выставки акварели и рисунка. По линии Дирекции художественных выставок ХФ РСФСР.

8) 14 октября — 30 ноября. Выставка эклибрисов советских художников из ВОКГ.

9) 25 ноября — 23 декабря. Выставка Г. И. Попова.

10) 17 ноября — 25 декабря. Выставка «Художник и книга — иллюстрации русских и советских художников из собрания ВОКГ».

11) 22 декабря — январь 1980. Выставка молодых вологодских художников.

Не провели выставки А. Т. Наговицына, самодеятельных художников, Ю. Н. Петрова. Их заменили выставками Ф. Д. Константинова, «Петербург-Ленинград», «Художник и книга».

Передвижные выставки:

1-15) Выставки из подлинных произведений — Тарнога, Никольск, Грязовец, Куркино, Кадуй, Череповец, Чебсара, Устюжна, Тотьма, Шексна, Великий Устюг, Вологда — ГПЗ-23.

2) Выставки из репродукций: «Мастера советской живописи», «Образ Ленина», «Иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого».

В Народной галерее в Грязовце добавилось 12 работ — 11 живопись и 1 графика. Всего 73 произведения.

Фонды

Поступления: 463 экспоната, из них 311 — советское искусство, живопись — 18, графика — 293, скульптура — 3.

От МК РСФСР: 1-5) Ю. И. Пименов. «Стирка», «Портрет Юлии Борисовой», «У решетки Летнего сада», «Хозяйка», «Натюрморт с мать и мачехой».

6) Я. Ю. Крыжевский. «Пейзаж».

7) Д. Петров. «На стройке». Керамика.

От управления культуры:

1) А. И. Смоленцева. «Натюрморт праздничный».

2) Д. Т. Тутунджан. «Ясная».

3) Г. Н. Бурмагина. Иллюстрации к «Бобришному угору» А. Я. Яшина.

4) А. Т. Наговицын. 3 ксилографии.

5) В. У. Едемский. «Выходной день».

6) В. Г. Смирнов. 2 офорта.

7) Н. А. Журавлев. Офорт.

Из ГЭ поступило 79 единиц западноевропейской гравюры.

От художников поступило в дар 80 произведений: А. Т. Наговицын — 20 гравюр, Ф. Д. Константинов — 1, Е. Н. Чулаки и Е. Бузина — 35 рисунков и офортов, Н. С. Войтинской — 5 литографий, Н. В. Железняк — 3 литографии.

Ждут закупки:

1) В. Н. Корбаков. «Челищево».

2) А. В. Пантелеев. «Муза».

3) В. И. Иванов. «Портрет Меркуловой».

4) Я. Ю. Крыжевский. «Уходящим летом».

5) Р. Н. Барто. «Женский портрет».

6) Р. Н. Барто. «Партизаны в горах».

7) С. И. Маркин. «Красноармейцы».

8) Г. И. Попов. «Весенние хлопоты».

9) В. Е. Попков. «Карл Фридман в деревне Кимжа».

10) Графика 1920-1930-х годов: Н. Л. Бриммер, Д. И. Митрохин, К. Е. Костенко, П. А. Шиллинговский, И. Э. Браз, Л. С. Хижинский, В. В. Воинов, А. В. Каплун, М. В. Добужинский, В. А. Фаворский — из коллекции Е. А. Зоммер (племянницы); В. В. Воинов, К. И. Рудаков, Г. С. Верейский, Б. М. Кустодиев, В. А. Белкин, С. Б. Юдовин, Е. С. Кругликова. Всего 127 работ.

11) Г. Н. Бурмагина. Иллюстрации к произведениям С. Писахова. 5 листов.

12) Графика Н. Е. Лансере, Н. Н. Герардова, К. Е. Костенко — 13 листов

В экспозицию после экспертизы включили следующие произведения:

М. Л. Колокольников «Портрет неизвестного», неизвестный художник «Портрет Волковой», И. И. Машков «Натюрморт».

В экспозицию советского отдела введены Р. Р. Фальк «Неизвестная в берете», Ю. И. Пименов «Юлия Борисова», «Старик», Е. А. Соколов «Ольгина роща», В. Н. Корбаков «Портрет актрисы М. В. Щуко», Я. Ю. Крыжевский «Уходящим летом», «Время заморозков».

В отделе графики добавлены работы А. Ф. Зубова, Е. П. Чемесова, Г. Ф. Шмидта, А. О. Орловского. Советская графика: В. А. Фаворский, А. И. Кравченко, П. В. Кузнецов, В. В. Рождественский, И. В. Голицын, Н. Я. Симонович-Ефимова, Д. Т. Тутунджан, В. А. Сергеев, Н. В. и Г. Н. Бурмагины.

Скульптура: Б. Ю. Сандомирская «Физкультурница», «Девушка из Галактики», керамика Т. А. Чистяковой, барельефы Ф. П. Толстого, посвященные Отечественной войне 1812 года.

На выставку в Париж отправляется картина А. А. Экстер «Город».

Работа реставрационного совета:

«Портрет Екатерины II» В. Эриксона отправлен в ВХНРЦ.

Много графики отправлено на реставрацию.

Т. Н. Белозерова частично реставрировала картины Р. Р. Фалька «Обнаженная», «Портрет Л. Орловой», Ф. С. Журавлева «Отдых на сенокосе», С. П. и А. П. Ткачевых «В трудные годы», Б. П. Виллевальде «Сегодня ты, а завтра я».

В библиотеке 6190 единиц хранения, поступило 719 книг, 96 журналов.

Научная работа

- 1) М. Е. Даен. «Творчество П. С. Тюриня»:
 - Атрибуция «Портрет молодого человека в охотничьем костюме» П. С. Тюриня (Зубов).
 - Работа П. С. Тюриня в Михайло-Архангельской Богюгской церкви. Фотофиксация фресок. Обследование церкви — II половины XVIII века, ранний классицизм.
 - Атрибуция портретов П. С. Тюриня в ВОКМ. Рукопись — 1,5 авт. листа.
 - 2) М. Е. Даен. Атрибуция портрета Н. С. Мордвинова кисти Д. Доу. Экспертиза в ВХНРЦ, н. сотр. Е. Седова.
 - 3) М. Е. Даен. Путеводитель по ВОКГ. Объем — 2,3 авт. листа. Доработка рукописи.
 - 4) М. Е. Даен. Статья «Е. Соколов, Т. Чистякова» в журналы «Художник», (1979, № 7) и «Декоративно-прикладное искусство (1979, № 10).5
 - 5) О. Д. Уткина. «СКЛИИ и его роль в сложении художественной жизни Вологды начала XX века». Карто-тека библиографии и источников. Рукопись — 2 авт. листа. (В начале 1979 года она уволчилась).
 - 6) Е. А. Коновалова. «Западноевропейская живопись из ВОКГ с пометкой ГЭ». 5 картин атрибутировано:
 - Н. х. (Франция). «Похищение Европы». 1730-е годы.
 - Н. х. (Голландия). «Гавань». XVIII век.
 - Н. х. (Голландия). «Встреча у ворот». XVII век.
 - Н. х. (Голландия). Круг И. А. Эйтевалля. «Воскрешение Лазаря». XVII век.
 - Герард де Лересс (1641-1711). «Нахождение Эрихтония».
 - 7) В. В. Воропанов. Статьи: «Вологодская графика», «Творчество* В. У. Едемского», «Творчество Е. П. Шильниковского», «Творчество Г. И. Попова».
 - 8) Е. А. Шуткова. Статья «Экслибрисы Бурмагиных».
 - 9) К. Н. Федотова. Подготовка каталога выставки Б. П. Шваркова.
 - 10) М. Е. Даен, К. Н. Федотова. Подготовка каталога новых поступлений живописи и скульптуры ВОКГ. Темы вне плана МК:
 - 1) Научная каталогизация — все сотрудники.
 - 2) Г. В. Дементьева. Об М. Игнатъеве. Установлен по архивам Ленинграда год смерти — 1934.
 - 3) В. В. Воропанов, Е. А. Коновалова, Г. В. Дементьева — каталог новых поступлений графики (в работе).
 - 4) Л. Г. Соснина. Атрибуция рисунков М. П. Клодта из ВОКГ. 2 печ. листа. Доклад обсужден 4.12.79.
 - 5) Е. А. Шуткова. Буклет к зональной выставке «Советский Север — 79». 1,5 печ. листа.
 - 6) Е. А. Шуткова. Буклет к выставке Бурмагиных.
 - 7) Е. Б. Савина. Атрибуция портрета девушки из кол. А. Ф. Протопопова. Авторство И. Н. Крамского не подтвердилось.Были подготовлены материалы о молодых художниках для буклетов: Л. Г. Сосниной — о А. И. Савине, М. Е. Даен — о В. А. Егорове, Е. С. Шевченко, М. Н. Вороно — о Г. Н. Мамровой, Г. В. Дементьевой — о Н. А. Журавлеве.
- Работа научно-методического совета:

В. В. Воропанов. Методическое пособие для экскурсии по новой экспозиции графики.

Проводились регулярно прослушивания экскурсий сотрудников: М. Е. Даен слушала И. Б. Балашову, Л. Г. Соснина — Г. В. Дементьеву, В. В. Воропанов — Е. А. Коновалову и Г. В. Дементьеву.

Оказывалась методическая помощь музеям: В. В. Воропанов в Тотьме просматривал фонды графики, М. Е. Даен, Т. Н. Белозерова, Е. А. Шуткова в Нюксенице знакомились с сохранностью произведений.

Издательская работа

1) Альбом «Экслибрисы Бурмагиных» (Е. А. Шуткова).

2) Буклет по зональной выставке «Советский Север — 79» (Вологда) (Е. А. Шуткова)

В 1979 году издательство «Изобразительное искусство» в подборке «Художественные музеи СССР» готовит 6 комплектов открыток по ВОКГ: 1) «Рисунок и акварель XIX-начала XX вв.»

2) «Советская графика».

3) «Художники конца XIX — начала XX вв.»

4) «Художники II пол. XIX века».

5) «Худ. XVIII-I пол. XIX века».

6) «Советские художники».

Переписка

Из МК РСФСР пришла рецензия на «Путеводитель по ВОКГ» М. Е. Даен. Рецензент В. Ф. Круглов — старший научный сотрудник научно-методического отдела музеев РСФСР при ГРМ — писал: «Выход второго путеводителя свидетельствует о научной зрелости музея, не все музеи способны к выпуску второго каталога и путеводителя».

ВОКГ просили МК РСФСР передать скульптуры А. Г. Пологовой «Поющие испанцы» и А. И. Рукавишниковой «Корейская борьба». Всего 9 работ.

В областное управление культуры было направлено письмо о выделении ставок на 1980 год для создания отдела пропаганды. В штате есть ставки экскурсовода и методиста. Просили четыре ставки: заведующего, старшего и младшего научных сотрудников, организатора экскурсий.

Повышение квалификации

1) В. В. Воропанов. Стажировка по вопросам хранения графики. ГРМ, апрель.

2) И. Б. Балашова. Стажировка «Курсы экскурсоводов художественных музеев РСФСР». ГРМ, 2-23 июня.

Участие в республиканской научно-практической конференции «Художественный музей и эстетическое воспитание школьников и учащейся молодежи» в Архангельске, 17-22 сентября.

3) Е. Б. Савина. Участие в конференции по учету и хранению музейных предметов в ГЭ, в музее изобразительных искусств в Таллине, декабрь.

Пропаганда искусства

Посещаемость — 66111 человек, экскурсии — 702, обзорные — 204, по советскому искусству — 330. Лекции — 156, по линии общества «Знание» — 81.

К. Н. Федотова — работники культуры области, М. Е. Даен — семинар работников культуры, Е. Б. Савина — психиатрическая больница, И. Б. Балашова и Е. А. Коновалова — кружки в школах № 23, 27.

Велась работа народных университетов культуры: Грязовец, пос. Молочное, Великий Устюг, Куркино, Тотьма.

И. Б. Балашова и О. В. Кукушкина работают со зрителями, заключают договоры с предприятиями на посещение экскурсий.

Подготовлено 7 радиопередач по проводившимся выставкам.

Обсуждение выставок в ВОКГ и в СХ В. Н. Корбакова, Ф. Д. Константинова, областной выставки, В. А. Егорова (СХ), Н. А. Журавлева (СХ), молодых ленинградских художников (ВОКМ).

Встреча с художником Ф. Д. Константиновым, приехал Ю. Э. Осмоловский.

Искусствоведы ВОКГ подготовили вологодский раздел зональной выставки «Советский Север — 79» в Сыктывкаре, участвовали в пресс-конференции и открытии выставки.

М. Е. Даен и Е. А. Шуткова — члены художественного совета при облисполкоме — выпуск сувениров, В. В. Воропанов — в жюри общества фотолюбителей.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ — МОЯ СУДЬБА

Вступление

В 2019 году исполнилось ровно 65 лет со времени открытия первой экспозиции Вологодской областной картинной галереи. Это стало началом большой созидательной работы всего коллектива главного в Вологодской области художественного музея по эстетическому воспитанию населения края средствами изобразительного искусства. Много это или мало по времени? Если сравнивать с крупнейшими столичными хранилищами произведений искусства, которые опирались на многовековые государственные или дореволюционные частные собрания, то это сравнительно небольшой срок. А для северной русской провинции, где профессиональная художественная жизнь, осознавшая себя лишь с началом XX века, была долгое время прерывистой и достаточно скудной, это достаточно много. Начав буквально с нуля, наша галерея за прошедшие десятилетия постепенно превратилась в один из крупнейших музейно-творческих центров художественной культуры Русского Севера. Здесь сформировались редкие для нашего времени самые тесные контакты и творческие связи музейщиков и мастеров изобразительного искусства, наладилась почти непрерывная выставочная работа, установилась плодотворная система научной, издательской и общественно-просветительской деятельности.

Так случилось, что и я родился на Вологодчине в 1954 году, ровно 65 лет назад. Видимо, сама судьба изначально по времени соединила мою житейскую историю с деятельностью картинной галереи. Внутри меня уже с самой юности обнаружилась определенная тяга к постижению искусства и музейной работе. Затем это было наполнено годами университетской учебы по специальности «искусствоведение» и непрерывной работой в галерее с 1976 года, где я был директором с 1981 по 2018 год. Продолжая и сегодня свои труды в отделе учета и хранения фондов картинной галереи, я решил по просьбе коллег и друзей написать краткие воспоминания о сделанном, увиденном и пережитом в галерейных стенах. Мне кажется, что нам есть чем гордиться, ведь сделано всего немало в разных направлениях музейной работы. Это и освоение новых галерейных зданий, и общение с художниками, коллекционерами, издателями, экспозиционная, выставочная научно-поисковая и фондовая работа, специальные творческие проекты и активные формы общения со зрителями. Конечно, эти заметки-воспоминания будут по определению субъективны и неполны, так как я решил писать только о том, что именно мне близко и дорого. Это не отчет о проделанной работе по всем пунктам и параграфам, что в галерее готовится регулярно, а по возможности живой актуальный разговор о профессии, о встреченных на пути учителях, коллегах и друзьях, о волновавших проблемах и тревоживших неурядицах. А так как я — человек книжный, то не могу в этом вступлении не упомянуть, что работая над мемуарами я в той или иной степени вспоминал труды своих предшественников по профессии: «музейные страницы» воспоминаний А. Н. Бенуа, мемуары П. И. Нерадовского «Из жизни художника», книги основателя и первого директора Государственного музея А. С. Пушкина в Москве А. З. Крейна «Рождения музея» и «Жизнь музея», труды Государственного Эрмитажа в серии «Хранители», размышления М. Ю. Германа из Государственного Русского музея в двухтомнике «Воспоминания о XX веке», публикации первого профессионального директора картинной галереи С. Г. Ивенского «Записки созерцателя» и «Дары Свободы», сборники материалов о дорогих для меня людях В. В. Худолее, И. Г. Мямлине, В. В. Лобуреве, С. Г. Ивенском и других деятелях отечественной культуры. Надеюсь, что вологодские и иногородние авторы этого юбилейного галерейного сборника дополнят мой рассказ, дадут оценку сделанному мною и моими коллегами с иных точек зрения и подведут по мере возможности объективный итог пройденного нами совместно такого непростого, но плодотворного и радостного музейного пути в стенах Вологодской областной картинной галереи.

Все начинается с детства

Мне часто задавали такой внешне простой, но по своей сути сложный вопрос: «А почему вы оказались на музейной работе? Какая судьба привела Вас в картинную галерею?» Ведь мужчин-искусствоведов, тем более директоров художественных музеев, в провинции всегда было очень мало. Это казалось чем-то странным, не очень серьезным, тем более малоодоходным. Когда моя бабушка Прыгова Анфия Васильевна узнала, что я начинаю трудиться в картинной галерее в бывшем здании Воскресенского собора, она со свойственной ей ясной прямотой спросила: «А кем ты там будешь работать? Псаломщиком? А что делать — пыль протирать...» Действительно, очень многим иногда кажется, что пребывание в музее — это либо тихое сидение в кабинетах и полупустых залах, либо богемное тусование на вернисажах да красивая болтовня о совсем несерьезных вещах. И только уже потом, десятилетие спустя, ко мне пришло серьезное убеждение, что подлинная музейная работа — это настоящее, а порой и очень тяжелое, достойное для мужчины дело, не только радующее и развлекающее, но и требующее от человека, им занятого, полной самоотдачи...

Всё началось именно с детства. Мне помнится, что в нашей старой квартире в большом двухэтажном деревянном доме в начале улицы Герцена в Вологде, где теперь находится магазин «Золотой ключик», висели три цветные репродукции в рамах. Это были популярные тогда картины Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Аленушка» Виктора Васнецова и «Письмо с фронта» Александра Лактионова. Особенно мне понравилась и запомнилась навсегда последняя. Казалось, что художник изобразил такой знакомый, наш, вологодский дворик, а женщина на крыльце мне напоминала мою молодую маму, Музу Васильевну Воропанову. А письмо могло быть от отца, который служил на фронте. Так постепенно каждая картина начинала для меня раскрываться во всех своих подробностях и деталях, что так важно искусствоведу, а тем более — музейному работнику.

Потом в нашей большой комнате появилась этажерка, которая стала заполняться разного рода манящими изданиями. Папа любил и собирал книги. И сейчас основа моей домашней библиотеки — его достояние. Это — подписные собрания сочинений русской и зарубежной классики, которые доставались с большим трудом. Иногда вместе с сестрой Татьяной мы забирались в большую родительскую кровать, и мама нам вслух читала увлекательную книгу «Дети капитана Гранта» Жуль Верна. Папа особенно любил военные мемуары и поэтическую лирику Маяковского, Есенина, Твардовского, старался следить за современными новинками: Константин Симонов, Илья Эренбург, Юрий Герман, Вениамин Каверин. Бабушка пела в хоре ветеранов труда Дворца культуры железнодорожников, брала меня с собой на занятия университета культуры. Меня пробовали учить играть на баяне, благо после пожара на баянной фабрике в Кирилловском районе домой купили на распродаже по дешевке инструмент; потом я в первом классе недолго походил в балетную студию при ДКЖ к Максиму Миксеру, но не получилось... Постепенно главным интересом моей души стало чтение, рассматривание иллюстраций, репродукций, а потом их изучение и осмысление.

Но начну именно с книг. Никто с детства меня не контролировал и не ограничивал в чтении. Третье бывало мама говорила: «Ну что ты все сидишь с книгой? Нет бы, как другие мальчишки, бегал по двору, гулял, дышал воздухом». Но какое уж тут гуляние, когда я с трепетом перелистывал волнительно-чувственные страницы романов Виктора Гюго и Эмиля Золя, энергичные повествования Майна Рида и Джека Лондона, благо их большие собрания сочинений были дома под рукой. Потом папа отвел меня в настоящую взрослую библиотеку при Совпартшколе на тогдашней улице Урицкого, где он долгие годы преподавал. Я приходил в библиотеку после уроков, когда и студенты заканчивали свои лекции, и был один среди стеллажей с книгами. Брал то, что хотелось, что интересовало. Особенно из детства мне запомнился большой взрослый роман Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо», за который автор ещё до войны получил Нобелевскую премию. Не всё было понятно, но именно оттуда идет моя постоянная любовь к большим жизнеописаниям, к истории нравов, к обстоятельствам и подробностям жизни. Потом пришли исторические романы и из старой Руси, и из Вальтера Скотта, биографии и мемуары. А первая, купленная отцом специально по моей просьбе книга по изобразительному искусству, и сейчас стоит у меня на полке. Это альбом Валентины Князевой «Николай Рерих» 1968 года, приобретенный на втором этаже магазина «Искусство» на улице Мира, в центре города. Меня манило всё романтическое, сказочно-историческое. И по следам этой книги уже в университете в Ленинграде на втором курсе я писал итоговую искусствоведческую работу по декорациям Н. К. Рериха к балету И. Ф. Стравинского «Весна священная». Вот когда аукнулись и мои первые детские балетные опыты, пусть и не реализованные на практике, и тяга к историзму.

У меня в детстве был ещё один важный источник знаний по изобразительному искусству. Это — журнал «Огонёк». Сколько себя помню, мы всегда его выписывали. Сначала читали «от корки до корки», потом папа вынимал цветные вкладыши с репродукциями картин. И главное, он вырезал и сопроводительные материалы о художниках, и популярные тогда очерки об искусстве Игоря Долгополова. Затем всё это переплеталось в альбомы и подшивки: сами журналы особым образом, по годам; а всё «по искусству» — отдельно. Потом, когда приходили к нам в гости родственники, все подолгу и с интересом рассматривали «картины». Правда, первые отцовские подборки репродукций были бессистемные, составленные просто по мере их поступления. Но очень скоро, кажется, уже в пятом-шестом классе я взял эту работу на себя. Как-то само собой пришло решение компоновать материалы по странам, эпохам и художникам. Пришлось разрезать все отцовские сборные альбомы, раскладывать картины по темам, самому склеивать папки с твердыми обложками, боковыми клапанами и завязками. И эта работа продолжалась у меня все последующие школьные и первые студенческие годы. Это стало моим первым музеем, который и сейчас хранится в особом шкафчике. Дома на меня не обижались, а всемерно помогали. Папа приносил для обложек старые плакаты учебных пособий, а мама из статистического управления, где работала, приберегала для меня вышедшие из употребления большие бумажные бланки. Ведь для каждого периода нужна была особая папка, а все персональные подборки репродукций вкладывались в прочные бумажные статистические отчеты от различных переписей. Я иногда и сегодня просматриваю эти альбомы в поисках нужных материалов — это помогает в работе.

Вот так постепенно дома и оформлялась моя тяга к изучению и осмыслению художественного материала, зарождалась будущая профессиональная стезя музейного работника. И первым путеводителем на этом поприще был мой отец, Валентин Александрович Воропанов. Хотя по роду своей деятельности он был прежде всего связан с сельским хозяйством, но в душе его был скрыт истинный гуманитарий и летописец. Позднее среди его бумаг я нашёл рукописный песенник военного и первого послевоенного времени, кроме книг он собирал фотографии семьи и почтовые марки, вёл фенологический дневник, составлял картотеку своей библиотеки. Именно он впервые стал приводить меня на выставки в Вологодскую областную картинную галерею. В 1960-х годах в галерее организовывались выставки картин из фондов Государственного Эрмитажа и Государственного Русского музея. Я навсегда запомнил эти первые мои настоящие картинные путешествия в выходные дни вместе с отцом, когда мы вместе рассматривали уже не репродукции из «Огонька», а подлинные пейзажи и натюрморты «малых голландцев» XVII века, и особенно с детства почему-то мне запомнившиеся сочные по колориту и какие-то томительно-карнавальные картины Константина Сомова из Русского музея. Хотя домашние и соседи иногда подтрунивали над папиными тратами денег на приобретение книг и его походами по художествам, но и именно это и сформировало весь последующий мой творческий путь.

Школьная пора

Второй ступенью на моём пути восхождения к картинной галерее стала школа. И не потому, что моя старенькая и небольшая средняя школа № 2 на улице Первомайской была какой-то специализированной и элитарной, богатой и привилегированной. Отнюдь нет. Меня записали именно в эту школу, потому что она была ближайшей к дому. Но в ней в 1960-е годы подобрились совершенно особенные преподаватели, которые смотрели дальше и шире обычной школьной программы и вели себя как творческие деятели высокого уровня. Сегодня бы её назвали школой с русским литературным уклоном. Я часто повторяю, что меня учили литературе писательские жены. Вначале, до переезда в Москву, это была Галина Васильевна Викулова, потом почти всё время — Ольга Сергеевна Белова, а в перерыве — Анастасия Александровна Романова. И каждая из них вносила в преподавание какой-то свой личностный оттенок.

Особую роль в моём становлении сыграла О. С. Белова. Она не только учила, более всего развивала, приобщала к культуре, выступала за свободу самовыражения, боролась против упрощений и казенных штампов. Она самолично буквально взяла меня за руку и повела на экскурсию в областной краеведческий музей. Тогда там в Экономском корпусе только что открылась одна из первых в стране постоянная экспозиция древнерусского искусства. Экскурсию для нас двоих, а более всего, как мне тогда казалось, для меня одного вела заведующая отделом, замечательный искусствовед, незабвенная Ирина Александровна Пятницкая. Это был прямой путь в будущую профессию! Всё было ново. Да, тогда сразу я очень многое не понял из иконографии и стилистического канона древнерусской иконописи. Но в её словах были порыв к духовности, служение высоким идеалам, пример редкого тогда свободомыслия и индивидуального

подхода буквально ко всему. Когда уже потом, в университете, на зачете по народному искусству у Ирины Яковлевны Богуславской я назвал имя Пятницкой, она сразу всё поняла и достойно оценила. А добиться понимания у строгой Богуславской из Русского музея было не так-то просто.

А потом О. С. Белова отдала мне свой абонемент на лекции по древнерусскому искусству, которые тогда впервые читались в музее своими и приезжими специалистами. И делалось это на самом высоком уровне. Занятия проходили по вечерам на первом этаже Иосифовского корпуса Вологодского кремля. Мне кажется, что из школьников я был один. А ещё регулярно проходили встречи с вологодскими писателями в школе, она давала мне прочесть первые сборники Николая Рубцова, книги Астафьева, Евтушенко и Вознесенского. Под впечатлением от прочитанного я что-то рисовал и даже писал-размышлял.

Кроме всего прочего в школе я был завзятый чтец-декламатор, постоянно участвовал в смотрах художественной самодеятельности. Сейчас это даже трудно представить, но я на презентациях школы в общегородских смотрах Горно смело выходил на сцену Дома пионеров и перед всеми комиссиями читал большие отрывки не только из Демьяна Бедного и Александра Межирова, но и из Евгения Евтушенко (из цикла «Ритмы Рима» и только что опубликованной в «Огоньке» поэмы «Гранада»). Конечно, я не получал за это взрослое чтение никаких призов, но такое энергичное творческое начало меня буквально окрыляло и наполняло новыми свежими идеями на будущее.

Именно от школы мы попадали на творческие встречи с российскими и вологодскими писателями в Доме политического просвещения, где я слышал с балкона, как Николай Рубцов читал своё трагическое стихотворение 1969 года «Поезд» с поразившими меня тогда строками:

*«Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свидания!..»*

Тогда в школе, да и во всем городе, было много всего нового, необычного, смелого.

Во 2 средней школе работал ещё один учитель-подвижник, во многом сформировавший мое творческое мироощущение. Это художник, педагог, организатор детского эстетического воспитания Юрий Александрович Баранов. Его знали практически все в городе, кто так или иначе соприкасался с изобразительным искусством. В мои школьные годы он сначала работал простым учителем рисования и руководил кружком рисования в городском Доме пионеров. В 1967 году Ю. А. Баранов создал и стал первым директором главной в области Вологодской городской детской художественной школы, где проработал двадцать лет. Я у него занимался в школе, в Доме пионеров, но в художественную школу из-за временно изменившихся своих интересов уже не попал. Юрий Александрович был и остается для меня и по сей день истинным примером человека искусства. По-мужски красивый, немного прихрамывавший, но сильный и энергичный, он как-то по-особому неспешно, образно и даже возвышенно говорил об искусстве; со всеми, включая даже нас, малолеток, говорил на «вы». На уроках рисования показывал альбомы с картинами русских классиков, а я отгадывал, что это. Он был организатором городских выставок детского художественного творчества, и я храню у себя с 5 класса школы приз за участие в 6-й такой выставке: книгу воспоминаний художника, искусствоведа, заведующего художественным отделом Русского музея П. И. Нерадовского, которая на многие годы стала для меня путеводной звездой в профессии. Ю. А. Баранов пристально следил за моим критико-искусствоведческим становлением, помогал, чем мог, давал дельные советы, ободрял. Будучи студентом в Ленинграде, приезжая на каникулы домой, я всегда заходил к нему в школу на Каменном мосту, которую он в меру сил и возможностей холил и лелеял. А потом уже, когда я пришёл в галерею на работу, мы вместе организовывали там детские выставки и делали небольшие экспозиции его пейзажных творческих работ в разных местах города. Иногда мы просто созванивались и вместе шли обедать в ресторан «Север». Он умел все делать как-то «вкусно», артистично, с большим эмоциональным подъёмом. Именно при нём учащиеся художественной школы были постоянными посетителями и участниками многих мероприятий картинной галереи, чего теперь давно уже нет.

Постепенно, к концу школы у меня сформировалось единственное желание работать в художественной сфере: быть историком искусства, искусствоведам, критиком и музейным работником в области изобразительного искусства. Я решил поехать учиться в Ленинград, на исторический факультет государственного университета. Не скажу, чтобы все и сразу дома были этому рады, так как хотелось, чтобы я учился и потом работал дома, под боком. Но всё вело к тому, что мне надо было выходить на более высокий,

профессиональный уровень образования. Манила творческая жизнь большого столичного города с такой великой историко-художественной средой, как Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград.

Мои университеты

Основополагающую роль в формировании базисных основ моих искусствоведческих знаний сыграла учёба в Ленинграде с 1971 по 1976 год. Сегодня мне хочется выделить три главные точки моих занятий и интересов в те годы. Вот они — это кафедра истории искусства исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Научная библиотека Академии художеств и отдел гравюры Государственного Русского музея. И ещё — дружеское и творческое общение с однокурсниками и друзьями, музеи города и пригородов, филармония и театры. Конечно, можно было бы взять от всего этого интеллектуального и духовного богатства гораздо больше, но тут постоянно вмешалась сама жизнь — бытовые проблемы не очень устроенной общежитской жизни, неумения и незнания юного провинциала в столичном городе, особенно на первых порах, довольно сложная и давящая обстановка социально-политических условий тогдашнего застойного времени... А ленинградские нравы и обхождения по-особому отличались как деликатностью, так и известной холодностью, радушием и желанием помочь одним и равнодушием и безразличием других. Я приехал в Ленинград, ещё ломящийся от продуктового изобилия и кумачовой мощи советских празднеств, а уезжал уже в эпоху дефицита, начала второй волны эмиграции в среде интеллигенции и первых неформальных художественных выставок. На смену безусловной веры во всё советское, воспитанное домом и школой, постепенно пришли разочарования, первые попытки свободомысленных выступлений. И всё-таки сам выход в бурлящую событиями ленинградскую художественную жизнь, формальное и неформальное общение с единомышленниками разных возрастов, поколений и взглядов взбудоражили моё творческое сознание и напитали созидательной энергетикой на все последующие десятилетия.

Начну непосредственно с университета. На вступительных экзаменах я получил «отлично» по всем предметам: 20 баллов. На собеседовании по искусству рассказывал о творчестве художника В. Э. Борисова-Мусатова, что тогда было ещё внове. На вопрос преподавателя истории архитектуры Ю. М. Денисова, не происхожу ли я из артистической среды, я ответил, что нет: приехал из провинциальной Вологды из обычной семьи служащих. Признаюсь, что первое впечатление от университета у меня было такое: куда я попал? Довольно средний уровень подготовки и интересов большинства студентов, казенщина деканата и едва прикрытая скука очень многих общекурсовых лекций, да ещё обязательное обучение по средам на военной кафедре, бытовое неустройство. Довольно долго никого не было рядом, кто бы объяснил более глубокую суть всего происходящего, поддержал бы и помог. Это пришло позднее.

О сокровенном тогда боялись говорить; казалось, не виделось выхода из какого-то неясного, но тупикового состояния общественной жизни. Вот почему я не так много проводил времени в самом университете, больше ходил по городу, посещал музеи, сидел в библиотеках, тем самым нащупывал путём проб и ошибок свою собственную стезю в профессиональной жизни. Как я узнавал позднее уже из вторых рук, меня несколько раз даже хотели исключить из университета. Нет, не из-за плохой успеваемости, с этим у меня было всё в порядке, хотя я практически не посещал ни лекции, ни семинары по общественно-политическим дисциплинам. А всё дело в некоей моей идеологической неблагонадежности, а иначе — в свободе выбора мнений и поступков, что тогда было явно небезопасным, но ставшим просто необходимым позднее, хотя и всегда осложнявшим мою жизнь.

По мере обучения и вживания в суть той или иной эпохи я зачастую перебарщивал своё «вчувствование» в прошлое, вольно или невольно входил в зримые образы разных времен. Так на втором курсе после лекций и чтения книг по раннему средневековью я в общегитии на окне, имитируя витраж, вырисовал акварелью взволновавшие меня речения из Евангелия от Матфея: «И вот я привел вас, как овец среди волков. И так будьте мудры как змеи и просты как голуби». А на соседней стене уже гуашью после посещения в Эрмитаже потрясшей меня выставки произведений мексиканских монументалистов я нарисовал горящую руку, ну прямо как у Х. — К. Ороско. А на следующий год по своей собственной инициативе пошел в соседнюю студенческую группу и прямо в аудитории стал рассказывать о религиозных исканиях в русском искусстве начала XX века. Мне искренне казалось, что активно постигать прошлое необходимо, ибо в этом и заключается живая, непрерывная связь времён. За что и поплатился разбирательствами на партбюро.

Но меня просто журили и брали на поруки мои добрые преподаватели и заступались за меня, когда я был изгоняем из очередной идеологической инстанции.

Но один раз такое заступничество не помогло. Помню, что в 1976 году в Эрмитаже была открыта выставка шедевров мировой живописи из музеев США. Из-за очередей попасть туда так просто было нельзя. В выходной день (понедельник) был организован специальный показ для специалистов и официальных художников. В очереди, которая выстроилась по набережной Невы чуть ли не до Дворцового моста, меня пристроила к себе и провела в залы преподаватель Э. П. Гомберг-Вержбинская. Я был буквально потрясен увиденным, так как такого уровня шедевров Тициана, Веласкеса и Эль Греко в наших музеях просто не было. Стоял и ошарашенно смотрел на грандиозные картины. И тут меня вычленила охрана, так как я явно не подходил ни к какой официальной категории. И меня публично, со скандалом вывели вон, пригрозив и преподавателю на её просьбы о защите. Всё это не прошло даром. Очень скоро Элеонора Петровна вместе с детьми уехала в эмиграцию, а я, будучи позднее неоднократно в США, специально останавливался перед недосмотренными ранее в Эрмитаже картинами в музеях Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Вашингтона. Так непросто всегда осуществлялась у нас эта неизбежно усложненная связка «искусство и жизнь».

А что же с преподаванием специальных дисциплин? Нас, искусствоведов, на курсе было всего десять человек. Говорят, что это был один из лучших составов за многие годы, так как почти все потом реализовали себя в профессии — кто в Эрмитаже, кто в Русском музее, в Вологде, в Смоленске, в Новгороде, за границей, на преподавательской ниве, в реставрационном деле. Занятия проходили в маленьких затемненных аудиториях, где я всегда в помощь преподавателям показывал через световой фонарь тогда ещё черно-белые фотографии на стекле (слайдов ещё почти не было). Как я сейчас понимаю, уровень преподавания был довольно разный. Кто-то по инерции дочитывал свои постоянные, давно разработанные курсы, кто-то вел свои занятия вяло, небрежно. В то время прорваться на кафедру яркой, неординарной личности со своим оригинальным духовно-творческим посылом было сложно. В деканате утверждалось заявленное вслух правило: «Нам не нужны гениальные студенты. Нам нужны студенты, строго выполняющие требования деканата». Вот почему явных гениев и не случалось как среди студентов, так и среди преподавателей. Или им приходилось очень несладко. На этом фоне своей фундированностью и очень ответственным отношением к делу выделялись лекции Т. П. Знамеровской и Н. Н. Калитиной по зарубежному искусству, В. А. Булкина и Т. В. Ильиной по русскому искусству; были и интересные приглашенные специалисты из Эрмитажа и Русского музея А. В. Банк, О. Я. Неверов, И. Я. Богуславская. И вопреки всему и вся стационарное полнокровное фундаментальное образование стало для меня необходимым и восполнялось потом все последующие годы при самостоятельной работе. Когда я заканчивал университет, то задавал себе простой вопрос: «Неужели это всё?» Казалось, что я только-только начал входить в курс дела, а тут приходилось полностью вставать на свои ноги, и думать обо всём собственной головой.

Ещё одно необходимое замечание. Тогда, как впрочем и теперь, было четкое разделение на университетскую и музейную науку. Преподаватели углублялись в историографические обзоры, разбирали различные теоретические трения, наводили свою критику на писания предшественников и оппонентов и меньше всего интересовались самим процессом творчества, были почти совсем удалены от современных художников. Музейщики же, наоборот, делали ставку на происхождение, бытование и исследование предметов искусства, скептически оценивая всяческие обобщения и теории. О современных мастерах и тем более о зрителях, о формах презентации искусства почти никто не думал. С таким багажом знаний мне потом было трудно осваивать азы работы в картинной галерее.

Среди преподавателей университета ближе всего к жизнеустройству культуры был Мелетий Олегович Малышев, очень много мне помогавший. Как потом выяснилось, у него была очень непростая, до поры до времени скрываемая, но героическая фронтовая военная судьба. Он на кафедре преподавал советское искусство и мне часто выговаривал: «Ты ходи, смотри, читай, думай, но не говори всем об этом. Им это не нужно! Это нужно только тебе!» Тогда на современное, то бишь советское искусство, никто особенно не зарился. Писать об авангарде и новейших течениях было ещё нельзя, а официоз «крутить» не хотелось. Вот почему на спецсеминаре у М. О. Малышева со всех курсов было всего 3-4 человека. Он заприметил меня, а я проникся уважением к нему и очень часто находил в нем помощь и поддержку. Бывало звонил ему домой, что меня опять «не поняли» или «отставили» с собеседования по поездке на зарубежную практику, а он ходил и всё улаживал. Постепенно я перешёл на темы по современному искусству. На четвертом курсе писал работу о зональной художественной выставке 1974 года в Вологде «Советский Север»,

а позднее диплом готовил о творчестве тогда совсем забытого ленинградского художника 1920-1930-х годов Ю. П. Великанова. Это не очень-то поощрялось, но педагог все утверждал. Возникла мысль о дальнейшей учебе и научной работе по проблематике современного искусства. После службы в армии я поступил заочно и окончил аспирантуру на кафедре под руководством М. О. Малышева с темой «Развитие графики в Вологде в 1920-1970-е годы», но не вышел на защиту диссертации, так как мой преподаватель скорострительно скончался, а я без него на кафедре был уже никому не нужен (или мне так показалось). Вот так довольно непросто сложилась моя основная университетская жизнь, давшая очень много знаний и направлений для индивидуальной работы, но и оставившая немало пробелов для будущей музейной работы в гуще современной творческой и социальной жизни. Очень многое потом приходилось наращивать или даже открывать на реальной практике.

Своеобразным вторым ленинградским университетом для меня стала Научная библиотека Академии художеств в здании художественного института им. И. Е. Репина на Университетской набережной. Что бы я без неё делал? Это — кладезь знаний, духовное пристанище и необходимая удобная обстановка для постоянной учебной работы. Тогда, в 1970-е годы, посетителей было ещё не так много. Даже вначале можно было без присмотра в прихожей оставлять портфели. Только потом вещи требовалось сдавать в гардероб под номерок, а за получением книг образовывалась очередь. И работала библиотека с раннего утра до позднего вечера, до тех пор, пока библиотекарь не обходила все залы с колокольчиком, приглашая всех на выход. И сегодня, закрывая глаза, я вижу эти неоклассические залы со старинными гобеленами, резными дубовыми книжными шкапами до самого потолка, креслами, широкими удобными столами и лампами под зелеными матерчатыми абажурами. Обычно я приходил туда почти ежедневно после или даже вместо лекций и сидел до десяти часов вечера. А иногда проводил в ней весь день, благо пообедать можно было тут же, в институте. Что стало самым главным? В библиотеке была собрана вся литература по изобразительному искусству и смежным гуманитарным дисциплинам на основных классических языках с прошлых веков и до современности. Как это ни странно для того времени, выписывались новейшие зарубежные альбомы, монографии, журналы с материалами о современном искусстве, о чем я раньше понятия не имел. Особо дорогие альбомы заворачивались в бумагу «крафт», и с ними надо было сидеть только в первом длинном зале, под присмотром. Я всегда набирал очень много книг: и для чтения по той или иной теме лекций, и просто для рассматривания. На меня иногда по этому поводу обижались женщины-библиотекари, но потом разрешали самому перетаскивать из шкафов на стол толстые издания каких-либо многотомных немецких или итальянских увражей.

Я буквально упивался всеми составными частями этой особой библиофильской культуры: необычная бумага, переплеты с тиснением, прекрасные шрифты, отдельно вклеенные иллюстрации, книжные знаки бывших знатных владельцев. А запах старой, чуть потертой кожи, а шуршание тонких листов папиросной бумаги между страницами... Если на лекциях живопись раскрывалась на фоне старых черно-белых снимков, то в библиотеке в прекрасных зарубежных альбомах всё предстало во плоти цвета, в контексте времени, в ландшафтах своих стран. Я понимал, что собранное здесь богатство мирового искусства изучить и осмыслить разом невозможно, но хотя бы насмотреть его по книгам было необходимо. Вот почему много позднее, уже работая директором картинной галереи, я старался всеми возможными способами максимально полно комплектовать библиотеку галереи. Мне всегда казалось, что если под рукой нет нужной книги, то жизнь прямо останавливалась. Бывая в других музеях, я всегда просил показать их внутренние научные библиотеки, чему немало удивлял своих коллег. Но по состоянию и качеству книжного фонда мне многое сразу же становилось понятным из общего состояния музейных дел, особенно в его приоритетах и научных основах искусствоведческой деятельности. Конечно, сейчас уже очень многое изменилось, и книжное знание заменяется быстрой компьютерной информацией. Но сама книжная культура, особенно в её редких и качественных образцах, незаменима, ибо даёт более широкий и глубокий спектр знаний, вовлекает в свой неспешный многовековой круг художественного делания подлинной формы. Так и оригинальные музейные картины соотносятся теперь со всё более изощренными их техническими воспроизведениями.

Третьим своим ленинградским университетом я считаю отдел русской гравюры Государственного Русского музея. Да, конечно, и до, и после своей учебы я многократно бывал в Русском музее: смотрел экспозиции и выставки, принимал участие в работе различных конференций и семинаров, знал многих сотрудников, бывал в отделах и у специалистов. По своей сути это становилось как бы необходимой деловой атрибутикой и профессиональным образовательным процессом. Но именно у русских гравюрников я впервые узнал

и понял, что такое настоящая музейная работа, и захотел этим заниматься. Как это произошло? На третьем курсе нас всех отправили на месяц на музейную практику. А так как я тогда занимался русским искусством начала XX века, то меня и определили в отдел русской гравюры, закрепив за Евгением Федоровичем Ковтуном. Это был поистине необыкновенный человек. Он занимался эстампом Серебряного века, но уже тогда собирал материалы о ещё запрещённых в те годы авангардистах Павле Филонове, Казимире Малевиче, Михаиле Матюшине, Николае Кульбине и других интереснейших мастерах 1900-х — 1930-х годов. Его просто «числили» в отделе русской гравюры, а на самом деле он почти всё время «бегал» по архивам, библиотекам, мастерским художников и частным коллекциям в поисках до поры до времени неизвестных материалов. А потом из всего этого сложились выставки, книги, каталоги под его же общим определением «Авангард, остановленный на бегу», что стало главным художественным открытием российской перестроечной эпохи. Для меня урок первый: музейная работа — это не просто отсидка положенных часов за столом в кабинете или в фондохранилище, это — постоянный творческий поиск, требующий встреч, выходов, поездок, особых изыскательских и исследовательских мероприятий. И на это не надо жалеть ни времени, ни денег.

Итак, я сижу в отделе гравюры ГРМ на диване, а Ковтуна всё нет и нет. И тут на моё счастье меня взяла под своё крыло ещё одна замечательная музейная женщина — Софья Соломоновна Шерман. Она была блокадницей, потом всю жизнь скромно работала хранителем гравюр, но очень много чего знала и умела в музейном деле. Соня, как звали её старшие коллеги, и что меня очень корбило, по своему почину стала мне в папках показывать массу классических русских гравюр XVIII-XIX веков и рассказывать, как это сделано. Ничего подобного раньше я не видел и не слышал. И всё было так увлекательно, что я зажегся, загорелся идеей вот так же работать в музее: скромно, серьезно, но обстоятельно и очень ответственно. Для меня урок второй — вся музейная работа начинается с фондовых коллекций, которые надо знать и постоянно пополнять. Нет для музейщика произведений первостепенных и второсортных: всему своё время и место. В музее очень важна доверительная и спокойная обстановка. Хочу ещё добавить, что в те 1970-80-е годы отдел гравюры находился в Корпусе Бенуа, рядом с дирекцией, куда легко было попадать. В отделе стояла мебель красного дерева из квартиры замечательного графика А. П. Остроумовой-Лебедевой, тут же был её рабочий стол со специальными гравёрными инструментами в разных ящичках.

Так я стал постоянно ходить в Русский музей. Сначала на практику, а потом регулярно в свободное время, даже подрабатывал однажды летом лаборантом. За это время я просмотрел почти всю русскую гравюру, изучил её техники и особенности, был свидетелем многих типичных музейных дел и ситуаций. Именно Софья Соломоновна в свои выходные дни и по вечерам стала водить меня по частным коллекциям. Уже работая в картинной галерее, я смог показать у себя целую серию уникальных выставок из фондов отдела. Среди них — «Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века», «Русская народная картинка», «Русский гравированный портрет», персоналии А. П. Остроумовой-Лебедевой, С. Ф. Галактионова, И. И. Шишкина. Постепенно я стал в отделе своим человеком, мне доверяли и помогали. Не скрою, что заведующая отделом Мария Андреевна Алексеева видела во мне своего преемника и ждала этой смены. Но не получилось. Мы с ней ходили даже к энергичнейшему тогдашнему директору Русского музея В. А. Пушкиреву, писали письма в инстанции. Но ничего не организовалось из-за невозможности получения прописки либо в Ленинграде, либо в близлежащем районе. Мне до сих пор помнится свой визит по этому поводу в печально известный Большой дом на Литейном проспекте, где располагался местный КГБ. Там очень строго меня приняли две женщины в сатиновых нарукавниках, которые сказали буквально следующее: «Много вас тут ходит, и все хотят остаться в Ленинграде. А церкви есть и в ваших Ярославлях, Костромах и Вологдах. Вот туда и езжайте. Вон отсюда!»

Так закончилась моя история с попыткой поработать в Русском музее. Но удивительно плодотворные контакты с отделом гравюры в сфере выставок и научного комплектования фондов продолжались у нас долгие годы. И когда в Русском музее распределяли между музеями то или иное творческое наследие, будь то новые отпечатки со старых гравированных досок из Академии художеств или графика З. Е. Серебряковой, то специалисты говорили так: «Берем себе и даем тем, кто понимает, — в Вологду или ещё в Пермь». Именно благодаря отделу русской гравюры и в первую очередь С. С. Шерман в разные годы в Вологодскую областную картинную галерею поступили целостные графические коллекции русского и зарубежного искусства из собрания М. В. и Я. Д. Гликиных, от наследников В. В. Воинова, произведения В. В. Владимирова, Е. М. Бём, Е. С. Кругликовой, И. И. Шишкина, З. С. Серебряковой и других известных мастеров.

Оценивая сегодня для становления своего будущего вологодского директорства ленинградский период обучения и творческой жизни, я не могу пройти мимо влияния окружавшей интеллектуальной и художественной среды. Это так важно! Ведь рядом были пусть и немногие, но талантливые, одаренные сокурсники и друзья. И по сию пору вспоминаю и думаю о них. Это мой ближайший друг и постоянный сосед по университетской парте Иван Чечот, сейчас заведующий отделением изобразительного искусства Санкт-Петербургского института искусствознания. Постоянно занимаясь немецкой культурой, он привил мне особый интерес к книгам Томаса Манна и Германа Гессе, водил в театр на оперные постановки «Лоэнгрин» Рихарда Вагнера и «Воццека» Альбана Берга. С ним мы сбегали с занятий на военной кафедре и с упоением уезжали в пригороды Ленинграда — Царское село, Павловск, Гатчину, которые он давно и хорошо знал. Все пять лет я прожил в общежитии в одной комнате с Владимиром Ведерниковым, который приехал учиться в ЛГУ из Магадана из семьи репрессированных родных и теперь стал талантливым историком-педагогом. Мы постоянно с ним доверительно что-то очень важное обсуждали и ориентировались на работоспособность друг друга. Обычно возвращались поздно вечером: я — из библиотеки Академии художеств, он — из библиотеки Академии наук. А так как почти постоянно испытывали чувство легкого голода, то в конце дня зачастую ездили на троллейбусе из общежития в дешёвое кафе-забегаловку на Невском проспекте, чтобы съесть «макароны по-флотски». Потом они оба защитили кандидатские диссертации, но сохранили редкую неуспокоенность и интеллектуальную пылкость.

И ещё одно: вокруг была волнующая театрально-концертная жизнь. Меня почему-то особенно увлекала музыка. Ведь это был очень насыщенный период в жизни Ленинградской государственной филармонии, где царствовал Е. А. Мравинский со своим академическим оркестром. Бывало, что я на неделе по несколько раз ходил на концерты в Большой и Малый залы филармонии, в Капеллу. И сейчас как незамутненную драгоценность вспоминаю выступления дирижеров — строгого и немного сумрачного Евгения Мравинского, артистичного Юрия Темирканова, буквально солнечного Геннадия Рождественского. Поднимали настроение и давали уверенность в избранном пути концерты виолончелиста Даниила Шафрана, скрипача Давида Ойстраха, певцов Бориса Штоколова, Евгения Нестеренко, Ирины Богачевой. Навсегда запомнилась особая постановка оперы «Дон Карлос» Верди в Малом оперном театре, где одновременно пели Георг Отс, Хендрик Крумм и Евгения Гороховская. А как восторженно и масштабно открывался фестиваль «Невские хоровые ассамблеи» под руководством Владислава Чернушенко! В зале Капеллы я «держал» абонемент «Музыка и живопись». Всё это было и есть сегодня. Возвратившись домой, в Вологду, уже в картинной галерее я пытался «привить» музыку нашим традиционным музейным залам. Для меня урок третий — музей должен быть живым, полифункциональным. Это — не отгороженная от всех неприступная крепость, а открытое пространство общения самых разных творческих людей: концерты, клубы, представления. Уезжая из Ленинграда, я часто думал над очень непростым девизом основателя ордена иезуитов XVI века Игнатия Лойолы, который вычитал в одной старинной книге в Научной библиотеке Академии художеств: «Быть всем для всех, чтобы приобрести всех». Наверное, в этом призыве что-то выразилось очень важное для моей будущей музейной работы, особенно в первой части этого стародавнего духовного посыла, где говорилось о служении и самоотдаче.

Начало работы в картинной галерее

Итак, Ленинградский университет был закончен. Пойти на работу в Русский музей мне не представилось возможным. Что делать? В те годы было обязательное распределение всех выпускников. Заседала специальная комиссия. Я посмотрел на список окончивших курс и нашёл себя в самой его середине по итоговой средней оценке. У меня набралось только четыре с половиной балла, так как по специальности было почти всё отлично, а по общим историческим и общественно-политическим дисциплинам, да по военной кафедре набирались четверки. Ну, да ладно, подумал я и стал проситься на работу в художественный музей. Но надо мной просто посмеялись, так как таких заявок никогда не поступало, и выписали направление на работу учителем истории в Ленинградскую область. Что делать, куда бежать? И опять меня выручил Мелетий Олевич Малышев. Он сумел обменять моё конкретное направление, так сказать, на «чистый лист», то есть на свободное распределение. И я поехал домой, в Вологду.

Меня потом часто спрашивали, а не жалею ли я, что уехал из Ленинграда. Ведь тогда очень многие готовы были пойти на все, лишь бы там остаться — шли на работу воспитателями в рабочие общежития или что-то иное оформляли по фиктивной договоренности с надеждой дальше как-то закрепиться более

серьезно. А где жить и на что жить? Мне же хотелось просто работать — заниматься столь любимой музейной деятельностью. И если бы я даже потом, пройдя все тяготы временного столичного жизнеустройства, попал бы наконец-то в столь желанный Русский музей, то кем бы я стал? всю жизнь сидеть за чьей-то спиной, никуда не вылезать и ничего не решать, если в конце концов крупно не повезёт стать кем-то в столь сложной музейной иерархии? Конечно, сначала было грустно. Но потом я понял, что возвращение домой стало для меня благим делом. Именно на своей малой Родине я стал заслуженным работником культуры РСФСР, вступил в члены Союза художников России, был избран в 2014 году почетным гражданином города Вологды. Где бы я ещё смог со временем стать директором музея и выходить со своими идеями на любые творческие инстанции, на равных общаться с очень многими яркими людьми из мира искусства и реализовать себя, насколько я это мог осуществить. Да ведь и спокойное житьё-бытьё дома было обеспечено, что очень важно.

Вспоминаю, как я начал работу в нашей родной картинной галерее. Может быть, это будет кому-то полезно из нынешней молодёжи. Я как был, так и остаюсь до сих пор единственным в Вологодской области искусствоведом, получившим законченное дневное университетское образование по этой специальности. А начинал я с самой низшей должности среди научной братии, с экскурсовода, получая при этом наименьшую зарплату в 75 рублей. И попал я на эту работу, можно сказать, по протекции, так как лично меня никто не ждал. Папа по этому вопросу ходил к заместителю председателя облисполкома Е. И. Макаровскому, с которым был знаком ещё с молодости, а мама обращалась к тогдашнему начальнику управления культуры А. Н. Голубевой, с которой часто общалась по работе. Вот такие тогда были времена! И только после прямого высокого ручательства директор галереи Капитолина Николаевна Федотова взяла меня на работу как говорится «с улыбкой на устах». И я был рад этому первому своему назначению. Ведь тогда сразу попасть в хорошие музеи на работу было достаточно сложно, только по случаю. А в столичные музеи и вообще записывали прямо с детства, как когда-то дворян в гвардейские полки. Очень многие начинали ещё без образования с должностей лаборантов или младших научных сотрудников, потом заочно учились и постепенно двигались вверх по музейной карьерной лестнице. Рассказывали, что однажды в Эрмитаже освободилась должность лаборанта отдела зарубежного искусства, так очередь претендентов выстроилась прямо на улице, на набережной Невы. А взяли всё равно только человека «из своих». Тогда музейная работа, несмотря на очень низкие зарплаты, особенно ценилась среди интеллигенции. Это было демократично, престижно, не пыльно и не особенно обременительно. Ну, прямо как в Английском клубе. А вот сейчас почти что всё наоборот. Мало кто стучится за работой в музейные двери, практически никто из наших вологжан нынче не учится в столицах на искусствоведческих специальностях, а должностных компетенций на службе прибавляется всё больше и больше.

Как выглядела в 1970-е годы картинная галерея, особенно, глазами нового назначенца? Все дела творились только в здании бывшего Воскресенского собора на Кремлёвской площади. Сейчас даже трудно представить, как всё это там размещалось, но ведь фонды произведений искусства были небольшие, сотрудников мало, посетителей раз-два и обчелся — только по выходным да на экскурсиях, один телефон на всё здание, библиотека очень скромная. Выставки делались в основном только на местном материале да и из того, что организовал Союз художников. Всё находилось под строгим оком идеологических партийных органов, а за каждой копейкой надо было идти в централизованную бухгалтерию управления культуры. На ночь всё закрывалось на большие навесные замки, и ключи дежурные сотрудники уносили с собой по домам, а во двор музея выпускалась злая собака. Много рабочего времени уходило на разного рода внутренние чаепития, на обед большая кампания сотрудников уходила в столовую облисполкома, где отставала длинную очередь; а по праздникам да иногда и без повода устраивались внизу, в подсобном помещении, шумные посиделки вместе с местными художниками и заезжими гостями. Всё как у всех в те годы. Казалось, что само время остановилось и ничего иного, более радостного не светит. Но по молодости мало об этом задумывались. Вместе неформально общались, по разнарядке выходили на субботники и в народную дружину, выезжали на помощь в пригородные колхозы. Только постепенно научные сотрудники начинали учиться на заочном отделении факультета теории и истории искусства художественного института имени И. Е. Репина в Ленинграде.

Но уже тогда я почувствовал в истории и каждодневной практике картинной галереи те особенности и изюминки, которые можно и нужно было развивать дальше. Во-первых, то в фондохранилище в ризнице собора, то в библиотеке в цокольном этаже встречались приметы существовавшего в Вологде в начале XX

века Северного кружка любителей изящных искусств: картины и акварели, старинные книги и журналы. Значит, и до нас кто-то уже здесь был и закладывал основы светской художественной культуры: Анна Каринская, Александр Борисов, Феодосий Вахрушов, Николай Дмитриевский, Сергей Эрнст. Во-вторых, много говорилось о бурной деятельности предыдущего директора галереи Семена Георгиевича Ивенского по развитию графики и экслибриса. Даже многие годы спустя на его имя в галерею приходили из разных концов страны и из-за рубежа письма и каталоги от художников и коллекционеров. Сам я Ивенского не знал, только несколько раз мельком общался с ним во время его визитов в Вологду, но и сегодня подчас экслибрисные традиции картинной галереи прежде всего ассоциируются с его именем. В-третьих, здесь сложилась редкая для художественных музеев теснейшая связь коллектива научных сотрудников и современных художников, как живущих рядом, так и приезжавших из других городов.

Постоянными инициаторами и участниками всех галерейных событий в те годы были прежде всего художники Владимир Корбаков и Джанна Тутунджан, Михаил Ларичев и Евгений Соколов, Юрий Петров и Валентин Едемский, Генриетта Бурмагина и Леонид Щетнев, позднее Александр Пантелеев, Ян Крыжевский и многие другие. Самым необходимым делом было посещение творческих мастерских, совместное построение и обсуждение выставок. Для меня урок четвертый — не художники существуют для музеев, а картинные галереи призваны максимально способствовать развитию современного творческого процесса. Художников надо не просто знать и изучать, а холить их и лелеять, ибо именно они создают всё то, что будет хранить и показывать музей как своё достояние. И ещё одно, немаловажное, уже тогда в картинной галерее сложился дружеский, творческий, очень работоспособный коллектив научных сотрудников. А в те годы ещё все были вместе, молоды и амбициозны, брались с желанием за любое дело, будь то неожиданно нагрянувшая экскурсия для приезжих туристов, окантовка гравюр и развеска картин, выезд в столицы или на село, организация весёлых праздников. Не буду называть всех, но сразу же выделю основное творческое ядро главных событий тех лет. Это — Любовь Соснина и Тамара Едемская, Елена Шуткова и Марина Вороно, Елена Савина и Ольга Уткина, Елизавета Коновалова, позднее — Ирина Балашова и Галина Дементьева, Мира Даен. Мне кажется, что я был органично принят в эту компанию молодых музейных профессионалов.

На первых порах я был рад любому поручению. Не имея ещё житейского опыта, сразу откликнулся на всё. Надо было лететь в село Тарногу отбирать работы на областную выставку самодеятельных художников, тут же в чём был садился на самолет и летел, не предполагая ещё, что там меня может ждать (как выбираться обратно). Надо было готовить выставку работ популярного тогда художника Георгия Попова, садился на старый, ещё колесный пароход и плыл к нему в деревню Красная на Сухоне, а потом и в Тотьму. Ведь все мы тогда жили какой-то единой романтической мечтой с надеждой на лучшее. Мне нравилось водить экскурсии. Хотя было трудно общаться с группами, которые ждали встречи с постоянной экспозицией классического искусства, а попадали на очередную выставку современных художников. Тут лица посетителей вытягивались, люди хмурились, а нам, невольным заложникам этой ситуации, приходилось крутиться как получалось. Ведь долгие годы картинная галерея жила вообще без постоянной экспозиции, показывая свои лучшие фондовые работы только в летнее время, да, как говорится, изредка, в перерывах между «боями». Бедные картины, бедные мы, бедные посетители... Думалось, когда же наконец всё устроится и в Вологде так, как давно уже сделано во многих областных галереях, где для каждого направления музейной работы было своё обустроенное, комфортабельное место?! А нам приходилось всё время из «ничего» делать «что-то», быть постоянно под гнетом очередного дефицита, просить и убеждать, и при этом ещё надеяться и верить...

Так случилось, что первый период моей работы в картинной галерее был вынужденно очень кратким: с августа 1976 года по март 1977 года. Я только-только начал входить в курс музейного дела, как меня на два года взяли на службу в Советскую Армию. Видимо, по судьбе я вытащил очередной свой «счастливый билетик», так как большинство из моих сокурсников после военной кафедры уже в армию не призывались. Но это огорчение смягчилось тем, что служить довелось дома, в Красных казармах на улице Чернышевского. Я был тогда молодым лейтенантом, командиром взвода управления отдельного артиллерийского дивизиона. Это теперь в Вологде встретить человека в военной форме практически невозможно, а в те поры в городе стояла легендарная Севская Орденоносная дивизия со всеми полагающимися ей частями и подразделениями, и армейская жизнь кипела. Были занятия, выезды на стрельбы и учения вплоть до Баренцева моря, тревоги и караулы. Был, как говорится, армейский восьмичасовой рабочий день: с восьми утра

до восьми вечера. Но я постоянно находил время, чтобы побывать в картинной галерее. Один раз даже нарушил воинскую дисциплину. Ушёл на открытие выставки, потом вместе с художниками остался на посиделках дома у Владимира Николаевича Корбакова, и меня посыльный из части нигде найти не мог. А в дивизионе была объявлена тревога, все готовились к выходу в район полевой дислокации. Хорошо, что тревога в конце концов оказалась учебной, без выхода за пределы военного городка, а то мне бы не поздоровилось. А так как я был всё же связан с изобразительным искусством, то большую часть времени приходилось в части оформлять ленинскую комнату: писать или клеить тексты, размещать плакаты и фотографии. Были и комичные ситуации. Если кто-то неожиданно менялся в составе политбюро ЦК КПСС, то меня вместе с замполитом поднимали ночью, чтобы мы срочно передвигали на стенде фотографии, чтобы к утру, к подъёму солдат, всё было готово. А когда тов. Л. И. Брежневу вручали очередную золотую звезду, то я её на планшете клеил ему прямо уже на плечо, так как другого места не оставалось.

Всё было. И траву на осеннем газоне перед приездом начальства красили, и в палатках зимой на полигоне месяц жили, и ходили на праздничные вечера на Льнокомбинат в качестве шефов в большой женский коллектив. Несмотря на все тяготы, сложности и неурядицы воинской службы, армейская жизнь мне многое дала в плане большей организованности, живого общения с самыми разными людьми. Там я стал секретарём комсомольской организации части, вступил кандидатом в члены КПСС, без чего дальнейшее продвижение по службе в картинной галерее тогда было бы очень затруднительным. Когда я закончил службу в армии, то сам себе сказал: «Ну, теперь уже в моей жизни ничего страшного больше не будет». Но жизнь потом стала порой подкидывать не менее трудные проблемы и создавать неожиданные по своей непредсказуемости ситуации, которые не всегда заканчивались одинаково благополучно.

Вернувшись обратно, с марта 1979 года и до февраля 1981 года я работал в картинной галерее уже в должности заведующего отделом графики. Тогда и позднее многие художники опасались, что я, как то было в пору директорства С. Г. Ивенского, буду «протаскивать» прежде всего этот вид изобразительного искусства. Но всё сложилось проще — надо было заниматься всем на свете, как это принято в небольших региональных музеях. Тут ты и жнец, и швец, и на дуде игрец... Иногда сотрудники галереи напоминали бурлаков на Волге с картины И. Е. Репина, когда группой перетаскивали по полу какую-либо тяжелую конструкцию. Однажды я так наперетаскивался скульптур на персональной выставке работ Т. П. Контарёвой из Череповца, что меня с болью в пояснице увезли на машине домой. «Ничего, это бывает — говорили более опытные музейщики — ведь при подготовке той же выставки ранее сотрудница Череповецкого краеведческого музея даже родила своего ребенка раньше срока».

Так и жили. С единым интересом буквально всем коллективом делали выставки и живописи, и графики, и скульптуры, декоративно-прикладного и народного искусства, редко — театрально-декорационного искусства. И всё это развешивалось, ставилось, размещалось в старых стенах бывшего Воскресенского собора, где иногда после дождей или таяния снега случались протечки на потолке и было то жарко, то холодно. Вспоминается ещё один характерный случай. Чаще всего мы делали персональные выставки живописи В. Н. Корбакова. И тут, как на грех, на стыке стены и купола собора после очередной протечки упал с потолка большой кусок штукатурки. Выставку перенесли на другой срок, в связи с чем художник мрачно пошутил: «Вечно мне не везёт: то Брежнев умер, то штукатурка обвалилась...» Шутки шутками, но много усилий для возможного благоустройства и постоянного ремонта помещений картинной галереи прикладывала её тогдашний директор К. Н. Федотова. Она многое сделала для сплочения коллектива, для укрепления связей галереи с Союзом художников, для формирования престижа галереи как активно-действующего областного учреждения культуры. Постепенно формировались планы расширения фондовых и экспозиционных помещений, стала расти и качественно укрепляться основная музейная коллекция, шаг за шагом увеличивалось число посетителей. Вот всеми этими и другими большими и малыми проблемами, вопросами, задачами предстояло мне заниматься вместе с коллективом галереи, когда я в 1981 году был назначен её директором.

Моё директорство

Раз я пишу свои воспоминания о работе в картинной галерее, то постараюсь рассказать о том, как всё это случилось на самом деле. Конечно, это будет мой личный субъективный взгляд на общеизвестные или скрытые от большинства дела и события, но без такого подхода ничего интересного не получится. Как однажды мне сказал наш вологодский коллекционер В. В. Богачев: «Слушай! Да ведь ты — тоже

человек...» И по этой человеческой линии я постараюсь осветить именно то, что мне было особенно близко. Пусть другие, коллеги и друзья, меня дополняют, поддержат или оспорят.

Честно говоря, быть директором я изначально совсем не стремился. Да и М. О. Малышев в Ленинграде меня отговаривал. Он как предчувствовал, что я не смогу полноценно сочетать научную работу над диссертацией и новую, более всего организационную работу. Да и на директоров ведь у нас никто не учит, кроме как на установочных или формально-отстраненных семинарах-совещаниях: всё приходится познавать только на своём опыте. Меня выдвинула К. Н. Федотова перед оформлением своей пенсии с условием, что сама продолжит работу «на какой-нибудь должности» в помощь мне. А помогать пришлось много и постоянно, пока я самостоятельно не «оперился». В областном управлении культуры меня далеко не все сразу поддержали, так как не видели в столь юном кандидате «хозяйственной жилки», что оказалось на первых порах сущей правдой. Точку в кадровом назначении поставили в обкоме КПСС; меня утвердила К. П. Зорина из отдела агитации и пропаганды. Я потом, уже в постсоветское время, стал называть её своей крёстной матерью. А в начале работы часто звонил, приходил к ней в кабинет, просил совета и поддержки. Как бы теперь ни говорили, но в партийную эпоху работа с руководящими кадрами на всех уровнях была поставлена должным образом. Мне тогда было 26 лет и я, наверное, являлся самым молодым директором художественного музея в стране.

А как работать? Ведь поначалу все эти многостраничные планы и отчеты, сметы и штатные расписания, переговоры с партнерами и подрядчиками, планерки и совещания мне были почти неизвестны. В кругу других опытных директоров областных учреждений культуры мне было не очень уютно, так как зачастую они говорили очень уверенно на каком-то другом, командном административно-хозяйственном языке; всё делали, как положено, как того требовалось по нормативам своего времени. Вспоминаю такой случай. Было совещание руководителей в областной филармонии по культурно-шефской работе на селе. Тогдашний директор филармонии долго зачитывал письмо из «центра» за подписью народного артиста СССР М. А. Ульянова о том, что надо эту работу срочно усилить, так как из-за непогоды «стойловое содержание скота задерживается». Он с воодушевлением рассказывал, что сам лично ездил на ферму и своим пением воодушевлял доярок в 7 часов утра, хотя первоначально думал, что это будет в 7 часов вечера, как на обыкновенном концерте. Все быстренько поняли задачу момента и бодро рапортовали о своих творческих бригадах, «устных журналах» и книговыдачах. А я специально сел в самый дальний угол и ещё уткнул лицо в блокнот якобы для записи ценных указаний, чтобы не участвовать в этом представлении, но услышал властный вопрос: «А вы, директор картинной галереи, что думаете предпринять во исполнение данного постановления?» Что-то почти бессвязное я пробормотал, лишь бы отвязались...

И потом дальше, перед выходом на очередное совещание или коллегию я становился перед зеркалом и сам себя убеждал вести себя прилично — делать умное лицо и не ухмыляться, заранее готовить удобоваримые ответы по повестке дня, чтобы не подставлять ни себя, ни галерею. Правда, это не всегда удавалось, и тогда от очередного начальника управления или департамента культуры я слышал недобрые замечания, что «они здесь и не таких ещё обламывали». «Обломать, поставить на место, вызвать на ковёр, сделать накачку, подвести под статью, пропесочить» — вот зачастую на каком языке шли иные руководящие «указивки». Правда, надо честно признать, что в советское время было неизмеримо меньше всяческой пустопорожней отчетности, чем сейчас, хотя достаточно регулярно надо было сочинять всевозможные реляции о том, как картинная галерея — «участвовала в строительстве 5 доменной печи в Череповце, шефствовала над малолетними преступниками, вставала на трудовую вахту к очередному партийному съезду, дате, общему новому почину и так далее». Об этом можно вспоминать долго. Только куда делись потом эти передовые почину в форме открытия на селе народных картинных галерей, отчетов директоров учреждений культуры перед трудовыми коллективами фабрик и заводов, чтения лекций по искусству в лечебно-трудовых профилакториях и в красных уголках в обеденный перерыв? Никто на это и за это теперь не ответит.

Но сколько попусту тратилось и сейчас ещё вынужденно используется драгоценного творческого времени, денег, нервов и сил? А сколько судеб талантливых людей было сломано в пылу всевозможных идеологических и административных кампаний: не дай бог вовремя не угадать, не угодить или «выстрелить» не в ту сторону... Вот только средств на необходимые профессиональные нужды всегда не хватало, личных творческих инициатив без чиновного «одобрямса» становилось всё меньше и меньше. А сеть сельских учреждений культуры с каждым годом всё сокращалась. На смену кропотливой профессиональной работе специалистов всё чаще приходили бесконечные презентации, смотры и фестивали. Возможно, я не прав,

не всегда учитываю очередную «напряженность момента», но без реального делового разговора с критическим анализом уже давно устаревших методов и форм культурной политики двигаться вперед и дальше будет всё труднее. А опыт и знания долголетних руководителей, поданные без вынужденных купюр, ох как сегодня необходим, ведь недаром и сегодня часто вспоминаются слова из классической русской пьесы: «Шумим, братцы, шумим...»

Да и в самом коллективе научных сотрудников меня не все и не сразу приняли в качестве нового руководителя. Кому-то казалось, что за спиной этого «молодыжки» можно будет делать всё что угодно в своих интересах. Конечно, на первых порах были заметны промахи в моей собственной организаторской и административно-хозяйственной деятельности. Придя из армии, я по первому следувольно или невольно использовал методы военного образца: «Не знаешь — научим, не хочешь — заставим». Поначалу казалось, что всё должно восприниматься и двигаться само собой, с первого слова, без учета творческой специфики и особенностей коллектива. Ан, нет! Именно тогда я услышал в свой адрес нелицеприятные суждения и оценки, многие из которых были справедливы: «Если ты директор, то сам и думай. Мы ведь здесь не у станка стоим. У нас тут не научно-исследовательский институт. О людях нужно думать!» Всё это правда. Для меня урок — пятый: «Относись к людям так, как бы тебе хотелось, чтобы они относились к тебе. Дружный коллектив — половина успеха всякого дела. Не надо ничего скрывать — всё равно выльвет наружу. Главное, чтобы у людей был интерес к работе. Сотрудникам не надо мешать делать творческие дела, а более всего нужно помогать...»

Безусловно, всё это пришло ко мне не сразу. Сейчас жалею, что временами был слишком мягок и нерешителен, а иногда, наоборот, грубоват и поспешен. Увлекаясь своими творческими делами и поездками, не всегда обращал должное внимание на интересы и потребности коллег. Думаю, что об этом надо теперь сказать. С годами, как мне кажется, коллектив картинной галереи стал более сплоченным, дружным, деятельным. Появилась даже здоровая творческая соревновательность: каждому хотелось сделать что-то необыкновенное, интересное и тем самым показать себя с лучшей стороны. В отличие от других музейных сообществ, у нас никогда не было никаких серьезных конфликтных ситуаций. Я никогда особенно рьяно не следил за «соблюдением трудовой дисциплины». Всегда знал, что каждый специалист лучше распорядится своим временем сообразно своим собственным темпо-ритмам и возможностям. Так Марина Вороно наиболее плодотворно работала над своими большими выставочными проектами поздними вечерами и даже ночами. Кто-то любил всё обсуждать в большой компании, советовался и без проблем вносил изменения и дополнения в любые проекты и экспозиции, а другой сильно обижался на любое поползновение извне. У каждого — свой характер. Я старался проверять, вычитывать и редактировать все основные тексты, исходящие из галереи. И позднее это стал делать только зелёной ручкой. Такому приему научился в процессе преподавательской деятельности летом в Америке. Там сначала с увлечением правил студенческие работы красной ручкой, как это чаще всего делается у нас, а потом они мне сказали: «Вносите свои правки лучше зеленым цветом. Это для нас не так обидно».

Вообще, процесс директорской работы, а он у меня занял ровно 37 лет (с 1981 по 2018 год), был временем постоянной, возможной для меня учебы. В конце концов мы в коллективе стали понимать друг друга с полуслова. В последние годы, когда зарплаты у сотрудников не росли, а рабочих вопросов становилось всё больше, я взял для себя за правило уже не столько выдавать распоряжения и делать указания, а направлять, предлагать, даже просить что-то сделать (в особо сложных и деликатных ситуациях). Готовясь к очередной еженедельной планерке, я заранее как бы проигрывал для всех ведущих специалистов и подразделений их задачи и маневры, чтобы выйти на люди с уже готовым согласованным решением или реальным предложением. Это экономило общее время и позволяло увидеть все галерейные процессы в единой связке друг с другом. Мне кажется, что у нас постепенно сложилась, в отличие от других творческих организаций, чёткая система перспективного и текущего планирования, чтобы каждый работник знал заранее свою роль. Если бы нам не мешали, а больше доверяли и помогали всевозможные руководящие организации, мы смогли бы сделать гораздо больше не в плане исполнения вышестоящих указаний и требований, а для действительного эстетического воспитания наших вологжан средствами изобразительного искусства.

За все долгие годы работы директором галереи я только несколько раз услышал от начальства добрые и полезные предложения в заинтересованной дружеской форме. Впервые такой разговор у меня состоялся с Сергеем Николаевичем Туркиным, недолго бывшим заместителем начальника управления культуры,

который предложил в своём кабинете вместе разобраться с тем, как работает галерея. Позднее уже Владимир Валентинович Кудрявцев, будучи начальником, несказанно обрадовал и ободрил меня своим вопросом-предложением: «А чем я могу вам помочь?» Именно при нём департамент культуры превратился в настоящий творческий и деловой штаб отрасли, куда буквально не закрывались двери, где изначально поддерживались все дельные инициативы, шедшие снизу, где постепенно сложился формальный и неформальный клуб руководителей как единомышленников и друзей. Самым заинтересованным и доброжелательным отношением к делам картинной галереи, конечно, в рамках существовавших тогда руководящих норм отличалась и Людмила Ивановна Кашина. Она беспокоилась, когда долго не поступали обращения «с мест», и сама «шла в народ». К сожалению, это продолжалось так недолго.

Вот ещё один немаловажный аспект. Начав работу в картинной галерее, я долго был единственным мужчиной в исключительно женском коллективе. Это, безусловно, приятно и мило, но по ряду позиций очень затруднительно. И я серьёзно поставил перед собой задачу изменить существующий баланс. Помню, на очередном совещании директоров художественных музеев России в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге я в шутку и всерьёз с трибуны сделал заявление, что хочу в Вологодской областной картинной галерее довести численность мужского состава в коллективе работников до 50 процентов. Это вызвало у всех бурный интерес, и потом меня часто спрашивали, на каком проценте я уже остановился. Конечно, в наших непростых социально-экономических условиях подобного результата достичь вряд ли получится, но всё-таки за последние десятилетия было сделано немало. Тридцать лет назад я «переманил» из музея-заповедника на руководство всей хозяйственной деятельностью галереи Сергея Варзунова. Потом выставочной работой стал заниматься Валерий Антонов, которого сменил Александр Тихомиров с командой мужчин. Всех сейчас не назову, но очень много для укрепления материальной и научно-творческой базы галереи сделали Иван Кралько и Сергей Жуков. Сколько было совместных поездок в Москву, Санкт-Петербург, другие города страны и области за произведениями, новыми выставками. Как оперативно удавалось решать все вопросы многочисленных переездов отделов галереи из одного здания в другое. И все удивлялись нашей мужской команде, которая с помощью и при доверительном контроле со стороны женщин, смогла так много сделать в решении тех больших и малых галерейных дел, о которых хочется и нужно далее поговорить более подробно.

Галерейные здания

Особый разговор в истории картинной галереи — это её здания и помещения. Подфартило тем музеям, которые изначально размещались в специально для них построенных зданиях или в поместительных сооружениях светского назначения. Как говорится, живи и радуйся. Такая ситуация сложилась в большинстве близлежащих областных центрах и крупных городах. Всё очень достойно в Ярославле и Рыбинске, Великом Новгороде и Кирове, Архангельске и Мурманске, не говоря уже о крупных городах Поволжья. А художественной Вологде явно не очень-то повезло. Более шестидесяти лет вся основная творческая жизнь в сфере изобразительного искусства была сосредоточена на Кремлёвской площади в бывшем Воскресенском соборе. Нам его дали не потому, что это было самое удобное место для экспозиционной работы, а просто ничего другого, более подходящего и поместительного в городе не находилось. Или никто не пытался найти... Вышестоящие инстанции даже не отвечали на постоянные письма сотрудников о передаче галерее других, более приспособленных и подходящих сооружений. Видимо, всегда считалось, что и так сойдёт, ведь первые лица области не часто баловали нас своим посещением. По сути дела в Вологде ещё никогда не было полноценного и достойного художественного музея, и галерея всё время «разлеталась» по разного рода приспособленным зданиям, сооружениям и помещениям. Вот будет счастье, если в новом здании по улице Мира, 34 всё как-то счастливо сложится, хотя оно уже изначально по своим условиям и пропорциям с большой натяжкой подходит под картинную галерею. Но это — лучший вариант из всех, ранее предложенных...

Теперь об историях, связанных с галерейными зданиями. Конечно, интерьер Воскресенского собора был эффектен для размещения каких-либо крупных выставок, когда хорошо смотрелись на выставочных стендах масштабные полотна. Все уже привыкли, что картинная галерея — это соборное здание, хотя по сути дела здесь располагался только центральный выставочный зал. Всё было замечательно — большое центральное пространство, боковые отсеки, апсидарный полуциркуль, цокольный этаж с ведущей к нему таинственной и узкой винтовой лестницей. Чего тут только не было! И постоянно обновляющиеся выставки,

о чём речь впереди, и торжественные вернисажи, презентации, конференции, концерты с хорами, оркестрами и солистами. Мы исхитрялись, как-то всё это разместить, обустроить, сохранить. Всё складывалось красиво, торжественно и эмоционально. Это был наш большой галерейный художественный театр, в котором выход на немного приподнятую «сцену» алтарной части вызывал у меня и всех выступающих и волнение, и восторг. Хотелось на всех крыльях нести в затихший зрительный зал под люстрой особую благую весть о красоте искусства и духовных порывах его творцов. Часто народу в эти стены набивалось так много, что посетители и сидели, и стояли буквально до самых входных дверей. Мест в гардеробе не хватало, артисты бегали вниз и вверх, кто-то задевал собой картины и скульптуры, кого-то иногда выводили из зала из-за духоты, жары и тесноты — было тяжело для здоровья. Но всё это искупалось общим настроением праздника, которое создавалось как прекрасными картинами, так и их внимательным людским окружением.

А научные сотрудники ютились в маленьких кабинетиках-выгородках, а в полусводчатой библиотеке внизу трудно было подойти к стеллажам с большим уникальным книжным фондом. Не скрою, что я всегда опасался, чтобы в старом здании не случилось бы чего — не упала бы с потолка люстра, не погасили бы светильники, не обвалился бы после протечек потолок и не завопила бы нежданно сигнализация. Ведь всё могло быть, да и бывало, хотя несколько раз за эти десятилетия в зале проводился ремонт. То с площади кто-то камнем разобьёт стекло, то птица залетит в открытую форточку, то где-то прорвёт батарею, то опять проверяющие инстанции напишут очередное предписание, что того и этого здесь не должно быть вообще. Но всё-таки сейчас лучшие события картинной галереи в Воскресенском соборе вспоминаются как совершившаяся сказка для всего города, всей области, да зачастую и всей России. Последним мощным аккордом в торжественном звучании этих стен на художественном поприще стал Всемирный конгресс экслибриса летом 2016 года, когда люди «двунадесяти языков» из разных стран мира показывали здесь сообща свои работы, общались и торжествовали в прекрасном мире высокого искусства.

Все годы деятельности картинной галереи шла кропотливая работа коллектива по поиску возможного расширения её пространства. Ведь нужны были стены для растущего фондохранилища, для постоянных экспозиций и временных выставок, для реализации специальных программ. В целом, эта бурная инициатива научных сотрудников в какой-то мере начала уже осуществляться, но случались и краткосрочные победы, завершавшиеся лишь неудачами. Всё это и составляет такую непростую историю музейного строительства в нашей области. Всё началось с обустройства дополнительного фондохранилища. Ещё в конце 1970-х годов при К. Н. Федотовой галерее передали трёхэтажное столпообразное здание Северо-Восточной башни Вологодского кремля, где когда-то располагалась Цифирная школа, а в советское время были просто жилые квартиры; в том числе там жил писатель и краевед Владимир Степанович Железняк со своей супругой, художницей Ниной Витальевной. Пришлось расселять квартирантов, выбрасывать из окон старую мебель, делать ремонт и изготавливать стеллажи для картин и шкафы для хранения графики. На какое-то время это был выход из создавшегося положения, можно было более или менее спокойно хранить часть основного фонда произведений, раскладывать по местам и описывать новые работы, вести инвентарные книги, реставрировать живопись.

В уютных комнатках Цифирной школы часто собирались сотрудники, чтобы поговорить, поработать, передохнуть после выставок и экскурсий. Но это благоденствие продолжалось недолго, так как здание стало необходимо музею-заповеднику для организации в Консисторском дворе концертов и спектаклей фестиваля «Голоса истории». Было дано указание в срочном порядке вывозить картины и размещать их в другом помещении — в двухэтажном здании на берегу реки Вологды по улице Маяковского, дом 1. Опять предстояли ремонтные работы, реконструкция и обустройство комнат стеллажами. Шла перевозка и переноска картин, произведений декоративно-прикладного искусства. Сейчас это здание буквально под завязку заполнено галерейными артефактами и даже книжным фондом.

На этом мытарства галереи по созданию более или менее сносных условий для хранения своих бесценных сокровищ не прекратились. Об этом можно написать специальную деловую хронику. В своём же воспоминательном формате отмечу лишь очередной временный переезд экспонатов уже на второй этаж бывшего здания банка на Кремлёвской площади, которое поначалу передавалось картинной галерее, а потом было отдано музею-заповеднику для создания Музея кружева. Следом за этим часть хранилища разместили на первом этаже Административного корпуса галереи в бывшем здании флигеля Банка; вынужденно состоялись переезды во все подходившие помещения других зданий галереи. В общем — полный круговорот произведений в музее, зачастую вопреки всем старым и новым инструкциям по учёту и хранению. В конце

концов задача была поставлена одна — срочная эвакуация из Воскресенского собора и уплотнение всего и вся до лучших времен. Отсрочки нам никто не давал. Тут решающую роль сыграла энергичная работа по спасению коллекций ведущих хранителей галереи Любви Сосниной, Ольги Рукавишниковой, Елены Бердниковой, Лидии Корюкиной и других специалистов. Честь им и хвала!

Ещё ранее была попытка музеефицировать близлежащую церковь Александра Невского под камерный выставочный зал. Пришлось выселять оттуда лыжную базу, убирать из-под крыши храма наблюдательный пункт КГБ, где на момент моего знакомства с потаенными помещениями здания на стенах ещё висели мишени для стрельбы и на полу валялись старые грязные матрацы для наблюдателей за событиями на площади. Но как только здание было освобождено и там начались ремонтно-реставрационные работы, оно было передано в пользование вновь созданной церковной общине. Пусть будет и так, лишь бы эти памятники архитектуры были наполнены духовностью и культурой. Но нельзя всё делать столь необдуманно и поспешно, когда дело касается музейных ценностей.

А теперь пойдет разговор о самых удачных расширительных проектах картинной галереи. Как это случилось? Голубой мечтой всего коллектива научных сотрудников всегда было открытие своей постоянной классической экспозиции, без которой любой музей — не музей. В 1980-е годы при начальнике управления культуры П. Н. Алферьеве галерее было передано двухэтажное каменное здание за Софийским собором на берегу реки Вологды. Ранее оно принадлежало вологодской епархии и использовалось как жилое помещение для церковного причта. Там родился и до 1924 года жил выдающийся русский писатель Варлам Шаламов. Вот почему за этим новым структурным подразделением галереи постепенно закрепилось название «Шаламовский дом». В советское время там размещались обычные квартиры, посреди здания на второй этаж вела деревянная лестница. Не было городской канализации и телефона, вокруг росли высокие деревья. Опять надо было расселять жильцов, заказывать проект внутренней перепланировки и вести ремонтно-реставрационные мероприятия. Работы затянулись до 1988 года: то не было денег, то «зависали» коммунальные проблемы, не было нужных материалов и оборудования. А зимы тогда были суровые. Иногда приходилось по ночам дежурить в незавершенном, ещё пустом здании и смотреть, как бы где чего не разморозилось. Хотелось сделать стильный интерьер, которым занимались художники из Санкт-Петербурга Н. и А. Назаровы. А где что взять? Как-то мне позвонил Николай и сообщил, что за забором одного из предприятий на Неве он увидел дюралюминовый швеллер, который мог бы подойти для шинопровода освещения. Каким-то образом удалось его привезти в Вологду. Точечные лампы для подсветки покупали на заводе в Харькове на Украине и получали в ящиках здесь, на Товарном дворе. Льняную ткань для обтяжки щитов покупали на местном Льнокомбинате и частично красили для первого этажа, шили шторы-маркизы на старинный манер, заказывали деревянные банкетки.

Кажется, всё тогда получилось. И был большой праздник классического искусства. Впервые в отдельном зале на втором этаже появилась экспозиция западноевропейского искусства, которая и сейчас захватывает дух: старинные картины в широких резных рамах, мифологические композиции высокого академического мастерства, городские и сельские пейзажи зарубежных стран. В других залах разместились картины, скульптура и мебель русских художников XVIII — первой половины XIX века, второй половины XIX века, конца XIX — начала XX века, отдельно экспонируются мастера Северного кружка любителей изящных искусств. Мы сами и многие наши посетители часто восклицали: «И неужели это всё у нас, в Вологде?»

Уже прошло более 30 лет со времени открытия постоянной галерейной экспозиции: появились отдельные новые произведения после реставрации или приобретения, видоизменился интерьер (белые чистые панели, современная система направленного света, жалюзи на окнах, витрины). Но дух истинной красоты сохранился и постепенно приумножился усилиями научных сотрудников отдела Марины Вороно, Елизаветы Коноваловой, Любви Кербут. А на первом этаже проходят специальные временные выставки и постоянно улучшается постоянная экспозиция о жизни и творчестве В. Т. Шаламова, над которой в разные годы работали Марина Вороно, Валерий Есипов, Любовь Кербут, Сергей Иевлев с помощью Ирины Сиротинской из Москвы и других отечественных и зарубежных специалистов.

Само имя Шаламова я услышал впервые от бывшей воложанки Л. В. Перовой в Москве, которая была с ним дружна и в ранние, и в поздние годы. Привёз от неё в галерею первые материалы для будущего музея писателя, о котором в начале 1980-х годов ещё практически никто в нашем кругу не знал. А сейчас — и мемориальная доска на доме, и прекрасный, хоть и небольшой, музей, и литературные чтения, конференции, издательские проекты. Мне бы очень хотелось, чтобы в предстоящей очередной реструктуризации

картинной галереи этот мемориальный шаламовский раздел сохранился и расширился, а сама экспозиция классического искусства стала более полной и масштабной.

Вторым новым структурным подразделением картинной галереи стала Мемориальная мастерская заслуженного художника РСФСР А. В. Пантелеева, открытая для постоянного посещения весной 1993 года. Александр Васильевич работал в ней с 1981 года, как раз со времени моего вступления в должность директора. Это была не просто творческая мастерская художника-живописца, а его второй дом, своеобразный художественный клуб интеллигенции города, области да и многих регионов страны. Художник любил показывать свои новые завершённые работы, ждал профессионального, творческого и задушевного разговора. Зачастую вернисажи и встречи в картинной галерее, особенно с приезжими деятелями культуры и искусства, продолжались здесь днями и вечерами. Это — знаковое место для вологодской и всей российской культуры, которое нам его единомышленникам, захотелось сохранить.

После смерти художника в 1990 году казалось бы всё оставалось на своих местах, в своей основе переданное в дар галерее ещё при жизни мастера: картины и рисунки, книги и коллекции, произведения его друзей. Правда, были и другие мнения: передать мастерскую другому автору в составе Вологодской региональной организации Союза художников России. Но тогда потерялся бы дух места, и в галерее уже не было бы столь популярного уголка для общения и организации камерных выставок современного искусства. Помогли решить эту проблему заведующая отделом культуры Вологодского горисполкома Е. Е. Малова и многие друзья художника из разных сфер деятельности. Я прекрасно помню то вдохновенное возбуждение, которое царило в умах и сердцах всех собравшихся на торжественном открытии нового музейного комплекса 7 апреля, в день рождения Пантелеева. Создателем и первым хранителем Мемориальной мастерской стала исследователь и публикатор книг о жизни и творчестве мастера Ирина Балашова, затем её сменила Марианна Мурашева. Постепенно сложились особые выставочные традиции этого дома. Прежде всего — тематические экспозиции из творческого наследия Александра Васильевича, памятные выставки ветеранов вологодского искусства. Затем пришла новая волна — привлечение творческой молодежи и специальный показ искусства женщин-художников, вернисажи мастеров декоративно-прикладного и народного искусства из Вологды и районов области. А сколько здесь было заслушано научных докладов и сообщений о живописце и его времени, прозвучало теплых личных воспоминаний о нём и его эпохе, сказано слов, прочитано стихов и спето песен о людях современного искусства России. А для меня этот музей был и всегда остается святой памятью о близком мне человеке, открытым хранением и показом его произведений и коллекций, овеച്ചественным миром золотой поры вологодского искусства 1970-х-1980-х годов.

В наступившем XXI веке важнейшим новым структурным подразделением картинной галереи стал Музейно-творческий центр «Дом Корбакова», открытый в 2002 году в год 80-летия художника. Сегодня — это главная выставочная и творческая площадка для всех любителей изобразительного искусства, путь к которой был долгим и довольно непростым. Действительно, тут есть, что вспомнить. Сразу после открытия этого Дома в городе начали курсировать как досужие разговоры, так и самые серьёзные вопросы-обращения. Иногда и сегодня ещё зрители спрашивают: «А покажите, где же здесь жил Корбаков, где была его спальня, сколько всего у него было комнат. И почему его так облагодетельствовала власть, что построила целый особняк?» Были и очень настойчивые вопросы от отдельных коллег-художников: «А почему личный музей сделали только для Корбакова. А чем мы-то его хуже? Пусть и для нас откроют постоянную экспозицию...» Действительно, это был редкий случай, особенно в провинции, когда ещё при жизни художника открывался музей его имени, и инициатором этого события был не он сам и не местная администрация, а общественная некоммерческая организация.

С 1996 года по 2019 год в Вологде существовал специальный благотворительный «Фонд Корбакова», одной из главных задач которого была всемерная поддержка творчества художника и в целом современного российского изобразительного искусства через организацию выставок и открытие специализированного именного музея. Основу нового комплекса составил большой дар В. Н. Корбакова городу Вологде своих произведений и коллекции «Меня рисуют друзья». Музей изначально создавался не как место проживания автора, а как центр творческого общения и эстетического воспитания. Члены Фонда, а среди них были Владимир Ивановский, Николай Rogozin, Владимир Сиротин, Михаил Субботин и другие руководители и специалисты, и я, как исполнительный директор фонда, объезжали здания в центре города, где мог бы разместиться будущий музей. Эту идею поддержали тогдашний заместитель губернатора области Е. А. Поромонов и мэр города Вологды А. С. Якуничев. Долго ничего не находили. И вот как-то раз, гуляя вечером по улице

Октябрьской, мы с музыкантом А. Н. Лоскутовым, тогда ещё и депутатом Городской Думы, по-новому взглянули на старый двухэтажный особняк неказистого вида примерно напротив Театра для детей и молодежи. Там находилась какая-то контора. Помню, что мы даже заходили в кабинеты и смотрели на довольно унылую обстановку всего и вся. Но здание и по своему местоположению, и по габаритам нам для музея подходило. Лишь бы его привести в порядок. И тут случилось буквально чудо. В городе появилось решение о реконструкции и перепрофилировании здания. Сносилось всё ветхое строение и на новом фундаменте по старым объёмам было выстроено новое помещение, внутренняя планировка которого согласовывалась как с художником, так и с членами фонда. Под присмотром мэра города и общественности работа шла бойко. Но когда почти всё уже было готово, случился неожиданный казус. Появились новые желающие заполучить этот лакомый кусочек недвижимости: пошли письма, обсуждения, разговоры. Даже тогдашний начальник департамента культуры В. В. Рацко мне сказал, что «ей этот музей не нужен». А дни шли за днями. Дом стоял готовый, без хозяина и запёртый на ключ. И тогда мы решились на его захват. Самовольно открыли входные двери со стороны двора, зашли в каминный зал и провели первое выездное музейное заседание фонда. Сидели вечером ещё при свечах и обсуждали план дальнейших действий. Под давлением общественности и руководителей предприятий — членов фонда в октябре 2002 года по Постановлению Главы города Вологды здание было передано в безвозмездное пользование Вологодской областной картинной галереи для открытия постоянной экспозиции произведений В. Н. Корбакова, организации выставок и совместной работы с вологодскими любителями искусства. А 25 декабря того же года состоялось торжественное открытие Музейно-творческого центра «Дом Корбакова». На всех этажах здания, включая и подвал, висели произведения художника и работы из коллекции «Меня рисуют друзья». Это был настоящий праздник!

И вот прошло уже почти двадцать лет. Сегодня представить художественную жизнь Вологды, да и всей области без «Дома Корбакова» уже невозможно. Он многолик. Конечно, это прежде всего место хранения и экспонирования творческого наследия и коллекций художника. Я называю наш новый музей творческой лабораторией современного российского изобразительного искусства, так как в его залах экспонируются произведения самых разных направлений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного и народного искусства, дизайна и фотографии. Всем здесь находится время и место — и маститым академикам в программе «Российская академия художеств в Вологде» и юным художникам-учащимся детских художественных школ, и современным авторам из Вологды, области, других городов России. Не скрою, было много споров и разногласий с В. Н. Корбаковым по поводу общего баланса инородного материала в его именном музее, но всегда находились разумные компромиссы. Чего только не было в этом доме! Тут и заседания многочисленных клубов, концерты и творческие вечера, научные конференции и презентации модных коллекций одежды, воскресная студия для художников-портретистов и всё другое прочее. Думаю, что выдвинутая нами широкая программа деятельности Музейно-творческого центра успешно воплощается в жизнь. Её создавали и ведут сегодня сотрудники «Дома Корбакова» и других отделов галереи Светлана Корбакова, Михаил и Валентина Субботины, Наталья Шашерина, Татьяна Канунова и Сергей Птухин, Мария Чуркина. Впереди, через несколько лет, — столетие со дня рождения Владимира Николаевича Корбакова. Хотелось бы, чтобы к этому времени «Дом Корбакова» приобрёл свой первоначально задуманный статус — соединение постоянной, теперь уже мемориально-творческой экспозиции работ художника и действительно лучших выставок произведений самых разных мастеров современного изобразительного искусства. Важно, чтобы при введении в строй нового масштабного здания картинной галереи у памятника авиаконструктору Сергею Ильюшину на улице Мира, 34 рядом в той или иной степени сохранились и другие отдельные здания и помещения галереи, уже имеющие свою историю и неповторимое творческое лицо.

Мои художники

Записывая особенно памятные воспоминания о своей работе в картинной галерее и переходя к конкретным встречам, делам и ситуациям, я хочу прежде всего поговорить о художниках. Но не о тех безымянных древних или о великих мастерах прошлых эпох, чьи произведения мы видим в музеях и книгах. А о самых современных живописцах и графиках, с кем довелось встретиться на жизненном и профессиональном искусствоведческом пути. Конечно, это целый мир разного рода наблюдений, впечатлений, оценок и совместных дел. Не буду делать анализ их произведений, так как этому посвящены достаточно многочисленные мои статьи в сборниках, каталогах и альбомах, журнальных и газетных публикациях. Об этом говорилось на публичных конференциях и шумных вернисажах, на камерных обсуждениях выставок

или в доверительных разговорах в мастерских. Всему своё время и своё место. Не доведется вспомнить всех или очень многих, а остановлюсь только на главных, избранных, сыгравших большую роль как в моей, так и в галерейной судьбе. Хочется сохранить живую память о том, что не всегда было в поле зрения посетителей и даже коллег.

Начну с ведущих вологодских художников. И прежде всего с Владимира Николаевича Корбакова. Ибо это самая яркая, колоритная и для меня во многом таинственная фигура в искусстве Русского Севера. Его я увидел в первый раз будучи ещё студентом в конце 1974 года, когда писал курсовую работу о зональной художественной выставке «Советский Север» в Вологде. По просьбе моего любимого школьного учителя О. С. Беловой я встретился с ним в его старой небольшой мастерской в «Доме художника» напротив правления. Тогда он показался мне матерым и жестким функционером от искусства, решавшим непростые административно-хозяйственные задачи. На мои вопросы отвечал в стиле газетных передовиц, как бы давая актуальное интервью. Его тогда очень ценило начальство, немного побаивались коллеги. Таким я его видел и слышал ещё несколько раз, когда он мне выговаривал своё недовольство инородными выставками в «Доме Корбакова» и тем, что я на обложке альманаха «Художники Вологодской области XX века» поместил не его, а «чужую» работу. Этот внешний и холодно-рассудительный приём зачастую отражался и в его быстрых, по случаю написанных картинах, индустриальных пейзажах и отдельных портретах. Он многого хотел и сполна получил всего в своей жизни. Но близок и дорог он мне стал позднее, когда ушёл уже с председательского поста и погрузился с головой в своё импульсивное и страстное творчество. Мне кажется, что другой и всё же главнейшей стороной его натуры были чувственность и чувствительность, энергичность и мечтательность. Он увлекался и влюблялся не только в женщин, но и в своих друзей и коллег, а кого-то по жизни не терпел и в упор не замечал. Всё, как у очень многих из нас. Но его облик преобразился, когда он показывал свои картины в мастерской или пребывал на своей очередной персональной выставке. Тогда Корбаков буквально летал, перебегал с места на место, смущался, ждал ответных слов на свои замыслы.

Так получилось, что я, начав работать в галерее, делал практически все его большие персональные выставки или принимал участие в их подготовке и проведении. Это было в Москве в Центральном Доме художника, в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, в Академии художеств, в Третьяковской галерее (на соискание Государственной премии РФ); в Санкт-Петербурге в зале Союза художников, в Плесе на Волге, в Ярославле и, конечно, в Вологде. У нас были разные принципы экспозиции. Корбаков строил выставки на глазок, по чувству и цветовым пятнам, на контрастах, чисто творчески и ситуационно. Иногда выпячивались далеко не лучшие работы, но чем-то ему в данный момент важные — то ли раскрывать тему, либо показать какой-то новый приём в живописи, или сознательно эпатировать публику. Я же чаще всего строил экспозиции по уму и по классическим канонам, пытаюсь показать его творчество в хронологии и динамике развития, но всегда искал лучшим работам самые выигрышные места. Мне всегда хотелось «пропеть Корбакова» как песню и раскрыть сущностные, вневременные черты его творчества — искренний патриотизм и влюбленность в человека, опытность профессионального делания и мощный, сочный по живописи и динамичный дар. Таким он был в свои лучшие минуты, когда писал картины, читал свои стихи, слушал музыку или откровенно общался в неформальной обстановке. Я запомнил его главный и почти постоянный тезис, что надо говорить прежде всего о творчестве, о таланте, постоянно работать и любить жизнь. Вот почему именно для него был создан благотворительный «Фонд Корбакова» и построен музей его имени. Он, безусловно, — целая эпоха в истории и современном развитии вологодской живописи.

Корбаков, как никто из вологодских художников, очень много сделал для развития картинной галереи. Будучи председателем областного Союза художников и секретарем Союза художников РСФСР, он организовывал такие ныне легендарные выставки, как экспозиции владимирских пейзажистов и живописи Михаила Греку из Молдавии, был руководителем творческих групп художников из разных регионов страны («По земле Вологодской» и «Череповец индустриальный»). Имя Корбакова сразу открывало для нас двери в творческие ателье многих масштабных столичных авторов. А его дом и мастерская всегда были приютом и местом дружеских встреч всех гостей Вологды и галереи. Я всегда знал, что кто бы у нас ни появлялся из друзей и коллег, их всегда можно было «попотчевать» необыкновенной встречей с маэстро в его буквально сказочных артистических апартаментах.

Примерно в эти же студенческие дни, зимой 1974 года, я впервые познакомился с Джанной Таджатовной Тутунджан. Это было в её старой мастерской в деревянном доме на улице Мальцева. Помню,

что на мольберте стояла её новая работа «Земля» с обнажённой молодой женщиной на лоскутном одеяле. С Джанной у меня всегда всё было как-то непросто. Я очень любил её ранние, по-настоящему земные и человеческие работы «Незабудки», «Надежда», «Гори ясно», рисунки с текстами и без, типизированные портретные композиции. Мне всегда казалось, что ей меньше удавались большие программные картины с их немного грубоватой плакатной упрощённостью и явной сюжетной тенденциозностью. Она меня спрашивала об этом, и я прямо отвечал, как думал и понимал. Она обижалась, и мы потом почти не разговаривали по пять лет кряду. В первую нашу встречу я вольно или невольно, но вслух сравнил её «Землю» с картиной москвича В. Е. Попкова «Двое» 1966 года, которая, на мой взгляд, в этом романтическом ключе была гораздо сильнее. Я попробовал, по её же просьбе, что-то подсказать, объяснить, но это вызвало только нескрываемую обижённость. Мне кажется, что Джанна, несмотря на всю свою внешнюю исключительную скромность и как бы отъединённость от окружающего светного мира, всегда твердо знала себе цену и несла себя как королева. Её слова и дела должны были восприниматься всеми как истина в последней инстанции. Единственное, что ею разрешалось друзьям и коллегам: думать, дышать, жить рядом с ней в унисон. При всём при том, я всегда понимал и принимал её необычайно высокий личностный художественный уровень и исключительную жизненную правдивость в творчестве.

Хочу вспомнить два своих эпизода, с нею связанных. В 1981 году торжественно отмечалось 50-летие со дня рождения Джанны. Большой зал областной филармонии был полон. Всем заправлял тогда обком КПСС. Со сцены большое приветственное слово должен был произнести известный искусствовед из Москвы, из журнала «Искусство», друг А. В. Пантелеева Ю. Э. Осмоловский. Но он в последний момент не приехал. Что делать? К. П. Зорина строгим голосом поручила это дело мне, хотя в тот год я ещё только начал работать директором галереи и меня мало кто знал из творческой среды. Готовился, писал, волновался страшно. А потом вышел на сцену и успокоился: так потом у меня всегда было. А говорить и писать о работах Тутунджан всегда было радостно и просто, так как она очень убедительна в своей четкой чисто художнической и гражданской позиции. Именно тогда впервые стали выставляться её рисунки с текстами «По правде — по совести». Вспоминаю, какой это был шок для многих на юбилейной выставке в галерее; потом был интерес в Москве и запрет в Ленинграде. Мне довелось быть и выступать тогда в отдалённом выставочном зале Союза художников РСФСР на Охте в Ленинграде в 1983 году. Был скандал, так как запретили показывать рисунки с текстами, и по этой причине часть зала была пустой и перегороженной банкетками. Народу было очень мало. В конце концов разрешили показать только то, что экспонировалось в Москве. Так непросто всё начиналось. А потом пришёл большой успех не только в Вологде, но и в Москве — в Малом манеже, в других городах. Но мы так и прошли с ней по жизни почти параллельно друг другу, редко общаясь, как бы боясь открыться до конца, но всемерно ценя и уважая друг друга. Проходят годы, и я всё более отчетливо понимаю, что такого уровня и масштаба «печальницы о земле Русской» в нашей вологодской живописи больше нет и, возможно, не будет. Без её искренних и за душу берущих работ на выставках стало как бы пусто и безлюдно, будто она увела за собой в вечную даль целое поколение исконных крестьянских вологжан с их неподдельной искренностью и чистой правдивостью.

Так случилось, что мы с Александром Васильевичем Пантелеевым приехали в Вологду одновременно в 1976 году: я из Ленинграда после учебы, он из Уфы. Наверное, нас познакомила Елена Шуткова, которая делала первую выставку Пантелеева в картинной галерее в 1977 году. Тогда всё было там неожиданно и романтично: уральские горные пейзажи, косоугольные натюрморты, картины «из жизни роботов». Мы поначалу встречались большой компанией в его ранней вологодской мастерской в помещении бывшего магазина на первом этаже дома недалеко от железнодорожного вокзала. Он сразу отличался от своих вологодских коллег известной сдержанностью, интеллигентной воспитанностью и чёткой деловитостью. Наше более тесное общение произошло уже позднее, в 1980-х годах, когда мы оба стали руководителями: он в Союзе художников, а я в картинной галерее. С ним было легко и как-то надёжно. Он работал чётко, инициативно и доброжелательно.

Готовя областные и персональные выставки вологодских художников, Пантелеев очень умело обходил все острые углы и дискуссионные вопросы, возникавшие на выставках. Тогда нельзя было показывать ничего церковного, пессимистичного или тем более формалистичного. Что делать? Пантелеев не вступал в бой, но и не ретировался, он умно и убедительно что-то тихонько объяснял партийным кураторам К. П. и Ю. В. Зориним, В. А. Жукову, и те нехотя соглашались на какие-то компромиссы. Правда, и ему доставалось. Я помню его буквально плачущим у меня в кабинете в Воскресенском соборе, когда его мягко,

но решительно не пустили на встречу творческой интеллигенции с приехавшим партийным лидером Е. К. Лигачевым в музей-заповеднике. Тогда, как впрочем и теперь, умных людей в культуре боялись и еле терпели: а вдруг они что-то откровенно спросят или нечто нелицеприятное скажут...

Особенно велика была роль Пантелеева в выведении картинной галереи из глубинки на более широкий, российский простор. Он показывал своим примером, как надо умно и серьезно работать с современным искусством. По его личной договоренности в галерее были показаны выставки таких крупных российских художников из Москвы, как график Фёдор Константинов, живописцы Юрий Кугач и Борис Неменский, тогда молодые авторы Ксения Нечитайло и Инга Савранская.

Он всемерно поддерживал организованные галереями экспозиции ярких ленинградских мастеров Завена Аршакуни и Германа Егошина; Дмитрия Журавлёва и Бориса Непомнящего из Новгорода; Николая Морозова из Мурманска. Ему удалось организовать в галерее выставку живописи и графики французского художника-конструктивиста Фернана Леже из фондов ГМИИ им. А. С. Пушкина, что вызвало тогда в тихой Вологде полный фурор своей новизной и кубистической смелостью. Будучи активным деятелем Союза художников СССР, он пригласил на Русский Север многих известных искусствоведов и критиков. Среди них были Юрий Осмоловский, Иваñ Порто, Мюда Яблонская, Олег Буткевич и другие.

Особая страница в общении с Пантелеевым — его большая мастерская на улице Козленской. Туда можно было прийти всегда за советом, с просьбой, с гостями и друзьями. Он был щедр и гостеприимен. Вспомню только один случай. Когда с началом перестройки открыли для иностранных дипломатов российскую провинцию, в Вологду неоднократно приезжал советник по культуре посольства США Рэй Бенсон. Я случайно познакомился с ним тогда во дворе Вологодского кремля, и мы стали друзьями несмотря на большую разницу в возрасте (Рэй умер в Америке в 2017 году в возрасте старше 90 лет). Он дважды был на дипломатической службе в Москве и, как теперь выяснилось, способствовал изданию на Западе запрещенного цензурой в СССР альманаха «Метрополь». Я повел Бенсона в мастерскую Пантелеева. А куда же ещё? Они понравились друг другу. А так как тогда советским художникам продавать свои картины было ещё почти что нельзя, тем более иностранцам, то Пантелеев обменял свой довольно большой «Натюрморт с фруктами» на подборку книг о современных художниках Запады. Потом я видел эту картину в собрании советского андеграундного искусства у Бенсона в Америке в штате Вермонт. Как удавалось Пантелееву в жестких рамках позднего советского времени, тем более в провинции, сохранять свободу духа и быть в искусстве на уровне современной ему не только российской, но и общемировой живописи — вот загадка этого во всех смыслах незаурядного художника и человека.

Из мастеров старшего поколения Вологодской области не могу не вспомнить замечательного графика из Череповца Анатолия Терентьевича Наговицына. Это важно, так как он был и остается самым технически оснащённым гравером нашего края. Он был прекрасным рисовальщиком старой академической школы, работал практически во всех видах гравированного эстампа: резцовая гравюра, офорт и акватинта, ксилография, линогравюра и гравюра на пластике, монотипия, конгрев. Он всё время что-то изобретал. Печатал цветные оттиски с одной доски, но с применением специальных картонных шаблонов для каждого цвета, подбирая бумагу разных сортов и оттенков. В оригинальной графике работал акварелью и темперой, графитным и цветными карандашами, мягким итальянским карандашом и мелом, фломастерами и чернилами, сангиной и соусом. Позднее он стал использовать медицинский жидкий раствор бифунгин, который давал ровный коричневый тон заливки. Жаль только, что у него не было учеников и никто больше не перенял от него те технические навыки и умения, которые сейчас очень редки.

Однажды мне для картинной галереи редкий профессионализм Наговицына очень помог. В Ленинграде через Русский музей я познакомился со старым гравером Олегом Алексеевичем Почтенным, чья жена Наталья Васильевна Тарановская всю жизнь проработала в отделе народного искусства ГРМ у И. Я. Богуславской. И вот как-то раз Оলেখ, как его звали все близкие, пригласил меня к себе в творческую мастерскую на Васильевском острове неподалеку от Академии художеств. Помню мансарду под потолком высокого доходного дома, к которой надо было без лифта подниматься по узкой каменной лестнице. О. Почтенный решил подарить нашей галерее через меня своё собрание гравированных досок. Это были медные и цинковые доски, линолеумные листы и деревянные плашки, с которых печатали свои гравюры многие известные ленинградские графики довоенного и послевоенного времени. Этот материал часто находился в небрежении в творческих мастерских и художественных комбинатах. А мы в галерее всё это собираем: подобную культуру хранения полного объема гравюрного материала мне прививала ещё со студенческих лет в ГРМ

С. С. Шерман. Среди досок были почти совсем забытые цинковые пластины Е. А. Хигера из серии «Ленинград в дни войны», выполненные непосредственно в годы блокады, а также гравированные доски В. В. Воинова, Г. С. Верейского и других авторов. Надо было брать всё и сразу и я, как это очень часто бывало, потащил всё на себе до метро, шатаюсь и поминутно останавливаясь, чтобы передохнуть. Но не это главное. Вопрос заключался в том, кто бы смог на Вологодчине распечатать эти доски и сделать качественные музейные оттиски, ведь ныне профессия печатника стала почти раритетной. Обратился к Наговицыну, тот с радостью согласился и всё выполнил с блеском, подбирая тон краски и тип бумаги из своих многочисленных запасов. Думаю, что больше никто это сделать так тщательно бы не смог.

Вообще, Анатолий Тереньевич отличался удивительной четкостью и собранностью. Он посылал мне объёмные многостраничные письма, всё до тонкости рассказывал о себе, когда мы готовили в галерее в 1988 году его персональную выставку и издавали полный каталог его творчества. Хотелось все гравюры в каталоге отпечатать с оригинальных авторских гравированных досок, но не получилось, так как областная типография отказалась это сделать: уже не было ни того оборудования, ни умелых мастеров-печатников. Вот ещё один штрих такой преданности своему делу. Я просил Наговицына сделать большой цветной офортный триптих, посвященный нашей картинной галерее, тогда располагавшейся в Воскресенском соборе. Он долго готовился, приезжал ко мне в Вологду, чтобы сделать натурные зарисовки. Даже в один из летних жарких дней так заработался, что пришёл с полуобгоревшим на солнце лицом. Он не сходил с места несколько часов кряду, пока всё не запечатлел. Теперь работы художника — большая редкость, особенно его ранние книжные иллюстрации и виртуозно выполненные книжные знаки. Для меня он награвировал три экслибриса, которые я наклеиваю на лучшие книги из своей библиотеки.

Вообще же в небольшом мемуарном очерке писать о столь многообразном творчестве вологодских художников для меня представляется одной из самых трудных задач. Казалось бы, чего проще, ведь почти все события и свершения областного Союза художников за последние десятилетия были не просто у меня перед глазами, а буквально в руках — если это касалось мероприятий в картинной галерее. И бурные отчетно-перевыборные собрания, когда, казалось, шла нешуточная борьба «не на жизнь, а на смерть». И дебаты на выставках, и обсуждения выставок, и встречи в мастерских. А трудно потому, что это — и сегодня продолжающийся, во многом противоречивый и сложный творческий процесс. Не дай бог, кого-нибудь не назвать, не так понять, должным образом не оценить. Потому остановлюсь только на нескольких творческих работах, которые мне лично врезались в память, и постараюсь сделать некие общие выводы в контексте взаимоотношений картинной галереи и художников.

Ещё со студенческих лет я особенно полюбил областные отчетные выставки художников нашего края, которые долгое время были явлениями событийного порядка. Тогда появлялись работы, раскрывавшие смысл и общую эмоциональную интонацию своего времени. Так на одной из первых молодёжных выставок я увидел большеформатный слегка подцветенный рисунок Владислава Сергеева из Череповца «На качелях» 1970 года. На фоне многих достаточно обыденных вещей эта работа поразила меня своей композиционной смелостью и лирической откровенностью. На рисунке молодая женщина будто парила над своей окружающей милой Русью с деревенькой на холмах, с храмами на озерном острове, с отражённой древностью в прозрачных водах, тихим рыбаком и пасущимися конями. Всё было сделано и чувственно, и целомудренно, предельно реально в деталях и символически-обобщённо в главном. Потом я много и подробно изучал всю станковую графику и живопись Сергеева, делал его персональную выставку в галерее в 1998 году, многократно встречался с ним, но полностью разгадать всю тайную прелесть его «Качелей» так до конца и не смог — этот рисунок волнует моё сердце и сегодня. Признаюсь, что мне особенно близки именно такие многоплановые, лирико-романтические и созерцательно-умудренные произведения.

Из живописных сюжетно-тематических картин вологодских художников меня в своё время особенно взволновала масштабная многофигурная композиция Юрия Воронова 1987 года «Доброе утро, товарищи! Говорит Вологда». Это был настоящий художественный взрыв для вологодской интеллигенции. Все спорили и гадали, что хотел выразить художник, кто и где конкретно изображен. На холсте проявились глубинные черты вологодской культуры в целом: совестливость, человечность, противостояние натиску официальной обезличивности. Как будто социально-острая дискуссия в общественном сознании тех перестроечных лет воплотилась в проникновенных образах известных художников и простых крестьян, размышляющих о насущном и вечном. Были хорошо узнаваемы противопоставленные друг другу фреска Страшного суда из вологодского Софийского собора и казённо-безликое здание Правительства области за окружающим

серым забором. Прошло время, многих из персонажей картины уже нет в живых, а невысказанная боль за духовные культурные утраты последних десятилетий остается. Для меня Юрий Воронов — один из самых близких и волнующих вологодских художников, особенно в его «русских» циклах. Я начинал работу в галерее с презентации его дипломной работы «Лирика Рубцова» и делал первую его большую персональную выставку в картинной галерее в 1996 году.

Недолго жил и работал в Вологде живописец Ян Крыжевский, но именно здесь, на мой взгляд, он написал свои самые человеческие и раздумчивые произведения. Мне удалось для галереи получить в фондах Министерства культуры РСФСР через ГМВЦ «РОСИЗО» его самую популярную картину 1975–1976 годов «Новый день». Дело обстояло так. Эта картина экспонировалась на Всесоюзной выставке молодых художников в Москве, и за неё Ян был удостоен звания Лауреата премии Ленинского комсомола. Картину купила государственная закупочная комиссия и порешила передать её во Владивосток. Но за ней долго никто не приезжал, а отправлять такой большой холст через всю страну было накладно. А тут я подсуетился с фургоном, уговорил хранителей переделать приказ и увёз написанную на холсте «девушку на балке» в Вологодскую картинную галерею. Всё это, как говорится, к слову, а меня надолго заворожила другая композиция Крыжевского «Уходящим летом», написанная им в первые годы пребывания в Вологде. Сколько здесь тайны и проникновенной раздумчивой тишины! Явно, что молодая героиня тревожного речного пейзажа стоит за перилами какого-то ограждения в пространстве инобытия. Она полна тихой грусти и далеко ушла в своей проникновенной глубине от обычной веселости «девушки на балке». Так постепенно складывался у талантливого художника образ нашего «непростоного советского человека», воплощённый тогда в знаковых для эпохи картинах «Меломан» и «Вариации на тему «Портрет».

Из картин начала XXI века меня как-то по-особенному задела композиция Владимира Латынцева из Великого Устюга 2003–2005 годов «Русь уходящая». На сравнительно небольшом холсте ему удалось средствами блеклого осеннего колорита создать проникновенную живописную элегию о заброшенности старой покосившейся деревеньки с ветхим деревянным столпообразным храмом под клубящимися облаками серого северного неба. По моей рекомендации картина была принята на III Всероссийскую художественную выставку пейзажной живописи «Образ Родины» и являлась там закономерным продолжением традиций русского лирического пейзажа настроения в его грустно-тревожном ключе левитановской линии.

Талантливых и значимых картин было написано вологодскими художниками великое множество. И я очень рад, что большинство из них рано или поздно попадало в фонды картинной галереи. Это и проникновенная композиция Евгения Соколова «В минуты музыки. Поэт», и лирические пейзажи Валерия Страхова, Евгения Молева, ассоциативные сюжетные холсты Михаила Копьева и Юрия Соломкина, психологические портреты Олега Бороздина, нарядные натюрморты Александры Смоленцевой и Георгия Полова, многочисленные холсты Виктора Седова, поэтичные и взволнованные монотипии Николая Мишусты. Всё это — бесценное народное достояние Вологодчины.

Выставочная практика

В своих галерейных воспоминаниях я всё чаще и чаще мысленно обращаюсь к многолетней выставочной практике, ибо она подчас занимала основное музейное рабочее время и от её эффективности во многом зависело выполнение наших плановых показателей. А план — дело серьёзное. Долгое время перевыполнение утвержденных годовых цифр и социалистических обязательств поощрялось и поддерживалось, за это дело благодарили и награждали. А в последние годы плановые поручения, превратившиеся в формы государственного задания, обратились в настоящий ребус — и больше не надо, и меньше нельзя. Выйди на утверждённый показатель в квартал, в год, и живи себе спокойно. А что там стоит за этой отчетной цифрой, вроде бы никого и не волнует. Вот почему в последние годы многие музеи так спокойно «гонят» музейный вал, лишь бы отчитаться, и на мои откровенные вопросы, зачем они показывают тот или иной материал, спокойно отвечают: «А какая разница, что размещать в залах, лишь бы расходов было поменьше да вовремя получить нужную итоговую справку?!»

Мне же хочется поговорить о настоящих творческих выставках, которые иногда вызревали у нас не месяцами, а годами, не давая покоя ни научным сотрудникам, ни администрации и всем службам. Настоящая выставка — дело тонкое, это штучный музейный товар, в своём идеальном варианте долженствующий одинаково полновесно воплощаться во всём — и в названии, и в подборе произведений, в построении экспозиции и наполненности этикетажа. Иногда посмотришь в залах на не очень мотивированный разброс

артефактов и примитивный подбор экспликаций и понимаешь, что всё делалось формально, наспех, без вдумчивого кураторского взгляда. А хорошая выставка должна звучать как песня, из которой ни одного слова нельзя выбросить.

Поделюсь своими директорскими размышлениями в выставочной практике, ибо так много сменных экспозиций вряд ли делал какой-нибудь другой музей нашего уровня. Вначале мы чаще всего открывали одну или две выставки в месяц — то на верхнем, то на нижнем этажах Воскресенского собора. Потом с появлением новых зданий и помещений стали проводить вернисажи практически каждую неделю, а в последние годы — и ещё чаще. Зачем так много? Во-первых, мы живём в небольшом городе, где почти не бывает приезжих музейных туристов. Работа ведётся прежде всего с местным населением, среди которого очень небольшой процент составляют настоящие любители изобразительного искусства. А делать экспозиции ажиотажного массового спроса и самого широкого общественного внимания с каждым годом становится всё трудней: мало новых идей, не хватает средств на страховку, перевозку, монтаж и сохранность объёмных и дорогостоящих «шлягерных» художников и экспонатов. Значит, надо всё время и как можно чаще показывать что-то оригинальное для сравнительно небольшого круга местной интеллигенции. Если раньше в музеи почти-что строим и по расписанию регулярно приводили группы школьников, студентов, служащих и военных, то теперь надо больше работать с небольшими сообществами потенциальных посетителей с самыми разнообразными вкусами и интересами. Очень непросто угадать заранее, «выстрелит» та или иная выставка. Тут нужны большой опыт и креативность мышления. Хорошая выставка — это настоящее произведение музейного искусства.

Откуда берутся выставки? Сегодня мало кто вспоминает, что в доперестроечные времена существовала система организации хороших передвижных выставок. При Министерстве культуры СССР и РСФСР, в Союзах художников СССР и РСФСР, в Москве и Ленинграде при Художественных фондах существовали Дирекции выставок со своим штатом и оборудованием. Когда организовывались в столицах и крупных городах какие-то значимые персональные, тематические или юбилейные отчетные экспозиции, то лучшие произведения из них закупались государственными организациями и затем возились по стране. Я с радостью вспоминаю такие выставки «По родной стране», «Моё Нечерноземье», «Моя родина — СССР», благодаря которым мы видели в своих стенах капитальные полотна очень смелых тогда для провинции художников Прибалтики, южных республик, Урала и Сибири. К нам привозили лучшие картины ведущих столичных академиков и творческой молодёжи. Была практика последующей передачи «отработавших своё» экспонатов в фонды музеев, чем мы старались всегда воспользоваться. Всемерно поддерживалась практика обменных выставок между творческими союзами соседних областей и даже зарубежных стран. Крупные музеи страны не чурались показывать свои коллекции в провинциальных музеях. Заранее готовились на основе долгосрочных договоров с художниками крупные областные и региональные выставки. Этот опыт хорошо бы теперь не забывать, а развивать дальше в новых, более оснащённых всем и вся современных условиях.

А потом, ближе к завершению XX века, эта достаточно продуктивная система, дававшая возможность зрителю из глубинки увидеть у себя дома то, что делается в стране в искусстве в целом, рухнула. И каждый музей остался как бы наедине сам с собой. С кем дружить и кооперироваться, кого и на каких условиях приглашать, что показывать? Вот вопрос! Если ещё не так давно создавались областные комиссии по регулированию выставочной деятельности, проводились научные конференции и семинары по экспозиционной практике, то теперь и этого не стало. С одной стороны, полная свобода; а с другой — выживай, как хочешь... Постепенно в галерее начала складываться своя, особенная система организации и проведения выставок, о чём и хочется вспомнить. Так с конца прошлого века я дал себе зарок никогда больше не принимать передвижных выставок, так как они стали предлагаться разными непонятными фирмами и новоявленными творческими объединениями как правило на коммерческой основе, без какого-либо художественного отбора. Все выставки мы теперь старались готовить своим составом, так как отвечали перед зрителями за качество показанных работ.

За выставками сотрудники галереи много ездили и продолжают выезжать сами в другие города и музеи. Сколько тут было курьёзов и разного рода опасностей! Поначалу ведь и я возил уникальные выставки гравюр из Русского музея на свой страх и риск прямо в папках в обычном поезде без какой-либо охраны и сопровождения. Однажды выставка живописи Германа Егошина из Санкт-Петербурга приехала в галерею вся пропахшая красным вином, так как ранее в этом фургоне возили ящики со спиртным. Марина Вороно с ужасом рассказывала, как сопровождаемая ею машина с редчайшими экспонатами из Центрального

Военно-морского музея сначала пошла не по утвержденному маршруту: была реальная угроза ограбления. Однажды меня просто прошиб холодный пот, когда выезжая из ворот Музейно-выставочного центра «РОСИЗО» в центре Москвы на Бульварном кольце, я услышал от водителя вологодского автобуса, что он города совсем не знает и не представляет, куда теперь ехать. Пришлось раскрывать карту и «рулить» самому, показывать повороты и направления, чем раньше я никогда не занимался.

А вот ещё были такие случаи. Первую выставку китайского художника Цзян Ши Луня из Ленинграда везли в галерею на машине «Скорой помощи» благодаря поддержке тогдашнего начальника облздраводела И. А. Позднякова, а доставку картин В. В. Верещагина из Русского музея обеспечивал транспортный наряд областного ГАИ после моей настойчивой просьбы о помощи. И сегодня зачастую доставка выставок превращается в целую проблему. На большом фургоне загружаться в центре Москвы можно только в ночное время, так как иначе нельзя проехать. Иногда приходится большие картины переносить вниз с высоких этажей на руках или даже спускать через окна на веревках, как то было с работами Николая Наседкина в Москве, так как творческие мастерские многие художников часто находятся в старых зданиях с узкими лестницами и маленькими лифтами. Дальняя поездка за большой выставкой — это целая специальная музейная экспедиция. А ведь всё ещё надо погрузить, упаковать, разгрузить, расставить, развесить, потом снова размонтировать. Постепенно все эти маневры хорошо отработала уже своя галерейная «дирекция экспозиций» во главе с заведующим отделом выставок А. В. Тихомировым и при обеспечении со стороны хозяйственной части в лице С. Д. Варзунова. С такой подготовленной рабочей командой никакие даже самые объёмные выставки нам оказались не страшны.

Мне всегда казалось, что выставочная работа галереи должна быть заранее точно спланирована на год, а ещё лучше — на несколько лет вперёд. Тогда можно было бы спокойно выстраивать всю подготовительную работу и вести её системно, по основным, характерным для нас направлениям. Приоритет всегда отдавался показу творчества художников-воложан. Прежде всего все ждали больших областных выставок, которые долгое время проводились почти ежегодно, приурочиваясь к тем или иным событиям. Помню, как бурно проходили выставкомы, обходились и даже объезжались творческие мастерские. Это был парад премьер. Зачастую на показ всех работ не хватало места и что-то с трудом отсеивали, говоря, что всё потом войдет в каталог. После этих выставок лучшие работы покупались для галереи и других музеев области. В общем, жить было можно!

Со временем областные экспозиции стали редеть, беднеть. Участвовать в них перестало быть и обязанностью, и честью для каждого профессионала, да и закупки ушли в прошлое кроме единичных, счастливых случаев. А жаль! Вслед за областными, групповыми и тематическими экспозициями всегда шёл парад персональных выставок. Вологодская картинная галерея всегда была очень щедра по отношению к своим художникам: многим предлагалось выставляться каждые пять лет, а иногда и чаще. Тут бывало всякое. Так Георгий Попов никогда не приходил на свои вернисажи, Валерий Страхов только в 2019 году подготовил в галерее свою персональную экспозицию, а Владимир Корбаков каждый год выставлял что-то новенькое. Не были обойдены дети, молодые художники, самостоятельные авторы, художники-женщины — всем своё время и место. Мы знакомились с творческими союзами и отдельными мастерами из Великого Новгорода, Архангельска, Мурманска, Петрозаводска, Сыктывкара. Современное российское изобразительное искусство России стало приоритетным направлением всей деятельности галереи.

Более подробно остановлюсь на нашем особом проекте XXI века «Российская академия художеств в Вологде». Его инициатором и главным мотором на первых порах был. В. Н. Корбаков. С чего начать? Кого пригласить? Решили сразу же в 2005 году организовать выставку работ самого Президента РАХ Зураба Церетели. Мне теперь всё это помнится в деталях. Как было интересно! Корбаков переговорил с маэстро, а я начал воплощать эту идею в жизнь: встречался с Церетели в Москве. Любопытно, что сначала наше начальство никак не реагировало на этот проект: никто не верил, что у нас это получится. А потом, когда время подошло, все страшно засуетились и захотели раскрутить приезд художника в Вологду по полной программе. Мне прямо сказали: «А теперь ты отойди в сторону. Это не твоего уровня дело!» И стали забрасывать Академию проектами, один круче другого. Тут тебе и Кириллов, и Великий Устюг с родиной Деда Мороза. Кончилось всё тем, что накануне приезда мне позвонил прямо в кабинет сам Зураб Константинович и со своим неподражаемым грузинским акцентом спросил: «Послушай, что происходит? Зачем они мне всё это предлагают, ведь я человек занятой. Я готов прилететь в Вологду только на один день, но привезти с собой весь Президиум». После моих пояснений по общей ситуации с тогдашним руководящим стилем в областной

культуре он сказал так: «Не переживай. Я сделаю всё так, как мы договорились. Я знаю, как с ними разговаривать». И далее всё пошло как по часам. В Вологду прибыл огромный фургон со скульптурой, живописью, графикой и эмальями. Там же ехала группа привлеченных чернорабочих, которые как муравьи скопом переносили тяжеленные бронзовые рельефы на мольбертах, сначала вниз, а потом вверх. Приехала и профессиональная бригада монтировщиков, которые умело и спокойно всё поставили и повесили на свои места. Экспозиция тут же согласовывалась с Москвой. Такой слаженной и оперативной работы я ещё не видел! Всё получилось! В день открытия Церетели прилетел в Вологду на специально зафрахтованном самолете. Правда, случился небольшой конфуз. Наше начальство в культуре решило, что по каким-то правилам этикета нельзя было допускать на встречу Президента РАХ местных художников — только областное руководство. А Церетели, сойдя с трапа самолёта, первым делом спросил: «А где мои вологодские художники-академики?» Ответа не было. Так мы целый день и бились: начальство всех закармливало и заласкивало, а мы старались при всем этом чиновном параде сохранить творческую обстановку. Мне захотелось получить что-то в дар для галереи, и Церетели просто сказал: «Выбирай, что хочешь!» Я выбрал бронзового Георгия Победоносца на колонне — модель памятника для Нью-Йорка, который сейчас постоянно находится в «Доме Корбакова».

Так началась наша галерейная академическая эпопея, которая продолжается сегодня и устремлена в будущее. Этим значимым проектом напрямую теперь занимается Светлана Корбакова. Только ещё два раза я сам напрямую общался с художниками в процессе подготовки выставок. Так было с Ильей Сергеевичем Глазуновым, когда он долго меня «пытал» по телефону: «кто я такой, откуда родом, какие у меня взгляды на искусство и что я хочу увидеть на выставке». И как только он в меня уверовал, то всё сразу организовалось: в Вологду кроме классики привезли даже совсем новые работы, только что снятые с мольберта, даже ещё не совсем просохшие. Как потом выяснилось, на выставку инкогнито приезжал и его сын Иван, чтобы посмотреть, как тут всё получилось. И потом он как-то неожиданно вместе с женой оказался в моём кабинете. Он специально ещё раз на час приехал в Вологду на машине, только чтобы встретиться со мной и куратором выставки Юлией Горельковой, дабы посмотреть друг другу в глаза и оговорить детали будущей экспозиции. На таком же доверительном, уважительном уровне строились отношения с ведущими участниками проекта «Российская академия художеств в Вологде» Татьяной Назаренко и Натальей Нестеровой, Дмитрием Жилинским и Леонидом Барановым, Виктором Калининным, Иваном Лубенниковым и многими другими ведущими отечественными художниками. И каждый из них оставлял галерее в дар свою работу. Действительно, все звезды современного отечественного искусства были, есть и будут на такой планете, как Вологодская картинная галерея. Только надо это понять, оценить и поддержать на будущее.

Несмотря на свои стесненные материальные условия картинная галерея достаточно часто принимала у себя региональные, всероссийские и международные художественные выставки. Это всегда реализовывалось с большим трудом, но оставалось в памяти надолго. Впервые я с таким объемным материалом столкнулся в 1974 году, ещё будучи студентом, когда в Вологде проводилась четвертая зональная художественная выставка «Советский Север». Сейчас надо напомнить, что она располагалась в Воскресенском соборе и в только что отреставрированном трёхэтажном корпусе Вологодского кремля. А для экспозиции Череповецкой индустриальной творческой группы на берегу реки, там где сейчас стоит памятник К. Н. Батюшкову, был установлен большой стеклянный павильон, позднее перенесённый во двор городского рынка. И так получилось, что почти через тридцать лет мне пришлось самому возглавить всю организационную и творческую работу на девятой региональной художественной выставке в Вологде в 2003 году. Остановлюсь на этом подробнее, так как многие детали той, казалось бы ещё совсем недавней жизни, теперь ушли в прошлое. Как то по своему составу, так и по качеству её проведения, она была и остается самой лучшей среди подобных экспозиций. Мне кажется, что мы выложились на все сто процентов. Когда всё закончилось, я впервые в жизни отсыпался целые сутки...

Как всё проходило? Тогда в последний раз на региональных смотрах был организован выездной выставкам, что очень важно. В нашу небольшую группу, которая объездила весь Северо-Западный регион, входили Г. И. Ларишев и Л. Г. Москалёва от Союза художников России из Москвы, Д. В. Журавлёв из Великого Новгорода и я, как член оргкомитета и главный ответственный за всё. А в регионах к нам присоединялись местные художники и искусствоведы. Не знаю, где я тогда набрался такой смелости, но старался постоянно проявлять инициативу по выявлению наиболее интересных произведений и часто предлагал: «А покажите нам что-нибудь ещё, а давайте посмотрим что-то из старенького; может быть, попробуем

проголосовать вновь...» Я уже мысленно представлял себе будущую экспозицию и хотел привезти в Вологду только самое интересное. Но сделать это было очень непросто, поскольку во многих городах зачастую «задвигали» и «не видели», не поддерживали отдельных оригинальных мастеров. Так из Мурманска всё же удалось получить большую коллекцию декоративных и романтических пейзажей Арви Хуттунена, которые украсили большой зал Шаламовского дома. Из Кирова нам привезли две необычные большеформатные жанровые картины Николая Ендальцева, которые далеко не всем нравились из-за своей гротескной социальной заостренности, у Юрия Ерышева из Великого Новгорода прошли через выставку картины из его дальнего запаса. Тут был очень важен профессиональный взгляд неангажированного искусствоведа, так как самим художникам и их коллегам иногда бывало трудно отделить художественное от временно актуального. Не обошлось и без проблемных ситуаций. Так в Архангельске наш выставком не поддержал многие популярные в городе, но откровенно слабые и слащавые портреты, в Вологодской области один известный скульптор прямо на глазах изумленных коллег топором изрубил свою рельефную работу, которая не была принята на выставку; при создании экспозиции шла нешуточная закулисная борьба между маститыми живописцами за самые лучшие места на стендах. А перед отъездом в Москву руководства Союза художников России В. М. Сидорова и Н. И. Боровского вдруг выяснилось, что им купили билеты на поезд совсем на другое число, и мне пришлось почти ночью бежать на вокзал в кассы и улаживать этот вопрос. В какой-то момент отключились микрофоны, лил дождь, где-то гас свет, но всё это были мелочи на объединившем всех в галерее празднике большого искусства.

Выставка получилась очень большой и яркой, она располагалась в залах галереи в Воскресенском соборе, Шаламовском доме и в «Доме Корбакова»; в музее-заповеднике — в Юго-Западной башне и выставочном зале на Маяковского, 1. Всё равно мест всем не хватило, и я по своей собственной инициативе организовал дополнительные экспозиции в областной филармонии и кооперативном техникуме. Торжественное открытие выставки проходило прямо на Кремлевской площади под звон колоколов и при небывалом наплыве посетителей. Впервые в нашей практике многие впечатляющие отклики зрителей из книги отзывов «Российский Север» были опубликованы в большом каталоге этого впечатляющего творческого проекта. А по итогам выставки в залах галереи в разные годы были организованы специальные экспозиции графики Бориса Непомнящего и живописи Дмитрия Журавлева из Великого Новгорода, художников Мурманска и Карелии. Ту региональную выставку в Вологде ещё помнят в России.

Вообще 2000-е годы прошли в картинной галерее под знаком проведения больших специализированных межрегиональных и всероссийских выставок. Это была заслуга всего коллектива работников, ведь мы старались сделать максимально возможное для комфортного и плодотворного пребывания в Вологде и руководителей Российской академии художеств, Союза художников России, и мастеров искусства из разных регионов страны, художественных критиков и коллекционеров. Я вспоминаю, как наш «добрый гений» — куратор Северо-Западного региона в СХ РФ, замечательный мастер лаковой миниатюры из подмосковного Федоскино Геннадий Иванович Ларишев в очередной раз мерил шагами наши залы, придирчиво оценивал проводимые мероприятия, как бы проигрывая для себя новые возможные творческие акции на Вологодчине. Начиная с выставки «Российский Север», к нам неоднократно приезжали руководители и члены Правления Союза художников из Москвы В. М. Сидоров, А. Н. Ковальчук, Н. И. Боровский, В. В. Щербаков, А. Н. Суховецкий, В. П. Полотнов, А. У. Греков, специалисты Союза Л. Г. Москалёва, В. Д. Шапошникова и Т. И. Бойцова. Они обращались именно в галерею, чувствуя здесь и уважение к себе, и понимание больших творческих задач, стоящих перед современным изобразительным искусством.

Так появилась в Вологде в 2006 году третья Всероссийская художественная выставка пейзажной живописи «Образ Родины». Сегодня с волнением вспоминаются отдельные моменты её подготовки и проведения. Впервые экспозиция задумывалась как необходимый мост преемственности между классикой и современностью. Старых мастеров от А. К. Саврасова, И. И. Левитана до С. Ю. Жукковского и К. Ф. Богоевского представляла из своих фондов наша картинная галерея, что было очень ответственно и почётно. А живопись сегодняшнего дня показывали более шестисот авторов из 57 региональных организаций ВТОО «Союз художников России». Тщательный отбор работ проходил в 3 тура в Москве и Вологде. Сколько было волнений и переживаний! Решался главный вопрос, может ли «тягаться» современная пейзажная живопись с любимой русской классикой. И вологодская экспозиция убедительно ответила «да». Всеобщий интерес вызвали новые произведения В. М. Сидорова, В. В. Щербакова, М. Г. Абакумова, В. Г. Харлова, вологжан Я. Ю. Крыжевского, В. Н. Страхова, Г. В. Калинина и многих других авторов. А на итоговой научно-творческой

конференции с докладами выступали как известные московские искусствоведы В. С. Манин, В. П. Сысоев, В. Е. Калашников, так и специалисты Вологодской картинной галереи В. В. Воропанов и И. Б. Балашова. Нам есть что вспомнить!

Самым серьезным испытанием на деловитость и профессионализм картинной галереи стало проведение в наших залах в 2008 году Всероссийской художественной выставки «Современное народное искусство России. Традиции и современность». Тут мы попали в самый центр проблемных вопросов современного выживания и будущего развития отечественных народных художественных промыслов. Здесь тебе и дискуссионная теория, и самая разнообразная творческая практика. Как говорится, что ни город, то норов. Я поначалу даже не пытался вступать в эти сложнейшие и очень эмоциональные прения о том, что хорошо и истинно в народном искусстве, а что должно быть отмечено как коммерческое и малохудожественное. Моя задача состояла в том, чтобы всех как-то успокоить, примирить, создать необходимые условия для отбора лучших экспонатов со всей страны и их достойного, безопасного показа в галерейных залах. Выставка стала подлинным праздником народного искусства. Тут тебе и все основные центры лаковой миниатюры (Мстёра, Палех, Федоскино, Холуй), расписные подносы из Жостова и Нижнего Тагила, черное серебро из Великого Устюга, художественный металл из Дагестана, самая разнообразная керамика в посуде и игрушке, резьба и роспись по дереву и берёсте, кожа и кость, ткачество и кружевоплетение, мех и лоскутное шитьё, расписные платки из Павловского Посада и традиционный народный костюм Вологды, Архангельска, Курска, Костромы, Ханты-Мансийска. Целый космос народного творчества, где важны и старинные большие города, и маленькие сёла.

Мне кажется, что экспозиции той большой выставки строились по зданиям рабочими группами чуть ли не круглые сутки. Все были очень возбуждены. Главными закоперщиками этого всероссийского народного фестиваля были москвичи М. А. Некрасова и Г. И. Ларишев, Т. Л. Астраханцева, Т. И. Бойцова и В. Н. Шапошкова; Н. А. Гущин из Нижегородской области; наши вологжане Л. Г. Соснина, М. И. Мурашева и А. А. Глебова, а также ведущие художники многих центров традиционных народных промыслов. Постепенно мы все стали отличать своеобразие различных центров керамической игрушки, дерева, берёсты и резьбы по кости; думали, как лучше разместить в витринах, на подиумах, на стендах и манекенах эти уникальные произведения. Всё же нам выпал счастливый билет: мы получили действительно уникальную выставку, лучшие произведения которой для фондов галереи были специально приобретены по нашему списку Министерством культуры России. Думаю, что такой полнокровной выставки народного искусства всей России с проведением самой серьезной научно-творческой конференции и многочисленными богатейшими изданиями больше не было нигде в провинциальных музеях страны.

Для меня новейшее время в картинной галерее, начиная с 2004 года, также в значительной степени было связано с подготовкой и проведением всероссийских экслибрисных конгрессов и выставок. Но об этом пойдет уже отдельный, специальный разговор. А общая выставочная программа ВОКГ далеко не ограничивалась только современным искусством. Имея сравнительно небольшие экспозиционные площадки в Шаламовском доме, в сотрудничестве с близлежащими музеями, личными коллекциями и библиотеками сотрудники галереи Л. Г. Соснина, Л. В. Кербут, Е. А. Коновалова и другие специалисты постепенно выработали особую программу очень содержательных камерных персональных и тематических художественно-исторических выставок, посвященных именам, образам и явлениям классического искусства. Специальные выставочные программы силами С. М. Корбаковой, Н. Ю. Шашериной, М. И. Мурашевой и их коллегами осуществлялись и в «Доме Корбакова», и в Мемориальной мастерской А. В. Пантелеева. И везде были многочисленные, заинтересованные и всё понимающие зрители. Значит, наша работа была нужна, и она будет продолжаться дальше в старых и новых стенах картинной галереи.

Коллекции и коллекционеры

Каждый музей имеет особую историю своих коллекций. Многие из них основывались на генеральных базисных собраниях тех или иных меценатов, приобретателей, вкладчиков, на государственных вложениях. Мне посчастливилось довольно значительно извне обогатить фонды Вологодской картинной галереи на рубеже XX и XXI веков, так как местные ресурсы пополнения художественными редкостями всегда были единичны и более всего связаны с региональным материалом современного периода.

Работа с коллекционерами необычайно интересна, занимательна, но и трудна. Она развивается очень неспешно, основывается на музейных знаниях, взаимной симпатии и полном доверии друг к другу.

Конечно, если у музея есть большие деньги, то можно приобретать нужные произведения на выбор спокойно и уверенно через закупочные комиссии, аукционы и распродажи, антикварные магазины. У нас же всегда денежное довольствие на приобретение картин или гравюр было крайне ограниченным, а последние десятилетия оно отсутствовало вовсе. По этой причине мы не смогли вовремя получить многое из того, что могло бы составить позднее нашу галерейную гордость. Сегодня мы никак не можем конкурировать со всё более активными частными коллекционерами классического и современного искусства, которые платят, не скупясь, строят новые музейные залы, делают выставки, издают каталоги, создают комфортные условия для общения с искусством. И всё-таки удалось немало сделать, основываясь только на благоприятных личных контактах и патриотичной, государственнической позиции целого рода известных собирателей и наследников художников.

Остановлюсь только на нескольких историях, которые и в наши дни вспоминаются с благодарностью. Так в фонды галереи поступили сотни замечательных русских и зарубежных гравюр XVII–XX веков из бывшего собрания ленинградцев Марины Валентиновны и Якова Давыдовича Гликиных. К ним в дом я попал ещё будучи студентом университета благодаря С. С. Шерман из Русского музея и бывал там регулярно, около двадцати лет, пока хозяева этой особенной квартиры были живы. Кое-что мы там покупали в фонды в 1980–1990-е годы, но большая часть материалов поступила от них безвозмездно, уже по завещанию. Это собрание формировалось ещё в 1920-е — 1930-е годы отцом Марины Валентиновны, Валентином Ивановичем Трапицыным, выходцем из большой священнической семьи в Сибири, ставшим позднее профессором Политехнического института в Петрограде-Ленинграде. То была удивительная интеллигентнейшая семья, жившая исключительно научными и духовно-творческими интересами. Марина Валентиновна до конца жизни работала в известном Физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе, была связана с разработкой противораковых препаратов. А Яков Давыдович после войны был главным архитектором пригородов Ленинграда — Пушкина и Павловска, много проектировал и строил. Они жили в небольшой двухкомнатной квартире с маленькой кухней и прихожей на первом этаже старого дома на улице Фурманова рядом с Невою, Летним садом и Художественно-промышленной академией имени А. Л. Штиглица. Стены дома были декорированы синими старинными обоями, везде — мебель красного дерева; в этом небольшом пространстве не было ничего лишнего, бытового, но как-то размещался классический рояль. В традициях дома были званые обеды по воскресеньям или субботам, как того позволяло время хозяев и гостей. Все усаживались в гостиной-столовой за большой круглый стол под люстрой с абажуром. А потом, после обильной трапезы начиналось рассматривание гравюр. Так как это были огромные папки с листами офортной бумаги большого формата, то они раскладывались или на рояле, или прямо на паркетном полу. Гликины старались всю коллекцию сохранить дома и очень долго ничего никому не отдавали. Это была часть их жизни. Их радость. Источник наслаждения и интеллектуального восторга. А какие имена были представлены! В русском разделе доминировали почти полные подборки гравюр И. Шишкина, В. Матэ, Л. Дмитриева-Кавказского, В. Боброва, М. Рундальцева, гравированные и литографированные альбомы художников Серебряного века и 1920-х годов. А какие прекрасные западные гравюры висели на стенах, лежали в папках и альбомах! Пиранези и Бартолоцци, Волпато и Р. Морген, Дебюкур и Декурти, литографии Гаварни. Моё восхищение раз и навсегда вызвал уникальный альбом французских гравированных портретов XVII–XVIII веков, который попал в Эрмитаж, так как мы такое сокровище, естественно, «потянуть» не могли. Но всё-таки большая часть этого собрания в конце концов попала в Вологду, наряду с Эрмитажем, Русским музеем, Петергофом, музеями в Казани и Перми. Отдельные работы из гликинской коллекции мы регулярно показывали на тематических выставках, но многие произведения ещё ждут своего часа. Моей всегдашней мечтой было увидеть выставку гравированных портретов из этого собрания «Россия в лицах», ибо на ней могли бы быть показаны редчайшие портреты всей отечественной элиты начала XX века от Дмитрия Менделеева, Сергея Витте и Петра Столыпина до последних представителей династии Романовых. И всё это есть сегодня в фондах галереи.

Отдельные уникальные работы В. Серова, З. Серебряковой, Н. Кульбина, В. Ходасевич, Н. Калмакова, В. Замирайло поступили в Вологодскую картинную галерею из собрания ещё одной старой санкт-петербургской семьи Г. А. и Н. С. Кук в 1980-е годы. К «Кукам», как у нас говорили, я попал по семейному знакомству. Во время войны Густав Антонович, профессор Ленинградского холодильного института, заслуженный деятель науки РСФСР, находился в эвакуации и преподавал у нас в Молочном институте под Вологодой, где в разное время учились и работали многие мои родные. Я знал последние годы только Надежду

Сергеевну Кук, когда ей было уже за восемьдесят. Она уже не выходила из дома, мы подолгу разговаривали с ней в большой комнате, где на стенах висели картины близких и знакомых ей художников — Б. Кустодиева, З. Серебряковой, Е. Лансере, А. Остроумовой-Лебедевой. В шкафах среди старого фарфора позванивали часы, на столе лежали французские исторические романы, которые она любила перечитывать. Надежда Сергеевна заканчивала Бестужевские курсы. К ним, курсисткам, приезжали выступать ещё совсем молодой С. Есенин и Н. Клюев. И сегодня в хрониках русского Серебряного века мы иногда встречаем фамилию Куков: они покупали и заказывали картины и рисунки, ходили в артистические кабаре.

Мне так хотелось приобрести что-то очень важное из этого собрания для галереи, но при Надежде Сергеевне ничего со стен не продавалось, а позднее у нас уже не было денег: произведения стали выставляться на аукционы. То, что удалось всё же получить, лежало на полках или стояло за шкафами, так как старые веревки для развески со временем перетянулись. Мне сказали: «То, что упало со стен, то твоё». Мне особенно дороги редчайшие графические работы Николая Кульбина, приват-доцента Петербургской военно-медицинской академии и художника-футуриста. Только представьте себе — литографии 1913 года с портретами писателя Леонида Андреева и поэта Велимира Хлебникова, художника Давида Бурлюка, режиссёра Николая Евреинова, а также оригинальный, сделанный явно с натуры эскиз портрета вождя итальянских футуристов Маринетти, бывшего в 1914 году в Петрограде и Москве. Когда я принёс в Русский музей Е. Ф. Ковтуну показать «кульбинского рисованного Маринетти», тот буквально не поверил своим глазам, так как литографированная версия этого портрета была только в Берлине в Германии, а рисуночного варианта никто не знал.

И ещё один развернутый сюжет-воспоминание о наследниках русских художников эпохи Серебряного века. В 1970-е — 1980-е годы в Ленинграде да и в Москве, к счастью, можно было приобрести для музеев очень хорошие коллекции отечественного искусства начала XX века. Мода на эту эпоху ещё только-только начиналась, многие имена и целые художественные объединения были ещё под запретом. Надо было действовать! Сейчас я очень жалею, что не удалось приобрести так много, как бы хотелось, но не позволяли наша музейная бедность и непонимание со стороны отдельных членов научного коллектива галереи. Тогда ещё в ходу были жалобы в вышестоящие инстанции, на всё неординарное и не входящее в традиционную схему «социалистического реализма» навешивались идеологические ярлыки. И всё же... Также благодаря поддержке сотрудников Русского музея я попал в квартиру наследников известного художника, музейного работника и искусствоведа довоенного Петербурга-Петрограда-Ленинграда Всеволода Владимировича Воинова. Думаю, что его вклад в русскую культуру ещё до сегодняшнего дня практически не оценён. Я попал во двор типичного большого доходного дома на Литейном проспекте. Меня встретила внучка художника и сразу провела во внутреннюю комнату со шкафами, предложила самому смотреть всё, что там есть. Вот радость музейщика-собиранья! Казалось, что там до меня никто из специалистов ещё не был: огромное собрание рисунков и гравюр художника разных лет, включая и сами гравированные доски; гравюры и рисунки его друзей и коллег.

Воинов имел обычай обходить творческие мастерские современных ему мастеров и почти всегда получал в дар новые работы. Всё это хранилось в специально согнутых и подписанных листах бумаги: «кто, что, когда». Да это целый клад для знатока и исследователя! Мне прямо захотелось погрузить всё это бесценное сокровище вместе со шкафами и перенести на ковче-самолете в Вологодскую галерею. Но не получилось. Я несколько раз отбирал работы, думая о том, чтобы они «без сучка и задоринки» прошли через закупочную комиссию галереи или частично были подарены нам. На основе этих работ я уже в 1981 году сделал персональную выставку работ художника в цокольном этаже Воскресенского собора. Мне хотелось и дальше пополнять фонды галереи из «воиновского дома», но тут случилось несчастье, началу чего мне пришлось быть невольным свидетелем. Правнук В. В. Воинова, этого вдумчивого и обаятельного деятеля искусства Серебряного века, после окончания медицинского училища был призван в армию и направлен на службу в заполярный Алакуртти Мурманской области. Там он и погиб в разгуле дедовщины. По крайней мере, так мне рассказывали. Это произвело на всех очень тягостное впечатление. Казалось, что на глазах гибнет сама культура. Елена Александровна Зоммер (Воинова) надолго уехала после этого из Ленинграда, так наши пути в дальнейшем и разошлись. А я по сию пору вспоминаю тот дом, ту сказочную комнату со шкафами, наполненными прекрасными произведениями отечественного искусства первой трети XX века.

Всё в этом мире взаимосвязано. Через Е. А. Зоммер и С. С. Шерман я получил доступ к другим наследникам больших и малых мастеров эпохи русского Серебряного века, куда не особенно-то кого и пускали.

Через О. Н. Сошалскую, племянницу художницы в галерею поступило довольно большое собрание графики такого редкого и поэтичного мастера, работавшего в Париже и Санкт-Петербурге, как Е. С. Кругликова. Постепенно в галерее сложилось целостное собрание работ интереснейшей художественной семьи Бенуа-Лансере-Серебряковой, которое показывалось недавно на выставках, подготовленных Л. Г. Сосниной, в Вологде, Череповце и Москве. Аquareли архитектора и графика Николая Евгеньевича Лансере я привез из Ленинграда от его дочери Натальи Николаевны. Большое собрание рисунков и аquareлей Зинаиды Евгеньевны Серебряковой мне удалось получить от её сына, архитектора Евгения Борисовича, а после его смерти дополнительно — через отдел русского рисунка ГРМ благодаря помощи заведующей отделом русского рисунка Л. П. Рыбаковой.

Нельзя пройти мимо и нескольких особенных коллекций живописи и графики XX века, каждая из которых имела свою историю поступления в Вологду. Пожалуй, начну с собрания известного ленинградского мастера довоенного периода Николая Андреевича Тырсы. Так случилось, что художник во время войны был вывезен из блокадного Ленинграда в Вологду, где погиб и был похоронен в братской могиле. Позднее мы силами галереи установили памятную плиту на месте его предполагаемого захоронения в Мемориальном комплексе погибших ленинградцев на Пошехонском кладбище. Долгое время дочери художника, Анна Николаевна и Мария Николаевна, хотели связаться с нами и сделать выставку работ своего отца в Вологде. И вот в начале 1980-х годов наша первая встреча состоялась. Я с большим волнением ехал к сестрам Тырса в их совместную квартиру на Большеохотинском проспекте. И не напрасно. Анна Николаевна, искусствовед по образованию, тогда ещё работала редактором в издательстве «Художник РСФСР» и была поначалу очень недоверчива и строга. Она устроила мне подлинный профессиональный экзамен: «что я знаю и понимаю». Постепенно её сердце смягчилось, и мы нашли общий язык. Начали смотреть картины на стенах и графические работы в папках. Постепенно, год за годом, шаг за шагом, мы всё больше стали доверять друг другу, и я стал перевозить в Вологду отдельные живописные и графические работы Тырсы (аquareли, рисунки графитным карандашом и ламповой копотью). Ныне после Русского музея такой цельной подборки работ художника нет больше ни в одном музее России.

В 1982 и 1992 годах были организованы в нашей галерее две персональные выставки произведений Тырсы, которые готовила Марина Вороно. На первую выставку вместе с дочерьми художника приезжали сын Анны Василий, который вскоре надолго уехал в Америку, и известный искусствовед и коллекционер, автор большой книги о Николае Андреевиче Б. Д. Сурис. В связи с этим не могу не вспомнить несколько деталей. Даже в то, почти предпрестроечное время, творчество Тырсы вызывало своей смелостью явно неоднозначную реакцию: кто-то был «за», кто-то «против». Ведь большинство работ художника на французский манер было посвящено полуобнаженным или вовсе не одетым женщинам. На первой выставке мне было предложено убрать одну из самых откровенных работ с формулировкой: «А что скажут школьники? Ведь у неё всё изобрано...» Кое-как этот инцидент удалось замаять. А художники и любители искусства были очень рады увидеть такие свежие, раскрепощенные и художественно-откровенные работы. И после вернисажа мы всей большой компанией организаторов и гостей выставки отправились на посиделки в творческую мастерскую Я. Ю. Крыжевского в доме с мансардами у пристани. Тогда я подружился с Б. Д. Сурисом и, будучи в Ленинграде, по вечерам приходил к нему домой просматривать его обширную графическую коллекцию. Жаль только, что после его смерти эта коллекция «пропала»: была, вернее всего, вывезена за пределы России.

Постепенно Тырсы стали показывать и другие работы, хранившиеся у них. В середине 1990-х годов они стали бережно выносить из тёмной комнаты цветные листы гуашью и аquareлью ещё неведомого мне художника 1920-1930-х годов Алексея Успенского. Эти работы меня буквально потрясли своей солнечностью, аquareльной свежестью и романтичностью. Оказалось, что они хранились у Тырса с ноября 1941 года, когда художник погиб при артобстреле своего дома в Ленинграде, и больше их практически никто не видел. Многие листы были оформлены в бумажные паспарту для готовившейся перед войной, но не состоявшейся выставки в Русском музее. В бумаге послышалось какое-то шуршание. Анна Николаевна пояснила, что это остатки штукатурки от разбомбленного дома Успенского. Так само время входило в нашу меняющуюся музейную жизнь. Видя мой неподдельный интерес к творчеству Алексея Александровича Успенского (1892-1941), сестры Тырса в конце 1998 года выразили желание передать всё творческое наследие Успенского, а это около восьмисот графических и живописных произведений, безвозмездно в дар Вологодской картинной галерее. А весной 1999 года мы с коллегами перевезли этот бесценный дар в Вологду.

Так началась новая, уже посмертная жизнь этого интереснейшего ленинградского художника первой половины XX века. Его работы мы стали экспонировать у себя, в Вологде; на выставках в московской галерее «Ковчег». А весной 2007 года в Москве, в «Галеев-Галерее» в Большом Козихинском переулке, состоялась первая персональная выставка живописи, рисунка и дизайна А. А. Успенского с изданием большого иллюстрированного каталога, построенная почти исключительно на нашем вологодском музейном материале. Так друзья и единомышленники, художники Тырса и Успенский, получили свою постоянную прописку на хранение и долгую творческую жизнь из Ленинграда в Вологде.

Есть в составе фондов Вологодской областной картинной галереи особая тематическая коллекция, которая не получила пока своего достойного общественного признания. Как говорится, всё ещё впереди. Она не для всех и не для каждого, но может быть нужна постоянно при подготовке той или иной культурно-исторической выставки. С этой коллекцией надо серьезно и вдумчиво работать: её нужно знать. Я имею в виду уникальное собрание живописи и графики Игоря Гавриловича Мямлина «Портреты и автопортреты русских художников XX века», которое включает в себя около четырехсот больших и малых портретных изображений, как говорится, от «а» до «я». Что же это такое? Откуда? Игоря Мямлина хорошо знали практически все художники, искусствоведы и коллекционеры Ленинграда и окрестностей второй половины XX века. На пике своей карьеры он заведовал кафедрой истории искусства ЛВХПУ им. В. И. Мухиной (теперь — Художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица). Через его профессорские руки прошло не одно поколение и ленинградских, и общероссийских, и зарубежных художников. Мямлин писал книги об известных мастерах русского и советского искусства В. А. Фаворском, В. И. Шухаеве, М. Н. Пикове, А. И. Лактионове, Ю. М. Непринцеве, был активным участником многочисленных художественных и библиофильских объединений и клубов. Он мне запомнился человеком сильным и страстным, немного прямолинейным, за что его не очень любил официоз, но четко отстаивавшим идеи и идеалы русской-советской демократической художественной школы. Игорь ни перед кем не заискивал, ничего не покрывал лаком искусствоведческой лести, а любил трудяг-художников и очень многим старался помочь. Из этой среды постоянного общения с друзьями и коллегами по миру искусства и родилась его идея специальной коллекции, которую он собирал с 1950-х годов до конца своей жизни в 2011 году. Что-то Мямлин покупал из старого материала, но более всего получал в дар, выбирал на выставках и в мастерских.

Вся его большая старая петербургская квартира на Среднем проспекте Васильевского острова была наполнена портретами живописцев, графиков, скульпторов, архитекторов, то есть людей творческого цеха — от уже ушедших мастеров и ветеранов до студенческой молодёжи. Живопись висела на стенах, рисунки и гравюры лежали в папках или в рулонах на столах, на шкафах, за диваном. И о каждом портрете он многое мог рассказать. Да зачастую он своей рукой делал пояснительные надписи на оборотной стороне листов, или сами дарители-авторы запечатлевали специальные посвящения. Для вдумчивого музейщика-исследователя — это целый клад сведений о современной художественной жизни.

В конце XX века И. Г. Мямлин решил передать безвозмездно свою коллекцию какому-нибудь провинциальному музею. Он говорил и писал так: «Сознательно пишу слово Провинция с большой буквы, ибо считаю, что она — огромная, далёкая и близкая — та земля, которая породила и Москву, и Петербург. Не только породила, но и возвысила, да и не раз спасала в годы бедствий и смут». Он ставил только одно условие — издать полный каталог всей коллекции. Многие музеи хотели заполучить это собрание, но ничего для этого не предпринимали. И только я из Вологодской картинной галереи сказал своё веское слово «да» и издал каталог в 2004 году. На обложку поместил книжную иллюстрацию столь любимого Мямлиным В. А. Фаворского 1923 года «Ноев ковчег». Таким ковчегом спасения, дружеской пристанью в бурном море бушующей современности и был для очень многих дом и собирательский интерес Игоря Гавриловича. А как он радовался, когда я привез ему часть тиража каталога, изданного не очень богато, но подготовленного на самом серьезном уровне. Он раздавал каталог своим дарителям и продолжал комплектовать свою коллекцию уже напрямую в фонды нашей картинной галереи. Вот из таких уникальных собраний, имеющих своё неповторимое происхождение, и складывалась десятилетиями необычная, очень своеобразная коллекция «Вологодской Третьяковки».

Издания и издатели

С особенным волнением я берусь сегодня вспоминать и размышлять об издательской деятельности Вологодской областной картинной галереи. Как много было сделано! А сколько ещё не издано, не завершено

и находится в процессе подготовки. Ведь всего именно в Вологде за все годы существования галереи было отпечатано около 500 самых разных материалов по изобразительному искусству. Начиная от простеньких, но информативных буклетов-приглашений на выставки, иллюстрированных буклетов небольшого объема, каталогов выставок и коллекций, альбомов и заканчивая объемными каталогами региональных, всероссийских и международных экспозиций, сборников статей и материалов, монографических изданий о творчестве вологодских художников. А ещё — галерейные журналы «Хронограф», «Вестник» и «Вернисаж», многочисленные «летучие» издания в форме приглашений, абонементов, программ. Всего не перечесть!

Я не думаю, чтобы ещё какой-нибудь другой провинциальный художественный музей так много издавал материалов о своей деятельности. И дело здесь не в каких-то плановых заданиях. Как раз наоборот. Сколько я слышал от местного руководства вопросов и сомнений в целесообразности этой внешне не престижной и не всем понятной деятельности. Как-то раз начальник управления культуры П. Н. Алферьев, потрясая в воздухе очередным галерейным каталогом, саркастически воскликнул: «Вот куда уходят наши советские народные деньги!» А другая ретивая начальница меня корила за то, что издавая иллюстрированные каталоги иногородних художников, мы сознательно уводим средства из областного бюджета. А сколько материалов из-за отсутствия денег так и осталось неизданными, даже не подготовленными, так как их не поддержало руководство, считая, что теперь это никому не нужно, что «такое» никто не читает и не использует. Но мы в галерее всегда понимали, что хорошо подготовленный и отпечатанный материал — это не только научный и информационный музейный документ, а художественное лицо нашей эпохи, интеллектуальная и духовная пища современности, наша связь с окружающим творческим миром. Проходят годы, десятилетия и мы по этим бумажным материалам восстанавливаем процесс культурной жизни региона и страны, лучше понимаем наши достижения и неудачи, облагораживаем и сохраняем сами себя, держа в руках деликатно и умно подготовленный книжный сборник. И очень жаль, что в последние годы издательская продукция галереи, как и большинства региональных музеев страны, становится всё менее объемной и разнообразной, является лишь событийной, но не фундаментальной. Как будто драгоценнейший песок знания и памяти распыляется в наших руках: и ничего духовно-вещественного не остается, всё меньше становится оснований для верного суждения о ранее сказанном и сделанном.

На страницах этих воспоминаний я не в силах в полном объёме раскрывать библиографическое описание всех изданий галереи, что частично уже было сделано мною в журнале «Хронограф» в 2014 году, а остановлюсь только на том, что зачастую остаётся за кадром: когда и как готовились основные музейные публикации, как они выходили в свет, что реально принесли людям. По большей части я буду опираться на свой издательский опыт, никоим образом не умаляя достоинств других сотрудников галереи в этой сфере, так как у каждого публикатора есть свои истории.

Впервые непосредственно с вологодской издательской практикой я столкнулся в 1985 году, когда готовил персональную, уже посмертную, выставку наших замечательных графиков Г. Н. и Н. В. Бурмагиных. Захотелось всё сделать хорошо, на каком-то ином, более высоком уровне. Изготовили новые деревянные рамы для оформления работ, которые, кстати, до сих пор ещё в ходу. В апсиде собора стены перетянули крашеной под терракоту холстиной, чтобы создать атмосферу творческой мастерской, поставили там мемориальную мебель. Но главное, надумалось издать полный каталог всего творческого наследия художников в максимально полном объёме. Я понимал, что если это не сделать сейчас, то уже никто и никогда всех работ не соберет. Составлял списки произведений, уточнял датировки, всё выверял по изданным книгам с их иллюстрациями. Делал роспись всех художественных выставок, на которых экспонировались работы Бурмагиных, составлял список литературы о их творчестве. Думаю, что это был на тот момент наиболее полный каталог, посвященный творчеству современных вологодских художников. Да ещё обстоятельная вступительная статья и обширный альбом иллюстраций, отпечатанных кроме обложек с оригинальных авторских досок.

Вместе с художником-дизайнером С. М. Иевлевым мы придумали необычный, оригинальный макет, состоявший из двух тетрадей и единой суперобложки. Но как всё это осуществить в печати? Сейчас в подобную тяготию даже трудно поверить, но тогда каждое необычное издание превращалось в сложнейшую проблему. Приходилось думать не столько о художественных изысках, а о решении насущных организационно-хозяйственных проблем. Сначала нужно было где-то достать бумагу для печати (или в рулоне, или в больших листах) и завезти её на склад. А типографская бумага, как стратегическое сырьё, нигде в те годы свободно не продавалась: её можно было получить только по строго лимитированным фондам.

Значит, надо было опять просить, «выбивать», менять один сорт на другой, так как нам нужна была именно мелованная бумага: тонкая и толстая. Затем предстояло убедить начальство включить каталог в план областной типографии, так как такой малотиражный, да ещё художественный заказ ей был невыгоден. А самое главное, предстояло «залитовать» макет и все материалы, то есть пройти через цензуру. Вот тут и началось!

Оказалось, что управление культуры подобное издание само разрешить не может, а «обллит» отказывается. Тогда меня послали лично объясняться в областной комитет по охране государственных тайн в печати. И вновь, как после завершения университета, я попал на строгую женщину в коричневых сатиновых нарукавниках. Она мне сразу сказала, что «ничего нам издавать нельзя», что это «не положено делать просто так», что она вообще «устала» и «завалена каждодневной работой». И вот тот словесный перл, который я запомнил на всю жизнь: «И поди разберись со всеми вами: вот вчера принесли книжку «про собак», а сегодня про каких-то «бурмагиных»». Но после этих грубых эскалад она всё-таки смилоствилась и поставила на макет свою большую печать, а потом П. Н. Алферьев в управлении культуры «залитовал» все иллюстрации, и я понёс рукопись в РИО Упрполиграфиздата. И в типографии всё-таки удалось в память о художниках уговорить одну пожилую печатницу оттиснуть иллюстрации в каталоге прямо с авторских досок на старой машине-«американке». И каталог вышел в свет. Сегодня это — библиографическая редкость, которая нужна каждому собирателю гравюр и тем более коллекционеру экслибрисов. Затем этот каталог был повторён в Москве на выставке Бурмагиных в Выставочном зале Союза художников РСФСР на тогдашней улице Горького, но уже с простой цинкографической печатью и обыкновенным серийным макетированием. Я задумал даже целый цикл подобных двухтетрадных, объёмных каталогов, но осуществил ещё только два в 1988 году: «Анатолий Терентьевич Наговицын» и «Владимир Корбаков. Мои современники». Первый из них уже не использовал авторских досок, так как типография «не захотела», а второй при обычной тоновой высокой печати вообще потерял всякое качество воспроизведения иллюстраций. Но тексты остались и не утратили своей актуальности и сегодня.

Долгое время наша издательская продукция была лишь чёрно-белой, а потому мало общего имела с самими произведениями искусства. Исключение составляли лишь ранние каталоги гравюрных и экслибрисных выставок с использованием печати с оригинальных авторских досок, что практиковалось С. Г. Ивенским в 1960-е — 1970-е годы. Настоящим праздником для всех нас стал выход в издательстве «Художник РСФСР» в Ленинграде в твердом переплете большого цветного иллюстрированного альбома о коллекциях галереи в 1989 году. Да ещё комплекты цветных открыток, выпущенные издательствами «Аврора» и «Советский художник». Отдельные цветные альбомы и буклеты о творчестве вологодских художников печатались в московских издательствах «Галарт», «Московская правда», «Моя Москва», но подлинный и качественный издательский бум начался в Вологде лишь с появлением полноцветной книжной продукции издательства «Арника» под руководством сначала А. А. Гетманского, а потом Ф. А. Суханова.

Новая эра в истории книгоиздательского дела картинной галереи наступила в 1997 году, когда в издательстве «Арника» в Вологде был выпущен в свет цветной альбом о творчестве тогда ещё заслуженного художника РСФСР Владимира Корбакова «Избранное». Это позднее он стал и народным художником России, и действительным членом Российской академии художеств, и почётным гражданином города Вологды. Такими высокими творческими званиями он был обязан всё же не только своим собственным живописным достижениям, но в той или иной степени и высококлассной и обильной издательской продукции, подготовленной его друзьями и коллегами. Ведь товар надо было показывать лицом: как его распишешь и распечатаешь, так он и пойдёт.

Я помню этот день в картинной галерее. В верхнем зале Воскресенского собора при большом стечении публики шло торжественное открытие юбилейной выставки к 75-летию В. Н. Корбакова. И вот состоялся главный сюрприз: к концу вернисажа в зал принесли только что полученный из печати в Санкт-Петербурге каталог выставки. Такого ещё в Вологде не бывало — большой формат издания, хороший дизайнерский макет, качественное воспроизведение цветных живописных и чёрно-белых графических произведений. По-моему, все были просто счастливы и передавали альбом из рук в руки. Новым был и состав издателей и заказчиков: просто — Вологодская областная картинная галерея и благотворительный «Фонд Корбакова». Мне легко и радостно работалось над этой книгой. Не было никакой цензуры, не надо было себя ограничивать ни в чём: были только автор-составитель и сам художник. Вместо ручного макетирования всё

делалось дизайнером Дмитрием Воронцовым прямо на компьютере — внимательно обсуждалось, правильно и согласовывалось. Получилось настоящее произведение полиграфического искусства.

А дальше, прямо как из рога изобилия, посыпались новые и новые издания. Мне всегда хотелось создавать не просто единичные печатные публикации, а целостные блоки, смонтированные по единым принципам. Так на основе первого «корбаковского» альбома в 1998 году я подготовил в серии «Вологодские художники» цветные иллюстрированные каталоги «Владислав Сергеев» и «Александр Шебунин», оформленные «Арником» и отпечатанные в Санкт-Петербурге. Позднее мною и коллегами по картинной галерее Ириной Балашовой, Любовью Сосниной, Светланой Корбаковой, Елизаветой Коноваловой и Юлией Горельковой была выпущена в «Арнике» целая библиотека альбомов, каталогов и книг о творчестве ведущих вологодских художников Владимира Корбакова, Джанны Тутунджан, Александра Пантелеева, Михаила Копьева, Евгения Соколова, Олега Пахомова, Владимира Латынцева, Евгения Молева и других авторов. Постепенно появились книги в твёрдом переплёте, полностью оформленные и отпечатанные в Вологде. Я думаю, что ни один региональный художественный музей в России не издавал так много и так качественно материалов о современном изобразительном искусстве своего края, как это делала Вологодская картинная галерея.

Постепенно вызревало желание издать обобщающую солидную книгу о творчестве большинства художников Вологодской области по всем основным специализациям: живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное, народное и храмовое искусство. Да, сохранялись ранее изданные книги о художниках-вологжане А. Н. Мунина, В. С. Железняк и Л. Ф. Дьяконовична, О. П. Вороновой, но они были написаны на материалах своего времени и во многом устарели, тем более что не имели развернутого справочного библиографическо-библиографического материала. А без достойной книги теперь было трудно представлять достижения областной организации Союза художников на межрегиональном и общероссийском уровне. Чтобы при составлении такого сборника избежать конкуренции и вкусовщины под моим научным редактированием в галерее сформировалась рабочая группа в составе всех на тот момент ведущих специалистов. Постепенно определился персональный состав представленных в альманахе 2007 года ведущих художников Вологодской области XX века в количестве 150 авторов. В среде живописцев не обошлось без споров и последующих обид, но всё-таки консенсус был найден. Появилось принципиально новое издание картинной галереи: обширная вступительная статья, самый полный на тот момент альбом иллюстраций — по странице или даже развороту на каждого автора, подробные биографии и фотографии всех мастеров, развернутый библиографический раздел. Работа над столь масштабным альманахом «Художники Вологодской области XX века» и в галерее, и в издательстве «Арника» шла довольно долго и велась тщательно, ведь надо было отнять большой иллюстративный материал не только в Вологде, но и в Череповце, Великом Устюге и Тотьме. А собрать по единой схеме биографические сведения, получить от художников их фотографии и ничего не перепутать — также дело нешуточное. Но всё получилось славно, и сегодня этот альманах-альбом продолжает оставаться своего рода визитной карточкой изобразительного искусства области и представлен в большинстве крупных библиотек страны.

Всё же самым моим любимым и ценным книжным детищем является биобиблиографический словарь «Художники Вологодской области XX — начала XXI века», изданный в «Арнике» в 2011 году. Без всяких оговорок, он был составлен на уровне лучших отечественных словарей подобного рода, коих очень немного. Думаю, что это — настольная книга для всех специалистов и любителей творчества художников-вологжан. Впервые воедино было опубликовано 518 биографий мастеров изобразительного искусства как родившихся и постоянно работавших в крае, так и приехавших из других регионов и творчески реализовавших себя на Вологодчине. Издание было подготовлено на основе государственного гранта Вологодской области в сфере культуры, в чём нам организационно помог председатель соответствующей комиссии, тогдашний первый заместитель губернатора области, сам страстный коллекционер и знаток искусства И. А. Поздняков. Выпуск словаря столь высокого научного уровня стал возможным благодаря многолетней целенаправленной работе всего коллектива научных сотрудников и специалистов картинной галереи по комплектованию, хранению, изучению, экспонированию и презентации художников края.

В процессе работы над словарём были не только уточнены и дополнены ранее имевшиеся материалы, но для сбора новых сведений были организованы командировки в районы области, осуществлялась тесная совместная работа с Вологодским и Череповецким региональными отделениями ВТОО «Союз художников России», творческим объединением художников Великого Устюга «Гледен», с архивами, музеями,

библиотеками, органами управления и учреждениями культуры и искусства многих муниципальных районов области, краеведами, коллекционерами, любителями изобразительного искусства. Немалую роль в разыскании необходимых данных для восстановления биографий забытых ныне художников старшего поколения сыграла организатор научно-творческого архива картинной галереи Н. М. Дьяконицына. Конечно, за прошедшее время сделано довольно много правок в моем рабочем экземпляре словаря: кто-то из старых авторов не был изначально включён в список художников; как писал А. С. Пушкин, «иных уж нет, а те далече...», но появилось много новых имён. Возможно, что в будущем кто-то возьмет на себя смелость и ответственность по переизданию словаря с учётом новейших правок и дополнений. Такая книга очень нужна самому широкому кругу пользователей.

Признаюсь, что я уже давно задумал продолжение словаря художников под несколько иным видением этой темы «Деятели изобразительного искусства Вологодской области XX — начала XXI века. Биобиблиографический словарь», даже начал собирать первичную картотеку. В это новое издание могли бы войти материалы о всех тех подвижниках и энтузиастах, кто всю жизнь работал и продолжает трудиться на ниве изобразительного искусства Вологодчины. Это — искусствоведы и музейные работники, реставраторы, меценаты и собиратели произведений художественного творчества. Надеюсь, что и этот проект будет рано или поздно осуществлён новыми поколениями работников картинной галереи с учётом уже накопленного нами большого исследовательского и издательского опыта.

Постепенно выставочная и издательская деятельность картинной галереи стала более заметной в общем контексте межрегиональных и общенациональных творческих программ. С 2000-х годов на базе пусть и скромных, но обихожённых помещений галереи всё чаще стали реализовываться крупные художественные проекты с большой издательской программой. Всё началось с материалов девятой региональной художественной выставки 2003 года «Российский Север». Мне захотелось поработать над ним не в стиле тех дежурных отчетно-информационных каталогов-инвентарей, которые обычно выпускались, но выполнить некую сводную научно-музейную задачу по сбору и анализу всей информации о современном искусстве областей и республик Северо-Запада России. В связи с выставкой впервые был издан в «Арнике» целый комплекс печатных материалов: буклет среднего формата с презентацией истории и новейшего состояния каждого регионального Союза художников, буклет большого формата с анализом творческого своеобразия искусства каждого края, богато иллюстрированный каталог выставки с фотографиями и биографиями всех её участников. Такого ещё не бывало! Я запросил по своей собственной инициативе через оргкомитет выставки все девять региональных отделений Союза художников прислать необходимые материалы как от председателей союзов, местных искусствоведов, так и от каждого художника. Путём новаторского, неформального подхода к всесторонней публикации самых разных документов и многочисленных иллюстраций как репродукционного, так и событийного плана, мы создали образно-вдохновляющую своего рода печатную инсталляцию этого важнейшего проекта. Тут всё видно — как идёт творческая жизнь на Российском Севере, кто и над чем работает, как готовилась и проходила выставка именно в Вологде. Оригинальный дизайн С. М. Иевлева, качественное оформление в издательстве «Арника», хорошая печать в типографии «Иван Фёдоров» в Санкт-Петербурге вкупе с серьёзными искусствоведческими и документальными материалами сделали этот комплексный издательский проект лучшим среди российских регионов. Его материалы актуальны и сегодня.

Успех издательского проекта региональной выставки был закреплён в 2006 году научно-полиграфическим обеспечением проведения в картинной галерее III Всероссийской художественной выставки пейзажной живописи «Образ Родины». Признаюсь, что в Москве, в Правлении Союза художников России сначала с явным недоверием отнеслись к нашим затеям, ведь там была своя штатная команда дизайнеров-рекламщиков. Первоначально заказ разместили именно среди своих москвичей: они даже получили за это деньги. Но то, что было сделано, меня никак не удовлетворило — это был вчерашний, даже позавчерашний день оформления с какими-то завитками и крендельками на унылом серо-коричневом фоне. А нам хотелось создать светлый, лиричный и торжественно-приподнятый образ своей Родины. Всё, от афиши двух типов, пригласительного билета, рекламных баннеров до каталога выставки и сборника материалов научной конференции, было стильно выполнено дизайнером С. М. Иевлевым, оформлено в издательстве «Арника» и впервые отпечатано в Вологде в типографии «Полиграфист». Успех каталога был настолько велик, что пришлось нам допечатывать второй тираж. Московский живописец С. А. Гавриляченко мне рассказывал, что перечитывал статью в каталоге прямо в электричке, а художник Д. В. Журавлев из Великого Новгорода

долго рассматривал цветной баннер перед выставкой на Кремлевской площади и удивлённо спрашивал меня, а кто и как это так качественно напечатал. Вновь был создан единый комплекс художественно-выставочных и музейно-искусствоведческих материалов, в печатной форме запечатлевший для истории искусства всей страны важный этап соединения традиций и новых подходов в современной пейзажной живописи. Резонанс от выставки в Вологде был настолько велик, что она в несколько расширенном составе, но с участием всех картин из фондов нашей галереи, была на следующий год повторена в Москве, в Центральном Доме художника на Крымском валу.

По полной издательской программе была в 2008 году проведена в Вологде в залах картинной галереи Всероссийская художественная выставка «Современное народное искусство России. Традиции и современность». Безусловно, нам было очень трудно конкурировать с ведущими центрами развития, изучения и хранения произведений народных художественных промыслов России в Российской академии художеств, Союзе художников России, Государственном Русском музее, в музеях и местах бытования промыслов из Подмосковья, Поволжья и других регионов страны. Ведь народное искусство — не основной наш профиль, а я вообще впервые координировал творческий проект такого направления. Поначалу нам просто не доверяли и скептически оценивали все галерейные предложения. А в результате мы получили искреннюю благодарность от самих народных мастеров и тихое безмолвное удовлетворение со стороны главных столбчатых кураторов. Мне потом так объяснили в Москве, в Союзе художников России: «Если бы вы завалили дело, то вас бы легко поругали за это, как за ожидаемое невежество. А так как вы неожиданно добились успеха, то этого вам никто простить не может — вот почему все и молчат».

Комплекс изданий к Всероссийской выставке народного искусства оказался настолько весомым и качественным, что часть тиража была отправлена в Москву для передачи по регионам России. А одна «народница» с Севера даже купила в Вологде специальный чемодан, чтобы всё нужное увезти к себе, и обижалась на меня, что я выдал сразу не так много изданий, как бы ей хотелось. Постоянно шли заказы на каталог и сборник конференции из музеев, библиотек, от мастеров художественных промыслов. Всем понравился единый прием оформления как афиш, баннеров, билетов, так и обложек двух буклетов, каталога и сборника материалов научно-практической конференции, разработанный С. М. Иевлевым, — яркие, праздничные произведения народного искусства на блестящем чёрном фоне. Как будто вы держали в руках драгоценные лаковые альбомы и ларцы с многоцветной фантазийно-орнаментальной и сказочной сюжетной росписью. Все меня спрашивали, а где удалось так качественно напечатать материалы выставки, да ещё в такие короткие сроки. И я с гордостью отвечал — у нас в Вологде, в издательстве «Арника» и типографии «Полиграф-Книга».

В 2000-е годы у картинной галереи сложились регулярные партнерские отношения с издательством «Арника» по оперативному изготовлению самой разнообразной книжно-альбомной печатной продукции. Наиболее востребованными оказались альбом и каталоги по основным фондовым материалам классического искусства, подготовленные Л. Г. Сосниной. Специально выпускались тематические иллюстрированные каталоги и альбомы, посвященные отражению в изобразительном искусстве жизни и творчества талантливых людей края: В. Т. Шаламова, А. Я. Яшина, Н. М. Рубцова. Большой свод материалов был подготовлен И. Б. Балашовой, связанный с художественной летописью Великой Отечественной войны. Широкий диапазон изданных материалов о мастерах современного изобразительного искусства. Постепенно появилась целая линейка буклетов, сборников и каталогов, отражающих важнейшие события экслибрисного движения в картинной галерее. Свой вклад в публикацию коллекций и отдельных уникальных произведений из собрания галереи внесли также московские издатели: галерея «Ковчег», «Галеев-Галерея», Школа акварели Сергея Андрияки. Накоплен огромный иллюстрированный материал, подготовлены развёрнутые аннотации по экспозициям, разделам и основным работам ВОКГ, сложились добрые традиции сотрудничества-сотворчества с современными мастерами, прежде всего с художниками-вологжанами. Что хотелось бы видеть в дальнейших планах издательской работы? На что могут быть направлены научные и творческие силы новых поколений музейных специалистов? Безусловно, все давно ждут объемного репрезентативного альбома о коллекциях Вологодской картинной галереи в целом. После открытия постоянной экспозиции в новом здании такое представительное издание станет просто необходимым. Возможно, случится мечта нескольких поколений музейщиков об издании в той или иной форме генерального каталога всего художественного собрания галереи. Ожидается выход в свет первой в истории вологодского искусствознания масштабной монографии И. Б. Балашовой о жизни и творчестве А. В. Пантелеева. Таких научных публикаций об искусстве вологжан

может и должно быть больше, ведь у нас есть что собирать, изучать, печатать и тем самым сохранять, делать доступным для всех ценителей прекрасного.

Экслибрисное движение

Так случилось, что в моей директорской и научно-творческой жизни особенное место заняли произведения гравюры малых форм, связанные с книгой, а именно экслибрисы или книжные знаки. На эту тему мне удалось написать довольно много статей в каталогах и сборниках, журналах и газетах. Были выступления на разного рода клубных заседаниях и конференциях, на наших галерейных экслибрисных конгрессах и музейных встречах. В своих личных воспоминаниях сейчас не хочется много теоретизировать и вновь повторять все этапы развития экслибрисного движения как в стране в целом, так и в вологодском крае. Хочется поговорить о личном, об увиденном и пережитом. О том, как всё это экслибрисное делание сложилось у меня, как оживилось и продолжается экслибрисное движение в России конца XX — начала XXI века так сказать «в лицах», об открытых и закулисных играх на этом большом поле интереса к малым формам искусства. О том, что мне лично нравится и интересно в мире книжных знаков...

И всё же начну с некоторых определений и обобщений, так как среди экслибрисистов всех времён и народов издавна идут нешуточные споры о природе, задачах и стилистике экслибриса как такого. Каждый защищает ту или иную версию и пытается, если это возможно, утверждать свои права. Мне кажется, что сегодня, когда преднамеренно или непроизвольно, расширяются-размываются сложившиеся академические каноны малоформатного гравированного, сугубо книжного по тематике и использованию экслибриса. Поэтому достаточно будет самых обобщённых определений природы книжного знака. Прежде всего это — специальный графический художественно-оформленный книговладельческий знак. В этом деле прежде всего важна именно специальность задачи — создать миниатюру, осмысленно-интересную по тематике, сюжету, стилистике из мира интеллектуальных историко-культурных размышлений. Хотя теперь всё чаще и попадают экслибрисы абстрактного и чисто орнаментального толка: порой бывает трудно понять, если это вообще возможно, что изображено тем или иным вольнолюбивым художником на маленьком листе бумаги.

Экслибрис — это не живопись, не скульптура, не произведение декоративно-прикладного искусства, хотя иногда встречаются и коллажи, и вышивки, и оттиски масляными красками. Всё же мы ждём именно графической чёрно-белой или цветной миниатюры на бумаге или близких к ней материалах в технике тиражированной оригинальной гравюры, хотя сейчас так много плоскостной компьютерной печати и одноразовых монотипий. Настоящий экслибрис должен быть художественно оформлен с элементами композиционной и декоративной наполненности и эстетической образности, в которых изображение органично сопрягается с каллиграфией надписей и подписей. Хотя в потоке современных работ очень много грубоватых поделок без стиля, образа и названия.

Экслибрис — это прежде всего книговладельческий знак, ориентированный и предназначенный для наклеивания на форзац того или иного печатного издания, отражающий и выражающий интересы, характер и склонности его заказчика — владельца книги. На практике же часто встречаешь большеформатные гравюры, которые ни в какую книгу не войдут и явно не связаны с личностью названного или вообще анонимного владельца. Современный экслибрис чаще всего уже — не охранная грамота или визитная карточка книги, а гравюра малых и даже средних форм, отражающая не столько характер владельца знака и его библиотеки, а стилистические предпочтения и умения самого художника. Как говорится, всё смешалось в этом мире.

И всё же в идеале хочется держать в руках небольшого формата тиражированную оригинальную гравюру, в которой художественными средствами раскрывается некий информационно-образный код современного умозрительного, гуманитарно-ориентированного духовного бытия. Именно такие более или менее конкретно читаемые и предметно функционирующие книжные знаки радуют, волнуют, украшают и дополняют жизнь настоящего любителя и ценителя культуры и искусства. Это важное средство современной интеллектуальной и художественной коммуникации, дружеское послание в кругу единомышленников, предмет профессионального делания и страстного коллекционирования, объект выставочного и музейного показа.

По природе своего функционирования экслибрис бесцензурен, свободен и мобилен, он формирует вокруг всей земли, не взирая на границы стран и континентов, ещё одну социально-творческую сеть

общения и духовного единения людей как бы единой индивидуально-созидательной группы крови. Экслибрис даёт пищу для глаза, ума и сердца, он спасает людей от территориальной изолированности и профессионального одиночества, формирует постоянную творческую занятость и, кроме всего прочего, даёт возможность художникам зарабатывать деньги, а коллекционерам и библиофилам покупать или получать оригинальные авторские произведения искусства.

Как и с чего начиналось моё личное вхождение в экслибрисный мир? Первая попытка случилась ещё в студенческие годы, когда на уроках практического рисования наш преподаватель, уже очень пожилой художник Н. А. Рыбкин, по разделу графики стал показывать книжные знаки как пример изысканного гравюрного дела. Он предложил и нам самим попробовать соединить в малой декоративной форме изображение и текст. У меня сохранились эти первые рисунки тушью, сделанные в общезитии или дома на канikuлах. Но до гравирования дело не дошло, так как по молодости мы, студенты, были очень неусидчивыми и невнимательными. Ещё не пришло время для серьёзного понимания такого специфического и сложного материала. Потом я стал отсматривать замечательные книжные знаки в отделе гравюры Русского музея, особенно, когда писал дипломную работу о творчестве Ю. П. Великанова, неоклассика в советское время, ученика П. А. Шиллинговского и Е. С. Кругликовой. Уже тогда мне эти небольшие гравюры приглянулись своей глубокой культурно-исторической наполненностью. Выполненные рано умершим и не вписавшимся в рамки искусства социалистического реализма художником, они показались мне образцом «тихого интеллектуального сопротивления». Об этих проблемах всякого тонко чувствующего, неординарного мастера, как бы выпадающего из своего времени, я и сегодня думаю на современном экслибрисном материале.

Книжные знаки, так сказать, в действии оказались у меня в руках впервые в Научной библиотеке Академии художеств. И какие это были книги! Твёрдый переплёт с тиснением, особая бумага «верже», тонированные под мрамор или бронзовую патину форзацы и почти обязательные экслибрисы на оборотной стороне плотной обложки. Это был особый, почти пьянящий аромат ушедшей эпохи Серебряного века и довоенного времени. Я с упоением читал стихи неведомого мне тогда поэта конца XIX — начала XX века К. Р. и не смел спросить, кем же он был (такие вопросы могли бы вызвать подозрения). Только уже в последние годы стало возможным зачитываться поэзией, дневниками и даже биографией К. Р. — Великого князя Константина Константиновича Романова. Так и книжные знаки на форзацах редких книг из старого фонда библиотеки приобщали к какой-то сокровенной тайне их бывших владельцев, профессоров Академии, завещавших личные собрания своей alma mater.

Второе попадание в строй экслибрисного движения произошло у меня уже в первые годы работы в картинной галерее. Не лишним будет здесь сказать, что книжные знаки, как яркий продукт свободомыслия, получают своё активное развитие именно в периоды легального брожения умов, когда индивидуализм не воспринимается негативно. Это происходило в эпоху Серебряного века, потом в 1920-х — начале 1930-х годов, затем в «оттепельные» и «перестроечные» годы. Так случилось, что в Вологде постепенно, пусть и прерывисто по возможностям переживаемого времени, стали складываться собственные экслибрисные традиции. Первые художники книжного знака Н. П. Дмитревский, Ф. М. Вахрушов, И. И. Варакин, коллекционер и издатель С. В. Клыпин были связаны с деятельностью Северного кружка любителей изящных искусств и Вологодского общества изучения Северного края, с активной музейной и книгоиздательской работой первых десятилетий прошлого века. Наиболее плодотворный этап в развитии книжного знака был связан в Вологде с деятельностью первого профессионального директора картинной галереи С. Г. Ивенского и большой группы художников-графиков и искусствоведов в период 1960-х — 1970-х годов. Именно в это время в структуре профессиональных музейных интересов галереи книжный знак впервые занял одно из приоритетных мест.

Только благодаря инициативе и большому организаторскому, исследовательскому труду специалистов ВОКГ начиная с 1962 года в Вологде и области стали регулярно проводиться выставки экслибриса, были организованы экспозиции ведущих российских и зарубежных мастеров книжного знака К. С. Козловского из Киева, А. И. Юпатовая из Риги, москвичей А. И. Калашникова и М. С. Чураковой, Г. А. Кравцова и В. А. Фролова, Р. Вольфа из Италии, Г. Годуэна из Бельгии, польских гравёров. После первой специализированной выставки «Вологодская графика» в 1965 году в галерее постоянно выставляли, исследовали, публиковали и собирали экслибрисы Н. В. и Г. Н. Бурмагиных, А. Т. Наговицына, В. А. Сергеева, Л. Н. Щетнева, В. У. Едемского, самого С. Г. Ивенского. Выставки русского и зарубежного книжного знака из коллекции С. Г. Ивенского, практически всегда сопровождаемые изданием специальных каталогов, были организованы во многих

музеях Вологодской области и всей России. Итогом этой работы в галерее стало издание специальных книг С. Г. Ивенского «Искусство книжного знака» (1966 год), «Мастера русского экслибриса» (1973 год), публикация труда М. Ю. Панова «Литература о книжных знаках» (1971 год), выпуск большой серии музейных и выставочных каталогов экслибрисно-графического содержания, в которых чаще всего книжные знаки и станковые гравюры воспроизводились с авторских гравированных досок.

Я начал работать в галерее уже практически на излёте экслибрисных традиций своих предшественников. Нужно было изучить этот материал, подвести его итоги, что воплотилось в первых моих графических и экслибрисных каталогах 1980-х годов «Генриетта Николаевна и Николай Васильевич Бурмагины», «Анатоль Терентьевич Наговицын», «Книжные знаки вологодских художников». Постепенно в кругу единомышленников и друзей стала реализовываться идея нового подъёма интереса к искусству книжного знака. С чего начать и как активизировать экслибрисное движение в регионе? Нужно было собрать все экслибрисные силы как коллекционеров, так и художников, проводить исследовательскую и просветительскую работу, мотивировать графиков на создание новых книжных знаков. Этим с 1981 года в течение десяти лет стал заниматься Вологодский городской клуб любителей книжного знака «Экслибрис». Важно, что первоначальная идея создания такого объединения возникла в кругу местной интеллигенции: институтской профессуры, журналистов, краеведов, коллекционеров и художников. Всем хотелось неформально общаться, вспоминать и развивать ещё совсем недавно бывшие такими славными традиции вологодской графики.

Я помню, что первое заседание нового клуба проходило в конференц-зале при «Доме книги» и областном Обществе любителей книги. Председательствовал профессор-историк Петр Андреевич Колесников — сам заказчик целого ряда книжных знаков у К. С. Козловского, А. И. Калашникова, многих вологодских художников. Потом заседания клуба стали проходить раз в месяц в цокольном этаже Воскресенского собора картинной галереи и я постепенно принял в свои руки бразды его правления. Сегодня я с благодарностью вспоминаю имена тех немногих энтузиастов, кто на разных этапах нашей клубной жизни взял на себя немалую заботу о развитии традиций вологодского экслибриса, с кем я был дружен и продолжал совместно работать в последующие годы. Кроме П. А. Колесникова, который оставался неизменным участником большинства галерейных выставок, это были журналист областной газеты «Красный Север» Л. В. Паншев, работник Общества любителей книги Н. П. Комарова, художник Л. Н. Щетнев. Клуб «Экслибрис» сумел сформировать в Вологде творческое ядро коллекционеров книжного знака в лице А. М. Богдановой и С. В. Борисова, С. Ф. Птухина, В. В. Магарева, Ю. П. Малоземова, Н. П. Михеева, В. Н. Давиденко. Мне нравились эти встречи, которые иногда продолжались в длительных прогулках по городу или в дружеских посиделках с разговорами о творчестве.

В клубе «Экслибрис» не было фиксированного членства. За годы его работы постепенно при картинной галерее сформировался постоянный круг его участников из трех десятков любителей и энтузиастов в лице местных вузовских и школьных педагогов, художников и журналистов, музейных работников, инженеров и представителей самых разных рабочих профессий. Иногда собирался только ограниченный круг наиболее заинтересованных в клубном общении людей, но зачастую заседания клуба проходили очень оживлённо с участием близких коллег из клуба «Субботние встречи» при Вологодском обществе книголюбов. Постепенно стали налаживаться деловые и творческие отношения с клубами любителей книжного знака из других городов страны. Хотелось совместно творчески расти и развиваться: организовывались встречи с художниками и коллекционерами, заслушивались доклады и сообщения, разворачивались специальные клубные выставки-однодневки и временные экспозиции как в самой галерее, так и в вестибюле вологодского магазина «Дом книги». Особенно запомнились встречи с художниками Г. Н. Бурмагиной и Л. Н. Щетневым из Вологды, Д. В. Медведевым из Череповца, Е. А. Лебедевым из Устюжья, сообщения о творчестве графиков Г. В. Малакова из Киева, Н. А. Саутина из Санкт-Петербурга, А. В. Сапожникова из Москвы. Просматривая сегодня хронику заседаний клуба «Экслибрис», полностью опубликованную мною в галерейном журнале «Хронограф» в 2006 году, невольно удивляешься тому, как много интересного и полезного было сделано.

Свою главную задачу многие члены клуба видели в активизации творческой работы в экслибрисе местных художников. В чём-то они преуспели. Делая заказы, организуя выставки, пропагандируя творчество графиков Вологодчины, коллекционеры поддерживали экслибрисное направление в искусстве Л. Н. Щетнева, А. Т. Наговицына, Г. Н. Бурмагиной, приохотили к книжному знаку Д. В. Медведева, Е. А. Лебедева и С. В. Дмитриевского, Н. И. Мишусту. Много было сделано для популяризации творчества самодеятельных

художников-графиков в разных регионах области. За десять лет своей работы клуб «Экслибрис» провёл более восьмидесяти заседаний. Завершение его деятельности было обусловлено тем, что костяк клуба составляли активисты преклонного возраста, постепенно уходящие из жизни (П. А. Колесников, А. С. Аверкиева, А. М. Богданова, В. Н. Давиденко, Н. П. Комарова, Л. В. Паншев). К сожалению, специальная экслибрисная тематика не нашла в те годы длительной и постоянной поддержки в среде местных художников и любителей искусства. Начавшийся к 1990-м годам процесс коммерциализации творческой деятельности, сложные проблемы перестройки всех сторон общественной жизни отодвинули клубные экслибрисные проблемы вновь на периферию интересов, забот и возможностей местной интеллигенции. В той или иной степени проблематика книжного знака в картинной галерее была продолжена позднее на заседаниях Вологодского городского клуба коллекционеров, существовавшего с 1998 года, председателем которого я также был. Особенно много экслибрисных материалов публиковалось в галерейном и клубном журнале «Хронограф», который мне теперь радостно и просто увлекательно перечитывать буквально «от корки до корки».

Современно новый период в развитии экслибрисной деятельности картинной галереи начался с 2000-х годов и продолжается до настоящего времени. Суть его заключается в том, что нам удалось поэтапно выйти на межрегиональный, общенациональный и международный уровень контактов в сфере книжного знака. Если ранее Вологда была активным, но по всем параметрам лишь периферийным центром экслибрисного движения, время от времени приглашающим к себе ведущих мастеров экслибриса, то теперь наша картинная галерея стала одним из наиболее активных организаторов всего экслибрисного движения в стране на регулярной основе. Не знаю, насколько у нас хватит сил, энергии и возможностей и дальше играть эту ведущую роль, но в XXI веке совершенно органично уже прозвучали определения «Вологда — экслибрисная столица России» (в период проведения в 2004-2017 годах в галерее всероссийских конгрессов и всероссийских выставок экслибриса) и «Вологда — экслибрисная столица мира» (в период проведения в 2016 году в ВОКГ Всемирного конгресса экслибриса FISAE). Для меня этот путь определился совместной галерейной организационной и творческой работой с вологодским коллекционером и активным деятелем отечественного и мирового экслибрисного движения С. Ф. Птухиным, а также с расширяющимися контактами с известными экслибрисистами Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Сейчас нет необходимости повторять всю хронологию и документальную фактуру наших экслибрисных дел последних десятилетий, она подробно приведена мною и С. Ф. Птухиным в больших каталогах всероссийских выставок книжного знака в Вологде. В рамках своих галерейных воспоминаний остановлюсь только на основных, особенно запомнившихся моментах.

Как говорится, любое серьёзное дело основывается на конкретной личной инициативе. Для меня таким введением в проблематику современного российского экслибриса стали встречи и последующие дружеские контакты с такими заядлыми коллекционерами и авторитетнейшими экслибрисными деятелями как петербуржцы В. В. Худoley и Е. Е. Фридлянд, москвичи В. В. Лобурев, В. М. Бакуменко, В. Г. Беликов. Каждый из них — сущая легенда нашей творческой жизни. Доктор медицинских наук Вениамин Худoley приглашал меня выступать на заседаниях Ленинградского клуба экслибрисистов, собирал из своей коллекции лучшие работы питерских художников для наших выставок, неоднократно приезжал в Вологду. К инженеру Ефиму Фридлянду я приходил домой в Колокольный переулок в Ленинграде смотреть коллекции и книги по истории книжного знака, которые постепенно перевозил в фонды и в библиотеку галереи. Инженер-полковник в отставке Владимир Лобурев, создатель и основной работник Московского Музея экслибриса, был одним из главных моторов и организаторов всего, что было связано с книжным знаком в России. С раннего утра и допоздна он принимал у себя в музее коллекционеров и художников буквально со всех концов света, помогал доставать нужные книги и материалы, наводил необходимые мосты общения. Певец хора Большого театра Виталий Бакуменко обладал одной из самых крупных коллекций современного книжного знака, которую он постепенно передавал в дар галерее, был самым главным хроникёром и просветителем в среде экслибрисистов, постоянно готовил для вологодских конгрессов особые выставки «Памяти ушедших». Доктор технических наук Владимир Беликов на сегодняшний день является обладателем поистине неисчерпаемой коллекции отечественной и зарубежной гравюры, которую он постепенно раскрывает на каждом Вологодском конгрессе в серии необыкновенных по подбору и качеству тематических экспозиций.

К этой когорте славных деятелей российского экслибрисного движения необходимо добавить имена художников и коллекционеров — постоянных участников многих вологодских экслибрисных собраний. Это москвичи — Михаил Верхованцев и Ольга Мишина, Юрий Ноздрин и Ольга Келейникова, питерцы — Нина

Казимова и Николай Домашенко, Николай и Наталья Саутины, Леонид Строганов, Ольга Самосюк из Уфы, Юрий и Валентина Молибоженко из Новороссийска, Аркадий Елфимов из Тобольска, Ольга и Юрий Крупенковы из Минска, Владимир Ильин из Риги, Владимир Селиванов из Одессы; вологжане — Сергей Птухин, Исаак Подольный, Леонид Щетнев, Николай Мишуста и другие самые достойные творческие люди.

А как и с чего начался этот общероссийский путь вологодского экслибрисного движения? Мне в картинную галерею в 2003 году из Москвы позвонил коллекционер В. Г. Беликов. Он сообщил, что в столице инициативная группа в лице наиболее деятельных художников, коллекционеров, музейных работников и библиофилов создала при международном союзе книголюбов Российскую ассоциацию экслибриса (РАЭ). И чтобы организовать свои первые мероприятия в форме конгресса и большой всероссийской выставки они искали подходящий город с экслибрисными традициями и дельными людьми. И остановили они свой взор на Вологде, на картинной галерее и на мне лично, как на библиофиле и энтузиасте. Я, конечно, согласился, но попросил этот проект согласовать с начальником областного департамента культуры, как того требовал установленный регламент. Мне-то казалось, что все будет этому только рады, а оказалось всё наоборот. В Москву первоначально пришёл отрицательный ответ. Я теперь понимаю почему, ведь инициатива-то исходила не от верхнего начальства, а от самих людей, что тогда менее всего поощрялось. Еле-еле потом удалось уговорить департамент дать согласие, упирая на то, что мы их ничем не обеспокоим и всё сделаем сами. Так и дальше пошёл этот проект — с постоянными препятствиями, которые мы старались мужественно преодолевать.

А дело-то оказалось очень стоящим и перспективным. Позднее его финансово поддержали и Правительство Вологодской области, Министерство культуры России и Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Первая Всероссийская выставка экслибриса и сопутствующий ей Первый Всероссийский конгресс экслибриса прошли в Воскресенском соборе картинной галереи в сентябре 2004 года. Успех был большой. Сама выставка и четыре специальные экспозиции поразили всех и обилием, и качеством экспонатов. Правда, не все художники сами представляли свои работы, очень много книжных знаков прибыло из коллекций В. М. Бакуменко (Москва) и В. В. Худолея (Санкт-Петербург) и из фондов нашей картинной галереи. На конгресс прибыл специально из США ответственный секретарь Международной федерации обществ любителей экслибриса (FISAE) У. Э. Батлер, были большие делегации из обеих столиц и других городов России. А через год был выпущен в Вологде прекрасный каталог выставки с биографиями и иллюстрациями. Прямо скажем, такого в истории отечественного экслибрисного движения ещё не бывало.

В дальнейшем же начались новые словопрения. Руководящая группа москвичей хотела оставить этот важнейший проект за собой, постоянно меняя города-экспозиционеры. Но большинству экслибрисистов-профессионалов приглянулась именно Вологда, как место регулярных встреч всех деятелей книжного знака. Произошёл раскол, который привёл к созданию именно в Вологде на базе картинной галереи Общенационального общества любителей экслибриса и графики (НОЛЭ), о чём было объявлено на Втором конгрессе экслибриса в 2007 году в Музейно-творческом центре «Дом Корбакова». Председателем Совета был избран В. В. Воропанов, исполнительным директором С. Ф. Птухин. Так и повелось. Художники и коллекционеры усердно готовили новые выставки и специальные экспозиции, а члены Совета НОЛЭ всё это оформляли. Вернее сказать, С. Ф. Птухин проводил всю основную организационную работу и постоянно был «на связи», а я разбирал пакеты, коробки и конверты с присланными работами и готовил сами экспозиции. В этом нам помогал практически весь коллектив картинной галереи. Всего на сегодняшний день было проведено уже 6 всероссийских конгрессов и выставок экслибриса в 2004, 2007, 2011, 2013, 2015 и 2017 годах. Не всё проходило одинаково гладко, но постепенно сложилась своя, именно вологодская система проведения столь представительных общенациональных экслибрисных смотров. Самое главное, нас никто не понуждал, не контролировал, все занимались творчески, с полной отдачей своих профессиональных умений. В программе — большие всероссийские выставки самых современных экслибрисных работ, специальные персональные и тематические экспозиции, научно-творческие конференции, мастер-классы, экслибрисные аукционы, совместные поездки и экскурсии, обмен книжными знаками и дружеские посиделки. Всё это подробно описано в каталогах и буклетах конгрессов. А я сейчас хочу подтвердить главное: выставки в Вологде в своей совокупности представили самое широкое многообразие творческих достижений художников-экслибрисистов Российской Федерации в полном объёме. Это важнейшее достояние — и на сегодняшний день и на будущее. Только на такой предметной базе можно теперь делать какие-то умозаключения о развитии и проблемах отечественного искусства графики малых форм.

Я был безмерно счастлив, самым внимательным образом разбирая и очень качественные, и ещё ученические экслибрисные работы, присланные из столиц и дальних городов Урала и Сибири, из ближнего зарубежья. Ведь я держал руку на пульсе всего экслибрисного движения России, что затем передавал в экспозициях, на встречах и экскурсиях для любителей искусства. Наши посетители приходили на выставки, зачастую не понимая заранее, на что их зовут, а уходили из временных экслибрисных залов галереи воодушевленными и даже окрыленными, так был силён накал интеллектуальной и творческой энергии, исходившей от малых форм этих утончённых и столь глубоких по содержанию книжных знаков.

Пиком длительной и упорной работы НОЛЭ и Вологодской областной картинной галереи в развитии экслибрисного движения стало проведение в Вологде в августе 2016 года XXXVI Всемирного конгресса экслибриса FISAE. Да, этому предшествовала огромная подготовительная работа С. Ф. Птухина и его коллег на конгрессах в Турции, Финляндии и Испании. Прямо скажем, что далеко не все из зарубежных коллег сразу одобрили кандидатуру какой-то Вологды, ведь в истории таких встреч ранее были Париж и Лондон, Бостон и Пекин, наконец, Ленинград в 1998 году. Но на конгрессе в Наантали (Финляндия) в 2012 году делегаты из 23 стран предпочли наше Вологодское НОЛЭ Шанхайской организации экслибриса из Китая. Почему? Ведь многие иностранные коллекционеры всё чаще стали заказывать свои экслибрисы именно русским художникам, которые не обезличивают, а успешно развивают классические традиции гравированного содержательного книжного знака. Видимо, всем захотелось поехать не в очередной мегаполис, а в тихий старинный город, известный в экслибрисном мире ещё со времён С. Г. Ивенского. Открою небольшую тайну, мы с С. Ф. Птухиным долго обсуждали этот важнейший вопрос: «потянем или не потянем». И когда я наконец-то сказал «да», что галерея возьмётся за это дело, всё завертелось... Только потом подключились Министерство культуры России, Правительство Вологодской области и Администрация города Вологды.

По прошествии времени сейчас даже не верится, что всё прошло так солидно, уверенно и гладко. По мнению многих участников той встречи, вологодский Всемирный конгресс экслибриса стал лучшим в истории FISAE. Вологда передавала эстафету Праге, где потом никто так не «выкладывался», как мы. Конгресс 2016 года проходил в Воскресенском соборе и в «Доме Корбакова». Надо было не только получить и разобрать экслибрисные работы 383 авторов из 39 стран мира, но и одеть их в 320 рам, привезти и расставить в Воскресенском соборе десятки столов и лавок для организации всемирного экслибрисного обмена, принять и разместить многочисленные зарубежные делегации в составе солидных художников и бизнесменов-коллекционеров. Одних китайцев тогда было в Вологде около сотни, а ещё гости из США, Англии, Японии, Турции, Голландии, Чехии, Болгарии и других стран ближнего и дальнего зарубежья. У всех сотрудников картинной галереи были на конгрессе свои обязанности, привлекались и волонтеры. Каков итог галерейных Всемирного конгресса экслибриса и всероссийских встреч? Не говоря уже о подъёме престижа Вологодской области, Вологды и картинной галереи в целом, надо прямо записать, что все поступавшие на выставку гравюры были безвозмездно переданы в дар в фонды ВОКГ. Такой ценной коллекции современного российского и зарубежного экслибриса больше нет нигде в России. На этой базе и ранее собранных коллекциях можно теперь не только создавать в структуре галереи специализированный Музей экслибриса, но и действительно делать Вологду столицей отечественного и мирового книжного знака.

Творческие программы

В своих воспоминаниях о работе в картинной галерее я не могу пройти мимо реализованных в ней и продолжающих существовать особых творческих проектов. Конечно, никак не хочется превращать это в некие отчеты о работе со зрителем, которые и так готовятся регулярно. Мне важно поразмышлять о том, как можно и нужно активизировать деятельность музея в окружающем сообществе. Ведь бывает очень обидно, когда заранее подготовленные мероприятия остаются неотзвученными, когда на интересных выставках и оригинальных экспозициях мало посетителей. Честно говоря, я всегда был и до сих пор остаюсь в некотором смысле мечтателем и думаю о том, что наша тихая музейная работа хоть в какой-то степени может изменить окружающую жизнь к лучшему. Теперь с ироничной улыбкой вспоминаю свои слова при поступлении на службу, сказанные в подвале Воскресенского собора, когда там на окнах ещё висели липучки от мух, а по пыльной площади громыхали грузовики, сотрясая всё и вся: «Я хочу, чтобы Вологодская областная картинная галерея стала лучшей в СССР». Надо мной тогда тихо посмеялись, а одна вечно скептически настроенная сотрудница бросила мне вслед, пожимая своими худенькими плечиками: «А зачем? К чему всё это?» Действительно, выпрыгнуть из имевшихся возможностей нам так и не удалось,

но ведь было же в нашей галерейной творческой жизни много интересного, даже необыкновенного. Не хочется, чтобы всё это забывалось и уходило бесследно в прошлое, не озвученное, не проговоренное, не оцененное. Какие это темы и сюжеты? Клубная жизнь, театр и музыка в картинной галерее, поиск новых форм общения с посетителями.

Начну с того неоспоримого факта, что за прошедшие десятилетия удалось вывести галерею из тихого, как бы келейного существования на самый широкий простор общественного внимания и интереса. Вспоминаю открытия первых выставок на моей памяти. У входа, в начале основного «корабля» пространства Воскресенского собора собиралась небольшая группа своих заинтересованных людей. Быстренько проговаривали приличествующие этому случаю слова и тихонько расходились. И было всё это в выходные дни. Потом А. В. Пантелеев, став председателем областного Союза художников, стал задавать вопросы, а почему начальство не ходит в картинную галерею на вернисажи. Ему ответили в обкоме КПСС, что в выходные дни они не пойдут, предложив перенести открытия на пятницы в 17 часов. Так и повелось. Постепенно участников вернисажей стало больше, сначала выступающие говорили уже под сводами первой арки, потом перешли под люстру, а дальше аж стали выходить в пространство амвона бывшего собора. Пришлось устанавливать в зале колонки с усилением звука, так как у выхода уже ничего не было слышно, и люди начинали шуметь. Да и продолжительность вернисажей постепенно стала увеличиваться, они перерастали в развернутые творческо-концертные действия. Стали закупать стулья, чтобы хотя бы большая часть зрителей сидела и комфортно себя чувствовала.

В последние годы существования выставочного зала в Воскресенском соборе очень многие посетители стали приходить на вернисажи за полчаса или даже раньше, чтобы хотя бы бегло посмотреть выставочные работы и занять более удобные места. А почему так произошло? С годами приходило осознание того, что галерея начинается не только с вешалки, а с создания в её стенах необычного действия с элементами презентации и театрализации. Каждый вернисаж я стремился вместе со своими коллегами превращать в праздник — творческую встречу, концерт или даже спектакль. Всё изменилось с новой формы пригласительного билета: не обычная информационная открытка, а целый буклет-раскладушка с текстом и иллюстрациями. Сначала тираж был в 100 экземпляров, потом в 300, а в XXI веке уже — 500. Мне всегда казалось, что надо зрителям дать как можно больше предварительной информации, чтобы осуществить подготовку к пониманию той или иной выставки, чтобы мы говорили уже сразу на одном языке и потом соединялись в акте доверительного общения. Эти билеты мы разносили, развозили по всему городу, что, конечно, не всем работникам нравилось, но мне казалось это просто необходимым. Я не уверен, что такое моё начинание продержится и дальше, но оно сыграло свою положительную роль в формировании постоянного зрительского актива. Наши приглашения собирали и хранили, посылали в другие города как уникальный образец музейной культуры. А я регулярно уточнял список приглашаемых, чтобы отсеять тех, кто к нам не приходил, и включить в этот состав новых желающих. Многие дамы да и господа специально одевались для походов в галерею, ведь это был важный выход в «свет», о чём потом долго говорили.

Затем начиналось само вернисажное действо. Отдельные ретивые начальники пытались всё время нас окоротить: сократить число выступающих до уровня официальных лиц и убрать концертные номера. Но кончилось всё тем, что в последнее время они сами стали приходить к нам всё реже, чтобы не потерять своё драгоценное время и не выглядеть бледно и уныло на фоне выступлений творческих людей. Я на это отвечал, что мы никуда не торопимся и хотим организовать для посетителей настоящий праздник. Тут были и живая музыка, подобранная сообразно теме выставки, и чтение стихов, показ видеоматериалов, выступления художников, их друзей и коллег, музейщиков. Мы помним, как всегда ярко и необычно выступали у нас художники Александр Пантелеев, Владимир Корбаков, Джанна Тутунджан, Валерий Страхов, литераторы Александр Романов и Роберт Балакшин, искусствоведы Александр Рыбаков и Мира Даен, Любовь Соснина и Ирина Балашова. Частыми гостями на наших вернисажах были пианистка Елена Распутько и скрипач Александр Лоскутов, на тематических вернисажах в «Доме Корбакова» разыгрывались целые спектакли детскими и взрослыми танцевально-песенными и фольклорными коллективами разных национальностей. А клубы авторской песни «Откровение» из Вологды и «Доверие» из Сокола, а Театр детской моды Алёны Ковалёвой, учащиеся детских музыкальных школ и областного колледжа искусств... Всё это было празднично и необыкновенно, ново для художественных музеев нашего уровня. И я сам, выходя на импровизированную сцену наших музейных площадок во всех зданиях, старался находить какие-то особые проникновенные слова, обороты речи, связующие репризы, чтобы из всех возможных выступлений,

которые всегда шли на безвозмездной основе, составить единое действо в соединении изобразительного искусства, звучащего слова и музыки.

А теперь о музыке в картинной галерее. Памятя о своих студенческих филармонических путешествиях, я всегда мечтал об организации концертов в музейных залах, благо сами картины создают особую благородную среду. Поначалу это многим казалось ненужным, спорным, даже вредным для произведений изобразительного искусства. Но сегодня такое музыкальное сотворчество, я надеюсь, превратилось уже в норму музейной жизни и будет продолжено дальше. Теперь радостно вспомнить, что первые концерты Вологодского камерного оркестра под руководством Александра Лоскутова и Вологодского молодёжного хора «Кантилена» под управлением Вячеслава Белякова проходили именно у нас в галерее на Кремлёвской площади. И если раньше и мысли не допускалось о том, что в музейных залах могут стоять музыкальные инструменты, то теперь в картинной галерее три рояля и одно фортепьяно. А хотелось бы ещё иметь и неподнятую сцену. И помещения для репетиций и улучшенную акустику залов.

Особой страницей в творческой истории галереи 1990-х годов стали музыкальные фестивальные концерты, которые устраивал в наших залах скрипач и энергичный импресарио Виктор Шевцов. У меня с ним были непростые личные взаимоотношения, так как он буквально обрушивал на наши головы свои самые невероятные идеи, подчас не считаясь с музейными возможностями и имея привычку звонить мне в любое время дня и ночи, выговаривая свои поручения резко и безапелляционно. Но концерты получались в галерее хорошие. Ведь когда в здании областной филармонии шёл большой капитальный ремонт, на какой-то период Воскресенский собор превратился в главный в городе концертный зал классической музыки.

Мне хорошо запомнилось это время, так как маленький директорский кабинет тогда превращался то в грим-уборную, то в пресс-ложу. Но что ни сделаешь ради искусства! Многие известные исполнители, поддавшись на уговоры В. Шевцова, ехали в Вологду на концерт в галерею как на очередную гастрольную отработку. Но они ошибались, так как наш импровизированный зал был всегда полон, а публика заранее собиралась самая чуткая и внимательная. Помню, как скрипач-виртуоз из Санкт-Петербурга Сергей Стадлер приехал на свой концерт позже обычного и, не успев заранее отрепетировать всю программу, запретил заранее пускать посетителей в зал. А людей столпилось так много, что они на парадной лестнице обломали нам почти все каменные ступени, так что лестницу потом пришлось заменять на мраморную. Известные московские певицы Рузанна и Карина Лисициан прибыли в галерею в роскошных шубах, когда все слушатели уже сидели. Они еле протиснулись ко мне в кабинет, а потом ещё и выговаривали: «Почему их не предупредили, что будет так много любителей музыки, — они бы смогли спеть совсем другую программу». Более обстоятельной была оперная дива из тогдашнего Кировского театра Ирина Богачёва. Она распевалась заранее и одним пальчиком попробовала клавишу рояля: удивленно сказала: «звучит». А потом меня спросила: «Ну, как будем петь... В одно отделение или в два...» Я ей сказал, что в два, чем вызвал её ещё больший интерес. Были и другие исполнители: пианисты, скрипачи, вокалисты.

Но особенно мне запомнился концерт из произведений Валерия Гаврилина в присутствии самого композитора. Исполнялись камерные произведения, а в зале стояла такая проникновенная тишина, что всем хотелось расплакаться. Кто только не выступал в наших залах! И большой церковный хор монахов Троице-Сергиевой лавры, который привозил тогдашний архиепископ Максимилиан, и популярный ленинградский певец Эдуард Хиль, приезжавший по приглашению И. А. Позднякова на открытие выставки традиционной китайской живописи своего друга — художника Цзян Ши Луна в Шаламовском доме галереи. Были и другие случаи. Как-то я вместе с камерным оркестром А. Лоскутова выступал в вологодских школах. Вернее, я вначале с показом цветных слайдов рассказывал о мировой живописи, а потом исполнялась классическая музыка. Приходилось брать первый удар на себя, когда в меня выбрасывался весь запас жвачки и неприятия этой культурной «обязаловки»; а потом уже, попривыкнув, все слушали музыку, буквально затаив дыхание.

Была в галерее ещё одна необычная творческая программа, соединяющая живопись, живое поэтическое слово и фортепианную музыку: антология «Мировая художественная культура». Я был её инициатором и главным организатором. Началось всё в 1998 году. После просмотра американского фильма А. Холланд «Полное затмение» с Л. Ди Каприо в главной роли я увлекся творчеством французского поэта-символиста Артюра Рембо, сравнивал его стихи в разных русских переводах. Захотелось, чтобы всё это зазвучало в наших галерейных стенах в окружении живописи и музыки. Но нужны были соавторы-исполнители. И тут

я на премьерe «Чайки» А. П. Чехова в Театре для детей и молодёжи увидел актёра Всеволода Чубенко в роли Треплева. Сразу он мне представился в образе романтического поэта, читающего стихи в наших будущих программах. Сначала мы попробовали совместить живопись Ван Гога и поэзию Рембо. Получилось. Но не хватало музыки. Тогда я пригласил в проект нашу замечательную пианистку Ирину Богомолову.

Вместе втроем мы подготовили 5 специальных годовых программ. Хочется сейчас их перечислить, так как даже в упоминавшихся великих эпохах, к коим мы обращались, уже заключался высокий смысл нашего служения искусству. 1998 год — «Антология французской культуры. XV-XX век. От Вийона до Пикассо». 1999 год — «Антология русской культуры. XIX-XX век. От Пушкина до Высоцкого». 2000 год — «Антология русской культуры. Конец XIX-начало XX века. Искусство Серебряного века». 2001 год — «Избранные страницы зарубежной классики. От Ренессанса до сюрреализма». 2002 год — «Избранные страницы русской классики XVIII-XX века. От Державина до Евтушенко».

Вспоминаешь сегодня тот проект, и даже дух захватывает. Тогда я писал так: «Нам кажется, что это — очень живое, ещё полностью не открытое, не осмысленное художественное наследие, которое чрезвычайно близко нашему сегодняшнему дню в радостях и болях, переживаниях и надеждах». Поначалу мы выступали только в Шаламовском доме по субботам раз в месяц, а потом добавились ещё и воскресенья в музее «Мир забытых вещей» у Т. В. Касьяненко. Подбирались как характерные, так и редко исполняемые произведения, хотелось вписаться в ауру и стилистику многих «благословенных» эпох культуры. Мы репетировали, обсуждали, вживались в образы и это, как мне кажется, передавалось нашим зрителям и слушателям. А почему прекратили выступать дальше? Видимо, исчерпался запас общепризнанных и доступных нам произведений, и каждый из нас троих переключился на новые творческие проекты, но опыт той антологии остался у меня на всю жизнь и до сих пор помнится многим вологжанам.

А теперь о театре. Был и такой артистичный период в истории картинной галереи. Мне всегда хотелось видеть в наших залах некий современный мультикультурный центр, чтобы иметь свои постоянные творческие коллективы для работы с посетителями. Это случилось как раз в начале XXI века. Когда начальником департамента культуры был В. В. Кудрявцев, удалось без каких-либо проблем и долгих объяснений получить в штатное расписание галереи 4 дополнительные ставки для создания отдела театрально-концертных программ. В наш коллектив органично влились перешедшие из Театра для детей и молодёжи актёры Яков Рубин и Всеволод Чубенко, Ирина Джапакова и Яна Лихотина. Я их впервые увидел всех вместе в постановке пьесы Т. Уильямса «Стекланный зверинец» в Юго-Западной башне музея-заповедника. Мне понравилось сугубо камерное, доверительное решение тонкой психологической пьесы, построенное на деталях и нюансах. И как-то раз мы сидели в летний день на скамейке у Воскресенского собора и разговаривали о планах возможного сотрудничества. И я невольно, но судьбоносно махнул рукой через Кремлёвскую площадь по направлению бывшего здания банка, которое тогда передавалось картинной галерее для создания отдела современного искусства. И были сказаны эти важнейшие слова: «А давайте сделаем там при поддержке картинной галереи новый театр». Ведь в 1999 году в Вологде появился Камерный драматический театр, который искал своего пристанища.

Так пять лет актёры буквально и жили на втором этаже этого тогда полуразрушенного здания: сами организовали в зале ремонт для создания сцены и сидячих мест для зрителей высоким амфитеатром, тут же репетировали, шили костюмы и делали декорации, а вечером давали спектакли. Это было так романтично и неожиданно! Актёры принимали участие в творческих программах галереи на вернисажах и творческих встречах, были пушкинские моноспектакли Всеволода Чубенко, специальные представления для участников региональной художественной выставки «Российский Север» летом 2003 года, новогодние представления в коллективе, «капустные» номера на юбилейных вечерах, участие в абонементе «Мировая художественная культура». А потом, как говорится, «погода испортилась». Бывшее здание банка было передано от галереи музею-заповеднику для создания Музея кружева. И мы с актёрами были вынуждены расстаться, но продолжали сотрудничать уже на другом уровне — стали ходить на их спектакли уже в новом, ими же самими опять отремонтированном и оборудованном здании на улице Ленина. А сам принцип театрализации музейного пространства стал очень важным элементом в построении многих выставок на разных площадках галереи в окружении картин и скульптур.

Меня и сегодня удивляет разнообразие творческих программ картинной галереи. Самое главное состоит в том, что это не разовые обязательные или юбилейные мероприятия, а многолетние встречи заинтересованных людей и коллективов по специально разработанным тематическим планам. У меня давно

созревал генеральный план создания при галерее тех или иных общественных объединений, благотворительных фондов или клубов по интересам для всех основных направлений деятельности ВОКГ. Занимаемся классикой — давайте откроем клуб любителей культурного наследия. Общаемся с художниками — надо создать фонд поддержки современного изобразительного искусства. Активно участвуем в экслибрисном движении — будем создавать клуб любителей книжного знака. В перестроечные годы конца прошлого века это было просто необходимо, так как повсеместно обсуждался вопрос: «как выжить, как поддержать культуру, как привлечь посетителей и потенциальных спонсоров». Признаюсь сейчас, что у меня даже возникла шальная директорская идея волевым порядком закрепить за каждым ведущим сотрудником профильное поддерживающее общественное подразделение. Но я очень скоро понял, что это дело чрезвычайно тонкое, и далеко не каждый с ним захочет и сможет справиться.

За прошедшие десятилетия многое, но далеко не полностью в этом многообещающем проекте всё же удалось осуществить. Перечислю эти новации по порядку. С 1981 года в течение десяти лет при галерее работал Вологодский городской клуб любителей книжного знака «Экслибрис», о деятельности которого я уже вспоминал. С 1996 года по 2019 год при участии картинной галереи в Вологде осуществлял свою выставочную, издательскую и меценатскую деятельность Благотворительный фонд народного художника России В. Н. Корбакова. Его движущими силами были руководители промышленных предприятий, организаций, банков и учреждений Н. Н. Рогозин, В. Н. Ивановский, Е. В. Лопин, Н. А. Новожилова и многие другие, работники галереи В. В. Воропанов, М. А. Субботин и С. М. Корбакова. С 1998 года в течение десяти лет в залах галереи собирались участники и гости Вологодского городского клуба коллекционеров. В настоящее время при ВОКГ продолжают работать клуб любителей искусства (руководитель — Т. Н. Канунова), клуб фронтовых друзей (руководитель — Т. Н. Канунова), клуб любителей кино «Киномагия» (руководитель — Т. Н. Канунова), клуб любителей экслибриса и графики (руководитель — С. Ф. Птухин). Безусловно, о деятельности каждого клуба можно и нужно писать отдельно, подробно, привлекая всех руководителей, активистов и постоянных участников. Позволю себе сейчас вспомнить только самые близкие и важные для меня моменты этой особой клубной галерейной жизни. Мне кажется, что перед нами — уникальный музейный опыт, все ощущения и умонастроения которого неповторимы.

Начну с «Фонда Корбакова». Тут что ни мероприятие, то особое явление. Для меня поначалу самым трудным было найти нужный тон общения галереи и предпринимателей. Можно только представить себе встречу «капитанов вологодского бизнеса» в лице руководителей фирм «Вологдавтодор», «ЛУКойл-Вологданефтепродукт», коммерческий банк «Вологжанин», «Вологодская коммерческая компания», комбинат «Тепличный» с молодым директором бедного, но гордого учреждения культуры. Ведь надо было что-то дельное и важное предлагать, чтобы в тебя не только поверили, но и дали денег. Конечно, общая программа строилась под обаятельнейшего художника В. Н. Корбакова, но отвечали за всё в галерее по этому проекту долгое время только я, М. С. Субботин и С. М. Корбакова. Нужны были яркие события и достойные мероприятия. К таким супер-проектам фонда можно смело отнести грандиозные выставки живописи Корбакова в Центральном музее Великой Отечественной войны в Москве на Поклонной горе и в Музее пейзажа в Плесе на Волге, куда приезжали многие члены фонда, где надо было устроить, накормить и напоить огромное количество гостей.

Никто так не «носился» со своими художниками, как мы. Были организованы летние пленэры Владимира Николаевича во многих районах Вологдчины с проведением отчетных выставок и изданием специальных альбомов. А проведение выставок детского художественного творчества на Приз Корбакова, в которых принимало участие пол-России! Для вручения подарков победителям мы с Н. Н. Рогозиным, М. А. Субботиным, В. Н. Корбаковым и М. Ю. Черновой даже специально ездили в Кострому в детскую художественную школу, чем вызвали полный фурор своей заботливостью и вниманием. Особенно запомнились юбилейные творческие вечера художника в Детском музыкальном театре и областной филармонии, где собирался весь цвет местной творческой интеллигенции. Тогда со сцены филармонии неоднократно для всех я зачитывал правительственную приветственную телеграмму Корбакову от Президента России В. В. Путина, которая пришла по нашей инициативе прямо из Москвы на творческий вечер, минуя все согласования и официальные инстанции. Помню, что меня никто на это не уполномочивал: тогда в первых рядах зала случилась «немая» сцена, прямо как в бессмертной комедии Н. В. Гоголя. Ведь во многом благодаря именно поддержке фонда художник в конце жизни обрёл как бы «второе дыхание» и получил высшие национальные творческие отличия.

Немало сделал для культуры Вологодчины и сравнительно небольшой, но очень активный клуб коллекционеров, заседавший ежемесячно сначала в Воскресенском соборе, а потом в «Доме Корбакова». Движителем многих мероприятий клуба стала энергичная физкультурница в прошлом, а с 1990-х годов один из самых деятельных собирателей живописи Маргарита Георгиевна Колосова. Дважды в начале 2000-х годов её коллекция с большим успехом выставлялась в залах галереи. На заседаниях клуба проходили встречи с художниками и вологодскими коллекционерами, краеведами, издателями, творческими гостями галереи. Хроника заседаний клуба опубликована в информационно-искусствоведческом журнале галереи и клуба «Хронограф» редакционным советом под моим руководством в составе Н. М. Дьяконицыной, С. А. Жукова, М. Г. Колосовой и С. Ф. Птухина. Всё это можно прочесть. Именно на этих заседаниях мы все открыли для себя талант яркого самовыражения коллекционеров Н. П. Михеева, Ю. П. Малозёмова, В. Н. Ивановского, музыковеда Э. А. Кирилловой, литераторов В. С. Старковой и Е. В. Дугановой, киноведа Т. Н. Кануновой. Всем запомнились коллективные автобусные поездки по старинным местам Вологодского края, а особенно в близлежащие города соседних областей: Ярославль, Кострому, Рыбинск, Мышкин, Ростов, Углич и Плёс. Зачастую мы заказывали автобус в автохозяйстве Правительства Вологодской области с соответствующей надписью по боковой стороне, что всегда вызывало удивление и уважение у наших коллег.

Начиная с 2009 года и по сей день традиции неформальных творческих встреч интеллигенции Вологды и области продолжают в новом клубе любителей искусства. Группой энтузиастов в лице В. В. Воропанова и Т. Н. Кануновой, В. Н. Субботиной и Е. В. Дугановой, Н. М. Дьяконицыной и М. Г. Вячеславова была разработана более разносторонняя и прямо скажем всеобъемлющая программа заседаний по принципу «все музы в гости будут к нам». Значительно расширился состав аудитории — практически всегда полный большой зал «Дома Корбакова». Решили встречаться чаще, по субботам два раза в месяц. Мне очень понравилось, что заседания из ранее бывавших полупопулярных коллекционерских посиделок постепенно превратились в серьезные, полномасштабные сценарные композиции с использованием всех возможных современных аудио и визуальных средств показа, в чём основная заслуга Т. Н. Кануновой. А тематический план-то каков, хотя с каждым разом найти что-то новое и необычное становится всё трудней... Это — творческие портреты классиков вологодской литературы: от К. Батюшкова, В. Гиляровского, И. Северянина, Н. Клюева, В. Шаламова до современных авторов В. Белова, В. Астафьева, А. Романова, В. Коротаева, О. Фокиной, В. Кудрявцева, Р. Балакшина, А. Грязева. Регулярно проводятся встречи с сегодняшними литераторами из разных писательских союзов. Совсем новое направление — презентация всех профессиональных взрослых и детско-юношеских театров и студий, встречи с наиболее популярными актерами вологодской сцены. В программе «академических часов» — выступления ведущих ученых-преподавателей вологодских вузов. А ещё — историки, краеведы, музейные специалисты, художники и музыканты, деятели кино, издатели. Действительно, весь цвет творческой и научной интеллигенции.

Я думаю, что благодаря этому клубу любителей искусства картинная галерея и сегодня способствует не только изучению и популяризации, но развитию и поддержке, консолидации всех творческих сил Вологодчины. Мы выходим за рамки традиционной музейной деятельности в пространство активного социального служения на необъятной ниве культуры и искусства не только края, но и всего Русского Севера. Продолжающиеся два раза в год коллективные выезды членов клуба в города и сёла Вологодской области постоянно открывают перед всеми нами ранее забытые и совсем новые традиции культурной жизни. Так в своих клубах, творческих встречах, на концертах, вернисажах, экскурсиях и мастер-классах для самых разных возрастов и профессий работники галереи вносят свой посильный и немалый вклад в формирование высоких духовных идеалов, потребностей и привычек вологжан и гостей города. Главное, что надо это делать не формально, не на заказ или на злобу дня, а по велению своей отзывчивой беспокойной души.

Заключение

Сегодня Вологодская областная картинная галерея переживает непростой период новых перемен. Завершается время одновременной работы на нескольких небольших выставочных площадках, зрительское внимание к которым надо если не завоевывать, то каждодневно подтверждать. Ведь после переезда Центрального выставочного зала из облюбованного всеми бывшего Воскресенского собора на Кремлёвской площади очень многим показалось, что картинная галерея вообще закрылась. Но жизнь продолжается. Работают экспозиции и строятся новые выставки в Шаламовском доме, в Музейно-творческом центре «Дом

Корбакова» и в Мемориальной мастерской А. В. Пантелеева. В научных и фондовых отделах идёт кропотливая обработка коллекций и новых поступлений, составляются каталоги, пишутся статьи и книги. Отдел научной пропаганды ищет новые, более активные и современные формы работы по привлечению в залы галереи зрителей, особенно молодежи. Это всё так. Но проблем, к сожалению, не становится меньше. Пока что решительно по всем направлениям не хватает места для полноценной музейной деятельности. Всё труднее выкраивать время и место для реализации тех или иных разнообразных творческих программ и специализированных тематических выставок. Показалось, что ушли в прошлое ещё не так давно регулярно проводившиеся в Вологде большие межрегиональные и всероссийские художественные выставки. Да и притока новых свежих сил в областной Союз художников не ожидается: практически нет молодой смены. Коллекция галереи теперь все реже пополняется новыми ценными произведениями экспозиционного уровня, а научная библиотека галереи находится, как говорится, в заштабелированном состоянии. Есть опасение вновь заплывать в тихую гавань спокойной музейной жизни, где нет места приоритетным позициям в непрерывно развивающейся музейной сфере.

А немалые возможности для активизации музейной жизни уже видны повсеместно. Появляется всё больше ухоженных и по-современному обустроенных частных экспозиций и древнерусского искусства, и современной реалистической живописи, и новейших направлений творчества. Выставочные залы ведущих столичных музеев штурмуют тысячи заинтересованных зрителей, стремящихся видеть свои национальные и привезенные извне мировые шедевры. Кажется, что период разрушительного постмодернизма и новейшего авангардизма наконец-то закончился, и всё большую ценность приобретают традиционные формы гуманистического, человековедческого искусства. Но для реализации крупных современных проектов нужны новые просторные залы, большие материальные и финансовые вложения, актуальные подходы к музейному дизайну, логистике и системам безопасности. Зрители ждут новых музейных программ, свежих нетривиальных идей и комфортной среды для своего времяпрепровождения. В этой связи основные надежды по реорганизации и новому развитию Вологодской областной картинной галереи связаны прежде всего с введением в строй нового грандиозного для нашего города пятиэтажного здания в створе улиц Батюшкова и Мира (улица Мира, 34). Изначально в проект заложена идеальная программа для размещения всех подразделений галереи: создание постоянных экспозиций классического искусства, современного художественного творчества и работ художников-вологжан. Наконец-то можно будет увидеть все шедевры галереи, в настоящее время в значительной степени, особенно по искусству XX века, спрятанные от зрителей и специалистов в фондохранилищах. Будут и новые выставочные пространства, оборудованные помещения для научной библиотеки по искусству и хранению коллекций, удобные кабинеты и залы для концертов и клубных встреч, работы научных сотрудников. Необходимо выделение новых, специализированных отделов галереи, таких как Музей эксплибриса. Таковы планы. Уже ближайшее будущее покажет, насколько специфика музейной работы будет органично вписываться в вертикальные габариты нового здания. Хотелось бы только одного, чтобы славные традиции и большие достижения картинной галереи недавнего прошлого не забывались и не отбрасывались, а на их основе строились новые, более современные и общественно-значимые творческие проекты в сфере изобразительного искусства и музейного дела Вологодской области.

Вологда. Июнь-сентябрь 2019 года

**КАРТИННАЯ
ГАЛЕРЕЯ И ЕЕ
СПОДВИЖНИКИ.
ВОСПОМИНАНИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Любовь СОСНИНА,
искусствовед, главный хранитель фондов ВОКГ,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
член ВТОО «Союз художников России»

КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ

В Вологодской областной картинной галерее я начала работать с 1972 года. За следующие пять лет в галерее появились Елена Шуткова, Марина Вороно, Тамара Едемская, Елена Савина, Галина Дементьева, ставшие моими основными коллегами и единомышленниками на многие годы, составившие изначально ядро коллектива научных сотрудников картинной галереи. Все мы были людьми одного поколения с разницей в возрасте не более пяти лет. Большинство из нас тогда только начинали свой профессиональный путь, а выбрав профессию, с надеждой смотрели в будущее, учились и одновременно на практике постигали тонкости музейного дела и искусствознания. С каким энтузиазмом мы занимались «созданием» областных и персональных художественных выставок, участвовали в их обсуждении, вместе разбирали написанные статьи, по очереди читали только что появившиеся книжные новинки, ходили на нашумевшие отечественные и зарубежные кинофильмы! Уже тогда у галереи складывались особые отношения с Союзом художников, которые со временем менялись только в лучшую сторону, всемерно подтверждая взаимозаинтересованность друг в друге.

В 1976 году в нашем коллективе появился Владимир Валентинович Воропанов. В отличие от остальных сотрудников, он уже был дипломированным специалистом — историком искусства, имеющим университетское образование. Первоначально его назначили на самую простую должность экскурсовода картинной галереи. Потом была служба в Советской Армии, куда Владимира Валентиновича призывали на два года и куда мы провожали его, а потом писали коллективные оптимистичные письма. Позже он стал сначала заведующим отделом, а с 1981 года и директором.

С момента появления его в галерее между всеми нами сложились доверительные дружеские отношения. Он был знаком с нашими семьями, а наши мужья нередко присутствовали на различных мероприятиях галереи. Всем коллективом галереи мы обязательно устраивали новогодние вечера, отмечали Международный женский день и, конечно, наш профессиональный — День музеев. К этим торжествам готовились сценарии, писались стихи, придумывались различные конкурсы. Мне вспоминаются праздничные газеты, посвященные Восьмому марта, которые готовил для коллег-дам сам Владимир Валентинович. Подобного рода газеты были популярны тогда во всех творческих коллективах. А наши «листки» всегда были особенными, с яркими рисунками и стихами, чаще всего лирико-юмористического содержания, обращенные к каждому сотруднику, вплоть до директора. Газеты, сделанные Владимиром Валентиновичем, не только были художественно-юмористическими, но и подчеркивали высокий интеллектуальный уровень их автора. Для характеристики каждого женского индивидуума картинной галереи он подбирал героинь из мировой классики изобразительного искусства или цитаты из классической литературы. Эти коллажные «нарезки» стали для нас и оригинальным поздравлением, и одновременно настоящим откровением. Во-первых, мы открыли во Владимире Валентиновиче таланты, которые не сразу заметили, а во-вторых, увидели, я так думаю, его оценку каждой из нас. Так, однажды он представил меня в образе Юдифи с мечом в руках, попирающей ногой отсеченную голову Олоферна. Причем лицо джорджоневской Юдифи было заменено на мою фотографию. В следующий раз он подобрал для меня цитату из Пушкина с немного измененным смысловым акцентом: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны!» Я не помню, как были представлены в газетах мои коллеги (впрочем, это не удивительно), но обиженных, кажется, не было.

Владимир Валентинович умело выстроил отношения с каждой из нас уже на раннем этапе нашей совместной деятельности. Как правило, они строились на доверии, взаимном уважении и «чувстве плеча», а вот последнее слово и решение неизменно оставались за нашим директором.

Владимир Валентинович всегда был лидером, какой бы вопрос или задачу коллектив ни решал. Возможно, кому-то это не нравилось (в конце концов такие люди уходили из галереи), но это помогало нам в общей сплоченной работе. И в том, что Вологодская картинная галерея стала известна в широких кругах музейщиков и российских художников, велика роль той стратегии, которую выстроил Владимир Валентинович в нашей и своей деятельности.

Что меня всегда подкупало — это то, что он не боялся ставить перед нами большие задачи и добивался их решения. Одним из примеров тому стал новый для того времени выставочный проект, объединивший достижения вологодских реставраторов, музейщиков и художников, получивший название «Искусство земли Вологодской XIII — начала XX веков». Во главе проекта стояли известные и уважаемые в Вологде деятели культуры: заслуженный художник РСФСР Александр Васильевич Пантелеев и будущий доктор искусствоведения Александр Александрович Рыбаков, которые обратились за поддержкой в реализации своей идеи именно к В. В. Воропанову. И это не удивительно, так как Владимира Валентиновича, несмотря на молодость, уважали как специалиста, которому можно доверить серьезное дело. И вот в 1990 году в Москве, в здании Центрального Дома художника была открыта уникальная по своему масштабу и экспонатам выставка, представившая лучшие памятники культуры Русского Севера прошлых веков из исторических музеев Вологды, Великого Устюга, Кириллова, Тотьмы, Череповца и достижения современного изобразительного искусства вологодских художников из нашей областной картинной галереи. Помимо незабываемой выставки был издан серьезный научный каталог, итогам выставки был полностью посвящен один из выпусков журнала СХ РСФСР «Художник».

Именно этот метод — серьезной подготовки и широкого освещения художественного мероприятия — стал характерным для работы В. Воропанова и картинной галереи. Мы не однажды использовали его: в частности, открывая грандиозную выставку в Санкт-Петербурге (1991) под названием «Художественные сокровища Вологодской земли» (совместно с Череповецким музейным объединением), в Вологде — «Возрожденные шедевры Русского Севера. Новые открытия российских реставраторов» (2005, 2015). На площадях картинной галереи и областного музея-заповедника нам было доверено устройство Девятой региональной художественной выставки «Российский Север» в 2003 году, только в галерее — всероссийских выставок пейзажной живописи «Образ Родины — 3» в 2006 году и современного народного искусства России в 2008 году, проведение научных конференций по их итогам, подготовка и выпуск каталогов этих выставок и сборников материалов научных конференций. И все это благодаря авторитету нашего директора и безусловному доверию к возможностям творческого коллектива Вологодской картинной галереи.

Столь же интересной и, без сомнения, плодотворной стала наша общая работа над двумя сборниками — альманахом «Художники Вологодской области XX века» (2007) и библиографическим словарем «Художники Вологодской области XX — начала XXI века» (2011), ставшими уже сегодня библиографической редкостью. Инициатором и автором идеи этого двойного проекта был непосредственно Владимир Валентинович Воропанов. А ведь в начале многие сомневались в положительных результатах этой затеи. Когда сегодня мы держим в руках эти издания или обращаемся к ним как к справочной литературе, то понимаем, сколько исторического материала было поднято нами из небытия, изучено, извлечено из архивов, библиотек. Я видела, с каким трепетом брали эти книги в руки потомки художников, имена которых наконец были возвращены истории, очищены от ложных или субъективных суждений, взглядов, обстоятельств... А ведь это стало результатом серьезного отношения Владимира Валентиновича к издательской работе в картинной галерее. Без всякого сомнения, ни один музей Вологодской области в то время не издавал столько качественных каталогов, сборников и альбомов, сколько мы. Наш директор добился того, что каждый научный сотрудник в галерее (с меньшей или большей долей способностей) реально владел пером. И поклонники картинной галереи всегда достойно оценивали наши издания как по дизайну, так и по содержанию.

Я благодарна Владимиру Валентиновичу за то, что он сумел оценить потенциал своих сотрудников и доверял нам серьезные выставки и публикации, не вмешиваясь «по мелочам» в реализацию этих проектов, но всемерно поддерживая и помогая ценными советами. Для меня, например, особенно важными стали выставки, прошедшие в залах Галереи Зураба Церетели в Москве в 2006 и 2007 годах: «200 лет русского искусства» и «100 лет русской графики». Обе они были составлены из лучших произведений, хранящихся

в фондах Вологодской областной картинной галереи. Кроме работы над их экспозициями (а делали их мы вместе с нашим реставратором Тамарой Николаевной Едемской) я стала автором-составителем альбомов, изданных галереей в Вологде непосредственно к московским вернисажам. Здесь мне представилась возможность не только рассказать об уникальных памятниках нашей коллекции, но и раскрыть увлекательный процесс их изучения, в результате которого менялись датировки, появлялись другие названия музейных вещей, а порой и новые авторства. Именно так произошло с одним из лучших произведений нашего собрания — картиной Виктора Михайловича Васнецова (1848-1926), которая на протяжении почти 50 лет носила название «Пейзаж в Абрамцево». В результате исследования литературных источников, опубликованных писем автора удалось установить, что на картине изображено вовсе не Абрамцево, а подмосковная дача Васнецова Новое Рябово, которую он приобрел в 1901 году и которую писал в 1915-м, изобразив на ней свою дочь, Татьяну Викторовну. И таких примеров можно привести много.

Как правило, наш директор приезжал на торжественные открытия этих выставок, и тогда мы слышали от него слова поддержки и благодарности. В этом красноречиво проявлялось наше осознание единства и взаимопонимания, ведь мы представляли в столице или другом регионе не просто областную картинную галерею, а нашу родную Вологду.

Владимир Валентинович с большим интересом и уважением относился к исследовательской работе научных сотрудников, тем более что сам активно участвовал в формировании и изучении коллекции картинной галереи. Его усилиями в нашем собрании появились целостная коллекция уникальной графики Зинаиды Евгеньевны Серебряковой и работы других представителей творческой династии Бенуа-Лансере, среди которых имена незаслуженно забытых и потому мало известных широкому зрителю авторов: Николая Евгеньевича Лансере, брата художницы, и Юрия Юрьевича Черкесова, зятя ее дяди А. Н. Бенуа. При непосредственном участии Владимира Валентиновича фонды галереи пополнились произведениями Елизаветы Бём, Василия Владимировича, Всеволода Воинова, Николая Тырсы, Алексея Успенского, Льва Юдина и многих других мастеров, оставивших заметный след в истории отечественного искусства. Имена отдельных из этих авторов хорошо знакомы исследователям и любителям отечественной культуры, другие лишь недавно начали выходить из тени небытия.

А сколь плодотворна была его работа с коллекционерами! Назову прежде всего первоклассное собрание западноевропейской репродукционной гравюры XVIII-XIX веков. В фонды Вологодской областной картинной галереи оно было передано в дар и частично приобретено у известных ленинградских собирателей Марины Валентиновны и Якова Давыдовича Гликиных, которые высоко ценили, уважали и по-человечески были необычайно привязаны к Владимиру Валентиновичу. Ценность этой коллекции неоспорима, стоит только назвать уникальные циклы, среди которых «Станцы Рафаэля в Ватикане», гравированные итальянцем Джованни Вольпато. Эти эстампы принесли Вольпато славу лучшего граверного интерпретатора Рафаэля. И сейчас, через несколько веков, благодаря его гравюрам мы можем получить столь яркое представление о мощи и величии живописных фресок Рафаэля в Ватикане. В этом же ряду стоит и уникальный альбом офортов итальянского гравера-виртуоза Франческо Бартолоцци. Работа над заказом по гравированию рисунков Гверчино привела его в Лондон. В серии из 12 листов Бартолоцци удалось так полно передать в офорте особенности рисунка пером, толщину линии, глубину тона, не говоря уже о точности самого рисунка, что это вызывает восторг у коллекционеров и знатоков, не затухающий по сей день. Среди произведений этой коллекции — архитектурно-пейзажные гравюры Джованни Баттиста Пиранези, воспроизведение живописных работ Микеланджело, выполненные Рафаэлем Моргеном... Можно долго перечислять имена ведущих европейских граверов прошлого, произведения которых сегодня украшают собрание нашей галереи.

Авторитет Вологодской картинной галереи, руководимой В. Воропановым, зиждился на прогрессивных взглядах ее директора. Уже в конце 1980-х годов он рассматривал художественный музей как многогранную культурную организацию, где кроме выставочной, хранительской и исследовательской работы должны были присутствовать и иные формы пропаганды искусства. Среди них он видел многообразные клубы по интересам для посетителей, особые формы взаимодействия с властью и предпринимателями и, наконец, организацию своего музейного театра. Так, действенную поддержку и, думаю, очень своевременную помощь получил от него коллектив только что возникшего в Вологде Камерного драматического театра (В. В. был не только известным библиофилом, но и меломаном и заядлым театралом). Несколько самых трудных в организационном порядке лет коллектив этого небольшого негосударственного театра не только

имел стабильную материальную помощь (по инициативе В. В. театр первоначально являлся творческим отделом галереи), но и временно обрел в одном из наших тогдашних зданий неплохое помещение со сценической площадкой и зрительным залом. И как жаль, что, празднуя свой юбилей в 2019 году, коллектив (теперь уже самостоятельного) Камерного театра благодарил за помощь всех, только не вспомнил добрым словом директора Вологодской картинной галереи Владимира Валентиновича Воропанова, будто и не было в истории театра тех непростых лет совместной творческой деятельности...

Возможно, не всем планам Владимира Валентиновича удалось сбыться.

Но мне порой кажется, что он был близок к воплощению своей мечты, недаром своеобразным девизом столь неординарной деятельности на протяжении многих лет была его любимая песня А. Пахмутовой и Н. Добронравова из репертуара А. Градского, где есть многое объясняющие слова:

*...Чтоб тебя на земле не теряли,
Постарайся себя не терять!
Как молоды мы были,
Как искренно любили,
Как верили в себя!*

Под этими словами, пожалуй, могу расписаться и я, ведь мы с ним, смею надеяться, из одной «команды» нашей молодости!

Вологда, май 2020 года

Александр Рыбаков,
доктор искусствоведения, профессор,
почетный гражданин города Вологды

МИР ИСКУССТВА ВОЛОГДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

На последнем курсе обучения в бывшей Императорской Академии художеств по классу теории и истории искусства в Ленинграде в 1967 году я был приглашен на работу в мастерскую по реставрации древнерусской живописи Государственного Русского музея в качестве художника-реставратора. Это приглашение в один из крупнейших музеев страны и допуск к реставрации памятников древнерусской живописи объясняется моей предшествующей профессиональной подготовкой как художника-миниатюриста, полученной в знаменитом старинном центре русского иконописания селе Мстера Владимирской области. Летом 1967 года руководитель реставрационной мастерской Русского музея и мой учитель по реставрационному делу Николай Васильевич Перцев предложил мне поехать с ним в Вологду для реставрации фресок Софийского собора. Мне было интересно побывать в незнакомом городе и освоить профессию реставратора монументальной живописи, и я согласился. Июль и август мы провели в Вологде на лесах, установленных в Софийском соборе, раскрывая и укрепляя фрески XVII века, украшающие его сверху донизу. С этого времени началось мое знакомство с художественной жизнью и культурой Вологды, особенно когда в 1968 году я приехал сюда на постоянное жительство.

В ту пору для художественной интеллигенции и всех ценителей искусства в городе главными центрами притяжения служили Вологодский государственный музей-заповедник (тогда он именовался Вологодским областным краеведческим музеем), областная картинная галерея, областная библиотека имени И. В. Бабушкина и областная филармония. Видную роль играли также областные творческие организации Союза художников, Союза писателей и Союза архитекторов РСФСР, но они были более замкнуты в кругу своих профессиональных интересов.

Для нас, художников-реставраторов, важнейшее значение имели деловые и личные отношения с руководством и сотрудниками Вологодского областного краеведческого музея, поскольку в его ведении находились Софийский собор со всем его художественным убранством и множество памятников культуры и искусства, нуждавшихся в реставрации. Директор музея Геннадий Иванович Соколов, главный хранитель Надежда Александровна Воробьева и заведующая историко-художественным отделом Ирина Александровна Пятницкая хорошо понимали важность и своевременность развернувшегося в те годы в стране движения за изучение, сохранение и активное включение в культурную жизнь общества несметных богатств отечественного художественного наследия, спрятанного ранее под наслоениями векового забвения и под завесой идеологических догм в музейных фондах, и как могли содействовали нам в их открытии и публикации.

В конце 1960-х годов в культурных и административных кругах Вологды созрела масштабная программа реставрации и музеефикации основного массива памятников древнерусского и народного искусства, хранящегося в музеях области. Для реализации этой программы было принято решение о создании в Вологде при управлении культуры облисполкома специализированной мастерской по реставрации произведений древнерусского и народного искусства. Труды по организации такой мастерской были поручены нам с Н. В. Перцевым. Тогда же руководством Вологодского областного краеведческого музея нам для этой цели были предоставлены две просторные палаты в нижнем этаже Иринеевского корпуса бывшего Архиепископского дома Вологодского кремля.

Особенно важной и плодотворной для развития реставрационного и музейного дела в Вологде и Вологодской области была деятельность Ирины Александровны Пятницкой. Она буквально горела стремлением к скорейшему открытию для публики богатств русской художественной культуры и была неиссякаемым генератором идей, неизменным и эффективным посредником между нами, исполнителями и исследователями, и партийными и государственными органами в ходе реализации этого масштабного проекта. Во многом благодаря ее усилиям и энергии уже в 1970 году в Вологодском областном краеведческом музее состоялась первая послевоенная выставка новых открытий древнерусской живописи из фондов музея, а в 1974 году открылись новые обширные экспозиционные залы древнерусского и народного искусства в Семинарском корпусе Вологодского кремля.

Вся деятельность вологодских музеев в те годы, в том числе в области реставрации, финансировалась из средств государственного бюджета региона. Здесь нужно вспомнить благодарным словом начальника областного управления культуры Антонину Николаевну Голубеву и ее заместителя Ивана Васильевича Сепсякова, курировавших культурные проекты руководителей областного партийного аппарата Виктора Алексеевича Грибанова и Капитолину Павловну Зорину, без внимательного содействия которых успешное возрождение вологодских исторических ценностей в те времена было бы невозможным. Специализированная реставрационная мастерская создавалась нами заново, и я храню искренние чувства благодарности тогдашнему начальнику областного управления здравоохранения Ивану Анатольевичу Позднякову за оказанную нам помощь необходимым инструментарием и оборудованием. Особенно полезным в исследовании памятников иконописи был для нас старенький рентгеновский аппарат, списанный в одной из больниц и служивший нам потом верой и правдой многие годы.

Активными участниками культурного подъема в Вологде тех дней являлись областная научная библиотека имени И. В. Бабушкина и областная филармония, удостоенная впоследствии имени В. А. Гаврилина. В залах библиотеки проходили выставки молодых художников, презентации литературных новинок, в том числе по искусству, состоялись встречи с вологодскими писателями и поэтами В. И. Беловым, В. П. Астафьевым, Н. М. Рубцовым, В. В. Коротавым и многими другими. В составе библиотечных фондов хранится богатейшая библиотека дореволюционной Вологодской семинарии, в которой сосредоточено множество изданий XVIII-XIX веков по церковному искусству, и я, изучая историю вологодской иконописи и архитектуры, целыми днями и долгими вечерами (библиотека работала до 10 часов вечера) засиживался в читальных залах и рылся в фолиантах старинных летописей и в томах «Вологодских епархиальных ведомостей». Директор библиотеки Нэлли Николаевна Белова и многие сотрудники с искренним сочувствием и пониманием относились к нашим трудам по выведению культурного наследия из мрака забвения и всемерно содействовали нам в нашей научно-исследовательской работе. Руководители и артисты Вологодской областной филармонии всегда охотно принимали участие в презентации результатов нашей деятельности. Художественный руководитель филармонии Геннадий Иванович Соболев и организатор концертных программ

Валерий Петрович Гончаров украшали эти мероприятия концертами мастеров вокального и инструментального искусства, безотказно предоставляя уютный и вместе торжественный зал филармонии в здании бывшего Дворянского собрания для проведения межрегиональных и международных научных форумов, посвященных проблемам изучения и сохранения исторического архитектурно-художественного наследия.

Возглавляя Вологодскую мастерскую по реставрации памятников древнерусского искусства, я как специалист в области культурного наследия одновременно отдавал много времени и сил борьбе за сохранение ценных памятников архитектуры и исторических градостроительных ансамблей на территории Вологды и Вологодской области. С 1968 по 1993 год я избирался председателем архитектурной секции Вологодского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а одно время и председателем всего совета. В те годы остро стояла проблема сохранения традиционной застройки в исторических городах Вологодской области. Согласно основной идее модернизации старых градостроительных структур, заложенной в действующих тогда генеральных планах развития исторических городов области, разработанных в НИИ «Ленгипрогор», практически вся историческая застройка в них подлежала сносу, за исключением немногих известных памятников архитектуры, что кардинально меняло облик этих городов. Нужно было добиваться изменения этой губительной тенденции на государственном уровне. Надежными и активными соратниками в этой борьбе стали архитекторы Вологодской специальной научно-реставрационной производственной мастерской Александр Сергеевич Сорокин, Олег Николаевич Никитин, Виктор Александрович Барановский, а также инспекторы производственной группы по охране и реставрации памятников культуры при управлении культуры Вологодского облисполкома Анатолий Гаврилович Бобров и Роберт Александрович Балакшин. Большую помощь и поддержку в решении этой задачи оказали многие специалисты, архитекторы, художники, искусствоведы Москвы и Ленинграда, входившие в состав Центрального совета ВООПИиК.

Нашими единомышленниками в этом вопросе, к счастью, оказались главный архитектор Вологодской области Леонид Николаевич Рагутский и его коллеги Григорий Куприянович Парфенов и главный архитектор Вологды Леонид Александрович Тихомиров. Их активными действиями при поддержке Центрального совета ВООПИиК нам удалось добиться отмены старых генпланов Вологды, Великого Устюга и других исторических городов Вологодской области и разработки новых стратегически важных градостроительных проектов с учетом сохранения исторически ценной застройки и исторического городского ландшафта. Выступления в защиту отечественного архитектурно-художественного наследия в стране в те годы приняли массовый характер, и властные структуры как в центре, так и на местах вынуждены были с ними считаться. В марте 1995 года губернатором Вологодской области Николаем Михайловичем Подгорновым впервые в структуре администрации Вологодской области было создано управление исторического наследия и туризма, я был назначен его руководителем. Появилась реальная надежда на возможность сохранения исторического колорита наших городов, их уникальных памятников истории и культуры. Но через год губернатор был смещен с должности, а мое управление было ликвидировано.

Взаимополезные профессиональные отношения, переросшие со временем в дружеские связи, сложились у нас, реставраторов, с коллективом Вологодской областной картинной галереи. Деловые обсуждения вопросов реставрации и хранения, организации выставочной деятельности с директором галереи Владимиром Валентиновичем Воропановым, с его заместителем Любовью Георгиевной Сосниной, с научными сотрудниками Мариной Николаевной Вороно, Ириной Борисовной Балашовой, Елизаветой Александровной Коноваловой всегда были плодотворными и актуальными для реализации наших многих совместных художественных проектов.

Областная картинная галерея в Вологде была создана сравнительно недавно, но как-то сразу заняла видное место в художественной жизни города. Возможно, так случилось не без влияния того обстоятельства, что она создавалась на солидной исторической базе коллекций художественного отдела Вологодского областного краеведческого музея, в котором находились произведения искусства из экспроприированных дворянских усадеб, из домов купцов и дореволюционной интеллигенции, из монастырей и храмов Вологодской епархии, а также из собрания Северного кружка любителей изящных искусств, переданные из музея в картинную галерею при ее формировании в 1952 году. Позднее собрание галереи пополнялось поступлениями из фондов Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Государственного Художественного фонда СССР, дарами и приобретениями у коллекционеров, вследствие чего экспозиционные залы и фонды галереи украсились произведениями известнейших русских, советских, зарубежных

мастеров. Ныне Вологодская областная картинная галерея по праву входит в число самых представительных по содержанию и активных по научной и популяризаторской работе художественных музеев России.

С 1953 года, почти 20 лет должность директора Вологодской областной картинной галереи занимал Семен Георгиевич Ивенский. Это был весьма инициативный, эрудированный специалист, поддерживающий деловые связи с ведущими искусствоведами, музеями и коллекционерами многих городов. В его профессиональной деятельности приоритетное место занимала сфера графики, особенно современная практика русского и зарубежного экслибриса. К памятникам древнерусской живописи и церковного искусства, к вопросам их сохранения и реставрации он не проявлял сколько-нибудь осязаемого интереса, и поэтому при его правлении контакты нашего реставрационного братства с картинной галереей были минимальны.

Ситуация коренным образом изменилась, когда в 1981 году галерею возглавил молодой искусствовед Владимир Валентинович Воропанов. Специалист широкого профиля, хорошо знающий музейное дело и владеющий всем спектром развития различных направлений в художественной жизни региона и в современном искусстве в целом, он успешно оживил деятельность областной картинной галереи и активизировал ее участие в культурной жизни вологодского общества. Под его руководством галерея наладила эффективные связи с Вологодской организацией Союза художников России, с художниками Москвы, Ленинграда, Новгорода и других городов. В результате этих контактов собрание областной галереи значительно пополнилось произведениями художников-вологжан и талантливых мастеров современного искусства из многих иных центров художественной культуры нашего времени. Резко возросла выставочная деятельность галереи, благодаря чему жители Вологды смогли более полно познакомиться с творчеством многих ведущих художников России и молодых авторов на их персональных и групповых выставках. Неоднократно сотрудниками галереи проводились и выездные выставки на площадках Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля и других городов Центральной России и Северо-Запада.

Одновременно В. В. Воропанов дал новое развитие основанной С. Г. Ивенским традиции особого интереса к графике и экслибрису. Своими публикациями и выставками экслибриса Вологодская картинная галерея заслужила международную известность и стала одним из центров изучения и популяризации этого уникального жанра графического искусства.

В 1980-е годы оживились и стали более стабильными творческие связи местных реставраторов с Вологодским отделением Союза художников России и коллективом картинной галереи. К этому времени ряд художников-реставраторов пополнил состав Вологодского отделения СХ России, вместе со мной членами Союза художников стали Тамара Петровна Рыбакова, Сергей Борисович Веселов, Николай Иванович Федышин, Ольга Александровна Соколова. У нас образовались довольно тесные связи со многими замечательными художниками Вологды. В наши реставрационные мастерские частенько заглядывали Владимир Николаевич Корбаков, Александр Васильевич Пантелеев, Николай Васильевич и Генриетта Николаевна Бурмагины, Джанна Таджатовна Тутунджан. Позднее частым гостем у нас стал Николай Иванович Мишуста. Они всегда живо интересовались вновь открытыми произведениями старых мастеров, а мы бывали в их мастерских и на их творческих выставках.

Состоявшие в Союзе художников реставраторы также устраивали свои персональные выставки, принимали участие в ежегодных осенних коллективных выставках членов СХ. Вологодским филиалом Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря, в котором работали реставраторы, совместно с областной картинной галереей регулярно проводились отчетные юбилейные выставки реставрированных произведений из собраний музеев Вологодской области. Эти выставки проходили обычно в залах галереи и сопровождались заинтересованным обсуждением представленных работ, а также насущных проблем развития художественного творчества. Нередко такие встречи и собеседования затягивались до позднего вечера и укрепляли в их участниках интерес к творческому совершенствованию, утверждали ценность вечных идеалов искусства.

Среди этих творческих собеседований особое место занимали встречи небольшой группы художников, искусствоведов картинной галереи, реставраторов и их друзей в мастерской Александра Васильевича Пантелеева, которые мы называли «пантелеевскими вечерами». Эти встречи устраивались по разным поводам, будь то рождение нового интересного произведения, или появление нового издания по искусству, или какие-то события в мире культуры и искусства, требующие обсуждения и оценки. Александр Васильевич был хлебосольным хозяином и чрезвычайно интересным, остроумным и универсально эрудированным собеседником. В обстановке дружеской беседы взаимно заинтересованных людей высказывались

искренние, откровенные суждения о предмете разговора, иногда с горячей поддержкой и восхищением, иногда резко критичные. В результате такого живого диспута рождалась какая-то приближенная к истине общая платформа, представляющая проблему более ясной и понятной. В этом оживленном обмене информацией и мнениями проблемы высвечивались вдруг с новой, неожиданной стороны, что давало возможность участникам собеседования ввести какие-то нужные коррективы в свою жизненную позицию.

В 1990 году А. В. Пантелеева не стало, а с ним ушли в прошлое и «пантелеевские вечера». Ушли в мир иной Н. В. Перцев, И. А. Пятницкая, В. Н. Корбаков и многие другие друзья и коллеги. Давно нет ни обкома КПСС, ни облисполкома. В мир культуры и искусства пришли новые люди. Каким будет искусство Вологды в XXI веке — это уже совсем другая, еще не написанная история.

Вологда, август 2019 года

Сергей БАРАНОВ,
кандидат филологических наук, профессор ВоГУ

ИЗ КАТЕГОРИИ ПОДВИЖНИКОВ

Те без малого четыре десятилетия, в течение которых Вологодскую областную картинную галерею возглавлял Владимир Валентинович Воропанов, стали периодом ее расцвета. Галерея существовала и до того, как он в 1981 году был назначен ее директором, но столь значимым и для Северо-Западного региона, и для России в целом культурным центром она стала именно при нем.

Наверное, Владимира Валентиновича можно было бы назвать талантливым менеджером. Но само слово «менеджер», не так давно заимствованное нами и приобретшее у нас смысловой оттенок престижности и бизнес-успешности, как-то не очень к нему подходит. Как, впрочем, и слово «менеджмент» плохо соотносится с сутью того дела, которому он посвятил главную и, несомненно, лучшую часть своей жизни. Конечно, заниматься кадрово-организационными вопросами, заботиться об экономической «эффективности» работы вверенного ему учреждения, искать спонсоров, учитывать новации в сфере культуры ему приходилось. Однако думал он прежде всего не о престиже и не о финансовом успехе, а о смысле жизни в культуре — смысле жизни своей и смысле жизни земляков, тех, с которыми его связала биография. Собственно, для него жизнь в культуре была и остается самой важной формой человеческой жизни, той формой, в которой сущность человека раскрывается наиболее ярко, наиболее полно и наиболее значимо. Может быть, сказанное звучит несколько пафосно, но дело обстоит именно так, ибо Владимир Валентинович относится к категории подвижников — тех людей, для которых избранный род деятельности становится судьбой, служением, миссией.

Изобразительное искусство не такое «самоочевидное» и массовое, как эстрада, кинематограф или театр. Посетителей концертных и зрительных залов намного больше, нежели посетителей выставочных залов и картинных галерей. Да, разумеется, встреча с любым произведением искусства предполагает наличие некоторого эстетического багажа, навыка, готовности к восприятию того, с чем обращается к зрителю, слушателю, читателю автор или исполнитель. Но по отношению к живописи это требование, может быть, является особенно настоятельным. Здесь разница между «глядеть», «смотреть» и «видеть» приобретает повышенную значимость. Полноценное созерцание живописного полотна — это «проникновение через видимость явлений к их сущности», своего рода духовное прозрение. И оно, это проникновение, невозможно без знания хотя бы начатков «языка» живописи, без непосредственного и постоянного зрительского контакта с живописными полотнами. Учитывая данное обстоятельство, Владимир Валентинович неустанно занимался не только пополнением фондов галереи, консолидацией творческих сил Вологодчины, организацией художественных выставок, но и подготовкой квалифицированного «созерцателя» — того,

кто обладает способностью воспринимать живопись на уровне, обеспечивающем ее понимание, для кого картинная галерея может стать пространством духовной самореализации. Этой цели были подчинены многие проекты галереи, инициированные самим Владимиром Валентиновичем или осуществленные при его непосредственном участии.

Устраивались персональные и тематические выставки. Открывались новые выставочные залы в Доме Шаламова, Доме Пантелеева, Доме Корбакова. Проводились конференции различного уровня и масштаба. Выпускались альбомы, посвященные творчеству вологодских художников. Организовывались встречи вологжан с художниками и искусствоведами. Работал Клуб любителей искусства. Выходил журнал «Хронограф». Проводились мастер-классы для широкой публики и занятия со школьниками, читались лекции по истории искусства для студентов Вологодского университета. Приглашались для выступления на площадках галереи профессиональные и самодеятельные музыканты, артисты театров, писатели. В галерее и вокруг нее формировалась эстетическая среда, в значительной мере определявшая уровень культурной жизни Вологды, которая в 1970-2000-е годы постепенно обретала репутацию одного из художественных центров России.

Перечень этот можно было бы продолжать, перечисляя разнообразные грани деятельности Вологодской картинной галереи той поры, когда во главе ее стоял Владимир Валентинович Воропанов. Их было много, этих граней, и, может быть, со временем отчетливо дадут о себе знать даже такие, которые сейчас неочевидны, неощутимы, малозаметны. Но уже сегодня понятно, что в культурной истории Вологды непременно должна наличествовать отдельная страница, посвященная Владимиру Валентиновичу Воропанову.

Вологда, июль 2019 года

Галина Щекина, писатель

ОАЗИС СВОБОДЫ, ТВОРЧЕСТВА И ВДОХНОВЕНИЯ

Мои воспоминания об областной картинной галерее и ее директоре Владимире Воропанове относятся к 1997 году. Они связаны с появлением книги В. Гальского. Творчество В. Л. Гальского, поэта «незамеченного» поколения первой волны эмиграции, чей скитальческий путь пролегал от орловских просторов — через всю Европу — до Африки, почти неизвестно в России. Его стихотворения, опубликованные под одной обложкой с признанными мастерами слова — А. М. Ремизовым, Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, М. А. Алдановым и другими — были рассеяны в периодике русского зарубежья 1930-50-х годов («Русские записки», «Возрождение», «Грани») и в коллективных сборниках: «Литературная среда» (Белград, 1936), «Стихи» (Мюнхен, 1947) и иных.

В 1992 году сын поэта, Константин Владимирович Гальский, воплощая нереализованный замысел отца, издал (по сохранившемуся авторскому плану) книгу стихотворений «Путь усталости» (Вологда: Грифон, издатель Т. Прилежаева). В «Грифоне» работал мой супруг, Сергей Щекин (литературный псевдоним Сергей Фаустов). Благодаря ему я и узнала про эту книгу. Щекин лично общался с Константином Гальским во время подготовки книги к печати. В то время уже восстанавливали усадьбу Гальских в Череповце...

Итак, в 1997-м в картинной галерее прошел большой вечер поэта Гальского. Я в то время работала в Центральной городской библиотеке Вологды; встреча, посвященная Гальскому, была и там, на Панкратова, 75. Но в картинной галерее стал возможен довольно высокий уровень общения — там присутствовали и выступали Владимир Воропанов, Владимир Аринин, Юлия Бабичева, Татьяна Никитина. Вечер Гальского — уникальное

историческое событие, благодаря которому имя поэта было возвращено городу: стихи поэта зазвучали во весь голос, о нем самом и о его наследии заговорили серьезно. Городской театр-студия «Подросток» (ул. Ленинградская, 5) под руководством Владимира Шахова и Татьяны Слинкиной осуществил в 1997 году сценическую версию этой книги, позже выступал с ее показом в картинной галерее. А книга «Путь усталости» заняла свое место на книжных полках, пошла к читателям. В фондах областной библиотеки им. Бабушкина теперь есть три ее экземпляра.

И с этого вечера практически началось мое сотрудничество с картинной галереей. Владимир Валентинович, как человек высокой культуры, поверил мне, поверил в то, что наши контакты могут быть важны для вологжан. Это было ярким примером того, как благодаря широте его интересов картинная галерея стала не только местом выставок, но также крупным культурным центром Вологды и России.

В 2001 году я работала в городском журнале «Мезон», его выпускала одноименная компьютерная фирма. Редактор журнала Исаак Подольный отправил меня к Владимиру Воропанову за материалами для журнала. Кажется, это был рассказ директора картинной галереи о его зарубежной поездке, о том, как он всему миру рассказывал о русском искусстве... С первой встречи было понятно, что передо мной образованнейший человек с огромной эрудицией. Я как-то мимоходом сказала, что у меня проблемы с помещением для литобъединения, проблемы с публикациями. Воропанов улыбнулся: «Так ты, наверно, тоже в черном списке?» «В каком списке?» — удивилась я. — «Да в том же, что и я». Ничего не поняв, я, тем не менее, почувствовала, что собеседник меня поддерживает!

Владимир Валентинович всегда шутит. Никогда не видела его мрачным или злым, наоборот, на лице его чаще появлялась улыбка. Когда мы встречались, он всякий раз, здороваясь, говорил какую-нибудь остроту.

Материал для журнала я тогда получила, и не один. В журнале «Мезон» тогда была постоянная рубрика «Вологодский вернисаж» — рассказы о художниках и их картинах. Не всегда автор — Воропанов. Чаще сотрудники ВОКГ.

Таким образом я оказалась вовлечена в сложную и разнообразную деятельность ВОКГ. Разумеется, прежде всего это были выставки живописи, о которых говорили, спорили. Но не только. Воропанов организовал работу нескольких клубов при картинной галерее — Клуб коллекционеров, Клуб любителей искусства, потом туда прибавился киноклуб с Татьяной Кануновой, Клуб Российского союза писателей с Леонидом Юдниковым.

Однажды, зайдя по журналистским делам в картинную галерею, я узнала, что в главном здании (бывший Воскресенский собор) будет концерт Надежды Бурдыковой. На концерт ее пришло огромное количество людей, и многие плакали. Бушевали страсти. Так я обнаружила, что картинная галерея помимо выставок дает помещения артистам, бардам, литераторам, открывает простор для концертной деятельности. Впоследствии я и сама помогала устраивать такие концерты (Андрея Широглазова, Игоря Захарова, Александра Якунова — все из Череповца).

Именно из программ картинной галереи я узнала, кто такая Валентина Боровицкая — московская писательница, поэтесса, драматург, автор книг «Синяя тетрадь с бронзовой застежкой», «Эпилог», «Перекресток». Валентина Боровицкая имеет вологодские корни и поэтому очень любит выступать перед своими земляками. Администрация ВОКГ ее инициативу поддерживала.

В 2001 году в Вологду приехала известная писательница и медийная фигура Мария Арбатова. Одно из ее выступлений проходило в Юго-Западной башне кремля, организаторами встречи выступали картинная галерея и турфирма «Странник». Встреча прошла с большим успехом. Моя задача была в том, чтобы пригласить Арбатову, и эта затея удалась. После короткой нервной переписки Арбатова все же дала свое согласие... В Вологду она прибыла не одна, а с двумя взрослыми сыновьями. Я ближе познакомилась со столькой знаменитостью, на меня встреча с нею произвела огромное впечатление. В дни визита я проводила встречу с Арбатовой также и в Центральной городской библиотеке, там вообще наплыв зрителей едва не привел к сломанным дверям. Вопросы задавали без конца... Арбатова расшевелила сонную тишину Вологды. Резко возрос интерес к ее книгам, их выхватывали из рук. А чтобы выхватывать, их нужно было заранее привезти из Москвы...

Для меня, человека общественного и связанного с литературой, личность Владимира Воропанова была очень значимой. Вот один пример, когда Владимир Валентинович познакомил меня с Людмилой Улицкой. Он, конечно, не знал, что Улицкая для меня — лучшая писательница России, поэтому я была в шоке.

Фрагмент из дневника.

«27 августа 2002 года. НЕРЕАЛЬНАЯ УЛИЦКАЯ. В Вологодской картинной галерее было в тот день малоллюдно. На улице шел дождь, я потащила художницу Надю Черкасову на выставку «Солнечного квадрата» — ну, там всякое баловство, дело рук молодых художников: «Венера» из проволоки, член и грудь под колпаком, гипсовые слепки рук, неожиданные химические пейзажи и натюрморты, прибитые к щербатой доске. Дали мне фотки для журнала, а подписать не подписали, пришлось идти. Выставка мне показалась ехидной и озорной.

Тут Воропанов, директор, вдруг меня окликнул:

— Галя, иди сюда. Посмотри, кто здесь.

Я слепая, ничего не вижу издали, картины смотрю «носом».

— Здравсте, Владимир Валентинович! Иду-иду.

Подхожу — рядом маленькая черненькая женщина.

— Галя, знакомься, это Улицкая. А это местный литератор Галя Щекина.

— Ах, — закричала я, полностью обалдев, — здравствуйте! Я такая ваша поклонница, знаете...

И замолчала. Она улыбнулась.

— Мы с мужем здесь на минутку, говорим о возможной выставке.

Муж — художник Красулин — стоял тут же.

— А это мой сын, работает на «Северстали» (красивый черноглазый юноша!).

— «Северсталь» — это очень круто, — сказала я невпопад. — У нас на фирме «Мезон» сильно обсуждали ваш последний роман. Споров было, споров!..

— Какой, «Кукоцкого»? Надо же, в такой глуши еще читают «Кукоцкого»... А о чем спорили?

— Да вот о том, что людям много дано, а они несчастны. Героиня, видевшая насквозь, это ж такая эзотерика... А чем кончилось? Вообще, слишком тяжелый роман.

— Да, он тяжелый. А кто сказал, что тонко чувствующим людям легко жить? Вообще, роман ничего не утверждает, он же только ставит вопросы... Нам, правда, некогда, мы уходим.

— Это очень жалко. А вы приедете еще? Владимир Валентинович, вы мне скажете?.. Я же не отстану теперь...

— Скажем, скажем... Увидимся...

Мне сказали «до свидания». Я попятилась, будучи все еще в шоке. Потом на другой день стала бегать, всех напрягать насчет ее книг. Я ведь только «Медю» читала да «Кукоцкого»... Вдруг, правда, приедет? Наташка Сучкова пришлет чего-то из ОГИ, тут мне Люда дала «Веселые похороны». Удивительно человек умирает — осмысленно и к другим по-человечески. А я прожить жизнь по-человечески не могу. Заклинаю всех прочесть этот роман Улицкой. Чтоб текст о смерти и содержал столько энергии... Все это как-то нереально. Но есть свидетели, Надя все видела. Она с усмешкой говорит — ну, с тобой и ходить в картинную галерею...»

Улицкая потом действительно приезжала, выступала в филармонии, я погнала туда своих учеников, студийцев, они отзывы писали.

Открывая выставки, Воропанов говорил ключевые слова, это сразу показывало мне творческую историю представленного художника, его особенности. Как я заметила, вологодские художники были для Владимира Валентиновича так же важны, как и московские, питерские. Иногда мне даже казалось, что Воропанов работает не в Вологде, а в Москве. Для меня его речи были директивными. Я им верила.

Помню речь на открытии персональной выставки Яна Крыжевского. Это рассказ о живописце, более десяти лет работавшем в Вологде. Самого художника на выставке не было. Он в то время был в Америке. Выставка стала огромным событием. Все о ней говорили. Однажды Марина Вороно написала мне, что Крыжевский пропал, не отвечает на письма. И я об этом написала в ЖЖ. Через долгое время, уж и Марины Вороно не стало, один человек написал мне, что нашел в американской подземке человека, назвавшегося художником. Он был болен. Я написала всем, кому могла, — в том числе дочери Крыжевского Марии и своей подруге Елене Колядиной в Череповец, а та дала мне адрес редактора Первого канала ТВ. И Первый канал привез Яна прямо на передачу. И я там была. Вся эта история вошла в мой роман «Несвадебный марш», и, что особенно ценно, Воропанов прочитал ее как есть, невзирая на то, что имя указано не было. Но зато там были описания картин Крыжевского, и тут ошибки быть не могло.

У каждого художника есть своя загадка. Загадки мне помогал разгадывать муж, критик С. Фаустов. Вот что он написал про Виктора Седова: «В 2013 году в картинной галерее открылась большая выставка Виктора

Седова, интересного, смелого художника со своей философской позицией, основанной прежде всего на канонической иконописи и отношении к искусству, возникающему в своих истоках во глубине народной жизни. В работе «Странствие старой музыки» показано гиперболизированное изображение рук, как их изображали древние иконописцы. Тем ближе этот образ оказался к рукам новейших японских роботов, так называемых «servo-controlled GOD HANDs»: «сервоуправляемые руки Бога», как они и были задуманы Создателем. Так живопись В. Седова приобретает новые пути странствий от «старой музыки к новой», которая, оказывается, и была задумана такой».

Вот так мы всегда с Фаустовым смотрели выставки в ВОКГ: я спрашивала, он отвечал.

Еще пример.

«ОПТИМИЗМ КАК ПОЗИЦИЯ (о выставке О. Карпачевой)». Открытие выставки Ольги Карпачевой в 2019 году привлекло в Дом Корбакова фантастически много людей. Толпа была такая, что не пройти к полотнам. Выходит, несмотря на закрытие большого здания картинной галереи, Дом Корбакова остается эпицентром культурной жизни. Да, выступления у микрофона целых отрядов живописцев многих впечатлили! Ольга Карпачева — любимица своих братьев по кисти. Что тоже важно. Ну да, есть в ней что-то обезоруживающее. В этой выставке поражает не только количество работ, но и их разнообразие. Тут и живопись, и графика, да и тематический разброс. Пейзажи, снега, домишки, завод. Некоторые картины немислимы рядом, но они есть. Мое открытие Карпачевой было несколько лет назад в Доме Пантелеева, где группа художников собралась после череповецкого пленэра. «Ну уж, — подумалось мне, — Пантелеева хотите переплюнуть?» Среди всех тогда запомнилась Карпачева — оптимизмом и обжитостью заводских стен.

На выставке она разная, но нить радости прошивает все. Это необычно для нашего времени, когда мрачная палитра и тоска часто бывают оправданны. Оправданно и название выставки — «Энергия пространства». Оно выбрано метко и правильно. Для многих посетителей на выставке все было понятно. Для меня не все, и я обратилась с вопросами к критику Сергею Фаустову.

Г. Щ. — «Слышала, что в картинах Карпачевой угадываются 1950-е или даже 1960-е годы. Значит, это «оттепелый» художник, так ведь это была целая эпоха в стране, в искусстве — шестидесятники. К Карпачевой это относится?»

С. Ф. — «Нет. Она живет и работает в 10-е годы XXI века. То, что она имитирует те годы своим стилем, техникой, говорит о ее творческом кредо, во-первых, а во-вторых, о невероятных трудностях в выборе и создании своей индивидуальности в современном искусстве».

Г. Щ. — «Обилие окошек, старых домов — это поклон советской стране или беловскому «Ладу»?»

С. Ф. — «Нет, ни то и ни другое. Старые окошки и дома — это такие арт-объекты, которые весьма успешно и выразительно укладываются на полотна Карпачевой благодаря ее стилю и технике — крупные широкие мазки, усиленные цветовой яркостью. Само полотно становится новой реальностью, и она в том, что работы художницы приносят ей большую радость».

Г. Щ. — «Палитра Карпачевой в целом светла: открытые пространства, снега, небо. Не чужеродны ли тут виды индустрии Череповца?»

С. Ф. — «Нет, не чужеродны. Индустриальный пейзаж металлургического завода весь черный, шумный и жаркий. Художница нашла 50 оттенков черного, показала нам, и оказалось, что это яркий, цветной индустриальный пейзаж, несущий радость. Радость труда, прежде всего своего собственного».

Г. Щ. — «У Карпачевой есть пастозные, лихо сделанные крупными мазками, вещи (та же «Капуста»), а есть тонкая проработка деталей (лодочка на итальянском берегу). Что же более органично?»

С. Ф. — «Крупные мазки позволяют писать две картины одновременно. Одну надо смотреть вблизи, и на ней будет изображена одна реальность, а вторая, совсем другая — видится издали. И они разные! У картины может быть даже два названия! Например, такова картина с изображением кочанов капусты (издалека) и морского прибоя (вблизи), и то и другое цвета морской волны».

Г. Щ. — «Какова степень новизны сегодняшней Карпачевой по сравнению с нею самой прежней и многими другими вологодскими художниками?»

С. Ф. — «Не знаю, кажется, еще рано об этом говорить. В ее полотнах присутствует какая-то невидимая нить, протянутая через века к эпохе Возрождения. И это естественно — они же однофамильцы — Ольга Карпачева и Витторе Карпаччо — классик венецианской школы».

Г. Щ. — «А мне кажется — не рано. Это уже позиция, причем выстраданная и доказанная годами мощной работы. Самая моя любимая работа — «Пекарня»».

Выставки давали разнообразный, множественный взгляд на мир, а это часть самой жизни.

Были моменты, когда помощь В. В. Воропанова оказывалась значимой не только для меня, а для целого круга людей, которые в другом месте поддержки не видели. Например, литобъединение «Ступени» получило по моей просьбе безусловную поддержку директора ВОКГ именно тогда, когда оно еще не было популярно, даже подвергалось некоторым нападкам. Тем более тяжело было найти зал для празднования 25-летия лито (1997 г.). Наш ведущий, писатель Юрий Макарович Леднев, почему-то отказался от правления литобъединением, которое сам же и создал. Мы его уговорили прийти и выступить. И он пришел, чтобы публично отречься от нас. ««Ступени» пошли не туда», — сказал он. Уж если отец-основатель отвернулся! А Воропанов — нет. Не отвернулся. Таким образом, он дал путевку в жизнь новому крылу вологодской литературы. На том памятном вечере выступали Юрий Богословский, Лариса Мокшева, Ната Сучкова (будущая звезда читала стихи из новой книги), Сергей Фаустов, Андрей Широглазов из Череповца...

Для заседаний лито получило постоянную прописку в мемориальной мастерской Пантелеева, сборы здесь проходили несколько лет. Во время заседаний мы знакомились с новыми выставками и по мере сил писали отзывы на них. Позже на базе «Ступеней» было основано Вологодское отделение Союза российских писателей, представители которого сразу получили приглашение выступить в Доме Корбакова. Например, был вечер поэзии членов СП в марте 2015-го, в Год литературы в России. Это было очень престижно. В число персонально приглашенных попала и я.

Меня иногда называют повивальной бабкой новой вологодской литературы, так как я была свидетелем роста многих талантов. Но не многие считают меня отдельным автором, отличимым от Союза, от лито, особым объектом. Вот Воропанов обозначил меня именно как отдельного автора, а не только как организатора. По его предложению прошла моя встреча с читателями в 2013 году — по поводу романа «Тебе все можно». Конечно, шла речь и о «Графоманке». Тогда уже можно было говорить об этом открыто, так как роман «Графоманка» вошел в шорт-лист премии «Русский Буккер» в 2008 году. Это была встреча, где присутствовал Владимир Корбаков, его с того вечера увезла «скорая». И это было его последнее выступление на публике. Если бы не это грустное обстоятельство, я считала бы вечер одним из самых успешных — публика задавала много вопросов, интересовалась моими книгами. Благодаря клубной системе народу было очень много. Памятный подарок — авторский альбом Корбакова с его дарственной надписью.

2018 год — встреча с романом «Несвадебный марш». 2019 год — вечер поэзии Щекиной «Времена года»... Огромную помощь оказали мне на этих вечерах искусствовед Ирина Балашова и певица Мария Запольских. Владимир Валентинович, несмотря на слабое здоровье, прислал мне рецензию на роман «Несвадебный марш», которой я очень дорожу, равно как и отзывом И. Балашовой. Да, таких отзывов немного. Но их написали лучшие люди города. Я уж не говорю о том, что Воропанов — почетный гражданин Вологды, об этом все знают.

Вологодская картинная галерея во времена Владимира Воропанова стала оазисом свободы, уголком богемы, куда творческая интеллигенция приходила зарядиться энергией и вдохновением, точно так же, как это было в нью-йоркском Гринвич-Виллидже и на парижском Монмартре. Такой статус дорогого стоит.

Вологда, июль 2019 года

ХРАМ ИСКУССТВА

Областная картинная галерея, «картинка», всегда была храмом. И не только потому, что располагалась в Воскресенском соборе, а по сути. Она никогда не пустовала, в ней всегда были люди. Она была центром притяжения для желающих приобщиться к высокому, вечному, прекрасному. Здесь проходили не только художественные выставки, вернисажи, но и литературные, музыкальные, поэтические вечера и встречи. Здесь всегда звучала музыка. Инструментальная и вокальная, хоровая и камерная. Музыкальный репертуар «картинки» был сравним с филармоническим.

А он был настоятелем, хранителем и служителем этого храма. Он был художественным руководителем и режиссером, консультантом и критиком, лектором и ведущим. Его слушали. Слово его было умным и доступным. К его мнению прислушивались и художники, и музыканты. Владимир Валентинович Воропанов.

Он и сам был культурным центром, художественным явлением нашего города. Образованный, интеллигентный, он стремился расширить рамки картинной галереи. И не только территориальные — филиалы «картинки» открылись и в Шаламовском доме, и в Доме Корбакова, — но и творческие. О литературно-музыкальных вечерах в Шаламовском вспоминается особо: Владимир Воропанов рассказывал интереснейшие истории, Всеволод Чубенко читал стихи и прозу, а великолепная Ирина Богомолова (так рано ушедшая от нас, Царствие ей Небесное!) играла на рояле. Чудесное было трио!

Выступать в картинной галерее было престижно и почетно. Зал был расписан на месяцы вперед: хорошие коллективы, солисты, оркестры и ансамбли — в полной мере филиал филармонии.

Валерий Петрович Гончаров, бывший тогда директором Вологодской областной филармонии, вспоминает, что в 1980-90-е годы было такое поветрие: проводить филармонические концерты в публичных местах — учебных заведениях, библиотеках, музеях... А тут еще ремонт основного здания филармонии, Дворянского собрания, затянулся. И картинная галерея во главе с Владимиром Воропановым взяла на себя большую часть филармонических концертов. Камерный оркестр филармонии под управлением Александра Лоскутова получил здесь «вторую прописку». В декабре 1990 года в картинной галерее прошёл первый концерт этого оркестра. Потом были абонементы «Живопись и музыка», «От барокко до модерна», выступления с известным московским ансамблем «Концертино»... Мужской хор «Хоровая Академия» под управлением Александра Седова также стал постоянным участником концертов в картинной галерее. Вообще прекрасная акустика собора особо привлекала хоровые коллективы.

Выступали в «картинке» не только вологодские музыканты, но и гастролеры. В самом начале 90-х в зале картинной галереи играл мало кому тогда известный ученик ЦМШ при Московской консерватории Денис Мацуев. Кроме классической программы он показывал свои первые джазовые импровизации.

Владимир Валентинович неизменно волновался — «...А публика будет?» Но всегда были аншлаги, люди стояли в притворе. Вспоминается один из концертов Мужского хора Вологодского кремля, посвященный памяти архимандрита Матфея, известного церковного композитора, регента объединенного хора Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. Концерт назначили на 4 ноября, день Казанской иконы Божьей Матери, новый выходной — День народного единства. Владимир Валентинович: «А народ-то будет? Выходной же, все гуляют, отдыхают...» Зал не смог вместить всех желающих, многие остались на площади.

Символично, что отпевали Владимира Валентиновича в Воскресенском соборе певчие того хора.

Хотя сейчас в Воскресенском соборе нет картинной галереи, церковь возвращает себе утраченное, вологжане долго еще будут называть это здание «картинкой». Но меня не оставляет какое-то странное и неловкое чувство, что Вологда снова лишилась одного храма. А память о Владимире Валентиновиче Воропанове, интеллигенте, скромном и равнодушно-равнодушном человеке, горячо любившем свой город, мы сохраним.

Вологда, март 2021 года

СЛОВО О ДРУГЕ

Трудно подобрать слова, чтобы описать мои впечатления от знакомства и общения с Владимиром Валентиновичем Воропановым. Каждый раз, встречаясь с ним, я отмечал его незаурядный интеллект, исключительную эрудированность и огромные знания. Как издателю, мне часто приходилось сталкиваться с разными людьми, но работа с Владимиром Валентиновичем была настоящим плодотворным сотрудничеством, работой с истинным профессионалом своего дела.

Иногда кажется, что трудно представить себе другого человека на его месте. Настолько Владимир Валентинович был предан своему делу, настолько тонко и точно вникал во все малейшие нюансы, был педантом в хорошем смысле этого слова. Его обширные знания, искусствоведческий талант, талант организатора — все это делало его на протяжении долгих лет руководства Вологодской областной картинной галереей незаменимым человеком, настоящим руководителем.

Он по праву получил звания заслуженного работника культуры России, члена Союза художников России, лауреата государственной премии Вологодской области по литературе и искусству, почетного гражданина города Вологды. Его ежедневная неутомимая искусствоведческая и организаторская работа позволили провести множество выставок, издать большое количество книг и альбомов, познакомить широкий круг общественности с работами вологодских и российских мастеров. Живопись, графика, скульптура, народное и прикладное искусство — нет такой области, в которой Владимир Валентинович не был бы специалистом. Среди ярчайших событий, в организации которых он принимал самое непосредственное участие, — всемирные конгрессы экслибриса, участниками которых были художники со всего мира.

Но при всем этом Владимир Валентинович всегда оставался настоящим мужчиной, достойным, чутким руководителем. Я считаю, что для многих его последователей он останется образцом человека огромных знаний и приверженности своему делу. Поверьте, всем нам есть чему у него поучиться.

Вологда, 2021 год

Алексей Суховецкий,
народный художник РФ,
действительный член РАХ, профессор

ЧЕЛОВЕК, К СУЖДЕНИЮ КОТОРОГО ПРИСЛУШИВАЕТСЯ ХУДОЖНИК

Не секрет, что далеко не всегда творческие устремления художника, поиск новой образности, нового изобразительного языка, своей индивидуальности и выразительных средств сразу находят понимание и отклик в обществе, у зрителя, и у участников художественного процесса. Художников и их искания подчас не очень понимают и уж тем более не всегда принимают даже близкие им люди, что уж говорить о более широкой аудитории.

Но творческому человеку очень важно, можно сказать, необходимо в процессе творческого поиска и развития не только уповать на внутреннее видение своего пути в искусстве, на «внутренний голос»,

но и находить отклик, понимание и поддержку тех людей, мнение которых художник уважает, ценит, к суждению которых прислушиваются и он сам, и его друзья и коллеги. Такой человек всегда чуток ко всем непростым перспективам художественной жизни, к сложности и неоднозначности творческой природы художника, его дороги в искусстве. И в то же время такой человек видит, понимает и хорошо разбирается во всех сложностях и многообразии современного художественного процесса.

Именно такой мне представляется фигура Владимира Валентиновича Воропанова. Как повезло Вологде, что волею судеб в те уже далекие времена он стал руководить областной картинной галереей, сумел собрать и сохранить в ней замечательный коллектив подвижников музейного дела, дела собирательства, сохранения, показа и пропаганды творчества современных художников, и далеко не только «раскрученных» и успешных. Именно Владимир Валентинович, будучи тогда молодым, энергичным, но уже облеченным определенным доверием, полномочиями и возможностями, умел и любил общаться с совершенно разными художниками из многих городов нашей большой страны, ходить по их выставкам, приходить в мастерские и планомерно собирать лучшее на его взгляд и пополнять коллекцию галереи.

Владимир Валентинович задумывал, инициировал и был «мотором» многочисленных интереснейших выставок, которые формировали и определяли художественную жизнь не только Вологды, но и всей страны. На мой взгляд, именно такие подвижники, всех себя, все свои силы, энергию, время отдающие любимому делу, именно такие люди творят чудеса, и они необходимы как воздух для художника, для музейного дела, для общества в целом. Сознание того, что такие люди, как Владимир Валентинович, идут по этой непростой жизни рядом с тобой и, несмотря ни на какие трудности и препятствия, делают свое любимое дело, — сознание этого согревает душу художника и вдохновляет на творчество.

Москва, декабрь 2020

Николай МИШУСТА, заслуженный художник России,
председатель Вологодского регионального отделения ВТОО «Союз художников России»

ЛИЧНОСТЬ, ВСЕЦЕЛО ПРЕДАННАЯ ИСКУССТВУ

В истории вологодской культуры и искусства Владимир Валентинович Воропанов был и остался уникальным и драгоценным связующим звеном в силу самобытности характера и жизненных устремлений. А Вологодская областная картинная галерея, которую он возглавлял на протяжении почти 40 лет, стала для него и вдохновляющей музой, и теплом домашнего очага, и главным смыслом человеческого существования.

Обладая пронизательностью и истинным чутьем искусствоведа, Владимир Валентинович уже в 20 с лишним лет являлся членом престижных выставкомов, а вскоре ему уже поручали писать обзорные статьи к выставкам как областного, так и всероссийского уровня.

Беспредельно преданный избранному делу, он старался превратить ВОКГ в настоящий храм искусства и поэтому был строг и избирателен при отборе авторов и произведений изобразительного искусства для экспонирования в галерее. В далекие 1980-е годы чаще всего только областные выставки давали возможность большинству молодых художников увидеть свои работы в престижных залах областной картинной галереи.

Страстный поклонник искусства гравюры, в частности гравюрной миниатюры, Владимир Валентинович в начале 1980-х годов создал при ВОКГ «Клуб экслибрис», заседания которого регулярно проходили в нижнем зале Воскресенского собора, собирая обширный круг как художников, так и любителей этого вида графики. Благодаря этим мероприятиям я познакомился с гравюрным искусством Г. и Н. Бурмагиных из обширного собрания галереи, а также лично — с художниками Л. Щетневым, Д. Медведевым, Е. Лебедевым и коллекционерами графики В. Магаревым и С. Птухиным.

Прекрасно образованный и эрудированный в области культуры и искусства, а в сфере граверных техник особенно, Владимир Валентинович увлеченно рассказывал о ведущих мастерах экслибриса и графики малых форм. Его любовь к гравюре была настолько велика, что в скором времени Вологда превратилась в российскую столицу этого вида искусства. На базе ВОКГ начали проводиться всероссийские конгрессы и выставки экслибриса. На них приглашались крупнейшие мастера книжного знака, что дало уникальную возможность всем любителям граверного искусства непосредственно общаться друг с другом, а художникам еще и находить заказчиков и покровителей.

Но по-настоящему Владимира Валентиновича Воропанова как своеобразную личность, всецело преданную искусству, я узнал и оценил, когда сам был избран председателем Вологодского регионального отделения Союза художников России. Наше общение стало более тесным и более официальным по статусу. И когда в Вологду буквально хлынули потоки выставок: межрегиональная «Российский Север — 9», III Всероссийская художественная выставка пейзажной живописи «Образ Родины», — то Союз художников и областная картинная галерея практически объединили свои усилия для приема гостей, работы выставочных и торжественного открытия выставок, а также организации поездок гостей в Кириллов, Ферапонтово, Тотму и Белозерск. График проведения таких мероприятий, составленный Владимиром Валентиновичем по дням и часам, всегда отличался четкостью и продуманностью до мелочей. И долго потом в наш адрес шли послания с благодарностью за оказанное гостеприимство и щедрое хлебосольство.

Беспредельно любящий свою картинную галерею, Владимир Валентинович всегда стремился пополнять ее фонды новыми произведениями, выпрашивая в «Росизо» настоящие шедевры, и много преуспел в этом направлении, внося своей деятельностью на посту директора огромный вклад в собирание и сохранение русского национального искусства. Скромный, интеллигентный, сдержанный в выражении своих сокровенных чувств, он искренне любил творческих людей: художников, писателей, музыкантов, артистов, но особенно лелеял искусствоведов и сотрудников Вологодской областной картинной галереи, столь же преданных своему делу, как он сам.

Вологда, март 2021 года

**ПУТЬ ДИРЕКТОРА
КАРТИННОЙ
ГАЛЕРЕИ.
ВОСПОМИНАНИЯ
О В. В. ВОРОПАНОВЕ**

НЕМНОГО О РОДОСЛОВИИ

Владимир Валентинович Воропанов родился в семье Валентина Александровича Воропанова и Музы Васильевны (урожденной Прыговой) 2 сентября 1954 года. Нам удалось проследить родословие от его прапрадедушки — Ивана Ивановича Воропанова.

Иван Иванович родился в 1831 году. В метрической книге есть запись от 29 января 1858 года: «Сын крестьянина деревни Лобково Спасо-Печенгской вотчины Воропанов Иван Иванович венчался с дочерью крестьянина села Спасского той же вотчины Анной Михайловной Петуховой». Иван Иванович Воропанов прожил всю жизнь в деревне Лобково, которая к началу XX века уже входила в Рогачевское сельское общество Ведерковской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии, и умер от старости 9 февраля 1907 году, в 76 лет, а его жена Анна Михайлова ушла из жизни 23 ноября 1914 года, в 75 лет, от паралича.

Нам известно о рождении в их семье восьми детей. В 1860 году родился сын Яков, умерший 4 сентября 1914 года, в 54 года, по неизвестной причине, о его семье найти сведений не удалось. Иван (1861 г. р.) и Мария (1862 г. р.) умерли в детском возрасте. Степан Иванович Воропанов родился 10 апреля 1868 года и венчался в Спасо-Печенгской церкви 21 января 1890 года с Ефросиньей Андреевной Виноградовой, крестьянской девушкой, проживавшей в деревне Патрикеево. Затем молодожены, вероятно, переехали в родную деревню жены.

Еще один сын Ивана Ивановича — Алексей — родился 1 марта 1871 года, венчался в Спасо-Печенгской церкви 17 января 1897 года с крестьянской девушкой из деревни Аннинское Грязовецкого уезда Христиной Михайловной Назаровой. Позднее их семья проживала в Вологде на улице Кобылкинской (ныне Благовещенская). Своих детей у них не было, и они воспитали приемную дочь Евдокию, в замужестве Селезневу. Алексей Иванович Воропанов работал в паровозоремонтных мастерских, в советское время был старостой Царе-Константиновской церкви.

Младший сын Ивана Ивановича Воропанова Аполлинарий родился 12 марта 1874 года и умер 23 августа 1952 года, он был женат на Марии Васильевне (урожденной Кузнецовой из деревни Бель Грязовецкого уезда), которая была похоронена 20 июня 1957 года в Вологде. В их семье в Лобкове родилось девять детей, трое умерли еще в детском возрасте. Внуки и правнуки Аполлинария Ивановича проживают в Вологде.

Младшая дочь Ивана Ивановича — «вторая» Мария (1877 г. р.) — вышла замуж за Федора Сергеевича Ветрова, их семья проживала в деревне Никулино из прихода Николаевской Бурдуковской церкви Грязовецкого уезда.

Из детей Ивана Ивановича и Анны Михайловны Воропановых больше других нас интересует Николай — прадедушка Владимира Валентиновича Воропанова. Он родился в 1865 году, следовательно, был четвертым по времени рождения в семье, а умер 15 октября 1918 года, в возрасте 54 лет, от рака и погребен 17 октября того же года на Богородском (Глинковском) кладбище Вологды. После возвращения с военной службы на родину — в деревню Лобково — Николай Воропанов женился на Анне Илиодоровне, урожденной Назаровой, в их семье 1 января 1892 года родился первенец Александр. Вскоре молодая семья переехала в Вологду, и все последующие дети — Надежда (1893 г. р.), Николай (1894 г. р., умер в младенческом возрасте), Василий (1896 г. р.), Евгений (1898 г. р.), Иван (1900 г. р.), Николай (второй, 1902 г. р.), Елизавета (1904 г. р.) — появились на свет в Вологде. В исповедной ведомости семья Воропановых значилась в записях под заголовком: «Крестьяне, проживающие в городе Вологде». В губернском центре глава семьи занялся хлебопечением, пекарское дело отца продолжили его старшие сыновья Александр и Евгений.

Первоначально, с 1893 года, семья жила в доме в приходе Спасо-Болотной церкви. Первый собственный дом Николая Ивановича располагался на Кобылкинской улице (сейчас это часть ул. Благовещенской, ближе к железной дороге), где он с женой Анной и детьми проживал до 1902 года.

В том же году Николай Иванович купил на Глинковской набережной земельный участок с двумя домами. В доме на нынешней ул. Мира, 74, выходящем на улицу, до его сноса в 1971 году постоянно жили семьи

Воропановых. Вообще с конца XIX века и в XX веке в разных районах Вологды проживало несколько семей Воропановых родом из д. Лобково, поэтому семейства с ул. Мира мы условно назвали «Воропановы с Глинковской».

Вероятной причиной покупки дома на Глинковской стали планы по увеличению основного промыслового занятия семьи — выпечки и продажи хлеба. В начале XX века в Вологде работало более 30 частных пекарен. Возможно, по этой причине городская Дума отказала Николаю Ивановичу в предоставлении места для реализации хлебной продукции в центральной части города. Тогда к жилому дому Воропановых был пристроен хлебный магазин, а во дворе во флигеле размещались хлебопекарня и конюшня.

Старшие сыновья: Александр, Василий и Евгений — были участниками Первой мировой войны. «Воропанов Александр 21-го Сибирского стрелкового Ея Величества полка, 1 августа 1916 года был ранен ружейной пулей в нижнюю конечность. Действующую военную службу старший унтер-офицер Александр Николаевич Воропанов закончил в городе Пензе в составе 140-го пехотного запасного полка в конце 1917 года».

Второй в семье сын Василий — рядовой лейб-гвардии Измайловского полка принимал участие в последних боях Брусиловского прорыва, в ходе одного из которых погиб 7 сентября 1916 года. После войны в Вологде перестала выступать футбольная команда «Кречет», членом которой был Василий. Своей семье он создать не успел.

Вернулся с войны домой Евгений Николаевич Воропанов, рядовой гвардейского Егерского полка. После 1917 года он с женой Анатolieй Митрофановной (урожденной Самченко) проживал на Малой Екатерининской улице (сейчас Предтеченская). Детей в их семье не было. Из архивных документов следует, что в мае 1929 года Евгений с Анатolieй уехали в Сибирь, поэтому они были исключены из списков вологжан, лишенных избирательных прав. По маминим воспоминаниям Анатolieя Митрофановна в 1940-х годах жила на родине своей матери в Ленинграде. Мама звала ее «тетя Туня» и вспомнила, что она дважды приезжала в Вологду. В годы блокады в Северную столицу из Вологды Анатolieи Митрофановне отправляли посылки с продуктами.

Иван Николаевич Воропанов получил среднее образование, поступил в гимназию, и окончил школу 2-й ступени. В начале 1920-х годов он работал санитаром в Ленинграде и учился в Военно-медицинской академии. 31 января 1925 года был арестован органами НКВД. По постановлению Коллегии ОГПУ от 26.06.1925 г. И. Н. Воропанов был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 3 июля того же года в Ленинграде. Жизнь Ивана оборвалась в двадцатипятилетнем возрасте, он был холост.

По моему заявлению заключением прокуратуры Санкт-Петербурга от 12 октября 2005 года по материалам архивного уголовного дела № 21488 (П-25538) Иван Николаевич Воропанов реабилитирован, так как был привлечен к уголовной ответственности необоснованно, по политическим мотивам, по решению внесудебных органов.

Николай Николаевич Воропанов — младший сын Николая Ивановича и Анны Илиодоровны — заболел и умер в родном доме в Вологде 8 марта 1933 года, в возрасте 31 года. Детей у него не было.

Дочь Надежда Николаевна вышла замуж за Дмитрия Ивановича Андрианова, у них было четверо детей. Их семья проживала на улице Богоявленской в доме № 60. Дмитрий Андрианов трудился кузнецом на вагоноремонтном заводе. Он простудился на работе и 19 июня 1930 года умер. Затем в семью пришла другая беда: жарким летом 1932 года от загоревшегося соседского дома сгорел их дом.

Старшая дочь Надежды Николаевны — Клавдия Дмитриевна — работала на железной дороге и уехала строить первый БАМ, она вышла замуж за Геннадия Петровича Вершинина. Вскоре после свадьбы супруга арестовали. Их дочь Светлана родилась 26 февраля 1938 года. Клавдия вернулась в Вологду и работала в управлении СЖД. В 1940-х годах Геннадия Васильевича реабилитировали, и в семье Вершининых родились еще две дочери Майя (1946 г. р.) и Наталья (1950 г. р.). Майя прожила только два года. Вслед за переводом управления СЖД в Ярославль, туда же переехала и семья Вершининых.

Сыновья Надежды Николаевны Андриановой — Иван и Василий — погибли в годы Великой Отечественной войны, не успев создать свои семьи. Не было своих детей и у младшей дочери Натальи.

Младшая дочь Николая Ивановича Воропанова Елизавета вышла замуж за Михаила Владимировича Репина, у них родились Семен и Лидия, известно, что в конце 1920-х годов они жили в общежитии пожарной охраны. По воспоминаниям моей мамы — Ирины Александровны Воропановой (1925-2007), — первый сын Елизаветы Воропановой Семен был назван в честь Симеона Видякина, священника Николаевской Глинковской церкви. Она же рассказывала о том, что отец Симеон по приглашению Анны Илиодоровны бывал

в доме Воропановых на Глинковской набережной, а она с другими детьми уходила из дома, чтобы не мешать взрослым беседам. Также со слов родственников известно, что Анна Илиодоровна была истинно верующим человеком и в доме имелось много икон. По некоторым сведениям, она была в составе активистов, выступавших в защиту священнослужителей Вологды в 20-30-е годы XX века.

Остановимся более подробно на судьбе Александра Николаевича — деда В. В. Воропанова. Он закончил 3-е городское приходское училище, в 18 лет вступил в добровольную пожарную дружину, входил в состав обществ хоругвиеносцев и взаимного кредита. Был награжден памятными медалями. В 1917 году по решению солдатского комитета в стрелковом полку исполнял обязанности заместителя командира по тылу. После 1917 и по 1921 год служил в арtpолку.

В 1920 году Александр Николаевич женился на Варваре Александровне Смирновой, с которой был знаком 10 лет. В их семье было трое детей: в 1921 году родилась Татьяна, в 1923-м — Валентин, в 1925-м — Ирина.

Семья проживала на собственном земельном участке в одном из принадлежавших им двух одноэтажных деревянных домов. Семья также владела конюшней и огородом за рекой Чернавкой. До 1917 года улица, где находился дом, чаще называлась Глинковской набережной, реже, в некоторых документах, — Золотушной набережной. Позже дом Воропановых на одном и том же месте имел разные адреса: дом № 40, 42, 72 и 74 на набережной Свободы, улицах Сталина и Мира. В XX веке примерное местоположение дома можно определить по небольшому скверу с разросшимся дубом близ дома № 76 по ул. Мира.

В 1920 году Александр Николаевич по патенту начал выпечку и продажу хлеба. В это же время решением собрания членов добровольной пожарной дружины был выбран ее начальником и в течение многих лет руководил ей. Из-за финансовых проблем города добровольная дружина взяла на себя обязанности второй (из трех) пожарной городской команды, поэтому в доме Воропановых был установлен телефон. А. Н. Воропанов избирался депутатом городского Совета Вологды.

В конце 1920-х годов начался активный процесс ликвидации частных предприятий. Александр Николаевич и Варвара Александровна Воропановы дважды — в 1927 и 1930 году — попадали в списки «лишеницев» по городу Вологде. А с 1930 по 1932 год Александр Николаевич находился в заключении. После освобождения его восстановили в избирательных правах. С 1936 по 1942 год он работал пекарем в селе Прилуки Семеновского сельпо, откуда его призвали на войну.

В доме на бывшей улице Глинковской в квартирах сестер Татьяны и Ирины были свои библиотеки, часть собрания старых книг хранилась в сундуке на чердаке. В квартире на улице Герцена их брат Валентин Александрович тоже имел свою домашнюю библиотеку.

В начале 1941 года Валентин Воропанов окончил среднюю школу, его младшая сестра Ирина еще продолжала учебу в школе, старшая сестра Татьяна училась в педагогическом институте. В том же году Валентина призвали в Красную Армию, а в начале 1942-го вслед за ним ушел на войну и его отец — Александр Николаевич Воропанов, которому уже шел 51-й год. Отец и сын вернулись с войны живыми, но с подорванным здоровьем. В военные годы А. Н. Воропанов был начальником хлебопечения армейской ПАХ (полевой автохлебопекарни) и был награжден знаком «Отличный пекарь». Александр Николаевич чуть не умер от истощения, а Валентин Александрович в первые годы войны получил сильное обморожение. За проявленное мужество и героизм оба были отмечены правительственными наградами. Александр Николаевич ушел из жизни в 1955 году, в период работы вахтером в штабе местной противовоздушной обороны Вологды.

9 сентября 1950 года Валентин Александрович Воропанов и Муза Васильевна Прыгова поженились, а после окончания сельскохозяйственных вузов начали работать в Вологде. Здесь у них родилась дочь Татьяна. Вскоре их перевели в Тотьму (с сентября 1952 г. по апрель 1954 г.), а затем до декабря 1957 года они работали в том же районе — в Толшменской МТС (село Никольское). В сентябре 1954 года в Тотьме на свет появился Володя. В конце 1957-го семья Воропановых перебралась в Вологду.

Потомки сохранили несколько семейных фотографий. На фото 1905 года видим прапрадеда и прапрабабушку Владимира Валентиновича. Иван Иванович и Анна Михайловна Воропановы — в центре, в окружении семей их четверых детей. Семья Николая Ивановича и Анны Илиодоровны Воропановых — крайняя справа с тремя младшими детьми: Елизаветой, Николаем и Евгением, старшие дети Александр, Василий, Надежда стоят во втором ряду в центре. Справа от семьи Н. И. Воропанова — семья Ветровых, Федора Сергеевича и Марии Ивановны (урожденной Воропановой), и семья младшего сына Воропанова Аполлинария

Ивановича и Марии Васильевны. Крайняя справа — семья Алексея Ивановича и Христины Михайловны Воропановых, рядом с ними — сын старшего брата Николая Иван.

На снимке 1913 года в центре — Николай Иванович Воропанов, справа от него старший сын Александр, слева — младшая дочь Елизавета и ее мать Анна Илиодоровна. В верхнем ряду крайний слева — второй сын Василий, Евгений — справа от Василия.

Сохранилась еще одна семейная фотография 1920 года, сделанная после свадьбы Александра Николаевича и Смирновой Варвары Александровны, с которой он был знаком 10 лет. В центре справа от молодой семьи — мать Александра Анна Илиодоровна Воропанова, представлена полная семья Андриановых: Дмитрий Иванович и Надежда Николаевна (Воропанова) и четверо их детей. Второй слева в верхнем ряду — Иван Николаевич Воропанов. Справа от Ивана — его младшая сестра Елизавета Николаевна Воропанова. Первый справа в верхнем ряду Евгений Николаевич Воропанов. Справа от Анны Илиодоровны — семья ее старшей дочери Надежды Николаевны. Первый слева в верхнем ряду — Николай Николаевич Воропанов, младший сын Анны Илиодоровны. На фотографии уже нет умершего главы семейства Николая Ивановича Воропанова и его сына Василия Николаевича, погибшего на войне.

Я рассказал лишь о нескольких родственниках «вологодского» родословия Владимира Валентиновича Воропанова. Еще более сотни родственников найдены в архивных документах по деревне Лобково и другим населенным пунктам вотчины Спасо-Печенгского монастыря и до наших дней.

Вологда, март 2021 год

Ольга Белова,
учитель литературы, вдова писателя В. И. Белова

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

Вспоминаются далекие годы, школьный актовый зал, сцена с огромным портретом Ленина. Мальчик-пионер читает стихи. Поражаюсь, как хорошо он чувствует слово. «Это мой лучший ученик, Володя Воропанов», — с гордостью говорит учительница начальных классов. Через несколько лет этот Володя попадает на мои уроки. «В начале было Слово» («Евангелие от Иоанна»). И глубину Слова Володя чувствовал всегда. От Слова идут многие виды искусства. Оказывается, он давно увлечен произведениями живописи и графики. Сам неплохо рисует, много читает, любит классическую музыку... Он был особенным учеником, хорошо чувствующим глубину произведений русской литературы.

Таких учеников немного, но с ними всегда интересно. Он писал сочинения, достойные особого внимания. В них были умные, оригинальные мысли и тонкое чувство родного языка. На уроках литературы высказывал собственные любопытные наблюдения, сделанные при чтении произведений Достоевского, Чехова, Тургенева. Он любил поэзию. Особенно близки ему поэты, в творчестве которых и боль, и горечь, и тайна. Это Лермонтов, Блок, Рубцов. Много читал и, конечно, выходил из рамок школьной программы.

Увлечение искусством было особенно сильным. Он хорошо знал историю русской и мировой живописи, ценил талантливых художников самых разных направлений. И когда я познакомила его с нашим известным искусствоведом И. А. Пятницкой, она сказала: «У него отличный вкус! Ему надо учиться дальше». Громадный конкурс на искусствоведческое отделение Ленинградского университета он выдержал успешно.

Во время студенческих каникул Володя всегда заходил в родную школу. Провел у меня несколько факультативных занятий. Говорил о поэзии, читал стихи. Девчонки-десятиклассницы влюблялись в него, понимая, что в мужчинах ценится не только сила и надежность, но и интеллект.

После окончания университета он вернулся в Вологду, работал научным сотрудником областной картинной галереи. Экскурсии проводил с каким-то внутренним озарением. В творениях великих он ценил

утонченность и возвышенность. При нем ученики нашей школы не пропустили ни одной выставки и после каждого похода в галерею писали сочинения-отзывы о произведениях художников. Это была благодатная связь школы с замечательным домом искусства. И просвещались, и окрылялись и вдохновлялись юные сердца.

Вскоре он уже директор областной картинной галереи, известный в городе человек, проводивший огромную работу по эстетическому воспитанию вологжан. Прекрасный организатор, эрудит, влюбленный в искусство, настоящий подвижник.

Хочется верить, что он успешно продолжит свою талантливую искусствоведческую деятельность и из-под его пера появится еще множество интересных работ, неожиданных открытий.

Москва, август 2019 года

Владимир ВЕДЕРНИКОВ,
кандидат исторических наук, педагог

ТОВАРИЩ ЛУЧШИХ ДНЕЙ

Человеческая память фрагментарна и избирательна. Кажется, никогда не забудешь, с кем учился вместе, что делал, кого любил... И вдруг в домашнем архиве случайно натыкаешься на письмо с просьбой сжечь его. Почему? Кто писал? Что произошло? Вспомнить не могу... Как связать разрозненные фрагменты в единое целое? Хорошо, если вел дневник или сохранил переписку. А если нет? «Дневников на войне я не вел» — с этой сакраментальной фразы начиналась книга самого тиражированного (несколько миллионов экземпляров) автора конца 1970-х годов. Правда, память у того автора была феноменальной, он мог воспроизвести каждый день и каждую ночь из 1418 огненных дней и ночей. Но такая память — удел далеко не каждого. Что остается? Документы, окружающие нашу повседневную жизнь: характеристики, протоколы, ведомости, квитанции. Но много ли они расскажут о человеке?

В своем личном архиве нашел характеристику, составленную после прохождения военных сборов. Окажется, был я сознательным, активным комсомольцем, а политику партии «понимал правильно». Открою небольшой секрет: характеристики эти были типовыми, а я, как владеющий элементарными навыками машинописи, в последние дни учебных сборов под Лугой тиражировал их, сидя за клавиатурой «Ятрани».

Или другой пример. Будучи аспирантом, я входил в состав комсомольского бюро Ленинградского института истории, секретарь которого учил: главное — не реальные дела, а правильно оформленные документы. Поэтому протоколы были у нас в образцовом порядке, хотя собрания в действительности проходили от случая к случаю, а взносы всегда сдавались вовремя. Интересно, много ли информации извлечет будущий историк из этих документов?

Итак, дневников я не вел, а память сохранила отдельные и, вероятно, случайные эпизоды. Можно ли эти пазлы связать общим сюжетом? Сложная задача. Попытаюсь, а уж насколько попытка окажется удачной — судить читателю.

Два сентябрьских дня — 1-е и 2-е — мне особенно дороги. И не только потому, что уже почти 35 лет вхожу в студенческую аудиторию, с волнением ожидая встречи с новым пытливым поколением:

*«Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
А вы, люди, ничего не приукрашивайте...»*

Это дни рождения двух моих сокурсников, которым я многим обязан: Лени Заславского и Володи Воропанова...

На дворе 30 июня 1971 года. Я, выпускник Тенькинской средней школы, лечу из Магадана в Ленинград (перелет занимает 18 часов), чтобы поступить на исторический факультет ЛГУ. Надо представлять

степень моей провинциальной наивности и самонадеянности. Я не знал, что конкурс — около 13 человек на место; на деле же он был выше, поскольку рабфаковцы (то есть учащиеся подготовительных курсов из числа отслуживших в армии) зачислялись после сдачи экзаменов хотя бы на «удовлетворительно»; кроме того, принимались и целевики из национальных республик, которые чаще всего были детьми ответственных работников соответствующих регионов. А это резко повышало и без того высокий конкурс, в котором еще учитывались нормы по социальному и национальному составу студентов (последние, впрочем, мне, выходящу из рабочей семьи и человеку с чистыми данными по «пятому пункту», были скорее на руку). Подразумевалось, что для поступления хорошо было бы позаниматься с репетитором из вуза, что, наконец, важны всякого рода неформальные корпоративные связи. Мне кажется, вовсе не все мои товарищи с «особыми» биографиями ясно осознавали, что им помогло стать студентами. Одна из барышень рассказывала, насколько просто ей досталась пятерка по истории. Ей задали всего один дополнительный вопрос: а кем же был Владимир Ильич Ленин, на который она ответила без труда. Позже мы узнали, что ее отец был ответственным партийным работником.

Словом, шансы мальчика из Усть-Омчуга приближались к нулевой отметке с неизбежной армейской службой осенью. Можно ли выиграть по 30-копеечному лотерейному билету «Волгу», если принять во внимание, что желающих очень много, а значительная часть шаров в барабане мечена? Как ни странно, но случилось почти невозможное. Я набрал проходной балл и с огромной радостью, еще не осознавая, какой шанс мне выпал, прочел свою фамилию в списке студентов дневного отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета. 30 августа колонна студентов-первокурсников отправилась от Менделеевской линии к Дворцу культуры им. С. М. Кирова, где прошла церемония посвящения в студенты. Там же нам вручили и студенческие билеты. Приветствовали юную поросль ректор Г. И. Макаров, ответственный секретарь приемной комиссии Р. Ф. Итс, токарь Балтийского завода, Герой Социалистического Труда А. В. Чув. Мне почему-то запомнилось только выступление этого рабочего, наивное, иногда косноязычное, но, несомненно, искреннее. Потом был концерт звезд отечественной и югославской эстрады, который совершенно не оставил следа в памяти.

А уже 1 сентября автобусами от Менделеевской линии мы отправились в деревню Топольки, что находится почти на границе с Финляндией, недалеко от Иматры, отбывать трудовую повинность на картофельных полях. Мне помнится, что ехали автобусами, а потом разместились в двух деревянных домах (мальчики и девочки) с большими общими нарами и печью.

Топольки — первое мое знакомство с жизнью российской деревенской глубинки. Одна встреча с представителем местного населения оставила глубокий след в памяти. Во время прогулки по окрестностям встретил школьника не старше 8–9 лет, который попросил закурить. «Не курю», — ответил я. На что шкет с какой-то грустью, вовсе не желая меня оскорбить, заметил: «Эх, дядя (далее — нецензурно)!» На поле вместе с нами работал подозрительно веселый тракторист, явно человек бывалый, о чем свидетельствовали затейливые наколки на теле. Человек с богатым тюремным прошлым, а следовательно, настоящий пролетарий, он тем не менее не мог жить в пролетарской столице. Вот и оказался в Топольках, за 101-м километром.

Отмечу ещё одну немаловажную особенность: рабфаковцы, зачисленные на первый курс, и медалисты остались в городе. Часть из них работала в Петергофе на стройке новых корпусов университета, а часть — в городском студенческом отряде. Конечно, в нашей колхозной группе преобладали бывшие школьники, но были и «старики», которые подобно нам прошли горнило конкурса. Эти люди обладали деловой сметкой, что выражалось и на практике. Среди них были казавшиеся нам совсем уж солидными Витя Лисицын и Сережа Андреев (в действительности разница в возрасте была не столь уж велика: 6–7 лет). Виктор к этому времени был уже семейным человеком, растил сына. Округлый говор, за который он получил прозвище «молоко», выдавал его вологодское происхождение. Бригадиром же был грузный, тяжелый мужчина, Владимир Востриков, напоминавший Бывалого из гайдаевской кинотроицы. Он действительно был старше всех, имел опыт военной службы, где-то потерял глаз. И именно его назначили бригадиром.

Колхозная еда не отличалась большим разнообразием. Конечно, преобладала картошка в разных видах: печеная, жареная, вареная, пюре. Дополнением служило молоко. Но когда дежурили наши «деды», то обычно в меню появлялось мясо.

Среди ветеранов выделялся одессит Леня Заславский, живой, остроумный и обладавший неплохими творческими задатками: написать стихи «на случай» для него не составляло никакого труда. Именно от него

я впервые услышал песню «Слава героям» («У лошади была грудная жаба...»), которую мы любили исполнять вечерами, не подозревая, что авторами ее слов были Г. Шпаликов и А. Галич. Правда, при хоровом исполнении две последних строчки на всякий случай все же заменяли проигрышем.

Леня впервые поступил в университет в кошмарном 1966 году. Кошмарном, потому что в этом году выпустили одновременно 11-классников, занимавшихся по хрущевской программе трудовой политехнической школы, и 10-классников, которых сие нововведение, отмененное после падения советского лидера, миновало. Преодолеть очень высокий барьер было почти невозможно. Но Лене это удалось. Он стал студентом философского факультета, но на третьем курсе был отчислен, как говорили, из-за его причастности к делу ВСХСОН (см. стр. 16). Сам Леня это активно отрицал, что, думаю, соответствовало истине. Вокруг него быстро сложился кружок таких же ярких людей, и я, не обладавший ни особыми талантами, не игравший на гитаре и от природы лишенный слуха, и представить себе не мог, что мы на долгие годы станем приятелями.

Среди первокурсников было довольно много выходцев из преподавательских семей: Андрей Лейбев, Юрий Чистов, Иван Чечот, Марина Витухновская. Именно здесь я понял, насколько узок и беден мой интеллектуальный багаж. И здесь, в Топольках, и началась история нашей дружбы с Володей Воропановым.

Помещение, где мы жили, делилось на «дортуйар» с общими нарами и боковой отсек, отделявшийся ступенькой, где была печь и тоже общие нары. Именно там размещались наши кураторы — аспирант кафедры Новой истории Виктор Владимирович Сергеев и аспирант кафедры медиевистики Юрий Павлович Малинин. Недавние выпускники университета, ровесники, они, однако, сильно отличались друг от друга. Если Сергеев производил впечатление опытного и авторитетного руководителя, которого побаивались, то Малинин напоминал скорее студента-старшекурсника. Он всегда говорил очень тихо, казалось, что ему было неловко отдавать приказание, но особенно смущался, когда ему приходилось общаться с молоденькими студентками, которые, как мне кажется, намеренно вгоняли своими вопросами преподавателя в краску, особенно заметную на его светлой коже. Белокурые волосы делали его похожим на нежный весенний цветок: то ли ромашку, то ли ландыш. Между собою студенты называли его Одуванчиком.

Там же, в этом отсеке, было и несколько студенческих мест. По-моему, именно там находился и Володя, который, как и многие из нас, получил прозвище — Воропанчик. Он обратил на себя внимание прежде всего тем, что вечерами читал стихи. Помню, что это была «Казнь Стеньки Разина» из «Братской ГЭС» Евтушенко, которого, конечно, я знал, и стихи Рубцова, чье имя мне тогда ничего не говорило. Честно говоря, ни тогда, ни сейчас я не являюсь большим поклонником творчества этих поэтов. Безусловно, талантливый Евтушенко написал буквально километры злободневных стихов, стихов орнаментальных и, как мне кажется, иногда лишенных вкуса. Думаю, из его многотомного наследия можно собрать небольшой поэтический сборник талантливых произведений, что, впрочем, тоже немало.

А с Рубцовым связан один забавный эпизод, который до сих пор вспоминают мои университетские товарищи. Ангелина Прокопенко и Таня Пашкова, сдружившиеся в колхозе, решили перед сном пойти на прогулку. Променад сопровождался чтением стихов. Ахматова, Цветаева, Гумилев. Дело дошло и до Рубцова. И только Таня начала: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», как послышался громкий конский топот. В страхе девушки бросились по разные стороны дороги. Каково же было их удивление, когда они увидели таинственного отрока! Это был я, решивший сделать вечернюю пробежку. А так как спортивной обуви не было, то бежал я в тяжелых кирзовых сапогах, производя изрядный шум, который действительно напоминал рысистую поступь лошади.

Сблизили нас с Володей вовсе не стихи, а вечерние прогулки после ужина. Я всегда тяготился большими компаниями, а тут еще и примешивалось ощущение своей глубокой провинциальности в окружении высокоинтеллектуальных сокурсников, которые говорили о И. Канте, знали о треченто и кватроченто, читали А. Лосева, посещали занятия в Эрмитаже. Кроме того, я впервые оторвался от родительского дома. Вероятно, именно поэтому не любил участвовать в общих мероприятиях, предпочитая уединенные прогулки. Володя, кажется, тоже не был «тусовщиком», и вот эти променады по лесным дорогам близ Топольков нас и сблизили. Меня очень удивляло умение моего нового товарища увидеть в затайливом переплетении веток или коряг антропоморфные черты. Помню, как он сделал распятие из каких-то странных древесных переплетений. Оно потом долго висело в комнате нашего общежития. Постепенно число участников наших прогулок расширилось. Иногда присоединялись Боря Косолапов, Таня Пашкова, но чаще всего — Иван Чечот. Я предпочитал не участвовать в беседе, а напряженно слушать моих новых товарищей.

Может быть, нас объединяло еще и то, что мы оба были провинциалами (впрочем, по-моему, приезжими были около половины новых студентов). Но мог ли мой далекий северный Усть-Омчуг сравниться с областной Вологодью? Тогда сама постановка такого вопроса выглядела в моих глазах абсурдной. Теперь понимаю что, в некоторых отношениях, пожалуй, и мог. Писатель А. Ремизов назвал Вологду Северными Афинами, лабораторией русской общественной мысли. Действительно, в начале XX века город волею судеб, точнее департамента полиции, стал местом административной ссылки, «подстоличной Сибирью», где проживали под полицейским надзором В. Водовозов, Н. Бердяев, С. Щеголев да и сам А. Ремизов. А Усть-Омчуг, он ведь тоже, благодаря железной воле тов. Сталина, вошел в историю отечественной культуры и общечеловечности. Удивительные школьные спектакли ставились здесь в конце 1940-х годов под руководством ученика В. Мейерхольда Л. Варпаховского, с концертами приезжали Эдди Рознер и Вадим Козин, в местной поликлинике работал замечательный врач, выпускник Гамбургского университета Эрнст Оттович Вайсенберг, а скромным плановиком служил «ифлиец», будущий известный критик, специалист в области творчества Марины Цветаевой Г. Н. Эльштейн (Горчаков).

Конечно, многих я уже не застал. С началом «оттепели» насельники ГУЛАГа были в большинстве своем реабилитированы и вернулись «на материк», но тут важно не столько физическое, сколько интеллектуальное присутствие. Оно выражалось прежде всего в богатом книжном фонде нашей центральной библиотеки, в высоком уровне преподавателей нашей школы. Учительница литературы Лидия Кирилловна Кацуба, которая вела факультатив, познакомила меня с творчеством Саши Черного и стихами Бориса Пастернака, которые довольно долго казались мне темными, непонятными, хотя, конечно, талант автора не почувствовать было нельзя. Наконец, суть была и в том, что тема репрессий была не крамоллой, а частью магаданской повседневной жизни. Да и можно ли было на Колыме замолчать тему репрессий, когда тебя окружают бывшие узники ГУЛАГа, а на сопках стоят кресты на безымянных могилах?

Среди тех, кто был связан с нашим краем, можно вспомнить и актера Г. Жженова, и поэта А. Жигулина, и писателя В. Шаламова, который работал фельдшером в Дебине в соседнем Ягоднинском районе. Я, конечно, знал прозу А. Солженицына, читал его новомирские публикации, радовался тому, что писатель получил Нобелевскую премию. Примерно с 1965 года я был довольно активным слушателем зарубежных радиоголосов, которые служили альтернативным источником информации. В основном интересовали меня не столько политические, сколько культурные и исторические темы. Именно благодаря зарубежному вещанию я ознакомился с воспоминаниями Надежды Мандельштам, мемуарами Н. С. Хрущева, песнями А. Галича, но вот имя Шаламова в моей памяти не осталось. Много позже я был «ранен» его «Колымскими рассказами». Читать эту книгу почти невозможно, настолько сильна физическая боль. И я очень благодарен Володе Воропанову за то, что, возглавляя картинную галерею, он так много сделал для того, чтобы увековечить память о замечательном вологжанине.

Есть еще одно важное для меня совпадение. В июле 1906 года о. Тихон Шаламов произнес проповедь в память об убитом черносотенцами депутатом Первой Государственной Думы М. Я. Герценштейне, жизнь и творчество которого стали позже предметом моего изучения.

Совсем недавно из интервью Владимира Валентиновича я узнал, что в школьные годы он с увлечением читал мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». А ведь и я изучал историю Советской России не столько по учебнику, сколько по книгам Эренбурга, увлекался его поэзией и прозой, был крайне опечален кончиной писателя в августе 1967 года. Ранняя проза и поэзия Эренбурга, на мой взгляд, во многом вторичны, но они отразили основные тенденции развития зарубежной литературы первой трети XX века. Таким образом, сейчас мне понятно, что наш с Володей взаимный интерес друг к другу имел серьезные и глубокие основания.

Удивительным подарком судьбы было и то, что после колхоза нас поселили в одну комнату университетского общежития, и с 1971 года вплоть до окончания вуза мы постоянно жили вместе: первый год — в Старом Петергофе, на улице Халтурина, а позже — на знаменитой Мытнинской набережной. Оба Владимира, оба в кубе (три «В»). Как же нас отличали? Товарищи говорят, что использовали отчество. Я в это не очень верю, думаю, называли скорее по прозвищам. Ну да разве они признаются в этом?

Относительно общежития надо дать небольшое пояснение. В 1969 году, когда праздновали 150-летие ЛГУ, была принята программа строительства крупного университетского городка в Петергофе. Туда постепенно должны были быть перенесены основные факультеты вуза. Вероятно, общежитие Петергофа было частью этого плана, плана, который в конце концов так и не был реализован. Это было крайне неудобное

жилье, потому что дорога от Старого Петергофа до Балтийского вокзала занимала примерно 45 минут, а потом автобус, в который сесть удавалось с трудом, вез тебя на Васильевский остров, к главному зданию университета, на что уходило еще не менее 20-25 минут. Таким образом, выйти из общежития без риска опоздать необходимо было в начале восьмого часа. Завтракать мы не успевали и на площади перед Балтийским вокзалом заходили в пышечную. Стандартный набор: 5 пшенок по 5 копеек и горячий кофе с молоком из титана, это еще 10 копеек. И то была единственная пища до окончания занятий в три часа дня. Самый тяжелый день — среда, когда вместо обычных занятий мы весь день проводили на военной кафедре. Если на обычные занятия, в общем, можно было припоздниться, то здесь за опоздания строго взыскивали. И кроме того, приходиться на «военку» надо было в строгом костюме, непременно в галстук и коротко постриженным.

Среди преподавателей «военки» было много участников Великой Отечественной. Я с благодарностью вспоминаю начальника цикла полковника Петра Ивановича Почелова, который отличался какой-то особой интеллигентностью, уважительным отношением к студентам. Мне он напоминал дореволюционного земского учителя. Совсем иным был подполковник Михаил Павлович Котрохов, грубоватый, склонный к острой, иногда на грани приличия шутке, но, в общем, человек незлой. У нас с Володей не было особых склонностей к военному делу, числились мы среди отстающих. И вот однажды Котрохов обратился к Володе:

— Студент Воропанов, для чего предназначена гаубица?

— Ну, для обороны, наверное.

— Нет, ее предназначение — уничтожать вражеские цели, подавлять огневые точки, истреблять живую силу противника, — с особым упором на глаголы произнес Котрохов.

В течение трех лет я с ужасом ждал очередной среды и несказанно был обрадован, что в високосном 1972 году 23 февраля и 8 марта пришлось на среду. После такого военного обучения в голове оставалась лишь каша. Все изменилось на летних сборах 1974 года. Наука брать цель «в вилку» оказалась, благодаря практике, очень простой, даже элементарной. Думаю, при правильной постановке дела для обучения на «военке» хватило бы не трех лет, а полугода.

Учебные пары продолжались по 1 ч. 20 мин. с 10-минутным перерывом, это, конечно, было тяжело, но зато уже к 15 часам мы были свободны. Наступало время обеда. Больших проблем не было. Можно было пойти в Таможенный переулок, в знаменитую «Академичку», где постоянно толпился народ, а за обеденными столами публика увлеченно играла в коробок. У некоторых путь лежал в не менее знаменитую «Восьмерку», студенческую столовую, располагавшуюся в здании с начала XX века. Здесь пообедать можно было в зависимости от вкуса и кошелька. Как я помню, были комплексные обеды из трех блюд и компота не дороже 35 копеек, была общая раздача, где обед обходился в среднем в 70 копеек, и был стол «на масле», счет за который доходил до рубля. Хлеб стоил 1 копейку, но, конечно, никто не следил, сколько именно кусочков ты взял. Был в столовой и отгороженный барьером преподавательский зал, который обслуживали официантки. Среди них особенно заметна была бойкая женщина уже предпенсионного возраста, которая умудрялась очень шустро комплектовать заказ и приносить его посетителю. Работала она с начала 1930-х и едва ли не до середины 1980-х годов.

Но мы, если было время и деньги, предпочитали ходить в «Петухи». Так мы называли столовую № 32, размещавшуюся на Среднем проспекте у 7-й линии, недалеко от метро. Петухи (точнее, яркие фантастические птицы) украшали кафельные стены этого заведения, которое обладало рядом очень ценных преимуществ. Во-первых, большим выбором самых разнообразных блюд, приготовленных достаточно вкусно. Во-вторых, за небольшую плату можно было взять дополнение к гарниру: маринованный огурец или капустный салат. В-третьих, там были металлические столовые приборы, в том числе и ножи, что отличало ее от обычных предприятий общественного питания, где были алюминиевые приборы, а ножей не давали вообще. В-четвертых, в «Петухах» был отдельный зал, где стоял кофейный автомат и продавались необыкновенно вкусные эклеры. До мая 1972 года доступны были еще и легкие виноградные вина, продажа которых была прекращена в связи с очередной кампанией борьбы с пьянством. В-пятых, наличествовало такое техническое чудо, как музыкальный автомат. Это техническое достижение вызывало ассоциации с зарубежем (саму музыкальную машину я впервые увидел в фильме «Мертвый сезон»). Обычно я опускал пятак и слушал Окуджаву.

Иногда мы посещали еще одну столовую неподалеку. Она размещалась на втором этаже здания, на углу Среднего проспекта и 8-й линии. Вечером здесь работал ресторан, который знающие люди по старинке

называли «Лондон», и поэтому заказы разносили официантки. Интерьер можно было бы назвать обычным, если бы не одно обстоятельство: в зале стояли большие красивые китайские вазы. И их происхождение Володе удалось выяснить. Как-то он зашел в зал, сделал заказ. И тут к нему за столик подсел достаточно пожилой, лет под 80, мужчина, который стал рассказывать, как до революции он служил здесь жонглером, как здесь играл большой румынский оркестр и какой щедрой была публика. А что теперь? Он презрительно махнул рукой и сказал: «Молодой человек, передайте вашим товарищам, прекрасной нашей молодежи, что советский общепит изгажен». Вероятно, вазы тоже были свидетелями былого великолепия.

Была еще одна форма проведения досуга, форма, которая, правда, могла грозить достаточно неприятными последствиями в будущем. В 1967 году в кинозале Дворца культуры им. С. М. Кирова открыли очень популярное заведение — «Кинематограф». Здесь, как и в московском «Иллюзионе», показывали фильмы из коллекции Госфильмофонда и зарубежные фильмы, в том числе и так называемые трофейные, которые не шли широким экраном или отсутствовали в прокате вообще. Особенностью этого заведения было то, что каждые два часа шел новый фильм. И если мы, студенты-первокурсники, еще боялись пропустить занятия, а вечером надо было спешить в Петергоф, то уже на втором курсе мы стали сначала понемногу, а потом все чаще и чаще прогуливать занятия. Было это связано не только с обычной студенческой ленью и безалаберностью, но и с тем, что в программе занятий было довольно много «идеологических» дисциплин: три года читалась история партии, затем была известная триада: истмат, диамат и научный коммунизм. Нас это удивляло: коммунизм еще не построен, а наука о нем уже существует. И далеко не все преподаватели проявляли необходимые знания и эрудицию. Помню лекцию Виктора Ивановича Саранкина, который убеждал нас в том, что американская демократия выродилась. «Между кем вынужден делать выбор американский избиратель? — спрашивал нас лектор и сам же давал ответ. — Между слоном и ослом». Да и общие курсы читались неровно. На первом и втором курсе мы слушали таких блестящих преподавателей, как Э. Д. Фролов и Р. Ф. Итс, Л. С. Семенов, Б. В. Ананьич. После них лекции историка партии Алексева, специалиста по истории общественной мысли Н. Г. Сладкевича казались скучноватыми. Мне кажется, что Сладкевич, безусловно, талантливый и весьма эрудированный ученый, хорошо помнил кампанию борьбы с космополитизмом, которая затронула университет в 1949 году, поэтому старался читать очень традиционно, избегая идеологически спорных моментов, таких, например, как оценка российского анархизма. Аудитория, конечно, это чувствовала, и число студентов от лекции к лекции уменьшалось. Кстати, именно с лекции Наума Григорьевича мы уехали, чтобы посмотреть великолепного «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна, и, право же, фильм стоил того. О русской истории XX века он рассказал, пожалуй, лучше, а главное, эмоциональнее, чем академическая лекция.

Скажу немного о преподавателях истфака ЛГУ. Нам ещё посчастливилось застать представителей старой петербургской школы. Медленно, вжимаясь в стены длинного коридора истфака, шел на занятия с неизменным маленьким чемоданчиком, заменявшим портфель, ученик А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк. Бородка и пенсне его выглядели как-то очень не по-советски. Внешне он сильно походил на Л. Б. Каменева. С большой палкой-тростью шествовал на кафедру истории искусства ее руководитель знаменитый М. К. Каргер, метеором пролетая яркий и очень куртуазный А. Н. Немилев. Мы застали еще С. Б. Окуня, о лекциях которого ходили легенды. Марина Витухновская вспоминает, что ее познакомил с Окунем отец, Александр Лазаревич Витухновский, выпускник истфака 1940 года. Как-то он приехал из Петрозаводска в alma mater. В коридоре истфака они встретились с Окунем, который узнал своего студента, дружески поприветствовал его. Знакома дочь с маститым профессором, Александр Лазаревич сказал: «Вот Семен Бенцианович Окунь, я у него учился!» А Окунь добавил с невеселой улыбкой: «И все еще живой». Действительно, прослушать легендарный курс русской истории «от Павла до Николая I» мы не смогли: в феврале 1972 года Окунь скончался.

Были и «люди 30-х», а вернее, послевоенных 40-х годов. Студенты послевоенного поколения хорошо помнят кампанию 1949 года по борьбе с космополитизмом и буржуазным объективизмом, которая вылилась в череду собраний в известной большой аудитории истфака амфитеатром. Возглавлял борьбу тогдашний декан истфака Н. А. Корнатовский. Позже, в период так называемого Ленинградского дела, он был обвинен в протаскивании троцкистско-зиновьевской контрбанды и получил 25 лет лагерей. О его вредительской деятельности студентам рассказывал неизменный секретарь партбюро М. Н. Кузьмин. С наступлением «оттепели» и «объективист» В. В. Мавродин, и «зиновьевец» Н. А. Корнатовский вернулись на родной

факультет, где секретарем партбюро оставался все тот же М. Н. Кузьмин. Не знаю, могли ли они смотреть прямо в глаза друг другу, но внешне «былое» ни в чем не выразалось.

Была очень симпатичная молодая поросль, особенно выделялись братья Булкины, Валентин и Василий. Валентин Александрович стал куратором группы искусствоведов. Он организовывал для них чрезвычайно насыщенные поездки по памятным художественным местам. Группа побывала в Вологде, Кириллове, Феропонтове, Новгороде и Пскове, Таллине, участвовала в раскопках в Каргополе и Ленинградской области. Учебные поездки с Валентином Александровичем были очень интересны и крайне тяжелы. Он мог часами водить студентов от объекта к объекту, не испытывая ни усталости, ни чувства голода. Марина Витухновская вспоминает, что группа медленно по периметру обошла новгородский и псковский кремль, а весной, рискуя провалиться, студенты форсировали Волхов по тающему льду, чтобы сократить путь к Спасу на Нередице. Валентин Александрович, вероятно, любил ощущение риска. В 1981 году вместе с Иваном Чечотом мы побывали у Валентина Александровича, когда он вел раскопки в Хутыни в Новгороде. Раскоп располагался прямо под сводами полуразрушенной церкви. Вверх смотреть было жутко.

Я по приглашению моих друзей несколько раз ездил на эти учебные экскурсии. Могу сказать, что Валентин Александрович был очень эмоциональным рассказчиком, а во время поездки в автобусе, когда все уже были чрезвычайно утомлены, мог часами читать стихи, особенно ярко звучали в его исполнении «Капитаны» Н. Гумилева. «Валентин Александрович ввел нас в мир Древней Руси, который на всю жизнь стал для меня и, думаю, для всех однокурсников нашим важнейшим культурным достоянием». Так говорит о своем преподавателе Марина Витухновская. Думаю, это справедливая оценка.

В 1967 году КГБ раскрыл подпольную организацию «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа». Она ставила своей целью свержение советской власти (вооруженный путь не исключался) и строительство социально-христианского государства. Организация исторически была связана не столько с диссидентством, сколько с традициями белого «активизма». Но так или иначе, одним из членов организации был Николай Викторович Иванов, выпускник истфака ЛГУ, а к моменту ареста — ассистент кафедры истории искусства. Все это, очевидно, свидетельствовало, по мнению «инстанций», о слабой идеологической работе на факультете, и кафедра была укреплена доцентом, а позднее профессором М. О. Малышевым. Мелетий Олегович — это человек с яркой героической биографией. Во время войны он по заданию органов контрразведки внедрился в школу абвера, а затем помог пресечь деятельность вражеской агентуры, переброшенной за линию фронта. О его подвиге широко стало известно только в 1965 году.

Человек он был отзывчивый, сердечный и принципиальный. Писатель, добрая приятельница С. Довлатова Людмила Штерн вспоминает, что именно Малышев отсоветовал ей идти на сотрудничество с «органами»: «Без диссертации прожить можно, а вот с муками совести сладить будет трудно...» Но, конечно, искусствоведом назвать его можно было с большой натяжкой. И студенты это чувствовали. Вероятно, он сам понимал это, так как с 1980 года вернулся на кафедру истории КПСС.

Но вернемся к «Кинематографу». Могу сказать, что благодаря этим сеансам я познакомился как с проходными кассовыми фильмами, такими как серия фильмов о громадной обезьяне Кинг Конг, страшилками о Франкенштейне и его невесте, так и с классикой: «Мост Ватерлоо», «Нюрнбергский процесс», «Двенадцать разгневанных мужчин» — все эти фильмы стали мне известны благодаря сеансам, которые мы зачастую посещали вместо лекций и семинаров. Показывали и классику русского немого кино: «Домик в Коломне», «Пиковую даму», «Отца Сергия» с замечательным И. Мозжухиным. А на вечернем сеансе (по-моему, шел чардынинский фильм «Обрыв») играл тапер, который совсем молодым в годы Первой мировой войны сопровождал немые фильмы. Копия «Обрыва» сохранилась без титров. Сюжет этого произведения А. Н. Гончарова, которое в школьную программу не входит, известен был далеко не всем, и ведущий давал необходимые пояснения. Сцену между Марком Волоховым и Верой он сопроводил следующим комментарием: «Марк жаждет Веру, но она, опасаясь его домогательств, откладывает это дело на потом». Мне показалось, что моему другу по душе прились фильмы А. Куросавы «Семь самураев» и в особенности «Расемон». Последний фильм вызвал и у меня профессиональный интерес: ведь историк все время приходится сопоставлять разные версии одного и того же события.

Мне трудно сказать, насколько Володя был поклонником современного советского кинематографа. На первом курсе острые споры вызывал «Андрей Рублев», только что вышедший на экраны. Одних крайне смущали исторические неточности, например, двуручная пила, которой не было в начале XV века, другие видели в фильме аллюзии на советскую действительность, третьим были симпатичны духовные поиски,

обращение автора к религиозной тематике. Мне фильм показался затянутым, многого я не понимал, поэтому с интересом слушал своих товарищей. Володя, если я правильно помню, активно защищал А. Тарковского. Знаю, как Володя нетерпим к лжи и предательству. Наверное, поэтому мы были тронуты ранним михалковским фильмом «Свой среди чужих, чужой среди своих», картиной о товариществе, объединяющем людей. Не знаю, сразу ли Володя посмотрел фильм «Ирония судьбы...», который я полностью увидел лишь где-то в конце 1990-х годов, но песни из этой ленты он напевал довольно часто. Возможно, они соответствовали его тогдашнему душевному настрою.

«Кинематограф» просуществовал до начала 1980-х годов, потом начался ремонт кинозала и демонстрацию фильмов перенесли в кинотеатр «Спартак», а с ужесточением идеологического противостояния с Западом во время правления Ю. В. Андропова и вовсе ликвидировали. Сейчас мне редко удается сходить в кино, но вкусу своего давнего друга я доверяю. Он рекомендует посмотреть «Небо над Берлином» В. Вендеса. Что ж, посмотрю непременно!

Наверное, будь мы студентами театрального института или института кинематографии, наше увлечение получило бы адекватную оценку или поощрение. Но мы учились на идеологическом факультете, и если на лекциях по диамату наши пропуски не были замечены вследствие близорукости преподавателя (семинары мы все же исправно посещали), то курс по политэкономии социализма повлек за собой неизбежную расплату. Расхрабрившись, мы не только пропускали лекции, но и на семинары-то ходили через раз. И всей компанией (Володя Воропанов, Марина Витухновская и я) получили заслуженные двойки. Это был первый «неуд», полученный мной за годы учебы в университете. Правда, через два-три дня мы пришли на пересдачу, пришли все с тем же багажом знаний. Но преподаватель, кажется, понял, что чего-то путного добиться от нашей компании будет трудно, и милостиво без особых вопросов поставил каждому «хорошо». Позже, уже в конце 1980-х годов, когда «неуд» получила сама политическая экономия социализма, я подумал: так, может быть, мы были не столь уж глупы?

Интерес моего товарища к древнерусскому искусству, конечно, был связан с Русским Севером, с Вологодчиной, где сохранились замечательные памятники древнерусской живописи и архитектуры. Конечно, это можно было бы объяснить данью модным тогда увлечениям русской стариной. Володя не только сделал распятие, но в общежитии расписал верх окна шрифтовыми витражами на религиозную тематику, что вызвало протест у начальства. После проверки был дан краткий приказ: смывать! Но есть обстоятельство, позволяющее мне предположить, что этот интерес не был поверхностным. На втором курсе Володя стал часто бывать на службах в Александро-Невской лавре, бывал там и по будним дням, иногда (нечасто) пропуская занятия военной кафедры. Он рассказывал, какое сильное впечатление на него произвела процедура взаимного отпущения грехов в Прощеное воскресенье. Его религиозность, думаю, была искренней, хотя об этой части своего духовного становления Володя предпочитал не распространяться.

История распятия имела продолжение, которое стало мне известно только сейчас. Наша однокурсница Марина Витухновская до третьего курса жила вместе с сестрой Аллой, аспиранткой филологического факультета, на съемной квартире. После окончания аспирантуры Алла уехала, а Марина с большим трудом добилась места в общежитии. По ее воспоминаниям, соседки сразу же встретили ее в штыки, не шли на контакты, пришлось даже свое место отгородить занавеской. Своими горестями Марина поделилась с Володей. А через несколько дней, вернувшись в свою комнату, она не узнала ее. На стене висело то самое удивительное распятие, сделанное Володей на первом курсе. Марину очень тронул этот жест дружеского расположения и участия.

Позже, уже на четвертом курсе, искусствоведы проходили музейную практику в Русском музее. Володя был в отделе дореволюционной гравюры, а Марина Витухновская попала в отдел советской живописи, где за черной занавеской висели работы художников-модернистов П. Филонова, К. Малевича, М. Ларионова. Нарушив все музейные правила, Марина смогла провести своего сокурсника в этот искусствоведческий «спецхран», за что оба участника, когда история каким-то образом стала известна начальству, получили ирландский нагоняй.

Вместе с необходимыми документами я при поступлении получил читательский билет в университетскую и отраслевую факультетскую библиотеки. Моему восторгу не было предела: можно было получить на дом дореволюционные издания и редкие книги 1920-х годов. Так на втором курсе я прочел все «зифовские» тома Е. Замятина, который стал одним из моих любимых писателей, к семинарам по истории партии готовился по «Истории российской социал-демократии» Ю. О. Мартова, а истматовский реферат по «Вехам»

писал, досконально изучив этот знаменитый сборник. Благодаря Лене Заславскому осенью того же года стал посетителем студенческого зала Публичной библиотеки. В здании на Фонтанке помимо студенческих залов, куда с началом сессии попасть можно было, только отстояв большую очередь, помещался газетный зал, так что я мог с большим интересом читать бухаринскую «Правду» и «Известия», а позже и дореволюционные газеты по своей теме. На втором курсе благодаря ходатайству своего учителя С. Н. Валка я получил билет в библиотеку Академии наук. А моим друзьям-искусствоведам, прежде всего Володе, я обязан тем, что стал читателем библиотеки Академии художеств. Она обладала рядом преимуществ. Взять хотя бы удобные столы, лампы с зеленым абажуром, излучающие мягкий свет, не стулья, а кресла. Все это располагало к неспешной обстоятельной работе. Если устанешь, то можно выйти прогуляться в круглый внутренний дворик, где сейчас стоит памятник основателю Академии графу И. И. Шувалову. Тогда это было пустынное место, заросшее травой. Если лечь на землю, то небо отсюда воспринималось как громадный естественный купол, венчавший здание.

Конечно, книжные фонды НБАХ были менее обширными, чем у Публички, но необходимый для подготовки к экзаменам минимум учебной литературы здесь был. Заказ исполнялся не на следующий день, а в течение 20–30 минут. А работница абонемента, которая нам почему-то благоволила, исполняла заказы чрезвычайно быстро. Чтобы немного отдохнуть, помимо учебных пособий я заказывал либо художественную литературу, либо «Новый мир» за 1960-е годы, либо дореволюционные сатирические журналы — «Новый Сатирикон» или «Бич» за 1917 год. «Бич» привлекал очень острой антибольшевистской сатирой, карикатурами на лидеров большевиков, яркими фельетонами А. В. Амфитеатрова. По каким причинам этот журнал не попал в отдел специального хранения, мне неизвестно, но то, что он позволял критически оценить известный людям моего поколения истпартовский пономаревский «кирпич», — это несомненно.

В июне 1973 года мы с Володей, как обычно, готовились к сессии среди книжных шкафов Академии художеств. Вдруг тишина библиотечных залов взорвалась говором группы людей, в которой, кажется, был и ректор Академии художеств. В центре толпы был небольшого роста седой и довольно старый человек. Позже из газет я узнал, что Академию посетил Марк Шагал. Маэстро не без некоторой иронии говорил в интервью, что был тронут вниманием со стороны того учреждения, о поступлении в которое он и мечтать-то не мог.

Попутно вспомню и о спецхране. С третьего курса, когда на истфаке началась специализация, по ходатайству того же Валка я получил доступ в спецхран как университета, так и Публичной библиотеки. Таким образом, в отсутствие критического подхода к прошлому нас обвинить нельзя. Конечно, нам постоянно напоминали, что мы — будущие работники идеологического фронта, учимся на особом факультете. На деле большинство преподавателей были прежде всего историками-профессионалами и учили нас азам профессии. Поэтому я сохранил глубокую благодарность Алле Викторовне Красиковой, которая вела у нас семинары по истории КПСС, у Володи же преподавателем была Нинель Ивановна Приймак, ученица Валка, профессиональный источниковед.

То, о чем нельзя было говорить на семинарах, становилось предметом обсуждения в комнатах студенческого общежития. Иногда это приводило к забавным казусам. Зимой 1972 года я простыл и пропустил семинар по истории партии. Несколько днями позже, когда я пришел на занятия, меня встретил Боря Косолапов. Искусствовед, он, однако, жил с мамой в большой коммунальной квартире, а не в общежитии. Конечно, с ним мы тоже дружили, вели откровенные беседы. И первый вопрос Бориса:

— Володя, неужели это правда?

— Боря, о чем ты?

— Да вот Витя Лисицын на мой вопрос: где Ведерников, что с ним — ответил: «Он приболел и говорит: не пойду на семинар, где непременно будут ругать моего любимого Троцкого».

По правде говоря, такая шутка меня испугала: мало ли какие выводы о студенте «идеологического» факультета могут сделать наши «верхи». Впрочем, все обошлось. Мне, конечно, довольно трудно оценить тогдашнюю степень надзора за нашей нравственностью и идеологической чистотой. Думаю, что все сводилось к цепи формальных мероприятий: в конце 1971 года проводился митинг в защиту Анжелы Девис, на который приезжала из США сестра этой гражданской активистки; кажется, в 1973 году осуждали израильскую военщину; традиционной была эстафета памяти героя войны студента истфака Васильковского, но какого-то серьезного контроля за нашими умами не было.

Вспоминаю такой эпизод. Мне явно не хватало альтернативной информации. Коротковолновый транзисторный приемник был студенту не по карману, и в комиссионном магазине я приобрел старенький довоенный ламповый «Пионер». На шкале приемника значились такие экзотические города, как Иерусалим, Кенигсберг и Данциг. Ловил он не очень хорошо, но все же слушать можно было. В июне 1974 года эмигрировал из СССР А. Галич, шведское (если не ошибаюсь) радио анонсировало интервью с изгнанником. Я пригласил к нам в комнату Сережу Андреева, который был секретарем партбюро общежития; он охотно согласился, и мы потом долго обсуждали передачу. В Сереже я не сомневался. Он был и остается надежным и верным другом.

С 1972 года мы в порядке ротации (для каждого факультета выделяли квоты на проживание в Петергофе и, соответственно, в Ленинграде) оказались в громадном пятиэтажном здании на Мытнинской набережной, напротив Зимнего дворца. Здание это было построено в 1881 году купцом Кириковым как доходный дом. Среди студентов ходили упорные слухи (видимо, связанные с коридорной системой внутренних помещений), что тут располагалось одно из «веселых» заведений столицы, что, по-видимому, действительности не соответствует, так как в доме помимо владельца в разные годы проживали многие знаменитости, в том числе и товарищ министра финансов А. И. Путилов. После революции здание было передано университету, так что если бы кому-то захотелось отметить известных ученых, писателей, поэтов, которые в годы своей студенческой юности проживали на знаменитой Мытне, то, думаю, здание могло бы составить конкуренцию знаменитому «Дому академиков» на Васильевском острове. Здесь жили литераторы А. Прокофьев и В. Саянов, в конце 1920-х годов выступали обэриуты, студентом был будущий ректор Вознесенский, обитал в общежитии и молодой американский стажер Джон Байерли, будущий посол США в России, в комнате 88 жила студентка философского факультета Эдита Пьеха.

Вход в здание украшали две карiatиды, державшие высокий эркер. Но внутреннее пространство здания находилось в разительном контрасте с его внешним убранством. Здание не отличалось ни комфортом, ни чистотой. Нередкими гостями бывали в студенческих комнатах и клопы, и тараканы, душ работал с перебоями, а «удобства» находились в коридоре. Мест для всех не хватало, и комнаты были переполнены. На втором курсе мы делили одну комнату на 12 человек, что неизбежно порождало психологическое напряжение и конфликты. Читая в библиотеке Академии художеств «Красную панораму» за 1927 год, я наткнулся на заметку о нашем общежитии. Проблемы упоминались почти те же самые, может быть, у нас не было только выбитых оконных стекол. Но эти недостатки с лихвой окупались рядом преимуществ. Во-первых, здание в самом центре города, рядом — Петропавловская крепость, напротив, через Неву — Зимний дворец. Отсюда было очень удобно смотреть на праздничные салюты. Дорога в вуз занимала от силы 10–15 минут; зная, что путь недолог, мы выходили всегда впритык, а потому и постоянно опаздывали. Минус заключался в том, что в час ночи двери запирались и подгулявшие студиязусы рисковали ночевать на улице. Однажды и мы с Володей оказались в такой неприятной ситуации. Провожали своих товарищей и не смогли прийти к положенному времени. Принципиальный вахтер не пустил нас. Пришлось ночевать в подъезде соседнего дома, прислонившись к ребристой батарее, излучавшей тепло.

Общежитие напоминало гостиницу, где собрались пассажиры Ноева ковчега. Для полноты картины следует упомянуть, что на Неве под парусами невдалеке скоро появился и корабль: плавучий ресторан «Фрегат», впрочем, слишком роскошный и дорогой для обитателей Мытны. Итак, жили здесь не только представители народов СССР, но и иностранные студенты и стажеры, которым сложно было обвыкнуться в чужеродной среде, понять особенности советской жизни и быта. Если коридор наполнял запах подгорающего подсолнечного масла, то это, скорее всего, означало, что студенты из Узбекистана готовят плов. Однажды мы проснулись от запаха дымящегося пластика. Оказалось, что студент-иностранец, узнав, что стирку белья можно заменить его кипячением, использовал для этого большой пластмассовый таз. Иностранцев чаще всего селили вместе с советскими студентами, и они достаточно быстро овладевали основами русского языка, а мы узнавали о жизни за рубежом. В нашей комнате, когда мы были уже студентами четвертого курса, появился студент-стажер из Венгрии. Мне кажется, что он занимался русской литературой. Мы с ним довольно долго обсуждали последствия «венгерской осени» 1956 года, судьбу философской школы Дьердя Лукача. Он же познакомил меня с книгой Михайлы Михайлова о Москве 1964 года.

Поездки за рубеж из СССР, конечно, были возможны. Но тут надо было соблюсти несколько обязательных условий. Прежде всего необходимо было начать знакомство с зарубежьем с одной из стран социалистического лагеря (Югославия, занимавшая особую политическую позицию, в счет не шла). Лишь после этого

появлялся шанс получить путевку в Западную Европу. Путевки эти были недешевы. На факультете висели объявления профкома, где предлагался, помимо всего прочего, тур в Канаду, стоивший более тысячи рублей. Но кроме цены была еще одна сложность: необходимо было получить характеристику и рекомендацию партийных органов. Эта процедура требовала пройти собеседование, где тебе могли задать самые разные вопросы. Иногда достаточно простые: назвать имена членов Политбюро (К. Мазуров, А. Устинов, П. Демичев, Ю. Андропов, И. Капитонов), иногда довольно сложные, например, о внешней торговле с Венгрией, о содержании Программы мира Л. И. Брежнева, темпах строительства жилья в Ленинграде, реализации очередной мирной инициативы СССР и так далее. Но могли быть и совершенно убойные — к примеру, о содержании постановления ЦК КПСС «О всенародном социалистическом соревновании работников промышленности и строительства за досрочное выполнение плана на 1975 год». Конечно, оно публиковалось во всех центральных газетах, но, скажите, кому придет в голову читать документ с таким заглавием? Подготовиться к такому собеседованию было невозможно, а ведь от его результата зависела поездка. Итак, для студентов граница была на замке?

Нет, не была. Существовала такая форма, как научный обмен, молодежные лагеря отдыха, интернациональные студенческие строительные отряды и так далее. Вот и нам с Володей, вероятно, потому, что учились мы неплохо, предложили съездить по обмену — ему в Венгрию, а мне в Польшу. К Польше у меня давняя симпатия. О повседневной жизни и культуре этой страны интересно рассказывал журнал «Польша», я с удовольствием смотрел польские фильмы «Пепел и алмаз», «Пассажирка», симпатии вызывало страстное стремление поляков к свободе. Ю. Тувим остается одним из моих любимых поэтов. Его поэма «Бал в опере» — яркая сатира, перекликающаяся с булгаковским «пиром сатаны». Поэтому я с радостью предвкушал встречу с близкой и действительно братской страной, дань уважения которой отдали Л. Толстой, А. Герцен, Б. Слуцкий. Борис Слуцкий писал:

*Покуда над стихами плачут,
Пока в газетах их порочат,
Пока их в дальний ящик прячут,
Покуда в лагеря их прочат —
До той поры не оскудело,
Не отзвенело наше дело,
Оно, как Польша, не згинело,
Хоть выдержало три раздела.*

Собеседование прошло легко. На вопрос, зачем мне ехать именно в Польшу, я ответил, что Польша — бывшая часть Российской империи и депутаты от Царства Польского были представлены в Первой Думе, которая является предметом моих научных интересов.

Володе пришлось сложнее. Он даже вопроса не получил, поскольку председательствующему не понравился его внешний вид: длинные волосы (к этому времени мы уже окончили военную кафедру и прошли сборы). Только после вмешательства своего научного руководителя М. О. Малышева Володе удалось пройти строгих партийных церберов. Но на этом история не закончилась. Поляки почему-то от обмена отказались, чемодан мне пришлось распаковать, а вот Володя с группой студентов (Андрей Лейберов, Марина Витухновская, Ангелина Прокопенко и другие) совершил свою первую зарубежную поездку. Потом, когда он уже работал в галерее, то за рубежом бывал довольно часто. У меня в архиве есть его открытка из Парижа. Я же границу страны впервые пересек только летом этого года. Видимо, придется наверстывать упущенное. Надеюсь, что все же удастся посетить Польшу, уже не очень дружескую, не совсем демократическую, но такую симпатичную и немного загадочную...

В декабре этого года наше общежитие могло бы отметить свое столетие. Могло бы, если бы не решение ректората СПбГУ. Ряд зданий, принадлежавших университету, был снят с баланса и продан. Теперь на месте знаменитой Мытны возвышается новодел с безобразной мансардой. Здесь, на последнем этаже здания, как сообщает «Деловой Петербург», находится квартира руководителя «Газпрома» Алексея Борисовича Миллера. Что ж, иные времена, иные песни... Но мне всегда очень грустно, когда прохожу по Зоологическому переулку, мимо того места, где когда-то были родные стены старого общежития...

Переход с курса на курс сопровождался и некоторым улучшением бытовых условий. Комнаты были уже на 5-6 человек, и, кажется, с третьего курса мы уже не меняли угловую комнату на третьем этаже.

Ужинали в складчину, а иногда, когда после интенсивных занятий в библиотеке хотелось поесть не бутербродов, а полноценной горячей пищи, садились на 10-й троллейбус и ехали на Невский, где на углу улицы Рубинштейна располагалось кафе-автомат, своеобразный памятник хрущевской «оттепели». Как известно, при коммунизме женщина освободится от бытовых забот: белье будут стирать в прачечных, а питаться в автоматизированных столовых. Вот такое специализированное заведение и было открыто на центральной улице Северной столицы в 1957 году, вероятно, к 250-летию города, которое было широко отпраздновано именно тогда. В зале стояли автоматы, торговавшие бутербродами. В наше время эти машины давно вышли из строя, работало кафе как обыкновенная столовая, в которой вместо столов стояли высокие стойки, более привычные для пивных. Особенностью этого заведения было то, что работало оно до ночи, чуть ли не до 23 часов. Кроме того, здесь были два фирменных блюда: сосиски с капустой и очень сытная солянка, непременно с лимоном и оливками. А вот каперсов, которые, по мнению знатоков, являются непременным ингредиентом этого блюда, что-то не припомню. Впрочем, я слова-то такого тогда не знал.

В то время в Ленинграде было немало магазинов старой книги: на Первой линии (он затем переместился на Большой проспект Васильевского острова), у Московского вокзала, в начале Невского проспекта и на Литейном. Моя первая покупка — «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милукова, которые были «зачитаны» одним из моих приятелей; зимой 1971 года я приобрел стенограммы Первой Государственной Думы, потратив большую часть стипендии, и затем целый месяц жил буквально на хлебе и воде. Володя часто был моим спутником, пополняя свою библиотеку. Таким образом, примерно за неделю до стипендии мы буквально оказывались без копейки. Иногда нашим финансовым резервом были молочные и (в меньшей степени) винные бутылки, которые можно было сдать, получив в итоге рубля полтора-два. Этого все равно было маловато, и тогда с большим сожалением мы шли в магазин «Старая книга», чтобы часть приобретенного вновь отдать на комиссию, естественно, с потерей части суммы. Но все же прибыль превышала убыль. Купленные в студенческие годы книги стали основой моего личного книжного собрания. И некоторые из них украшены экслибрисами, которые были выполнены Володей в качестве своеобразного подарка.

С третьего курса студенты приступали к специализации, я выбрал спецсеминар у С. Н. Валка, стал заниматься русским парламентаризмом, Первой Думой. Володя занимался русским искусством Серебряного века, насколько помню, его интересовали деятельность С. Дягилева и оформление А. Бенуа балета И. Стравинского «Петрушка». Он очень увлекался А. Блоком, и благодаря моему другу я понял и полюбил творчество этого поэта Серебряного века. До сих пор в моей библиотеке хранится небольшой томик Блока, купленный в «Старой книге», на титульном листе которого значится, что это первое посмертное издание, составленное еще автором. Тема Первой русской революции для студентов не обходится без блоковских «Митинга», «Еще прекрасно серое небо...», «Ангела-хранителя»:

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!

Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?

Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

Несколько расходились и наши с Володей художественные пристрастия. Я больше тяготел к театру, посещал постановки БДТ, покупал билеты на спектакли известных коллективов, которые приезжали на гастроли. Володя был поклонником классической музыки, часто бывал в Большом и Малом залах Ленинградской филармонии. Иногда и я составлял ему компанию. Здесь, в Большом зале филармонии, часто можно было встретить и С. Н. Валка, который, несмотря на свой возраст, не пропускал премьерных концертов. Обычно мы брали самые дешевые входные билеты, которые стоили примерно рубль, и наслаждались музыкой. Один концерт остался в памяти надолго. В середине 1970-х годов на гастролях в Ленинграде был симфонический оркестр Сан-Франциско под управлением дирижера Сейдзи Одзавы. Это была удивительно эмоциональная игра, действительно на разрыв аорты. Мы ушли потрясенные и долго не могли говорить, чтобы не разрушить того эмоционального подъема, который вызвала музыка.

Окончание третьего курса в 1974 году было связано с завершением обучения военному делу и сборами, которые проходили под Выборгом, совсем недалеко от Топольков. Стало быть, отдыха не предвиделось. Но, с другой стороны, это означало, что наступит-таки конец тяготеющему над нами еженедельному кошмару. Конечно, это не была полноценная армейская служба, скорее Army-light. Но некоторые особенности

армейской службы мы все же ощутили. Дальний гарнизон, страшная скука, выход из которой — беспробудное офицерское пьянство, а в нашей среде — разделение на «стариков» (это те, кто в армии отслужил) и «молодых», которых следует научить жизни. К чести наших товарищей скажу, что лишь немногие пользовались своим «стариковским» преимуществом. Но были и такие, которые пытались гонять «профессорских» сынков, заставляя по многу раз заправлять кровать или сдергивая криво пришитый подворотничок.

Но существовали и преимущества. Жаркое лето, буйная растительность, обилие ягод, вкусное парное молоко, которое за символическую цену можно было купить у местных хозяек и выпить, закусив необыкновенно вкусной горбушкой душистого ржаного хлеба. Было и еще одно обстоятельство. Строевую службу я не понимал, выполнял приемы очень неумело и стал предметом всеобщих насмешек. Но практика достаточно быстро позволила овладеть премудростью пристрелки, которой я безуспешно учился предыдущие три года. Чуть сложнее оказалось с материальной частью, но и здесь был заметный прогресс. Так что экзамен я сдал без труда и даже не воспользовался шпиргалкой, которую в виде шефской помощи предложил наш куратор, курсант Михайловской артиллерийской академии.

Володя и я неожиданно там нашли себя не столько на военном, сколько на литературном поприще, получив задание выпускать «боевые листки». Володя делал рисунки и писал тексты, а я, лишенный не только музыкальных, но и изобразительных талантов, придумывал подписи, составлял кроссворды на военную тематику и в каждом номере непременно остро критиковал курсантов Воропанова и Ведерникова за халатность, разгильдяйство и нежелание овладевать основами военного ремесла. Наши выпуски пользовались заслуженной популярностью, что вызывало зависть у конкурента — студента-филолога Игоря Сухих, который тоже выпускал «боевой листок», но отнюдь не столь популярный, как наш.

Надо ли говорить, что возвращение домой в конце августа мы отметили своеобразным «мальчишником» в шашлычной на Садовой, которая в народе называлась «Стенька Разин». Закончился вечер хорovým исполнением (вполголоса) известной ветеранской песни на мотив «Стальной эскадрильи». Грешным делом, и я присоединился к хору, вызвав немалое удивление своих товарищей, которые знали не только о полном отсутствии у меня слуха, но и об отвращении к определенному рода лексике. Но здесь сдержаться я уже не мог.

На ноябрьские праздники 1975 года мой товарищ пригласил меня погостить в Вологду. Я писал, что не слишком много путешествовал. Большой город для меня — это Ленинград. Жизнь российской глубинки представлял очень плохо. Недавно мой товарищ в интервью «Радио России» в Вологде назвал Вологодчину загадочным краем, где живут особые люди. Это было чистой правдой. Город встретил нас морозцем, чистым воздухом, к которому примешивался туман. Обращал на себя внимание особый говор вологжан, который и у Володи был замечен. В самом центре города, у реки я видел сноровистых женщин. Думаю, что они не стирали, а бучили белье и, возможно, пользовались вальком и рубелем. Должно быть, так стирали еще до нашествия монголов.

Город остался в памяти необычайной красоты деревянными особняками, дымом печных труб и высокой колокольней Вологодского кремля. А еще запомнился Спасо-Прилуцкий монастырь, который только недавно покинула располагавшаяся там воинская часть. В Прилуках собирались сделать филиал областного краеведческого музея, и мой университетский товарищ Витя Лисицын с увлечением рассказывал о грандиозных планах музеефикации и о том, как важна в музейном деле аттрактивность (именно тогда услышал я это мудреное слово). В то время, кажется, он был единственным штатным работником нового музея.

*Этот город деревянный на реке
словно палец безымянный на руке;
пусть в поречье каждый взгорок мне знаком
как пять пальцев — а колечко на одном!
Эко чудо — пахнет лесом тротуар,
пахнет тесом палисадник и амбар;
на болотах, где не выстоит гранит,
деревянное отечество стоит.*

О. Чухонцев

Да, Запад и Петербург как самый европейский город нашего Отечества — это камень и гранит, вся же остальная Россия — это дерево, доступный и податливый материал. Одно плохо: он не только быстро

гибнет в огне, но и плохо противостоит натиску оборотистого капитала. К сожалению, за прошедшие 40 лет Вологда изрядно порастеряла свое главное богатство — памятники деревянного зодчества. Это больно и обидно.

Во время первого посещения Вологды для меня разрешилась еще одна загадочная история. Ежегодно, отправляясь на ноябрьские праздники в Вологду, мой товарищ неизменно покупал в магазине полукопченую полтавскую колбасу, колбасу недешевую (3,6 рубля за килограмм). У меня было много вопросов к советской власти, но только не по кулинарной сфере. На Севере, где я жил до окончания школы, было маловато овощей и фруктов, но с маслом, хлебом, мясом, колбасой и даже красной икрой никаких проблем не было. А вот в Ленинграде были очереди за мясом: домохозяйки, не желая покупать говядину старого разруба (ее можно было взять без очереди), терпеливо ждали, когда вынесут новую свежую партию. Хозяйки здесь покупали не просто «мясо», а задний край, филей, шею и так далее. В год поступления в университет я увидел в магазине на Невском какого-то громадного краба. Оказалось, что это не краб, а омар. Конечно, в дефиците были растворимый кофе, сайра, венгерские куры, но колбаса... Она продавалась везде. Зачем же мой товарищ везет ее в Вологду? Вопросы отпали, когда я увидел ассортимент вологодских магазинов.

Но город, конечно, надолго остался в памяти. Я был рад, что новая встреча состоялась не так давно. Жители такие же доброжелательные и открытые, но состояние городской среды прямо ужасает: обилие рекламы, плохие дороги, дышащий на ладан транспорт. И все это в городе, который должен быть центром российского туризма! Было очень жаль, что не смогли мы ознакомиться и с богатствами Вологодской картинной галереи, которая находится в процессе реорганизации и переезда в новое помещение.

Конечно, город изменился. В Прилуках — действующий монастырь, где удалось наладить плодотворное сотрудничество церкви и музея. Открылась усадьба Брянчаниновых. Но самое главное богатство города — его жители. Я рад, что мне удалось познакомиться с настоящими энтузиастами, добрыми и отзывчивыми людьми, которые готовы щедро поделиться своими знаниями. Это Марина Сергеевна Черкасова, знаток монастырского землевладения, Игорь Полиэктрович Кукушкин, который обнаружил первую вологодскую берестяную грамоту, заведующий Музеем политической ссылки Иван Федорович Никитинский, раскрывший нам тайну солнечного луча Софийского собора, директор Музея фресок Дионисия Ирина Николаевна Паршукова. Разумеется, я вспомнил далеко не всех. Мне показалось, что в Вологде нет или почти нет людей злых, жадных, завистливых. Может быть, это свет фресок Дионисия так преображает жителей? Я уверен, что в этом ряду достойное место занимает и мой студенческий друг, который так много сделал для культуры и искусства родного края.

Луга — Санкт Петербург, 21 августа — 2 сентября 2019 года

Ирина БАЛАШОВА,
заместитель директора ВОКГ по научной работе,
кандидат искусствоведения,
заслуженный работник культуры Вологодской области,
действительный член Петровской академии наук и искусств,
член ВТОО «Союз художников РФ»

ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ ВОРОПАНОВ — ДИРЕКТОР, КОЛЛЕГА, ЧЕЛОВЕК

Роль Владимира Валентиновича Воропанова, почти 40 лет возглавлявшего Вологодскую областную картинную галерею, в превращении провинциальной галереи в один из известнейших художественных музеев России общеизвестна и неоспорима. Пик его деятельности пришелся на 2000–2010-е годы, когда в галерее прошло шесть всероссийских выставок экслибриса, две всероссийские выставки пейзажной живописи и современного народного искусства, Всемирный конгресс экслибриса. Но об этом можно прочесть в официальных источниках. Я же хочу показать Владимира Валентиновича, что называется, изнутри, так как более 40 лет проработала с ним в картинной галерее.

Когда я в 1978 году пришла в галерею, Владимир Валентинович проходил военную службу в Вологде. Он периодически появлялся на выставках то в военной форме, то в штатской одежде. Вскоре он вышел на работу, возглавив отдел графики. Но в его отделе не было сотрудников, и он предлагал Е. А. Коноваловой и мне перейти в его отдел, видя, какие мы труженики. Но я побаивалась его — он был такой умный, строгий, а пока думала, согласиться или нет, он стал директором.

Это произошло в 1981 году. Владимиру Валентиновичу многое не нравилось в жизни галереи, и он намеревался построить ее на новых началах. Только придя из армии, мечтал, как нам казалось, заставить ходить нас строем и переодеть всех в одинаковую одежду. Вначале он переучивал нас называть его не Володей, как прежде, а Владимиром Валентиновичем, и делал это спокойно и настойчиво. Особенно трудно было это его сверстникам, ведь они совсем недавно вместе общались и помимо работы, по-свойски.

Естественно, что у меня, как у самого младшего сотрудника, поначалу было мало непосредственных контактов с руководителем, ставящим и решавшим глобальные задачи учреждения, поэтому от первых лет мне запомнились лишь отдельные, внешне незначительные, но для меня важные эпизоды.

Будучи увлеченным графикой, Владимир Валентинович решил обучить нас, молодых начинающих сотрудников, окантовке произведений, так как графические выставки проходили в галерее постоянно. Мы готовили выставку «Образ В. И. Ленина в искусстве». Показав, как это делается, он оставил нас. Придя в конце дня, спросил, сколько мы оформили листов. Я помню свой ужас и смущение, так как мы смогли сделать всего одну работу. Он посмотрел на нас и ничего не сказал. А в голове, думаю, у него пронеслось: с кем приходится работать!.. Но учение не прошло даром. Через какое-то время мне пришлось одной окантовывать детскую выставку, так за день я оформила в рамы 30 рисунков.

В те далекие времена мы сами развешивали выставки, в том числе и с Владимиром Валентиновичем. Как-то мы с ним монтировали выставку графики в цокольном этаже Воскресенского собора. Он, видя, как я волнуюсь, как-то хотел подбодрить и сказал, что мой брат Владимир очень похож на А. Н. Бенуа с портрета Н. С. Войтинской, который мы как раз и развешивали.

Владимир Валентинович очень много писал, в том числе и в местную печать. У него возникла идея, чтобы в рекламной газете «Вологодская неделя» выходили небольшие материалы о наших выставках. И вот он давал мне задание написать полстраницы текста, потом правил, объясняя, как сделать текст

доходчивым и живым, ярким. Вскоре я научилась писать кратко и живо. И вот с этих размером в спичечный коробок текстов и пошли мои писания. У их истоков стоял Владимир Валентинович, именно он привил мне вкус к созданию научно-популярных материалов, открыл путь в этот увлекательный мир. В 1987 году он поручил мне написать статью о моей работе с детьми в галерее, она называлась «За ручку к искусству». Это был уже полностью мой, самостоятельный материал. А впоследствии Владимир Валентинович даже защитил меня, когда в 1991 году вышла моя критическая статья «Освобождаясь от рабства» об областной художественной выставке в газете «Русский Север», заказанная мне заместителем редактора Г. Н. Шеваровым и наделавшая много шума.

Я видела, что директор ценит мой потенциал, отправляя на «прорыв» то в детскую художественную школу, то в музыкальное училище, где не было преподавателя истории искусства и мировой художественной культуры. Бывали случаи, когда он, оказавшись занятым срочным делом, даже поручал мне прочитать за него лекцию в педагогическом университете.

Владимир Валентинович знал возможности своего коллектива и давал задания, равные каждому. Не убедившись в том, что сотрудник сможет это качественно сделать, он не ставил его для исполнения задачи. Правда, получить от него похвалу было непросто, он считал, что это ни к чему. Меня всегда поражало его чутье и умение правильно решать кадровые вопросы, так же как и способность привлечь в коллектив нужных нам специалистов.

Проверяя наши тексты, он проявлял деликатность и уважение к каждому творческому замыслу. Я однажды видела, как он разговаривал с одной нашей сотрудницей по поводу ее текста; это было сделано в настолько доброжелательной, даже дружеской форме, что лишь стимулировало развитие потенциала автора статьи. Вот только бездельников, гордецов и малознающих людей он терпеть не мог.

Особым периодом моей работы стало открытие Мемориальной мастерской заслуженного художника РСФСР Александра Васильевича Пантелеева в 1993 году. Владимир Валентинович был близким другом художника и, как директор областной картинной галереи, явился одним из организаторов этого проекта, который позволил сохранить в целостности творческую мастерскую Пантелеева, бывшую уже при его жизни важным культурным центром Вологды. Другими инициаторами этого начинания стали отдел культуры Вологодского горисполкома, Вологодская организация Союза художников РСФСР и Вологодский филиал реставрационного центра имени И. Э. Грабаря. Владимир Валентинович хорошо знал о моей многолетней дружбе с Александром Васильевичем и серьезном увлечении его творчеством, так что для него не стояло вопроса, кто возглавит это новое подразделение нашей галереи. Поэтому я благодарна своему руководителю за то, что все мои инициативы по изучению и пропаганде искусства этого выдающегося художника всегда им всемерно поддерживались. А ведь все могло быть и по-другому...

Долгие годы я занималась исключительно организационно-массовой, пропагандистской деятельностью и, что называется, «засиделась», меня тянуло проявить себя и в других сферах. Этому вновь способствовал Владимир Валентинович, переведя меня на должность вначале заведующего отделом современного искусства, а вскоре и своего заместителя по научной работе. Тут передо мной раскрылись широкие горизонты, о которых я мечтала давно. Планирование нашей работы, общение с художниками — и как результат, их выставки с большими серьезными каталогами, участие в научных конференциях. Первой моей — от начала до конца — выставкой была экспозиция работ членов Мурманской региональной организации Союза художников России: отбор произведений в мастерских, подготовка каталога, построение экспозиции, вернисаж. Художники Заполярья приехали в Вологду, наши мастера пришли на открытие почти полным составом. Это был не только успех художников, но и мой успех.

Затем было много незабываемых персональных экспозиций — А. В. Пантелеева, Д. Т. Тутунджан, Г. В. Калинина, С. И. Хрусталева, В. А. Сергеева, Г. И. Попова, Т. Т. Нуйя, В. В. Паскина. Не побоюсь сказать, что открытиями стали выставки Б. А. Кураго, Н. П. Викулова, А. М. Дубинина, В. П. Набатова, Л. В. Яблокова, В. И. Макарова. Говорю так потому, что приходилось убеждать и Владимира Валентиновича, и весь коллектив, что эти авторы очень значительны и достойны представления как в нашем Центральном выставочном зале, так и в других зданиях галереи. Уникальным стало и проведение выставки «Мост культур: Уфа — Вологда. Александр Пантелеев, Ян Крыжевский, Михаил Копьев» в 2018 году.

В 2006 году после грандиозного успеха региональной выставки «Российский Север — 9» 2003 года в Вологде в картинной галерее была проведена Всероссийская выставка пейзажной живописи «Образ Родины — 3». Над ней трудился весь наш славный коллектив, а на долю Владимира Валентиновича выпала

самая тяжелая и ответственная организаторская роль, которую он с честью и исполнил. Мне же посчастливилось быть творческим куратором выставки. На меня легла часть подготовки каталога, координация действий с московскими представителями — выдающимися художниками России, возглавившими выставочный комитет: В. В. Щербаковым, А. Н. Суховецким, В. П. Полотновым, В. Н. Телиным, С. А. Гавриляченко и другими. Работать с ними было очень интересно, поучительно. После этого контакты наши не прервались, а продолжились в последующих выставочных проектах и в творческом общении. Я была куратором персональной экспозиции В. П. Полотнова в 2008 году в Вологде, а через год выставок объединения «Романтики реализма» в Санкт-Петербурге и в Вологде. В 2007 году в выставочном зале Союза художников России на Покровке мы провели персональную выставку Александра Васильевича Пантелеева, что способствовало укреплению наших контактов с Москвой. Но ничего этого бы не получилось, не чувствуй я за собой доброжелательной, деятельной поддержки и высокой оценки моего труда Владимиром Валентиновичем.

Еще предвзята все эти события, когда он собирался перевести меня на должность своего заместителя, директор начал часто направлять меня в командировки в столицу. Тогда я и увидела, как он готовит работника, пошагово прописывая тому все задачи, рисуя план движения в другом городе, указывая все телефоны, адреса, предвидя возможные проблемы. В этом проявлялась его не только деловая, но и какая-то сердечная основа.

Видя, как я интересуюсь жизнью художников и прежде всего Вологодского регионального Союза художников, Владимир Валентинович меня всячески продвигал: сделал бессменным куратором вологодской части региональных выставок в Великом Новгороде, Сыктывкаре, Мурманске; направил вместо себя на открытие выставки «Русский Север — 11» в Сыктывкар в 2013 году, где в мои обязанности входило знакомство с грандиозной экспозицией и написание обзорной статьи в журнал «Искусство», что и было сделано.

Невероятную заботу, такт и сопереживание проявил Владимир Валентинович во время моей работы над кандидатской диссертацией и ее защиты в Санкт-Петербурге в 2009 году. Редкий руководитель так достойно принял бы факт научного «возвышения» своего зама, история знает иные примеры. А после выхода монографии «Индустриальная тема в творчестве Александра Пантелеева» мой директор окончательно признал меня: на ее презентации он сказал такие слова, которые никогда не забудутся, они помогают мне жить, дают свет.

Все наши сотрудники знали Владимира Валентиновича как чрезвычайно строгого, требовательного начальника. Дисциплина для него была основой работы. Но почему-то забывается то, как он вел себя в трудных для своих подчиненных житейских ситуациях. Он всегда был на стороне работника. Надо срочно по особым обстоятельствам в отпуск — отпускал, кто-то в чем-то запутался — стремился помочь выйти из этого положения. А как он, сам одинокий, искренно радовался свадьбам своих коллег! А как сопереживал... Когда у меня умер четырехлетний сынок, Владимир Валентинович проявил подлинное сострадание и понимание того, что я, «пока еще жива», вгрызаюсь в работу как шахтер в горную породу.

У нас издавна было заведено проведение еженедельных планерок для заведующих отделами и раз в месяц — для всех научных сотрудников. Но то ли сам Владимир Валентинович это понял, то ли ему кто-то подсказал, что надо доходить до всех членов коллектива, в том числе и низшего звена. Так им стали проводиться планерки и для музейных смотрителей и администраторов. Они очень гордились этим: ведь сам директор, заслуженный работник культуры России, почетный гражданин города Вологды Воропанов регулярно встречается с ними как с равными!..

Поверив в мои организаторские и творческие возможности, сделав своим заместителем, постепенно из коллеги Владимир Валентинович стал моим другом. И последние семь лет его работы на посту директора мы понимали друг друга с полуслова, стараясь облегчить нагрузку другому. Видя, как я бросаюсь на очередную «амбразуру», он часто говорил: «Нельзя все делать самой, надломисься, надо поручать другим».

Когда музейный материал не мог оставить его равнодушным, Владимир Валентинович засучивал рукава и сам «бросался в бой». Так произошло и на выставке «Мост культур» 2018 года, когда он с необыкновенным волнением помогал мне строить стену портретов в разделе Яна Крыжевского. Ведь это была встреча с нашей молодостью! А разве можно забыть его, потрясшее всех, выступление на вернисаже этой выставки!!!

Для меня Владимир Валентинович всегда был примером редкой трудоспособности, руководителем, который вникает во все без исключения мелочи нашего галерейского «производства». Зачастую нас это

раздражало, но потом оказывалось, что без этого нельзя, не получится дело. Когда где-то в другом музее мы замечали какие-нибудь недоделки, небрежность в оформлении, то говорили: «Нет на вас нашего директора». Он научил нас точности, дотошности во всех деталях. И это было очень важно, так как он был не только профессионалом, знающим свое дело, но и очень любившим его человеком.

Если бы вы знали, как он готовился к очередному вернисажу! Это был подлинный ритуал. В этот день — все это знали — к директору лучше не подходить. Задолго до открытия он приходил на выставку и, словно актер, входил в ее образ, поистине перевоплощаясь в героев картин, пейзажи и натюрморты, сам цвет и фактуру письма.

Свою необыкновенно глубокую, всеобъемлющую любовь к культуре как цельному, неделимому явлению Владимир Валентинович наиболее ярко, незабываемо воплотил в многолетнем авторском проекте «Мировая художественная культура», который осуществлял совместно с известными вологодскими артистами Ириной Богомоловой и Всеволодом Чубенко. Каждый год брались новые темы, они касались единичных процессов в музыке, изобразительном искусстве и литературе прошлых веков в Европе и России. Владимир Валентинович был режиссером всего действия, он же подбирал изобразительный и литературный материал, Ирина Богомолова отвечала за музыкальную часть, а Всеволод Чубенко представлял в образах поэтических гениев прошедших веков. Все это происходило в Шаламовском доме, среди картин, при свете настольной лампы. Мне кажется, что и Владимир Валентинович, исполняя роль ведущего, чувствовал себя необыкновенно хорошо — это была его среда, его состояние. Ах, как бы снова побывать на одном из таких вечеров!

Еще одной необычной затеей Владимира Валентиновича в последние годы были его обзоры книг нашей галерейной научной библиотеки по темам и разделам, которые он выбирал сам и проводил в конце общей планерки под куполом Воскресенского собора. Это было как священнодействие. А все дело в том, что, лично собрав большую часть библиотеки, он с болью в сердце видел, что очень многие сотрудники мало обращались к этим бесценным сокровищам. С трепетом он брал в руки любимые издания, часто раритетные, и, любовно касаясь их, рассказывал историю их создания и поступления в библиотеку. Все мы помним последнее его выступление в такой просветительской роли.

Занимаясь изучением и пропагандой экслибриса, Владимир Валентинович отдавал себя этому делу целиком, повторив подвиг Семена Георгиевича Ивенского. Вместе с Сергеем Федоровичем Птухиным он пошел дальше, организуя экслибрисистов всей России, а затем и мира на всероссийские, а потом и всемирные форумы. Размышляя об этой деятельности, я бы сравнила научные проработки Воропанова с прозелитизмом А. Н. Бенуа — идейного вдохновителя объединения «Мир искусства», а оперативные решения Птухина — с мощной энергетикой С. П. Дягилева, этого неумемного мотора искусства Серебряного века. Знания Владимира Валентиновича в области графики, гравюры, его знакомства в среде художников и коллекционеров были поразительны. И все это он использовал для умножения коллекции родной картинной галереи.

Владимира Валентиновича знали музейщики и художники всей страны. Бывало, приезжаешь в другой город, идешь к ним, а тебя спрашивают о двух Владимирях: Корбакове и Воропанове.

Уйдя с поста директора картинной галереи, Владимир Валентинович продолжил трудиться в отделе фондов, занимаясь обработкой коллекции книжных знаков, готовя каталоги всероссийских конгрессов экслибриса, работая над статьями, редактируя наши материалы.

Я сказала Владимиру Валентиновичу, что горячо благодарю его за годы совместной работы и особенно за те усилия, которые он приложил для воспитания меня — молодого сотрудника и превращения в специалиста.

Вологда, июнь 2020 года

ВОРОПАНОВ. ВЫБРАННЫЙ ПУТЬ

*«Я преодолел невозможное и пропасти
сделал своим дыханием».*

Казимир Малевич

Во второй день осени 2019 года Владимиру Валентиновичу Воропанову исполняется 65. Всего 65 лет. Для музейного дела, которому он служит, это еще несолидный возраст первой зрелости. Никак не конец творческого пути. Писать о человеке для тебя важном, годами игравшем и играющем в твоей собственной жизни заметную роль, просто и сложно. Просто, потому что все рядом: выставки, проекты, поездки, идеи, разговоры, книги, споры, размовки и паузы в общении... И снова встречи: общение, толковые, интересные, живые его статьи для газеты «Красный Север». А сложно, потому что за этим бесконечным ворохом дел легко упустить из виду саму личность. Настоящий масштаб работника и гражданина, который живет и трудится рядом.

Даже улицы современной Вологды трудно представить без Воропанова, без его высокой, чуть склоненной вперед фигуры с неизменным большим портфелем. Он неспешно спешит от работы в галерее на работу дома. Он едва ли не единственный, кто, уходя в отпуск, продолжает работать. Подкупают его серьезность, сосредоточенность на деле всей жизни, верность в юности выбранному пути. Искусствовед, у которого в трудовой книжке всего одна запись о приеме на работу в областную картинную галерею.

Когда-то, несколько десятилетий назад, Владимир Воропанов пришел не просто в некое учреждение культуры, он пришел в галерею со своим лицом, своей художественной политикой, с репутацией одной из лучших галерей в СССР. Все это было сделано трудами коллектива галереи и еще одного фанатически преданного искусству директора — Семена Георгиевича Ивенского. Искусствовед с мировым именем, Ивенский сформировал в Вологде уникальную школу графики. При нем Вологда и ее галерея стали международным центром экслибриса. Трудно быть преемником фигуры такого масштаба, но Владимиру Воропанову это оказалось по плечу. Он не просто продолжил, но и поднял на новую высоту исследование экслибриса. И в Вологде прошел Всемирный конгресс экслибриса. И десятилетия спустя, уже из другой страны 90-летний С. Ивенский будет ревниво следить за работой В. Воропанова, удивляясь, соглашаясь и не соглашаясь с чем-то в его трудах.

В годы директорства Воропанова галерея стала самым популярным и посещаемым культурным центром Вологды. В общественном обиходе страны еще не оформилось явление мультикультурных центров, а в Вологде он де-факто уже был — наша картинная галерея. Она переживала разные, в том числе и трудные, времена. В один из своих приходов застаю Владимира Валентиновича за расстановкой стульев в экспозиции и размышлением: сколько поставить: два или три ряда? — «Ставьте больше, скоро свободных мест у вас будет не хватать». Так и вышло: скоро в залах Воскресенского собора картинной галереи места занимались заранее.

Успех любой галереи зависит от правильно выбранной выставочной политики. А на то, какая правильная, у каждого свой взгляд. Кто-то радеет за реалистическое искусство, кому-то интересен авангард. Соблюсти баланс интересов непросто. В. Воропанов не боится острых дискуссий, столкновения мнений в жарких спорах, устно и на страницах прессы. Свое видение проблемы он отстаивает всегда спокойно и аргументированно.

Галерея годами последовательно представляет вологжанам панораму персональных выставок вологодских мастеров: В. Корбакова, А. Пантелеева, Д. Тутунджан, Е. Соколова, В. Едемского, Г. Асафова, Н. и С. Лаврентьевых, Т. Чистяковой, В. Сергеева, А. Савина, М. Копьева, Г. и Н. Бурмагиных, Н. Мишусты,

Я. Крыжевского, Ю. Соломкина и многих, многих других, формируя у любителей живописи вкус и потребность в искусстве. А имена тех, кто постоянно выставляется в нашей галерее, были столь звездными, что столичные собеседники находили фантастические объяснения их появлению у нас: «Северсталь» за все платит!» — «Увы, нет, наша галерея так работает!» В разные годы благодаря галерее мы наслаждались искусством А. Поздеева, Д. Жилинского, Н. Нестеровой, И. Глазунова, З. Церетели, братьев А. и В. Трауготов, И. Лубенникова, Э. Браговского, Н. Тоидзе, О. Булгаковой, З. Аршакуни, Т. Назаренко.

В. Воропанов любит сложные, многофигурные проекты. В памяти остались выставки народного, прикладного искусства, сочиненные вместе с ОНМЦК Ольги Денежкиной. Новое рождение храмового искусства и большие совместные выставки с Центром имени И. Грабаря.

Культурной жизни без картинной галереи в Вологде не было и нет. Пытаясь как-то охватить, охарактеризовать ее работу, рискуешь упустить что-то важное. Галерея при В. Воропанове, пользуясь образом Марины Цветаевой, была «странноприимным» домом. Благодаря галерее город получил целую систему творческих домов: Дом А. Пантелеева, Дом В. Шаламова, Дом В. Корбакова. Жаль, Дома Джанны Тутунджан пока нет. В этих домах всегда находят приют не только художники, но и творцы всех сфер: музыканты, артисты, фотографы. Возрастной размах — от детей до ветеранов Великой Отечественной войны. По ощущению, галерея была открыта всегда. В будни и праздники, в любую погоду здесь так уютно спастись от банальности повседневности. А эти длинные-длинные воропановские вернисажи! Так и они не случайны: ворча на их затянутость, горожане учились слушать и говорить об искусстве.

Владимиру Валентиновичу Воропанову 65 лет. Всего 65! В своей Вологде он почетный гражданин. Как ни старайся, портрет, естественно, получается неполным, ведь его герою всего-то 65.

Вот еще несколько штрихов из воропановского контекста. На просветительский проект «Открытая трибуна» — «Вологодские пенаты» приехала поэтесса Вера Павлова с таинственной подругой. Ею оказалась знаменитая писательница, драматург и певица Людмила Петрушевская. Особа яркая и экстравагантная. Для Вологды у нее было припасено лишь одно пожелание. На страничке из альбома проекта ее слова: «Я хочу видеть этого великого мужчину, о котором говорит вся Москва!» — «?!» — Директора вашей картинной галереи, который, как дед Мазай зайцев, спасает искусство, никому сейчас не нужное». Мы забежали в кабинет оторопевшего Воропанова и сфотографировали гостью с ним.

Еще один памятный сюжет. Очередное потрясение в музейной сфере, в Питере на Невском встречаю коллегу-журналиста Наташу Василенко. Она идет из Эрмитажа с интервью с М. Пиотровским: «А что по этому поводу думает Воропанов?» Повод не помню, а гордость за авторитетного земляка осталась до сих пор. Свежайшее интервью Михаила Пиотровского в газете «Культура»: «Успех музея не измеряется количеством посетителей. Это лишь один из критериев, отнюдь не важнейший». И еще, он же: «Музей может спасти мир. И должен». По-моему, В. Воропанов уверен в том же.

В его директорском кабинете всегда манит стопка новых книг. Книгочей, он едва ли не первым в городе успеваешь почитать и читать новинки. И всегда охотно дает их на прочтение. Не знаю, успел ли Владимир Валентинович купить новую книгу Виктора Пелевина «Искусство легких касаний», но с пафосом ее точно не согласится. А он в том, что «человек сам по себе ничего не значит, и он всегда заложник чьей-то воли». Концепция о ничтожности единичной человеческой жизни не для Воропанова. Уверена: ему ближе все тот же великий Казимир Малевич: «Человек смотрит в телескоп на звезды, забывая, что он сам звезда».

В канун скромного юбилея ключевой для искусства Вологодской земли, да и всего Русского Севера фигуры Владимира Валентиновича Воропанова уверена: его звезда найдет и выйдет в новое творческое пространство, вычислит и отстроит себе другую орбиту. Стремиться есть куда, пример перед глазами: 15 декабря С. Г. Ивенскому 95 лет. Отсюда — многая и благая лета!

Вологда, август 2019 года

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РАЙ ВЛАДИМИРА ВОРОПАНОВА

Страшно не люблю, когда окружающие сетуют на характер человека: невыносимый, ужасный, скверный, с ним невозможно работать. Характер или есть — тогда человек, несмотря ни на что, четко идет к намеченной цели. Спотыкается, падает, снова встает, ищет хоть какие-то положительные эмоции, чтобы не сломаться, — у души тоже есть потолок, можно погибнуть под его обломками... Или характера нет. Тогда из человека вьют веревки...

В трудовой книжке Владимира Воропанова всего одно место работы: «Вологодская областная картинная галерея». Экскурсовод. Завотделом. Директор. С прошлого года — научный сотрудник. Единственный перерыв в работе — служба в армии.

Год назад написал заявление об уходе по собственному желанию с должности директора. Несколько раз увозили в больницу прямо с рабочего места или из дома... Но с галереей все равно не расстался, поболся, что фонд экслибриса останется невостребованным. В областной картинной галерее — самая большая в стране коллекция этого редкого вида гравюры: после каждого всероссийского конгресса экслибриса художники дарили работы. Поэтому ради дела согласился на мизерные полставки, хотя работа предстояла длительная, не на один год...

«Для меня очень важно, — говорит Владимир Валентинович, — заложить как можно больше информации, потому что на сегодня практически не осталось специалистов. Да и графика для меня — самое большое увлечение. Еще в студенческие годы все свободное время проводил в отделе гравюры Русского музея. Была даже перспектива стать заведующим этим отделом, его руководитель долго не уходила на пенсию, ждала, что я утрясу свои дела с пропиской и приду к ним работать».

Но человек предполагает, а Бог располагает... Строгая дама в «большом доме» вынесла свой вердикт: «Молодой человек, езжайте-ка вы в свои Вологды, Костромы и Ярославли. Там тоже памятники есть. И нечего к нам соваться». Тем не менее именно Ленинградский университет определил всю его жизнь, преподаватели, которые, вопреки времени, поддерживали самостоятельность, учили творчески мыслить.

Человек на своем месте

От таких, как Владимир Воропанов, большие чиновники всегда предпочитали держаться подальше. Кто знает, что он выкинет в самый неподходящий момент? Упертый. Независимый. На все — своя точка зрения. Но молодой, энергичный, нестандартно мыслящий и влюбленный в искусство выпускник ЛГУ в родном городе не только пришелся ко двору, но и больше тридцати с лишним лет возглавлял довольно большой коллектив областной картинной галереи. За эти годы удалось добиться многого. О Вологодской галерее узнали не только в России, но и за рубежом. Выставляться в ней стало престижно. А с творчеством ведущих художников страны, академиками Российской академии художеств теперь уже можно знакомиться не по репродукциям и столичным вернисажам, а в областной картинной галерее.

«Музейное дело — коллективная работа, серьезный труд, — считает Владимир Валентинович. — Одному ничего не сделать. В нашей галерее сформировался высокопрофессиональный искусствоведческий коллектив, вологодская искусствоведческая школа. Потому что есть определенные принципы подхода, работы, описания. Кроме ведущих федеральных музеев, ни один региональный музей так много не издает, не пишет и не делает столько выставок.

Когда я начинал работать директором, думал: «Если из пяти сотрудников на каждой должности в галерее постепенно останется один, будет здорово». Сегодня же здесь по-прежнему работают сотрудники, которые пришли в галерею много лет назад. В музейной среде приживаются только те, которые преданы делу. Талантливые, яркие, нестандартно мыслящие. Если человек творит, он найдет выход из любой ситуации. Я всегда говорю нашим сотрудникам в сложной ситуации: «Мы — самые умные! Неужели не найдем

выхода?» Часто приходится слышать: «Инициатива не нужна. Она наказуема. Надо делать только то, что требуется»... Моя же позиция иная. Самое главное в коллективе — личная инициатива, желание творить. Если оно есть, человек горы свернет.

Живя в Вологде, очень сложно получить высшее искусствоведческое образование, практически невозможно. Поэтому все эти годы мы старались создавать систему профессионального обучения. Мы же не на базаре, не обыденными делами занимаемся, а живем в интеллектуальном раю, в храме искусства.

Постепенно у нас сформировалась среда единомышленников. Порой столичные гости говорят: «У нас такого давно уже нет... Все, как атомы, разъединены. Живем творческими подсиживаниями, соревнованиями друг с другом. А вы как святые праведники сидите на ветках и чего-то там щебечете»...

Но мы живем здесь и сейчас, пусть и в небогатом регионе и в маленьком городе, на себе рубаху «рвем». Как тот старик, что в старости яблоню сажит. Не увидит урожая, но все равно делает. Вот и мы накапливаем богатство, которое, может быть, когда-то и увидит публика в нормальном музее. Вологжане достойны лучшего. Пусть мы живем в провинции, но провинциалами быть не должны!..

Я не хочу, чтобы мы стали своего рода колонией, которая платит деньги заезжим звездам и звездочкам. Мне важно, чтобы в нашем городе побывали яркие личности, художники с мировыми именами, важно, чтобы они работали на нас. Неслучайно о существовании Вологодской картинной галереи хорошо знают и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Мы постоянно даем работы на самые крупные выставки в Русский музей, в Третьяковскую галерею, в Школу акварели Сергея Андрияки и во многие другие известные музеи.

Весь эклибрисный мир тоже сконцентрировался в Вологде. Люди с удовольствием присылают свои работы в наш областной центр и в кулуарах признаются, что живут от одного вологодского конгресса до другого. Причем говорят это — московские и питерские графики. Потому что в Вологде они видят серьезную поддержку, внимание к своему творчеству... Художников подкупает то, что мы их любим. Сегодня многие из музеев — закрытые корпорации с тихой, неспешной жизнью. Спокойно сидят, перебирают древние хартии, занимаются выставками. Единичные посетители сами придут в музей посмотреть коллекции, которые веками копились купцами и меценатами. Эти специалисты на нас смотрят свысока: «Зачем вам это надо? Это же музей. Значит, в нем должны быть тишина и покой. Зачем лишняя головная боль и проблемы?..»

У Воропанова же иной лозунг, иное, выстраданное кредо — «Ни дня без мероприятий!».

Вологда — не дикая провинция

С художниками здесь выстраиваются отношения серьезные, деловые, профессиональные. Отсюда и высокая художественная репутация. Люди из других регионов, особенно из Сибири, с Дальнего Востока, тонко подмечают: «Мы же видим: вы бедные. Но у вас так интересно». Поэтому и работы дают, и с удовольствием в Вологду приезжают. Иногда художникам сотрудники музеев говорят, что им крупные работы не нужны. Что-нибудь поменьше и полегче. А наша галерея берет фундаментальные и серьезные работы. Поэтому и в командировки ее сотрудники выезжают целыми бригадами. Порой с 9-го этажа полотна приходится выносить на руках. Когда художники чувствуют, что есть среда, есть профессионализм, отношение и любовь, они с удовольствием идут навстречу и откликаются на просьбы.

«Вот выставка Ильи Глазунова. Идея была моя, — рассказывает Владимир Валентинович. — В Академии художеств выставку утвердили. Я приехал в музей художника. Директор говорит: «Ну что вам дать? Репродукции, что ли?»

Я ответил: «Вы понимаете, куда предлагаете репродукции?..»

«Ишь, какой! Ну, ладно, берите 5-10 работ».

Отвечаю: «100 надо!..»

Пришлось долго объяснять, что Вологда — не дикая провинция, куда можно спихнуть что угодно. Глазунов болел, но до него дошла информация о выставке в Вологде. Звонит мне, пытается нутро прощупать. Потом спрашивает: «Так все серьезно, все по-настоящему?.. Тогда я переиграю». Дал картины из одной мастерской, из другой. Были даже только что написанные.

Так же и с Церетели. Я знал, что где-то по России его выставка демонстрируется. Директора жаловались: «Выставка не очень». Спрашиваю: «А как вы готовили?» — «Развесили то, что привезли!»

Моя позиция иная: никогда не брать что дают. Поэтому никаких передвижек, внеплановых выставок. С Церетели мы и в Москве общались. Он спросил: «А что ты хочешь?» Отвечаю: «Работы из разных циклов, бронзовые барельефы, живопись».

Потом мы перезванивались. Хотели чуть ли не на неделю его пригласить. Но он человек занятой. Зато на выставку весь президиум Академии прилетал на самолете.

А выставка Ивана Глазунова? Он же тайком приезжал на выставку отца, хотел посмотреть, как это все выглядит. И когда выставка готовилась — так делают только большие художники — специально вырвался в Вологду, чтобы убедиться в том, что все нормально. Через полтора часа сел в машину и уехал обратно.

А как готовилась выставка академика Жилинского? Человеку за 80 лет, а добирался до Вологды в плацкартном вагоне на боковом месте. Было и стыдно, и неудобно. А он: «Но это же моя выставка!» ...

Своим маленьким коллективом мы отслеживаем все хорошие выставки и договариваемся с каждым художником. Сейчас делать это очень сложно. Старики уходят. Им тяжело и трудно. Молодых меньше. Ситуация в Академии тоже непростая. Так что мы собой закрываем на амбразуру этот дот, чтобы пошлость и обыденность не убивали людей, хотя бы на какое-то время прикрываем отсутствие духовности.

Жизнь в провинции человека либо засасывает, либо он не сдается, сопротивляется, что-то делает. Прорывается через тернии — к звездам. Хочется изменить мир, сделать его лучше, светлее, духовнее. Мы же кем-то посланы сюда не просто так. Должны решать сверхзадачу духовного преображения окружающего мира. Я живу с этой идеей».

Русская школа. Вермонт

90-е годы были непростым временем в истории страны — августовский путч 91 года, расстрел Белого дома в 93-м, кавказские войны. И когда в квартире у Воропановых раздавался межгород, все испытывали состояние шока — звонили из Америки... Это сейчас включаешь компьютер и спокойно общаешься с друзьями из Сиднея, Сан-Франциско, Лондона или Парижа. Никому до тебя нет дела. А тогда...

«В свое время в Вологде я познакомился с Реем Бенсоном, советником по культуре американского посольства. Потом встретились в Москве. Он активно поддерживал и помогал многим представителям российской интеллигенции. В числе друзей у него были Ахмадулина, Мессерер, Битов. Потом он вернулся в Америку, в штат Вермонт. Там давно существует Международная лингвистическая школа, в которую входит и русское отделение. Перестройка уже наступила, увеличился контингент учащихся. Понадобились специалисты, и Бенсон написал мне. Директором школы был тогда Александр Илларионович Воронцов-Дашков, глава знаменитой фамилии. Я ответил, что его предложение нереально: на поездку просто нет денег. Но он меня в покое не оставил, перезвонил и попросил связаться с Воронцовым. Было мне тогда лет 35. Кстати, я стал первым, кто позвонил Александру Илларионовичу из России. Пять лет я ездил в Вермонт. Шестой раз в Америку попал по гранту Фонда Рокфеллера.

Впечатления от страны оказались самые хорошие. Было легко и свободно, несмотря на то, что не знал языка. Совсем другая обстановка. Люди раскрепощенные, по-настоящему свободные.

В Америке очень много читал — того же Замятина, Солженицына, журналы русской эмиграции. Тогда ведь многие произведения в России еще были запрещены, только-только начали открывать шлюзы... Это сейчас магазины завалены, а в них никого нет. Мне же всегда хотелось не только прочитать книгу, но еще и поделиться с близкими впечатлениями».

Вологодский книгочей

С Владимиром Валентиновичем всегда очень интересно. Неслучайно среди журналистов бытовало мнение: «Нет темы, иди к Воропанову. Собеседник прекрасный. Даже вопросов задавать не надо. Тридцать минут, и материал готов. Тебе останется только пленку расшифровать». Прекрасный язык, эрудиция...

А еще — такого я даже и предположить не могла — у Воропанова прекрасная библиотека. Библиотека, о которой может мечтать каждый филолог.

Еще в студенческие годы с утра до вечера он пропадал в библиотеке Академии художеств. Набирал горы книг и работал. Дома тоже была неплохая библиотека — вся мировая литература, собрания сочинений, на которых рос и воспитывался. Повзрослев, продолжил традицию собирательства, заложенную в семье.

Среди любимых авторов — Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский, Иван Бунин, Владимир Маяковский, Александр Блок, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Андрей Белый, поэты Серебряного века, Андре Жид, Томас Манн, французские и немецкие романтики. «Помню, — говорит Владимир Валентинович, — когда закончил читать собрание сочинений Германа Гессе, очень расстроился. Хотелось что-то еще, а больше ничего не было.

Очень люблю поэзию. Ее в моей библиотеке много, причем книги представлены в разных изданиях. Многих авторов читаю в собраниях сочинений. С огромным интересом перечитываю поэтов-шестидесятников. Много книг по театру, балету — в свое время сам занимался у прославленного балетмейстера Макса Миксера.

Особое место в моей библиотеке занимают серия ЖЗЛ и мемуары. Эти книги дают первичные знания о поэте, писателе, художнике, искусствоведе. Сейчас выходят очень интересные издания. Всегда с огромным интересом знакомлюсь с дневниками, письмами, хочется почерпнуть информацию из первоисточника. Для меня важна каждая деталь, любая подробность жизни и быта любимого автора. А мемуары художников, искусствоведов, музейных работников — душевная подпитка, своего рода оберег. Эти люди для меня по-прежнему остаются живыми собеседниками. Так приятно осознавать, что они рядом, что ты дышишь с ними одним воздухом...

Помню, еще в студенческие годы мы приехали в Венгрию. Народ развлекался как мог, сидел в кафе и в небольших забегаловках, беззаботно гулял по городу, а я бегал по книжным магазинам и искал издания на русском языке. Накупил книг на весь обменный фонд. Мне дали огромный чемодан, в который я уложил свои приобретения. Чемодан оказался таким тяжелым, что оторвалась ручка. Но я все равно с гордостью привез книги домой. Родители были разочарованы. Даже бабушка не удержалась: «Ты бы хоть дельное что-то привез, а то книги...»

Поэтому для многих людей, хорошо знающих Владимира Воропанова, стал неожиданностью тот факт, что он подарил «кабинетную» часть своей коллекции картин, графики и редких книг, тех, что собирались годами, картинной галерее. Более того, сегодня подумывает о передаче своей «домашней» огромной библиотеки и оставшихся картин тоже ей. «Пусть люди читают книги и любят мою коллекцию, — считает Владимир Валентинович. — Пусть все принадлежит нашим потомкам...»

Вологда, август 2019 года

Ольга ДЕНЕЖКИНА,
заслуженный работник культуры РФ

ИСКУССТВО — ГЛАВНОЕ В ЕГО РАБОТЕ И ЖИЗНИ

Мы познакомились в кабинете начальника департамента культуры области Владимира Кудрявцева. Владимир Воропанов возглавлял картинную галерею, я — областной научно-методический центр культуры. Он был и поныне остается для меня небожителем. Отдельной самостоятельной планетой... Всегда необычный внешне, очень свободный на планерках у начальников, легко, изящно говорящий о своих проблемах. Складывалось впечатление, что у него нет, да и быть не может обычных финансовых, кадровых, хозяйственных проблем. Он весь в искусстве... Всегда говорит о своих уникальных выставках, на все сто процентов погружен в искусство.

Мы стали работать над совместными проектами, и меня удивляла, поражала его искренняя готовность работать с самодеятельными художниками, народными мастерами. И всегда у него одни и те же высокие требования — как к любителям, так к профессионалам: без какого-то обидного снисхождения. В той нашей совместной работе Владимир Валентинович продолжил важную традицию, ведь картинная галерея и начиналась с пропаганды творчества самодеятельных художников. Мы делали масштабнейшие, имевшие всероссийский резонанс выставки «Гонимые России», экспозиции к Дню Победы. Событиями культурной

жизни становились персональные выставки художников-любителей В. Сивцова, А. Соколова. Да и Г. Попов и Н. Сажин тоже вышли и стали профессионалами из картинной галереи.

Меня подкупает его преданность делу своей жизни. В разгаре лето. Звонит Воропанов: «Что ты думаешь, июнь на дворе. Какие выставки у тебя будут?». И в ту же минуту работа и начиналась.

В том, что он делает, нет равнодушия. Вместе с нами он готовится, переживает и сам открывает очередную вернисаж.

Владимиру Валентиновичу Воропанову, почетному гражданину города Вологды, 65 лет. Это важная дата для культуры Вологодской земли.

Вологда, август 2019 года

Татьяна КАНУНОВА,
научный сотрудник ВОКГ,
почетный кинематографист России,
заместитель председателя ВГОО «Клуб любителей искусства»

ИСКУССТВО БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Десять лет, с 1998 по 2008 год, при Вологодской областной картинной галерее работал очень редкий в музейной среде Клуб коллекционеров, бессменным председателем которого все это время был директор картинной галереи Владимир Валентинович Воропанов. Именно он поставил задачу и добился того, чтобы этот клуб был официально зарегистрирован как Вологодская городская общественная организация. Это подняло статус Клуба коллекционеров и его престиж среди вологжан. Немаловажным был и факт свободного посещения заседаний клуба всеми желающими.

Клуб коллекционеров объединил любителей и собирателей современного изобразительного искусства. По инициативе В. В. Воропанова в рамках клуба организовывались встречи с художниками, коллекционерами и художественно-исторические экскурсии по памятным местам России и Вологодчины. Вологодская областная картинная галерея стала издавать информационно-искусствоведческий журнал «Хронограф» — печатный орган ВОКГ и Клуба коллекционеров. В каждом номере печатался дневник клубных заседаний, члены клуба могли публиковать в журнале свои статьи, стихи и другие материалы.

Сама я вступила в члены Клуба коллекционеров в 2004 году, работая тогда в Вологодском областном киновидеопрокате, а затем в областном архиве кино-фото-фоно-электронных документов. Постепенно я вошла в совет клуба. Также смогла на страницах журнала «Хронограф» опубликовать некоторые материалы по истории вологодского кино, которые впоследствии вошли в мою книгу «Кино Вологодчины».

В начале 2009 года актив Клуба коллекционеров выступил с предложением расширить сферу его деятельности. В результате в марте этого же года была зарегистрирована новая городская общественная организация «Клуб любителей искусства». Председатель остался прежний — Владимир Валентинович Воропанов. Определился регламент заседаний клуба — два раза в месяц с перерывом на летние каникулы. Неизменным осталось бесплатное посещение заседаний клуба. Я же стала заместителем председателя клуба любителей искусства, а в 2011 году уже пришла на работу и в Вологодскую областную картинную галерею.

«Все музы в гости к нам» — так был назван один из вечеров Клуба любителей искусства; эту крылатую фразу можно отнести ко всему циклу наших программных заседаний. Клуб был создан для общения всех желающих, для тех, кому нравится искусство в его широком понимании: изобразительное искусство и архитектура, музыка, театр, кино, фотоискусство, художественная литература и самые разнообразные формы научной и творческой деятельности в культурной сфере.

Под руководством В. В. Воропанова и при его непосредственном участии с марта 2009 года по февраль 2018 года было проведено 158 заседаний Клуба в зданиях картинной галереи, прежде всего в Музейно-творческом центре народного художника России В. Н. Корбакова. Кроме того, традиционно в начале лета и в один из сентябрьских дней организовывались выездные заседания в районы Вологодской области и за ее пределы для знакомства с провинциальными музеями и их экспозициями. За тот же период прошло 18 таких заседаний. Особенно памятными были двухдневная поездка в Великий Устюг в 2011 году, посещение усадьбы Владимировка Череповецкого района — родных мест Игоря Северянина в 2011 году, поездка в Харовский район и на родину писателя Василия Белова в деревню Тимониха в 2014 году, визит в село Вятское Ярославской области в 2016 году.

Каждый творческий сезон Клуба любителей искусства был насыщен событиями, замечательными встречами и новыми открытиями. А для этого необходимо было разнообразить ежегодный план деятельности клубной жизни. Владимир Валентинович всегда первым вносил свои предложения по тематике предстоящих заседаний, но внимательно прислушивался и к мнению других членов совета клуба.

Нельзя забывать, что Клуб любителей искусства работает при Вологодской областной картинной галерее, которая является единственным специализированным музеем такого рода в нашей области. Вот почему все заседания клуба, кроме выездных, проходят на фоне художественных выставок, развернутых в зданиях галереи. В рамках клуба обязательно организовывались встречи с музейщиками, вологодскими художниками. Трижды — в 2009, 2014, 2016 годах — проходили творческие вечера В. В. Воропанова, посвященные его юбилейным датам: 55-летию, 60-летию и 35-летию служения в должности директора Вологодской областной картинной галереи. Сложилась традиция организовывать встречи с кандидатом искусствоведения Ириной Балашовой с рассказами о ее новых изысканиях, творческих поездках, презентациями новых книг о жизни и творчестве художника Александра Пантелеева. В гостях у Клуба любителей искусства побывали многие вологодские художники: Владимир Корбаков, Николай Мишустя, Джанна Тутунджан, Владимир Латынцев, Евгений Соколов, Михаил Копьев, Ираида Копьева, Татьяна Чистякова, Ольга Карпачева. Состоялись встречи с директором Кирилло-Белозерского музея-заповедника Михаилом Шаромазовым и почетным гражданином города Вологды, художником-реставратором Александром Рыбаковым. Интересными были встречи с участниками Пятого и Шестого Всероссийских конгрессов экслибриса, проведенных в Вологде. В 2015 году в рамках Клуба любителей искусства прошла презентация книги-альбома «Век Ивенского», авторами-составителями которого были Наталия Серова и Владимир Воропанов.

Уже традицией стало приглашение на заседания нашего клуба не только художников, но и других известных вологжан. Немалым стимулом для каждого из них стали личное знакомство с В. В. Воропановым и его авторитет среди вологодской интеллигенции. Среди принявших приглашение выступить в клубе были: доктор исторических наук, профессор ВГПУ Александр Камкин, доктор филологических наук, профессор ВоГУ Гурий Судаков, доктор филологических наук, профессор Роман Красильников, кандидат филологических наук, профессор ВоГУ Сергей Баранов, руководитель вологодского отряда Северорусской археологической экспедиции, археолог Игорь Кукушкин, почетный гражданин города Вологды, профессор Исаак Подольный, музыковед Элла Кириллова, журналист Ирина Цветкова, искусствовед Наталия Серова, кандидат исторических наук Александр Быков, фотохудожник Станислав Кудринский и многие другие.

Литература во всех видах и жанрах также стала неотъемлемой частью программ заседаний клуба. В разные годы прошли вечера памяти писателей и поэтов Варлама Шаламова, Николая Клюева, Алексея Ганина, Владимира Гиляровского, Игоря Северянина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Александра Романова, Сергея Викулова, Виктора Кортаева. Состоялись встречи с ныне здравствующими литераторами: Робертом Балакшиным, Ольгой Фокиной, Ингой Чурбановой, Дмитрием Ермаковым, Александром Цыгановым, Валерием Есиповым. Были организованы творческие встречи к 50-летию в 2011 году и к 55-летию в 2016 году Вологодской писательской организации, а также состоялась встреча с молодыми поэтами Вологды — членами Союза российских писателей.

За восемь лет на заседаниях Клуба любителей искусства не раз выступали мастера вологодских профессиональных театров: областного драматического театра, Театра для детей и молодежи, кукольного театра «Теремок», Вологодского камерного театра. Камерный драматический театр, возглавляемый Яковом Рубиным, первым откликнулся на предложение встретиться с членами клуба. В марте 2009 года зрителям были предложены сцены из новых спектаклей этого коллектива «Классика», «Континуум», «Ниоткуда с любовью» с участием заслуженной артистки России Ирины Джапаковой, молодых актеров Елены

Смирновой, Александра Сергиенко. В преддверии 65-летия Победы, 8 мая 2010 года Камерный театр представил в «Доме Корбакова» свою новую постановку «Солдатики любви» по военной повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка».

Состоялись две групповые встречи с актерами Вологодского драматического театра. Первая была посвящена сегодняшнему дню Вологодской драмы. На встречу пришли актеры во главе с художественным руководителем театра Зурабом Нанобашвили. К 160-летию драмы состоялся вечер с экскурсом в историю театра, с использованием документов, подготовленных Государственным архивом Вологодской области. Народный артист России Леонид Рудой, заслуженные артистки России Светлана Трубина, Светлана Улыбина и Марианна Витавская поделились своими воспоминаниями о знаменитых спектаклях, о народных артистах РСФСР Марине Щуко, Алексее Семенове, Василии Сафонове, которые сыграли большую роль в становлении театра и молодых актеров.

Режиссер Александр Волотовский, актеры Андрей Васильев и Валентин Овсянников на встрече с членами Клуба любителей искусств представляли деятельность кукольного театра «Теремок». Проходили встречи и с другими театральными коллективами: студиями Вологодского детского музыкального театра, детским театром моды Алены Ковалевой «Истоки», театрами-студиями «Сонет» и «Подросток».

В гостях в МТЦ «Дом Корбакова» побывали режиссер Вологодского ТЮЗа Борис Гранатов, заслуженные артисты России Всеволод Чубенко, Олег Емельянов, Валентина Бурбо, Наталья Ситникова, Игорь Рудинский. Члены Клуба любителей искусства с удовольствием знакомятся с творчеством деятелей вологодской сцены и новыми постановками местных театров. Не раз организовывалось посещение спектаклей профессиональных трупп Вологды.

Частыми гостями клуба являлись вологодские музыканты — клуб авторской песни «Откровение» под руководством Ларисы Ковалевой из Вологды, студия авторской песни «Доверие» под руководством Татьяны Орловой из Сокола, ансамбль «Настроение», состоящий из педагогов детской музыкальной школы №4 Вологды, руководитель концертного оркестра духовых инструментов «Классик-модерн бэнд» Виктор Кочнев, певец Виктор Кузнецов, пианистки Елена Распутко и Ирина Богомолова, руководитель Вологодского камерного оркестра скрипач Александр Лоскутов, гармонист Константин Пирожков, бард Владимир Сергеев, певицы Любовь Зверева и Александра Колотий, композиторы Михаил Гоголин, Татьяна Тераевич.

Выступали в Клубе любителей искусства и деятели киноискусства: режиссеры Дмитрий Чернецов, Анатолий Ехалов, Мария Таранченко, художественный руководитель кинокомпании «Новая идея» Снежана Малашина и ее коллеги. Именно в рамках клуба мною впервые в Вологде была представлена книга «Кино Вологодчины». Затем несколько раз я выступала на заседаниях с рассказами о творчестве известного актера и режиссера Николая Олялина, о сегодняшнем дне вологодского кино.

Под руководством Владимира Валентиновича Воропанова Вологодская городская общественная организация «Клуб любителей искусства» превратилась в интереснейший культурно-просветительский проект областной картинной галереи, который явился результатом поиска новых и совершенствования традиционных форм работы галереи с посетителями. В рамках клуба каждый желающий смог открыть для себя много нового в безбрежном мире искусства. Члены клуба смогли принять участие в самых интересных музейных мероприятиях: выставках, презентациях, творческих встречах — и просто пообщаться с единомышленниками. В целом картинная галерея и Клуб любителей искусства в частности стали в Вологде одним из активных центров притяжения людей разных возрастных и социальных групп, интересующихся искусством, готовых интеллектуально и творчески развиваться.

Вологда, декабрь 2020 года

О КЛУБЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

Впервые о Владимире Валентиновиче Воропанове я узнал от преподавателя литературы средней школы № 2 Вологды Ольги Сергеевны Беловой, которая вела уроки в классе, где учился Володя, как ласково называла она его. Ольга Сергеевна восхищалась его эрудицией, умением увлеченно рассказывать об искусстве, о творчестве художников.

А встретился я с Владимиром Валентиновичем в теперь уже далеком 2009 году, когда пришел с женой на заседание только что образованного Клуба любителей искусства в картинную галерею (Музейно-творческий центр «Дом Корбакова») на Октябрьской улице. Сразу бросились в глаза его одухотворенное лицо, неторопливая походка и умение увлеченно и интересно говорить о живописи и художниках. Бывая на заседаниях клуба, все зрители поражались, как Владимир Валентинович может так кратко, но полно раскрывать сложные вопросы, связанные с темой того или иного заседания.

А встречи были очень интересные. Владимир Валентинович оставался бессменным председателем нашего клуба на протяжении многих лет. Вместе со своим заместителем по работе клуба Т. Н. Кануновой они составляли планы заседаний на каждые полгода, стараясь разнообразить палитру встреч с интересными людьми города, обязательно учитывая наши пожелания. На встречах в клубе побывали художники, актеры, писатели, музыканты, фотографы, ученые и многие другие, кто внес свой вклад в развитие Вологодчины. Интересны и содержательны были беседы члена клуба Елены Васильевны Дугановой о знаменитых в прошлом деятелях искусства. Заседания всегда проходили при переполненном зале, зрители внимательно слушали выступающих, задавали вопросы — это говорило о том, что им интересно то, о чем говорят гости Клуба.

А разве можно забыть вернисажи художников Москвы, Великого Новгорода, Вологды, Череповца, Тотьмы, Великого Устюга, где было все: и рассказы искусствоведов, и выступления авторов работ, и музыкальные номера?! Синтез разных видов искусства обогатил эти вернисажи и вызывал огромный интерес у зрителей, которые неторопливо, с увлечением рассматривали произведения художников, восхищаясь тематикой и манерой исполнения картин их авторами.

Нельзя не вспомнить о выездных заседаниях клуба, когда мы бывали на спектаклях Камерного драматического театра, ТЮЗа, Вологодской драмы, областного театра кукол, после которых шло их обсуждение на встречах с режиссерами, актерами.

А наши увлекательные поездки по местам, связанным с культурой Вологодчины, редкими достопримечательностями соседних областей (такие поездки организовывались два раза в год, весной и осенью)! Все члены клуба старались обязательно принять участие в этих поездках. Очень хорошо, что мы объездили почти всю Вологодскую область, побывали во многих районах, увидели и узнали массу интересного, но главное, нас поражали люди, которые радушно нас встречали, делали все с любовью, теплотой. В этом большая заслуга Владимира Валентиновича Воропанова. Работники культуры районов хорошо его знали, проявляли уважение к нашему председателю. Мне особенно запомнились поездки в Сокольский район, Грязовец, Тотьму, Белозерск, Кириллов, Устюжну, Великий Устюг, в Ярославскую область.

Хочется сказать большое спасибо Владимиру Валентиновичу Воропанову, почетному гражданину города Вологды, заслуженному работнику культуры России, за то, что он дал возможность многим членам Клуба любителей искусства приобщиться к сокровищницам культуры страны и, особенно, Вологодской области.

Вологда, 2020 год

Сергей ПТУХИН,
вице-президент Международной федерации экслибрисных обществ (FISAE),
президент всероссийских конгрессов экслибриса,
научный сотрудник Вологодской областной картинной галереи

КАК В ВОЛОГОДСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ ПОЯВИЛСЯ ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мне предложили рассказать (правда, я и сам давно собирался это сделать) о работе Вологодской областной картинной галереи и ее многолетнем директоре Владимире Валентиновиче Воропанове. Естественно, это мои сугубо личные воспоминания, поэтому я буду рассказывать не только о галерее и ее директоре, но и о том, что меня — достаточно неожиданно для самого себя — тесно связало с ними.

Должен сразу сказать, что такой интригующий заголовок для своих заметок-воспоминаний я придумал специально, тем более, что это «появление президента» непосредственно связано с В. В. Воропановым и ВОКГ. Те, кто любят и знают нашу галерею или давно знакомы со мной, конечно, сразу поймут-расшифруют эту «интригу», а для всех остальных все прояснится по мере прочтения. Надеюсь, что это всем удастся!

С Владимиром Валентиновичем Воропановым я познакомился давно — где-то в середине 80-х годов XX века. И это знакомство, как оказалось позднее, коренным образом изменило мою жизнь, хотя тогда мне — экономисту, достаточно успешно работающему в строительной организации, — это было сложно себе вообразить. Я теперь уже точно не помню, как и где именно произошло наше личное знакомство, думаю, что скорей всего это состоялось в городском клубе «Экслибрис», который в те времена действовал при городской организации общества книголюбов. Я с детства любил читать и тогда был активным членом этого общества, возглавлял организацию книголюбов в строительном объединении (в котором работал) и какое-то время был председателем другого клуба городских книголюбов — «Субботние встречи». Многие из участников одного из этих клубов с удовольствием приходили на встречи в другом, можно сказать, родственном по интересам клубе. Тем более, что первоначально эти встречи проходили в разные дни в одном и том же месте — в помещениях вологодского магазина «Дом книги». Вот и я, вполне логично, стал сначала просто приходить на заседания клуба «Экслибрис», которым тогда руководил Воропанов, а затем начал активно участвовать в его работе, став впоследствии секретарем, отвечающим за междугородние связи клуба. Конечно, я и до начала своего участия в работе клуба «Экслибрис» знал, что такое экслибрис, или, говоря по-русски, книжный знак. Но именно участие в заседаниях этого клуба, проводимых Владимиром Валентиновичем, привело меня к пониманию того, насколько интересен, художественно богат и разнообразен мир экслибриса, а после определения «своей» темы в этом виде графического искусства — к началу целенаправленного коллекционирования книжных знаков. Я считаю, что роль Владимира Воропанова в зарождении моей любви к экслибрисам (а впоследствии и к искусству графики) стала решающей!

Будучи довольно активным человеком по натуре и к тому же коллекционером (ранее собиравшим марки, книги, значки), увлекшись экслибрисами, я стал переписываться с коллекционерами и художниками из других городов. Надо отметить, что тогда, в 70-80-е годы прошлого века, в нашей стране был, можно сказать, «золотой век» любви к книгам и экслибрисам. Очень многие покупали книги, для подписки

практически на любое собрание сочинений даже ночами стояли в очередях, собирали свои личные библиотеки и, конечно, потом старались обзавестись персональным книжным знаком, а иногда и несколькими. И, естественно, вновь (после разгрома в 30-е годы) появились активные коллекционеры книжных знаков, которые стали объединяться в клубы любителей экслибриса по всей стране. Я тогда часто бывал в командировках в Москве и Ленинграде и, конечно, старался участвовать во встречах клубов любителей экслибриса в этих городах, благодаря чему обзавелся большим количеством друзей по всей стране, также зараженных этой «болезнью» — коллекционированием экслибрисов. В то время общение в основном велось по почте, и обмен книжными знаками, то есть небольшими листочками бумаги с напечатанными на них различными изображениями, также шел через письма. Я тогда в некоторые вечера получал до десятка таких писем с экслибрисами. Забавно, что и сейчас мне изредка снится, что, приехав домой из командировки, я открываю почтовый ящик, в который не заглядывал несколько дней, а оттуда так и сыплются пухлые конверты с экслибрисами.

Наступил 1991 год, и, торжественно отметив 10 лет своей работы, клуб «Экслибрис» перестал существовать, как, впрочем, и наша прежняя страна — СССР, и все мы стали пытаться жить по-новому. Конечно, в начале наступивших времен из-за развала страны и всех ее прежних структур — производственных предприятий, общественных организаций, а тем более каких-то клубов экслибриса — я почти перестал заниматься экслибрисами и виделся с Владимиром Валентиновичем реже, пожалуй, только на заседаниях созданного им при Вологодской картинной галерее нового Клуба коллекционеров. Но в 1998 году в Санкт-Петербурге под руководством Вениамина Викторовича Худолея (председателя Ленинградского клуба экслибрисистов и любителей графики) состоялся XXVII Всемирный конгресс экслибриса FISAE (Международной федерации экслибрисных обществ), в котором и я принял участие. Такие конгрессы проходили каждые два года в разных странах, и вот — впервые — он состоялся в нашей стране. Уже во время конгресса из-за ярких впечатлений от общения с художниками и коллекционерами, от выставок экслибриса и графики из разных стран, которые проходили в центре Питера в Манеже, у меня вновь вспыхнула эта «сладкая болезнь» — любовь к экслибрисам!

Должен отметить, что этот международный конгресс экслибриса, впервые проведенный (и с большим успехом) в России, наглядно продемонстрировал высокое искусство отечественных художников-графиков и стал началом новой волны интереса к экслибрисам в нашей стране. Летом 2003 года в Москве при Международном союзе книголюбов была организована Российская ассоциация экслибриса (РАЭ), в Совет которой (помимо ее членов-москвичей и питерца В. В. Худолея), можно сказать, от всей остальной России вошел В. В. Воропанов. И именно ему РАЭ была доверена организация Первого Всероссийского конгресса экслибриса, который решили провести в 2004 году в Вологде на базе областной картинной галереи. Вернувшись в Вологду, Владимир Валентинович сформировал оргкомитет по проведению этого конгресса, в который привлек художника Леонида Николаевича Щетнева и меня как людей, имеющих опыт участия в международных конгрессах, при этом мне была оказана честь стать президентом этого конгресса.

Организация и проведение Первого Всероссийского конгресса экслибриса в Вологде — это отдельная «песня», которая, прямо скажем, непросто складывалась, но в результате замечательно исполнилась. Выставки конгресса и созданная нами атмосфера творческого и дружеского общения между людьми из разных городов нашей страны, влюбленными в искусство экслибриса, но часто знавшими друг друга только по переписке, имели такой успех, который превзошел всеобщие ожидания. И в этом успехе, безусловно, огромная роль принадлежала В. В. Воропанову! Несомненно, весомый вклад внес и департамент культуры Вологодской области, с помощью которого за счет средств областного фонда поддержки культурной деятельности был издан в 2005 году замечательный каталог этого конгресса под редакцией Владимира Валентиновича. В результате Советом РАЭ было принято решение провести и Второй Всероссийский конгресс экслибриса также у нас в Вологде на базе ВОКГ. К сожалению, до начала этого конгресса в Совете РАЭ произошли трагические события: умерли два человека, которые были в то время столпами экслибрисного движения в России, — Вениамин Викторович Худoley (главный редактор «Российского экслибрисного журнала» и первый российский президент Всемирного конгресса экслибриса) и Владимир Васильевич Лобурев (создатель Музея экслибриса в Москве). В результате в РАЭ произошли серьезные перемены, вызвавшие неприятие этих изменений со стороны многих ее членов. Последствием этого стало то, что на Втором Всероссийском конгрессе экслибриса, который состоялся у нас в 2007 году, участниками конгресса было принято решение о создании новой всероссийской организации экслибрисистов, независимой от столичной

РАЭ. И, поскольку всем очень понравилось то, как в Вологде прошли уже два всероссийских конгресса, задачу создания такой организации поручили нам — Воропанову и мне. Так благодаря стремлению Владимира Валентиновича сделать все как можно лучше и моей «неугомонной активности» он стал президентом Совета созданного в 2008 году некоммерческого партнерства «Общенациональное общество любителей экслибриса и графики» (НП «НОЛЭ»), а я оказался его исполнительным директором, причем оба — на общественных началах. Началась новая история развития экслибрисной жизни в России.

Должен отметить, что В.В. Воропанов втягивал меня в «экслибрисную жизнь» достаточно постепенно, но неуклонно, хотя, наверно, я и сам слабо этому сопротивлялся. Так, после Первого Всероссийского конгресса он предложил мне официально работать в ВОКГ и заниматься вопросами экслибрисов, графики и участия галереи в различных грантовых программах, а после создания НОЛЭ помимо организации работы этого общества поручил еще и организацию специальных выставок графики в галерее. Первые такие большие выставки — я говорю «большие», потому что у меня уже был опыт организации шести выставок экслибрисов еще в советские времена в клубе «Экслибрис», — состоялись в 2010 году. Это была весенняя выставка «Современная гравюра Санкт-Петербурга», на которой было представлено 240 работ 20 питерских художников. Эта выставка стала результатом начала совместной деятельности НП «НОЛЭ» и коллектива Вологодской областной картинной галереи. А в декабре 2010 года в ВОКГ при взаимодействии с НП «НОЛЭ» и отделением «Московский эстамп» Московского Союза художников открылась выставка «Современная гравюра Москвы». В экспозиции этой выставки было представлено более 200 графических произведений (как экслибрисов, так и станковой графики) 36 столичных художников. Идея показа в ВОКГ в первую очередь произведений ведущих графиков Санкт-Петербурга и Москвы, являющихся основными центрами развития искусства графики в нашей стране, также принадлежала В.В. Воропанову. А главным международным событием для НОЛЭ и ВОКГ, первоначально не очень заметным для окружающих, но приведшим вскоре к поистине историческим событиям, стало официальное вступление НП «НОЛЭ» в августе 2010 года на 33-м Всемирном конгрессе экслибриса в Стамбуле в Международную федерацию экслибрисных обществ (FISAE).

Понятно, что в Вологде наша «экслибрисная жизнь» зависела от состояния жизни всей страны, поэтому мы с большими трудностями (при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям) смогли издать каталог Второго конгресса только в 2011 году, перед Третьим Всероссийским конгрессом экслибриса, который проводился уже полностью нашим обществом (НП «НОЛЭ») без какого-либо взаимодействия с РАЭ. На этом конгрессе мы организовали 10 выставок экслибрисов и графики, на которых одновременно было представлено 1637 книжных знаков и произведений графики более чем 200 художников России и мира. Как сказал один из участников конгресса, питерский коллекционер С. С. Трессер: «При таком рекордном одновременном количестве выставок графики вам надо подавать заявку в Книгу рекордов Гиннесса». Помимо главной экслибрисной выставки, которую, как обычно, создавал Владимир Валентинович, было открыто еще 9 специальных тематических и персональных выставок графических работ. К сожалению, на этом конгрессе у нас не было никаких спонсоров. В результате каталог Третьего Всероссийского конгресса был издан исключительно за счет средств ВОКГ, изысканных В.В. Воропановым.

В 2012 году в Финляндии должен был состояться очередной, 34-й Всемирный конгресс экслибриса FISAE. Я собрался в нем участвовать и решил, конечно, предварительно обсудив этот вопрос с Владимиром Валентиновичем (далее — ВВ), подать заявку на проведение Всемирного конгресса экслибриса FISAE у нас в Вологде, на базе ВОКГ. Должен сказать, что тут проявился очередной талант ВВ. Он настоял, чтобы мы согласовали с губернатором области эту нашу творческую инициативу. И впоследствии положительная виза губернатора на нашем письме с предложением о проведении такого конгресса в Вологде оказалась решающей роль в том, что областные власти активно участвовали в этом процессе. В результате делегаты 34-го Всемирного конгресса подавляющим большинством голосов поддержали нашу заявку на проведение конгресса в 2016 году в России, вопреки противодействию наших конкурентов из китайского Шанхая и нескольких американцев, которые представляли разные страны (помимо США).

И в 2012-м, и в 2013 году в залах картинной галереи по уже налаженному и понятному сценарию взаимодействия сотрудников галереи под руководством В.В. Воропанова и членов НОЛЭ, организуемых мной, прошло еще несколько значительных выставок графики. В 2013 году у нас в галерее состоялся очередной Четвертый Всероссийский конгресс экслибриса, который стал одним из наиболее насыщенных по программе

мероприятий вологодских графических съездов. В Музейно-творческом центре «Дом Корбакова» ВОКГ работали 10 выставок графики, на которых одновременно показывалось 1804 экслибриса и произведения графики свыше 150 художников из более чем 20 регионов Российской Федерации и 10 зарубежных стран. В том числе на главной Всероссийской выставке экслибрисов, созданной ВВ, было показано около 1000 книжных знаков 119 художников. О тех событиях все, кому это интересно, могут больше прочесть в каталогах всероссийских выставок экслибриса и информационно-искусствоведческом журнале «Хронограф», издававшихся тогда ВОКГ под редакцией В. В. Воропанова.

Наступил 2014 год, ставший решающим моментом в жизни как российского экслибрисного сообщества, так и в моей. Сначала в апреле в Испании, на 35-м Всемирном конгрессе экслибриса FISAE делегатами конгресса от организаций экслибрисистов стран, являющихся членами этой международной федерации, было принято окончательное решение о проведении 36-го Всемирного конгресса в 2016 году в Вологде нашим «Общенациональным обществом любителей экслибриса и графики» на базе Вологодской областной картинной галереи. И в соответствии с уставом FISAE я был избран не только президентом 36-го конгресса, но и президентом этой международной федерации. А поскольку по-прежнему помимо работы в НОЛЭ я был сотрудником ВОКГ, то вот так и появился в Вологодской областной картинной галерее президент Международной федерации экслибрисных обществ.

Жизнь забурлила, и уже в мае 2014 года в ВОКГ с большим успехом прошла выставка графики «Время. Пространство и образы» замечательного художника Михаила Коновалова, являющегося лауреатом Второй Всероссийской выставки экслибриса и возглавляющего объединение «Московский эстамп» Московского Союза художников. В конце того памятного года мне удалось в рамках федеральной целевой программы «Культура России» выиграть грант Министерства культуры РФ на проведение межрегионального семинара «Творческая лаборатория по графическому искусству в г. Вологде». Позже участники этого семинара организовались в Клуб графического искусства при ВОКГ, который работает и в настоящее время. Естественно, я смог добиться проведения этого семинара на базе ВОКГ при поддержке Владимира Валентиновича! И еще обязательно хочется отметить, что Воропанов сам регулярно создавал при ВОКГ различные клубы для людей, интересующихся искусством, и всеми силами поддерживал инициативы своих сотрудников по организации при галерее подобных общественных объединений.

Проведение в 2015 году Пятого Всероссийского конгресса и Пятой Всероссийской выставки экслибриса мы — и Владимир Валентинович, и я — расценивали как решающий этап в подготовке проведения у нас в следующем году Всемирного конгресса экслибриса FISAE. Но, конечно, сами по себе эти события были очень важны и самодостаточны для всех участников. Всего в главной экслибрисной выставке и 10 специальных выставках экслибрисов, графики и книжных иллюстраций Пятого Всероссийского конгресса экслибриса были представлены почти 1500 графических работ 150 авторов из 24 городов 17 регионов России и 6 зарубежных стран. Программа самого конгресса была очень насыщенной встречами с художниками на их персональных выставках, а также разными культурно-познавательными мероприятиями — были и пешеходная экскурсия по городу с посещением филиалов Вологодской картинной галереи, экскурсии в Музей кружева и Музей «Мир забытых вещей», прогулка на теплоходе по реке Вологде. А еще были научно-творческая конференция по актуальным проблемам изучения искусства книжного знака и печатной графики с выступлениями всех желающих, экслибрисный аукцион и дружеская встреча участников конгресса с членами Вологодского клуба любителей искусства, работавшего при ВОКГ.

По итогам конгресса и выставок нами благодаря финансовой поддержке Министерства культуры России был издан очередной каталог под редакцией ВВ, в котором мы впервые, приближаясь к международным стандартам, сделали перевод всех текстов на английский язык. Особенно мне хочется отметить в этом каталоге очень содержательный материал кандидата искусствоведения Ирины Балашовой, посвященный истории развития искусства графики в Вологде. В этой статье Ирина Борисовна, в частности, позволила себе сравнить деятельность В. В. Воропанова по продвижению искусства экслибриса с деятельностью в прошлом веке А. Н. Бенуа, а мою — с деятельностью С. П. Дягилева, что, конечно, очень польстило мне, но и показало тот уровень, к которому мы должны были далее стремиться.

2016 год начался для меня проблемами с нашей таможней, так как она задержала часть присланных экслибрисов, расценив их как товар, и потребовала оплатить пошлину, чего, конечно, мы не могли сделать. В итоге такие бандероли вернули художникам, их приславшим. Косвенным результатом этого стало то, что к нам на Всемирный конгресс не приехали китайцы из Шанхайской экслибрисной организации. Правда,

помимо возврата им работ, возможно, тут сказались и то, что при голосовании делегатов в Финляндии и Испании по выбору города для проведения этого конгресса Вологда дважды побеждала именно Шанхай.

Серьезной проблемой для нас также было и то, что в соответствии с международной практикой надо было издать каталог Всемирной выставки экслибрисов до начала конгресса. На всероссийских конгрессах мы это всегда делали после проведения конгресса и выставки. Благодаря усилиям Владимира Валентиновича и финансовой поддержке Министерства культуры России и правительства Вологодской области мы успели это сделать! И он же (ВВ) сформировал главную выставку конгресса — Всемирную выставку экслибрисов, на которой демонстрировалось почти 2000 произведений (созданных за предшествующие два года) от 384 художников из 39 наиболее развитых стран мира, входящих в Международную федерацию экслибрисных обществ. Надо отметить, что кроме главной выставки было представлено еще 11 специальных выставок и экслибрисов, и графики.

Конечно, сам Всемирный конгресс был насыщен разными официальными и культурными мероприятиями. Особенно всем нашим гостям (а их было более 200 человек из 17 стран) помимо выставок и личного общения запомнились два торжественных приема участников конгресса: от имени губернатора области и от имени главы Вологды.

Об этом выдающемся событии в экслибрисной жизни России и сообщества стран, входящих в Международную федерацию (FISAE), я могу рассказать еще многое, но главным стало единодушное признание участниками нашего конгресса того, что он стал наилучшим конгрессом FISAE за последние годы. Без всякого сомнения, этот наш успех стал возможным благодаря замечательной организации работы всего коллектива Вологодской областной картинной галереи Владимиром Валентиновичем Воропановым! И такая почти идеальная организация работы нарабатывалась на практике — во время проведения всероссийских конгрессов. Конечно, все работники галереи, принимавшие активное участие в этих конгрессах, перечислены в наших каталогах всероссийских выставок экслибриса, но я хочу высказать тут свою искреннюю личную благодарность Ирине Борисовне Балашовой, Владимиру Семеновичу Барановскому, Татьяне Николаевне Кануновой, Светлане Михайловне Корбаковой, Валентине Николаевне Субботиной и Александру Владимировичу Тихомирову за их вклад в наш общий успех!

В следующем, 2017 году по нашему плану проведения всероссийских конгрессов (каждые два года) должен был состояться очередной, Шестой Всероссийский конгресс экслибриса. Честно говоря, я хотел перенести его проведение на другой год, так как мы уже два года подряд проводили экслибрисные конгрессы и у меня была серьезная усталость от той неизбежной массы организационных проблем, которая предшествовала этим праздникам графики. Тем более что мы только что добились максимально возможного достижения в мире экслибриса, образно говоря, взобрались на экслибрисный Эверест — провели Всемирный конгресс! Но ВВ, как будто предчувствуя суровое будущее, уговорил меня не выпасть из нашего ритма, несмотря ни на что. И вот опять при финансовой поддержке Министерства культуры РФ и правительства Вологодской области мы провели Шестую Всероссийскую выставку и Шестой Всероссийский конгресс экслибриса. Помимо главной выставки экслибриса, которую — как всегда — создавал Владимир Валентинович и на которой было представлено более 1000 графических произведений, созданных за последние два года и присланных почти 150 художниками из 15 регионов Российской Федерации и 6 зарубежных стран, было еще несколько специальных выставок экслибрисов и графики. А еще во время конгресса мне удалось организовать три мастер-класса замечательных российских художников: Юрия Ноздрина (Москва) — по каллиграфии, Олега Яхнина (Санкт-Петербург) — по технике глубокой печати и Павла Пичугина (Санкт-Петербург) — по технике цветной высокой печати.

Мне очень бы не хотелось, чтобы длинное перечисление наших достижений создало впечатление, что все это нам давалось так легко и просто. Конечно же, это стоило и мне, и ВВ очень больших нервных затрат, что, естественно, отразилось на нашем здоровье и, как мне кажется, во многом и привело Владимира Валентиновича к уходу с поста директора галереи в 2018 году. Неслучайно пока никто больше не берется продолжить наше дело — всероссийские экслибрисные выставки и конгрессы, хотя мы бы с удовольствием передали эстафету организации этого важного для графического искусства страны дела. Надеюсь, что оно будет продолжаться!!!

Я уверен, что поодиночке нам (ни Воропанову, ни мне) не удалось бы сделать такое — впервые в России (да и в Советском Союзе также) провести шесть всероссийских выставок и конгрессов экслибриса в региональной картинной галерее небольшого областного центра, добиться (путем независимого

голосования делегатов от более чем 20 зарубежных стран) права проведения и успешно провести Всемирную выставку экслибрисов и Всемирный конгресс экслибриса FISAE, и это не считая многих других выставок графики и книжных знаков. Но нас было двое, и мы все это сделали!

А в конце этой моей «поэмы воспоминаний», написанной местами — как мне «скромно» кажется — почти белым стихом, я хочу собрать что-то вроде «венка» своих мыслей и слов о Владимире Валентиновиче Воропанове:

— ...роль Владимира Воропанова в зарождении моей любви к экслибрисам (а впоследствии и к искусству графики) стала решающей!

— Организация и проведение Первого Всероссийского конгресса экслибриса имели такой успех, который превзошел всеобщие ожидания. И в этом успехе, конечно, огромная роль принадлежала В. В. Воропанову!

— ...благодаря стремлению Владимира Валентиновича сделать всё как можно лучше...

— Должен отметить, что В. В. Воропанов втягивал меня в «экслибрисную жизнь» достаточно постепенно, но неуклонно...

— ...тут проявился очередной талант ВВ...

— Идея показа в ВОКГ в первую очередь произведений ведущих графиков Санкт-Петербурга и Москвы, являющихся основными центрами развития искусства графики в нашей стране, также принадлежала В. В. Воропанову.

— ...в каталогах всероссийских выставок экслибриса и информационно-искусствоведческом журнале «Хронограф», издававшихся тогда ВОКГ под редакцией В. В. Воропанова.

— ...Воропанов сам регулярно создавал при ВОКГ различные клубы для людей, интересующихся искусством, и всеми силами поддерживал инициативы своих сотрудников по организации при галерее подобных общественных объединений.

— ...наш успех стал возможным благодаря замечательной организации работы всего коллектива Вологодской областной картинной галереи Владимиром Валентиновичем Воропановым!

— ...ВВ, как будто предчувствуя суровое будущее, угovorил меня...

— Помимо главной выставки экслибриса, которую — как всегда — создавал Владимир Валентинович...

— ...впервые в России (да и в Советском Союзе также) провести шесть всероссийских выставок и конгрессов экслибриса в региональной картинной галерее небольшого областного центра... и успешно провести Всемирную выставку экслибрисов и Всемирный конгресс экслибриса FISAE...

Вологда, январь 2021 года

Михаил ВЕРХОЛАНЦЕВ,
заслуженный художник РФ, член-корреспондент РАХ

СЛОВО О ГАЛЕРЕЕ

Какое бы лихолетье ни обрушивалось на нашу землю, всегда среди моря неразберихи и невежества возникали там и сям острова культуры, притом высокой и основательной. Тому пример — Вологодская областная картинная галерея, особенно интересная и богатая своим отделом графики.

Конечно, правительство молодой Страны Советов заботилось об учреждении в городах и весях музеев и картинных галерей, в коллекции которых экспонаты, а то и шедевры искусства поступали из окрестных дворянских усадеб. Но Вологодская картинная галерея своим богатством обязана также и подвижничеству, любви и энтузиазму многих почти неизвестных специалистов. Примечательно, что за всяким большим делом, равно как и за всякой знаменитой личностью, стоит скромный движок, моторчик, коренная лошадка, обычно забытая или просто не замечаемая в дни торжеств, чествования и презентаций.

Уникальному собранию графики Вологодской галереи положил начало Северный кружок любителей изящных искусств. Его деятельность не была редким провинциальным явлением в дореволюционной России. Об этом свидетельствуют хроники в журналах «Старые годы» и «Столица и усадьба». Именно благодаря меценатскому подвижничеству членов кружка Вологодская областная картинная галерея имеет теперь шедевры графики К. Ф. Богаевского, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинского, Б. М. Кустодиева, З. Е. Серебряковой, А. П. Остроумовой-Лебедевой.

В 2007 году в залах Российской академии художеств, что на Пречистенке, все это и экспонировалось вместе с другими рисунками и акварелями русских художников XIX — первой половины XX века. Эта выставка, организованная департаментом культуры Вологодской области и хлопотами В. В. Воропанова, директора галереи, произвела сильное впечатление на московских художников. Многие тогда изумили увиденные впервые хлесткие рисунки А. Дейнеки и К. Рудакова, полные сурового и сосредоточенного напряжения портреты военных 1942-1943 годов работы И. Машкова, художника, бывшего в мирные годы живописцем-гедонистом. Как можно забыть трогательную акварель князя Г. Гагарина, изображающую двух генуэзцев в национальных костюмах, или лубки эпохи войны 1812 года! Выставка была укомплектована очень добро-совестно, без какой-либо снобистской селекции, то есть Максимилиан Волошин, например, соседствовал с Иваном Шишкиным, а Елизавета Бём или Владимир Маковский с Кузьмой Петровым-Водкиным.

При ретроспективном взгляде на историю Вологодской галереи нельзя не воздать хвалу С. Г. Ивенскому, страстному энтузиасту графики и ксилографии особенно. Он возглавил галерею в 1953 году. Семен Георгиевич увлекался, между прочим, и книжным знаком. Он ухитрялся вести переписку с зарубежными коллекционерами и познакомил вологодских художников со многими граверами Бельгии, Италии, Германии и Польши. Особенно он любил и пропагандировал Жерара Годуэна (Годана) и Транквило Марангони.

В изданной им книге воспоминаний «Записки созерцателя» есть удивительный эпизод, где автор показывает ксилографии Марангони простому плотнику Николаю Бурмагину, а тот, осмотрев гравюры, реагирует весьма оригинально и, пожалуй, хвастливо. Он заявляет: «Ну что же, и я так могу». Вот, оказывается, как родился знаменитый вологодский ксилограф! И появился замечательный тандем художников-супругов исключительно благодаря заботливому культуртрегерству С. Г. Ивенского. Многие повествования в этой книге, острые и даже язвительные, но всегда очень выразительные, дышат какой-то обидой на недостаточное общественное внимание к просветительской деятельности автора. Как бы там ни было, а действительно С. Г. Ивенского всегда окружали вологодские ксилографы. И их в Вологде было сравнительно больше, чем, например, в Ленинграде.

Пожалуй, самый яркий и плодотворный период существования Вологодской областной картинной галереи приходится на время директорства Владимира Валентиновича Воропанова, заслуженного работника культуры России, лауреата Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству. Проработав несколько лет в галерее, он стал ее директором в 1981 году. Он издает замечательный информационно-искусствоведческий журнал «Хронограф», в котором поражает широкий информационный охват художественной жизни не только Вологды, но и России. В разделе «Хроника» с интересом читается подробнейший перечень докладов о художниках и обзоров коллекций графики. Журнал богато иллюстрирован. Качество печати, черно-белой и цветной, превосходное. Кто хоть один раз подготовил к печати какое-нибудь издание, знает, сколько возни и хлопот доставляет этот труд, а «Хронограф» — периодическое издание. Единственный недостаток журнала — малый тираж.

С 2004 года в Вологде стали регулярно проходить всероссийские конгрессы экслибриса и малой графики. Первые же два конгресса направили в отдел графики галереи мощный поток новых поступлений. Работники всех галерей не особенно любят прием новых поступлений, ведь каждый эстамп нужно зарегистрировать и описать все подписи и даже заломы. Это очень кропотливая работа. А В. В. Воропанов с радостью говорит: «Организационные и финансовые затраты на проведение конгресса оправдали себя сторицей, ведь в фонд поступило огромное количество эстампов». Другое свидетельство любовной и кропотливой работы — издание подробнейших, точнейших каталогов к каждому конгрессу.

Каждый конгресс сопровождался большой выставкой экслибрисов, присланных со всех концов страны и бывших республик СССР. Присылали порой до трех тысяч работ, а выставочное пространство вмещало свыше тысячи хорошо оформленных гравюр. Следует обратить внимание на выставочную политику — она всегда отличалась большим демократизмом.

Не было никакой тенденциозности и селекции, поэтому всегда присутствовало некоторое количество совершенно авторских работ. И это хорошо. В работах любителей сохраняется абсолютная искренность, недоступная часто высоким профессионалам. Соседство разных работ делало экспозиции книжных знаков очень интересными, а сопоставление преимуществ профессиональных произведений и особенностей трогательных работ любителей прямо-таки захватывало. Выставки экслибрисов часто сопровождалась специальными выставками-спутниками. То были персональные показы отдельных художников или тематические экспозиции собраний коллекционеров. Таким образом, поток экслибрисов турбулентно захватывал с собой и некоторое количество станковой графики, поступающей в фонд музея.

Вся эта гигантская, неподъемная работа постепенно привела к тому, что FISAE избрала Вологду местом проведения 36-го Всемирного экслибрисного конгресса. И он состоялся в 2016 году, также благодаря дипломатическому искусству Сергея Федоровича Птухина, проводившего на предыдущих конгрессах FISAE большую работу по пропаганде русского экслибриса. И он был избран президентом 36-го Международного конгресса. Это была большая победа, достаточно сказать, что приветствие прислал министр культуры РФ В. Р. Мединский. Приветственное слово на открытии держал губернатор Вологодской области О. А. Кушинников. Глава города Вологды Е. Б. Шулепов открывал конгресс. Президента FISAE и 36-го конгресса экслибриса С. Ф. Птухина украсили золотой цепью. Состоялось несколько превосходных концертов фольклорной музыки. Вопреки ожиданиям прибыло много гостей не только из Китая, но и из стран Европы и Америки. И все это заслуга работников Вологодской областной картинной галереи и ее директора Владимира Валентиновича Воропанова.

Москва, 10 июля 2019

Наталья САУТИНА, искусствовед

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Моя жизнь богата на встречи с интересными людьми. Благодаря этому все чаще задумываюсь в последнее время о «роли личности в истории» (как формулировали в мои юные годы советские историки). Тогда главенствовала мысль, что историческое развитие обуславливается прежде всего объективными законами развития общества, а различные яркие личности порождаются по требованию этих законов в нужный исторический момент — для осуществления объективных событий. Не буду опровергать столпов исторической науки, но на уровне моего обывательского горизонта стала я замечать, что окружающая жизнь во многом определяется деятельностью конкретных выдающихся личностей, а не безликим «историческим процессом». Просто, можно сказать, жизнь этими личностями формируется, и не только их собственная, но и окружающих людей и окружающего пространства.

Вот появился в свое время в Вологде, например, Семен Георгиевич Ивенский, и началась экслибрисная Вологда третьей четверти XX века. А могло бы и не быть этого всплеска. А потом появляется Владимир Валентинович Воропанов со «скромной» мечтой сделать Вологодскую картинную галерею лучшей в стране — и жизнь галереи, а потом и всего городского культурного пространства начинает ощутимо меняться. Вокруг галереи формируются различные клубы «по интересам», вокруг нее объединяются коллекционеры, любители искусства и кино, историки. И в апофеозе этих изменений, как результат мощного экслибрисного движения XX века, «вдруг», уже на фоне вроде бы умирания и ненужности культуры в целом и экслибриса в частности, в 2004 году в Вологде проводится Первый Всероссийский конгресс экслибриса.

Могли бы объективные законы развития общества вызвать из небытия это событие, если бы его тщательно не готовил, не раскрыл все шестеренки этого процесса, не завел бы многочисленные связи, не подталкивал, не уговаривал, не соблазнял, в конце концов, не вдохновлял и не заставлял работать

всех и каждого в отдельности один конкретный человек? Было бы что-нибудь на месте этого события без В. В. Воропанова? Нет, нет и нет. Вся эта явная и неявная деятельность, согласования, уговоры, пинки в спину и слова поддержки, все эти планы и ежедневный контроль их выполнения, все эти найденные исполнители, вдохновленные соратники, уговоренные противники — все это Воропанов, Воропанов и Воропанов. Не сложилась бы эта история без методичного труда одной конкретной личности.

Однако двинемся дальше по ленте воспоминаний. Вот выложились на двести процентов, провели с небывалым успехом Первый Всероссийский конгресс экслибриса, и дальше что? А дальше могло больше ничего и не быть. Одна ласточка весны не делает. Полно случаев, когда сил хватает только на одно яркое событие. В Вологде у Воропанова все было иначе. Произошло много тяжелых событий, но все же нашлись силы, организовали Второй Всероссийский конгресс экслибриса в 2007 году. Точнее, Воропанов собрал Второй конгресс. Провели, пообщались, разъехались. Мысли такие витали в воздухе, что и два события тоже погоды не делают. Но огромнейшим напряжением воли и сил, которые вряд ли сторонний человек может представить и оценить, в 2011 году в Вологде был организован уже Третий Всероссийский конгресс экслибриса. А третий состоявшийся конгресс — это уже, друзья мои, серьезная заявка на то, что вырисовывается сформированная традиция. После этого последующие конгрессы начинают уже ждать как привычные, само собой разумеющиеся события. Как будто они сами себя организуют. И ожидания экслибрисного сообщества сбываются, проходит Четвертый Всероссийский конгресс экслибриса в 2013 году, Пятый — в 2015-м.

В это время уже было известно, что Вологда примет в 2016 году Всемирный конгресс экслибриса. Многие сомневались — хватит ли сил накануне, в 2015 году, провести еще и Пятый Всероссийский? Хватило. Затем с вологодским размахом был организован в 2016 году Всемирный конгресс экслибриса, с размахом, какого еще не было до этого на всемирных конгрессах — тут и огромное количество участников, и небывалое число сопутствующих выставок (небывалое — для всемирного конгресса, на наших всероссийских оно всегда так и было!), и культурная программа — все было выдающимся не только по нашим, может быть, предвзятым оценкам, но и по мнению зарубежных гостей. Ну, казалось бы, конец, продолжение работы в том же темпе неподъемно уже силам человеческим. Снова многие сомневались, что будет выдержан двухгодичный интервал между всероссийскими конгрессами и в следующем, 2017 году будут силы на проведение Шестого Всероссийского конгресса экслибриса. Не знаю, каким чудом, но силы нашлись. И планка несколько не была понижена. Тысяча участников, множество специальных выставок, наиплотнейшая программа. Все как всегда. И снова Владимир Валентинович всех встречает, всех привечает, одному что-то сказал потихоньку, другого за ручку подержал, третьего к кому-то подвел, познакомил...

Только теперь, через призму времени, начинаешь осознавать, какая громада вроде бы незаметно была поднята директором Вологодской картинной галереи В. В. Воропановым, какая мощная традиция родилась прямо на наших глазах, более того, нам даже посчастливилось стать ее частью. Вот вам и роль личности в истории. Такие личности, как Владимир Валентинович, — это золотой фонд истории, ее катализаторы. Не история их порождает, они порождают историю. Теперь Вологде есть что предъявить истории экслибрисного движения XXI века. Вологодские конгрессы экслибриса — одна из ярчайших страниц этой истории, и хочется надеяться, что она еще не закрыта. Никакие объективные процессы не могли бы вызвать из небытия такое осуществленное громадьё планов. Какие там объективные законы истории! Нет, конечно. Все это произошло потому, что Владимир Валентинович, как инициатор всех этих событий, собрав вокруг себя столько замечательных людей, был неизменным вдохновителем всего процесса работы. Хотя, подозреваю, кто-то и попискивал недовольно от его энтузиазма, но такие масштабные дела иначе и не делаются — приходится действовать где лаской, а где и таской, без этого нашего брата не всегда и с места подвинешь. Тем не менее даже те, кто, быть может, и ворчал под железной пятой мягкого управления Владимира Валентиновича, теперь-то, по прошествии времени, могут гордиться, что они стали участниками такого великого процесса — проведения всероссийских конгрессов экслибриса. Это уникальное мероприятие отечественной культуры. Равного ему в новейшей истории экслибриса просто нет.

Я вспоминаю, как мы с супругом, художником Николаем Анатольевичем Саутиным, приехали в 2004 году на Первый Всероссийский конгресс экслибриса. Точнее, нет, начать надо бы еще с того, как мы на нем оказались. За плечами у нас был развал девяностых годов, поставивших под сомнение необходимость существования искусства вообще и изобразительного в частности. К этому прибавилась личная трагедия — Николай в 2000 году потерял родителей. Заниматься творчеством стало негде, так как его

мастерская пропала вместе с родительским домом, и, казалось, незачем и не для кого. И тут раздается звонок из Вологды — Владимир Валентинович Воропанов приглашает на Первый Всероссийский конгресс экслибриса. А Николай, автор уже не одной сотни экслибрисов, к тому времени совсем забросил это дело. Новый век, новые вызовы времени, новые люди в искусстве, все связи потеряны. Все остановилось. Экслибрис, казалось, безвозвратно умер в XX веке. Но в Вологду поехать все-таки было интересно.

Лет десять назад В. В. Воропанов устраивал в Вологде большую персональную выставку Н. А. Саутина. Дружба между ними была уже давняя. Поехали. Я думаю, все участники Первого конгресса, а было их немало, атмосферу этого небывалого душевного подъема, братания единомышленников, горящие глаза друг друга, выставки, встречи со зрителями не забудут до конца своих дней. Именно в такой атмосфере оживает и напитывается новыми планами душа творческого человека. Тогда мне и довелось познакомиться с В. В. Воропановым. Каждого художника он встречал как самого дорогого гостя. Для всех у него находились нужные слова, сказанные удивительно вовремя и к месту. Например, Николаю он как-то вскользь заметил, что «на этот конгресс мы достали как бы ретроспективу твоих работ, из ранее сделанных, а вот на следующий надо бы уже новые...» Это так, вроде бы между делом было сказано, а человек, который совсем задвинул экслибрисную историю в своем творчестве на полку воспоминаний, начал снова точить стихели. И без преувеличения могу сказать, что если бы не В. В. Воропанов, то и экслибрисов Н. А. Саутина в XXI веке могло не быть.

Ничто так не заставляет художника работать, как заинтересованное внимание к его творчеству. А именно этого у Владимира Валентиновича не отнять — он умеет проявлять это самое заинтересованное внимание. Его фраза «Мы любим живых художников» врезалась мне в память навсегда. Ведь верно, с ушедшими забронзовевшими все просто — вот работы, тасуй их, выставляй, изучай. А с живыми? Художники — народ и капризный, и рефлексирующий постоянно, и чересчур самолюбивый, и обидчивый. И работать с ними, выставлять их гораздо сложнее, чем тех, кто уже не предъявляет никаких претензий ни по развеске, ни по оформлению работ, ни по их отбору, ни по этикетажу и чей статус уже надежно определен. А «живых» надо и уговорить, и капризы их перетерпеть, и похвалить, и подстроиться к ним и по времени, и по месту, и много еще чего. Владимир Валентинович это все знает. А со стороны эта работа в принципе не видна. Но зато, находясь в самой гуще прямо сейчас происходящего творческого процесса, какое вдохновение должен испытывать сам его вдохновитель! Причем вдохновитель, всегда готовый отдать свои лавры, потому что господа художники ох как не любят славой делиться и редко признаются, что их побуждает на творческие подвиги что-то еще, кроме их огромнейшего таланта.

Так вот. После Первого Всероссийского конгресса экслибриса у Николая Саутина заново пошло экслибрисное творчество, и он от конгресса к конгрессу все делал с прицелом, что это надо будет показать у Воропанова. Думаю, не он один. Сколько художников имели в виду эту площадку для встречи со зрителем — исчисляется за годы проведения конгрессов уже сотнями, наверное. И за это низкий Владимиру Валентиновичу поклон на все времена.

Когда-то давно, когда я еще только собиралась поступать на искусствоведческий факультет, довелось мне беседовать с одним известным искусствоведом. И его слова помню до сих пор. Он говорил о том, что в искусствоведении можно многим заниматься — например, чистой наукой, изучением памятников искусства в тиши музеев и библиотек, а можно и направить свои усилия в сторону научно-просветительской деятельности. И тут, на своем, видно, опыте основываясь, он предостерег меня, что если выбрать культуртрегерский путь в искусствознании, то после многолетних усилий в этом направлении можно и не встретить никакой ответной реакции «от народа». И тогда покажется, что все усилия прошли впустую, жизнь прожита зря. Так вот, возвращаясь к нашей экслибрисной истории. Напрашивается вопрос: в результате всего этого экслибрисного урагана чего добились-то в итоге? Народ безмолвствует? Ан нет. Пару лет назад случилось мне быть свидетелем эпизода, который для меня раз и навсегда подтвердил, что все усилия не были напрасны. В 2018 году приехала я в Вологду, против обыкновения, не на конгресс экслибриса, а на фестиваль «Город ремесел». За плечами шесть всероссийских конгрессов экслибриса и один всемирный, все — в Вологде. И, бродя по ярмарке ремесел, увидела столик, на котором были разложены не изделия народного прикладного творчества, а небольшие офорты. Молодой художник из, кажется, Ростова Великого привез продавать свои гравюры. Гравюры не были экслибрисами, но формат их был такой же небольшой. Естественно, я остановилась посмотреть, разговорились. Другие посетители ярмарки тоже подходили, смотрели. И тут я услышала фразу, которую вряд ли могла бы услышать из уст, что называется, простых

людей, не связанных особо с изобразительным искусством и просто проходящих мимо, где-то в другом городе. Какие-то люди, взглянув мельком через плечо тех, кто у столика с гравюрками толпился, и увидев малоформатную печатную графику, бросили как о чем-то само собой разумеющемся, хорошо известном и привычном: «А... экслибрисы...» — и пошли себе дальше глазеть по сторонам. Честно говоря, сердце мое радостно екнуло. Повторюсь, думаю, нигде я не услышала бы такую фразу в такой обстановке, кроме экслибрисной столицы России — Вологды. И я считаю, что все титанические усилия Владимира Валентиновича Воропанова, все эти «никому не нужные» конгрессы «никому не нужного» экслибриса даром не прошли. Экслибрис стал частью жизни и «простых» вологжан тоже, и это, мне кажется, главная награда всей просветительской деятельности В. В. Воропанова по пропаганде экслибриса на посту как директора Вологодской картинной галереи, так и исполнительного директора всех всероссийских конгрессов экслибриса. То, что остается в умах и сердцах человеческих, — то остается уже навсегда.

А сколько за это время им было написано статей! И как написано! Как человек, бесконечно мучающийся над словом и мучающий слово, я смотрю на печатные труды В. В. Воропанова как на недостижимый идеал. Все-таки слово — это главный инструмент пишущего искусствоведа, и умение в статье, к примеру, о выставке найти единственно правильные слова для каждого художника, выделить основные тенденции и направления, подобрать сочные, образные метафоры — такое умение в современном искусствоведении встречается редко. В. В. Воропанов в этом настоящий виртуоз. Его статьи написаны изысканно чистым, богатым на точные сравнения, красивым языком. В них каждое слово, как инструмент в оркестре, вовремя вносит необходимую краску в общую мелодию. И главный критерий мастерства — кажется, что написаны они легко, свободно, на одном дыхании. Статьи сопровождают каталоги всероссийских выставок экслибриса на конгрессах экслибриса, каталоги специальных выставок, другие труды. Вообще, каждый каталог на экслибрисном конгрессе — это уже событие в искусствоведении. Сделанные на высоком профессиональном уровне, выверенные и в искусствоведческой части, и в плане полиграфического оформления, и в части иллюстраций — они стали настольными книгами у всех занимающихся историей современного отечественного экслибриса.

Что хотелось бы пожелать Владимиру Валентиновичу и нам всем? Я мечтаю о том, что история вологодских конгрессов экслибриса продолжится. Мы все, их участники, мечтаем об этом, ждем этого и готовы помогать в этом. И конечно, мы хотим, чтобы Владимир Валентинович оставался частью этой живой истории, чтобы он участвовал в них, потому что без его волшебной энергии это дело забуксует на месте. И еще хотелось бы прочитать историю конгрессов, написанную их вдохновителем и организатором. И хотя с моей стороны небывалая наглость желать такой объем работы человеку, который уже имеет полное право, ничего не делая, возлечь на лаврах, все же очень хочется верить и надеяться, что Владимир Валентинович и эту вершину одолеет, как он все преодолевал в своей жизни, — вроде бы незаметно, вроде бы без явных усилий, но там подтолкнет, здесь заставит, здесь приложит усилия — и все снова завертится. А, Владимир Валентинович?

Санкт-Петербург, июль 2019 года

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

С Вологодой у меня связано очень многое, в окружении замечательных людей с теплотой вспоминаю этот прекрасный старинный город. Мы все — художники, коллекционеры, любители графики — имели возможность участвовать в уникальных встречах — всероссийских конгрессах экслибриса. Они осуществлялись благодаря подвижническому труду директора Вологодской областной картинной галереи ВОКГ Владимира Валентиновича Воропанова, Сергея Федоровича Птухина, сотрудников ВОКГ. Первый Всероссийский конгресс состоялся в 2004 году, уже 15 лет назад. Я принимал в нем участие вместе с мамой. Вспоминается, что уже на перроне Ладожского вокзала и в вагонах участники конгресса встречались и приветствовали друг друга. Мероприятия конгресса проходили в стенах Центрального выставочного зала галереи на Кремлевской площади и в Музейно-творческом центре народного художника России Владимира Николаевича Корбакова.

Владимир Валентинович встречал всех лично; помню, когда мы с мамой приехали, он сбежал по лестнице со второго этажа в холл и приветствовал нас так тепло, как будто давно знал, с таким тактом, любезностью и уважением, что я почувствовал себя не начинающим художником, а солидным мастером. Сложно выразить словами, насколько значимой оказалась тогда его поддержка. Она придала мне уверенности в своих творческих силах.

У Владимира Валентиновича Воропанова была замечательная команда единомышленников. Им удавалось создать атмосферу благожелательности и дружелюбия. Все мы, участники конгресса, ощущали тепло и гостеприимство радушного музейного дома. С тех пор встречи в Вологде стали доброй традицией. Каждый конгресс имел насыщенную выставочную программу. Это давало возможность вологжанам и нам познакомиться с работами мастеров книжного знака со всех концов нашей Родины, стран ближнего и дальнего зарубежья. Признаюсь, никогда более не видел столь масштабных выставок книжного знака. Их организация требует колоссальных усилий, это сложный и кропотливый труд.

Всероссийские конгрессы экслибриса в Вологде собирали большое количество участников; помню, уже на первом конгрессе завязались знакомства, некоторые впоследствии переросли в дружбу. Тогда я познакомился с Сергеем Федоровичем Птухиным, человеком, благодаря энергии и самоотверженной работе которого осуществлялись многие вологодские начинания. Прекрасное чувство юмора и доброжелательность создавали вокруг него дружелюбную обстановку. Запомнилось, как Сергей Федорович проводил экскурсию в Ферапонтов монастырь. Впоследствии в рамках конгрессов мне еще несколько раз удалось побывать там, и всегда величие фресок Дионисия производило на меня неизгладимое впечатление. Запомнилось застолье после экскурсии под стенами монастыря, на высоком берегу Бородаевского озера. Суровая ветреная погода, шум ветвей вековых сосен, волнение на воде. Так и запомнилось — северный день, белая скатерть и люди, поднимающие тосты за дружбу, искусство графики и экслибрис. Иных из них уже нет...

Тогда я познакомился с Виталием Марковичем Бакуменко, светлым, замечательным человеком. Он по-отечески отнесся к моим работам, предложил сделать публикацию. Благородный, высокий, седобородый человек. Настоящий богатырь. С Николаем Ивановичем Домашенко я познакомился двумя годами ранее на выставочке в Петербурге, но именно в Вологде мы подружилось. Николай Иванович — интересный художник, добрый и внимательный человек. Он по-сибирски немногословен, его суждения всегда весомы и делаются по существу. Впоследствии я вошел в художественную группу «Тихие», чьим лидером является Домашенко. Среди участников первого конгресса был и Владимир Гурьевич Беликов, знаменитый коллекционер; впоследствии мне довелось слышать благодарные отзывы о нем от сотрудников музеев в самых разных городах России. Дело в том, что, собирая произведения, выполненные в техниках печатной графики,

Владимир Гурьевич организовал сотни тематических выставок. И для каждого вологодского конгресса он готовил интересную, познавательную экспозицию. Тогда же состоялось мое знакомство с Соломоном Семеновичем Трессером. Мы подружились и впоследствии неоднократно встречались в Петербурге: Соломон Семенович приглашал на свои творческие вечера. Он остается для меня примером благородного, мудрого человека. Постоянными участниками конгрессов были Михаил Михайлович Верхоланцев и его супруга Ольга Николаевна Мишина. Михаил Михайлович — знаменитый художник, виртуоз ксилографии.

Программы конгрессов включали в себя большое количество интересных событий — доклады, открытия выставок, конференции, дружеские чаепития: мы все время находились в диалоге. Владимир Валентинович был душой всех мероприятий. Его деликатность, чуткость и такт создавали непринужденную обстановку гостеприимного дома. В Вологде хотелось быть, вологодских конгрессов ждали.

На протяжении всех лет Владимир Валентинович с интересом и участием относился к моим работам. Еще в 2004 году он предложил мне сделать выставку в стенах Вологодской областной картинной галереи. В 2013 году она состоялась. Самое активное участие в ее организации принял Сергей Федорович Птухин. Ни до, ни после у меня не было такого теплого, душевного и одновременно торжественного вернисажа. В нем участвовал и Николай Иванович Домашенко. Запомнилось прекрасное выступление хора, а завершился вечер посещением Камерного драматического театра. В те дни благодаря Владимиру Валентиновичу и сотрудникам ВОКГ я был окружен таким дружеским вниманием и заботой, как в немногие моменты моей жизни.

Конгрессы экслибриса в Вологде объединили многих людей искусства. Впоследствии я познакомился здесь с прекрасными художниками — Леонидом Николаевичем Щетневым из Вологды, Григорием Николаевичем Босенко из Кишинева, Евгением Александровичем Бортниковым из Нижнего Тагила, Юрием и Валентиной Молибоженко из Новороссийска, Ольгой Крупенковой и ее супругом Юрием из Минска, коллегами из Санкт-Петербурга Ниной Ивановной Казимовой, Виктором Владимировичем Кобзевым, Павлом Пичугиным, Николаем Анатольевичем Саутиным и его замечательной женой Наталией Саутиной. Наталия Ивановна — поэт, ее точные, острые и всегда добрые стихи-посвящения художникам стали украшением конгрессов. Она же автор замечательных докладов по истории экслибриса. Здесь же, в Вологде, Сергей Федорович Птухин познакомил меня с Аркадием Григорьевичем Елфимовым. Это знакомство имело важное значение. Аркадий Григорьевич возглавляет благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». По его приглашению я побывал в этом удивительном городе, представив на суд тоболяков свои работы.

Вологжане в непростой борьбе завоевали право проведения 36-го Всемирного конгресса экслибриса FISAE в 2016 году и с честью провели это ответственное международное мероприятие. От многих коллекционеров и художников я слышал, что организация вологодского конгресса FISAE стала эталонной. По моему мнению, это был лучший конгресс из всех, в которых я принимал участие.

Трудно переоценить значение всероссийских конгрессов экслибриса в Вологде. Вся эта масштабная деятельность смогла осуществиться благодаря Владимиру Валентиновичу Воропанову, его подвижническому служению искусству, стремлению поддержать и дать импульс развитию художественной и исследовательской среде, его любви к книжному знаку. Низкий Вам поклон, Владимир Валентинович, низкий поклон сотрудникам ВОКГ, низкий поклон Вологодской земле.

Санкт-Петербург, июль 2019 года

Основные сведения о жизни и творчестве В. В. Воропанова

2 сентября 1954 года — родился в городе Тотьма Вологодской области.

С 1954 года — постоянно жил и работал в Вологде.

1971-1976 — учился на кафедре истории искусства Ленинградского государственного университета.

1976-2021 — работал в Вологодской областной картинной галерее, директор (1981-2018), научный сотрудник отдела фондов (2018-2021).

1981-1991 — член и председатель Вологодского городского клуба любителей книжного знака «Экслибрис».

С 1990 года — член Союза художников РСФСР.

С 1997 года — заслуженный работник культуры РФ.

В 1998 году — лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству.

1996-2018 — исполнительный директор благотворительного фонда народного художника

В. Н. Корбакова

1998-2008 — председатель Вологодского городского Клуба коллекционеров.

2009-2018 — председатель Вологодского городского Клуба любителей искусства.

2000-2011 — главный редактор информационно-искусствоведческого журнала ВОКГ «Хронограф».

2003-2007 — член Совета Российской ассоциации экслибрисистов.

В 2005 году — награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

С 2005 года — член Общества российских библиофилов.

2008-2020 — член-учредитель, председатель Совета НП «Общенациональное общество любителей экслибриса и графики» (НОЛЭ).

С 2014 года — почетный гражданин города Вологды.

В 2016 году — награжден почетной грамотой FISAE имени Удо Иваска.

5 февраля 2021 года — умер в Вологде.

Сведения о библиотеке

В библиотеке около 1500 книг (500 книг в 2019 году передано в Научную библиотеку ВОКГ): русские и зарубежные справочно-библиографические издания по изобразительному искусству, литература по истории и искусству графики и экслибриса, книги по художественному краеведению Русского Севера, мемуаристика, документы и эпистолярное наследие деятелей русской культуры.

Сопутствующие коллекции

В коллекции произведения современной русской живописи и станковой графики около 100 произведений (40 работ в 2018 году передано в Научную библиотеку ВОКГ), более 10000 русских и зарубежных экслибрисов и гравюр малых форм.

Библиография

Занимался изучением современного российского изобразительного искусства, в том числе отечественной графики и экслибриса XX — начала XXI века. Автор многочисленных публикаций по проблемам, видам и жанрам, персоналиям современного искусства, музейного дела, научного просветительства, коллекционирования книжного знака и графики малых форм (статьи в журналах «Искусство», «Художник», «Хронограф» (Вологда); в межмузейных научных сборниках: альбомы, каталоги и буклеты выставок ВОКГ, Союза художников России, РАЭ и НОЛЭ, галерей «Ковчег» и «Галеев Галерея» (Москва).

Основные публикации

1. Книжные знаки вологодских художников: каталог (сост. и авт.). Вологда: Обл. типография, 1985.
2. Генриетта Николаевна, Николай Васильевич Бурмагины: каталог (с соавт.). Вологда: Обл. типография, 1985.
3. Владимир Корбаков. Мои современники: каталог (с соавт.). Вологда: Обл. типография, 1988.
4. Анатолий Терентьевич Наговицын: каталог (сост. и авт.). Вологда: Обл. типография, 1988.
5. Вологодская областная картинная галерея: альбом (с соавт.). Л.: Художник РСФСР, 1989.
6. Искусство земли Вологодской XIII-XX веков: каталог (с соавт.). М.: Советский художник, 1990.
7. Владимир Корбаков. Избранное: альбом (сост. и авт.). Вологда: Арника, 1997.

8. Владислав Сергеев: альбом, каталог (с соавт.). Вологда: Арника, 1998.
9. Александр Шебунин: альбом, каталог (с соавт.). Вологда: Арника, 1998.
10. Девятая региональная художественная выставка «Российский Север»: каталог (с соавт.). Вологда, 2004.
11. III Всероссийская художественная выставка пейзажной живописи «Образ Родины»: каталог (с соавт.). Вологда, 2006.
12. Художники Вологодской области. XX век: альманах (с соавт.). Вологда, 2007.
13. Всероссийская художественная выставка «Современное народное искусство России. Традиции и современность» (с соавт.). Вологда, 2008.
14. Художники Вологодской области XX — начала XXI века: биобиблиографический словарь (с соавт.). Вологда, 2011.
15. Юрий Петрович Великанов. Живопись, рисунок, гравюра: каталог произведений: (с соавт.). М., 2011.
- 16-20. Каталоги Всероссийских конгрессов экслибриса: 5 каталогов (совм. с С. Ф. Птухиным). Вологда, 2005, 2011, 2013, 2015, 2017.
21. Всемирная выставка экслибриса. 2014-2016: каталог каталогов (совм. с С. Ф. Птухиным). Вологда, 2016.

Выставки

Автор-организатор многочисленных международных, всероссийских, межрегиональных, областных, тематических, групповых, персональных выставок современного и классического отечественного изобразительного искусства в Вологде и Вологодской области, Москве и Санкт-Петербурге, Ярославле, Туле, Сыктывкаре, Плесе, Великом Новгороде (совместно с ВОКГ, Союзом художников России, Российской академией художеств, художественными музеями, государственными и частными галереями в городах России, общественными некоммерческими организациями) — (1979-2017).

Список сокращений

- АХ — Академия художеств
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
БДТ — Большой драматический театр
ВГПУ — Вологодский государственный педагогический университет
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВоГУ — Вологодский государственный университет
ВОб — Вологодская областная библиотека
ВОВ — Великая Отечественная война
ВОКГ — Вологодская областная картинная галерея
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
ВОСХ — Вологодское отделение Союза художников
ВРЗ — Вологодский ремонтный завод
ВХНРЦ — Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГДР — Германская демократическая республика
ГМИИ им. А. С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств
ГПЗ — Государственный подшипниковый завод
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЦНХРМ — Государственные центральные научно-художественные реставрационные мастерские
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ГЭС — Гидроэлектростанция
ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии авиации флоту
ДПИ — декоративно-прикладное искусство
ДХШ — Детская художественная школа
ДК — Дом Корбакова
ИЗОГИЗ — Государственное издательство изобразительного искусства
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛИЖСА — Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры
МГУ — Московский государственный университет
МК — Министерство культуры
МОСХ — Московская организация Союза художников
НБАХ — Научная библиотека академии художеств
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ — Объединенное главное политическое управление
ОНМЦК — Областной научно-методический центр культуры
РАХ — Российская академия художеств
РОСИЗО — Государственный музейно-выставочный центр (РОСИЗО)
РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика
СЖД — Северная железная дорога
СКЛИИ — Северный кружок любителей изящных искусств
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СССР — Союз советских социалистических республик
СХ — Союз художников
ТЮЗ — театр юного зрителя
FISAE — Международная федерация экслибрисных обществ
ХФ — Художественный фонд
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦДНР — Центральный дом народных ремесел
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦМШ — Центральная музыкальная школа

Информационное издание

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ
ВОРОПАНОВ**

Составитель Балашова И. Б.
Корректор Токаревских В. Я.

*Вологодская областная картинная галерея
выражает благодарность
издательству «Арника»
и лично Федору Александровичу Суханову
за подготовку к печати и издание книги.*

На обложке: В. Н. Корбаков. Портрет В. В. Воропанова. 2002. Холст, масло.

Издательство «Арника»
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 32, тел (8172) 72-11-18
www.arnika35.ru

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тираж 500 экз.

В. В. Воропанов в своем рабочем кабинете в Центральном выставочном зале (Воскресенский собор). 2003.

Семейство прапрадедушки В. В. Воропанова — Ивана Ивановича и Анны Михайловны Воропановых с детьми и их семьями. 1905.

Перед отправкой на фронт.
А. Н. Воропанов
(дед В. В. Воропанова). 1914.

Перед отправкой на фронт
В. А. Воропанов
(отец В. В. Воропанова). 1941.

Семья Воропановых. Слева направо: верхний ряд — Александр Николаевич Воропанов (дед), Ирина Александровна Воропанова (тетя), Муза Васильевна Воропанова (мать), Валентин Александрович Воропанов (отец), нижний ряд — Анфия Васильевна Прыгова (бабушка), Володя Воропанов, Володя Воропанов (двоюродный брат), Татьяна Воропанова (сестра), Варвара Александровна Воропанова (бабушка). 1955.

Володя Воропанов. 10 лет.
Сентябрь 1960.

Володя Воропанов —
комсомолец. 1960-е.

Володя Воропанов
в университете. Ленинград. 1973.

В. В. Воропанов — военнослужащий.
Вологда. 1977.

В. В. Воропанов за работой. Вологда. 1987.

В. В. Воропанов и А. В. Пантелеев в мастерской. 1976.

Открытие постоянной экспозиции в Шаламовском доме. 1988 г.

Коллектив ВОКГ в Центральном выставочном зале (Воскресенский собор). 1979.

В. В. Воропанов в Доме Самарина. 1990-е.

В. В. Воропанов. Вермонт. США. 1992.

В. В. Воропанов у Воскресенского собора. 1990-е.

Фонд В. Н. Корбакова. 1996.

В. В. Воропанов и В. Н. Корбаков в мастерской. 1990-е.

Встреча в МТЦ «Дом
Корбакова». 2003.

В. В. Воропанов и В. Н. Корбаков на открытии
последней выставки В. Н. Корбакова «Натюрморты».
2013.

Открытие выставки «Российский
Север» в Вологде. 2003.

Открытие выставки «Образ Родины — 3» в Центральном выставочном зале (Воскресенский собор). 2006.

З. К. Церетели, В. В. Воропанов, И. А. Поздняков у Воскресенского собора. 2005.

Президиум Российской Академии художеств в Вологде в МТЦ «Дом Корбакова». 2005.

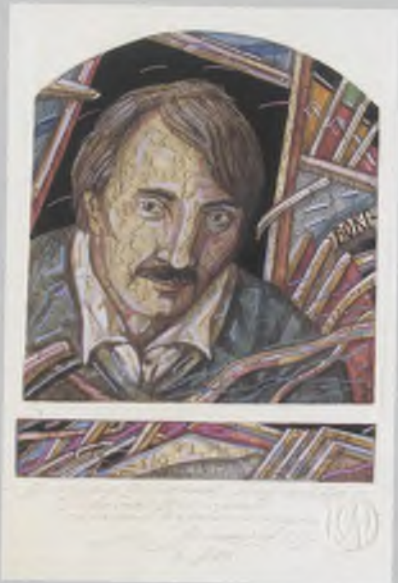
Создатели
программы
«Антология мировой
художественной
культуры. Поэзия.
Музыка. Живопись»
в Шаламовском
доме. 2002.

С участниками Третьего Всероссийского конгресса
экслибриса у МТЦ «Дом Корбакова». 2013.

А. Т. Наговицын.
Портрет В. В. Воропанова.
1990-е. Бумага, карандаш.

Ю. К. Люкшин. Владимир
Воропанов — искусствовед.
2003. Бумага, офорт,
акватинта, акварель.

М. В. Копьев. В. В. Воропанов.
Дружеский шарж. 1989.
Бумага, карандаш.

Н. И. Казимова. Экслибрис
«Из книг В. В. Воропанова».
2004. Бумага, офорт,
акватинта.

А. Т. Наговицын.
Экслибрис В. В. Воропанова.
1988. Бумага, офорт.

Н. А. Саутин. Экслибрис
«Из книг В. В. Воропанова».
2013. Бумага, ксилография.

А. Т. Наговицын.
Экслибрис В. В. Воропанова.
1986. Бумага, цветная
ксилография.

Е. А. Лебедев.
Экслибрис В. В. Воропанова.
1994. Бумага, гравюра
на пластике.

Открытие выставки
Н.И. Мишусты
в Шаламовском
доме. 2003 г.

В. В. Воропанов
на обсуждении областной
выставки, посвященной
100-летию со дня рождения
А. Я. Яшина в Центральном
выставочном зале. 2013.

В. В. Воропанов на вечере в рамках программы
«Рубцовская осень» в МТЦ «Дом Корбакова». 2013 г.

В. В. Воропанов в постоянной экспозиции Шаламовского дома. 2002.

В. В. Воропанов — почетный гражданин города Вологды
у Центрального выставочного зала. 2014.

